ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

КРАШЕНИННИКОВА Любовь Сергеевна

ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ США И КНР В XXI ВЕКЕ

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
к.полит.н.
Кашин Василий Борисович

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ПОДХОДЫ США И КНР В СФЕРЕ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ 35

1.1. Военно-политические и стратегические приоритеты США и КНР в XXI веке 35
1.2. Концепции и понятийный аппарат в области ядерного сдерживания в отечественных и американских работах 42
1.3. Основы теоретического понимания ядерного сдерживания в китайских работах 54
1.4. Проблематика стратегической стабильности в американо-китайских отношениях 64

ГЛАВА II. ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ЯДЕРНЫХ АРСЕНАЛОВ США И КНР 78

2.1. Эволюция соотношения ядерных потенциалов США и КНР 78
2.2. Влияние политики США на восприятие ядерных угроз и ядерную стратегию КНР 90
2.3. Эволюция подходов руководства и экспертного сообщества США к ядерному потенциалу КНР 107
2.3.1. Нарастание интереса к ядерной проблематике КНР при администрации У.Клинтона *109*
2.3.2. Укоренение американских опасений из-за «китайской ядерной угрозы» при администрации Дж. Буша-мл. *116*
2.3.3. Отношение администрации Б. Обамы к ядерной программе КНР *126*
2.3.4. Американские взгляды на китайское ЯО при администрации Д. Трампа *136*
2.3.5. Китайская ядерная угроза в исследованиях экспертов США *138*

ГЛАВА III. ПОПЫТКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 149

3.1. Попытки американо-китайского диалога в ядерной сфере 149
3.1.1. Установление связей в научно-исследовательском сообществе в 1980–2000-х годах *149*
3.1.2. Попытки установления постоянных контактов по военной линии *151*
3.1.3. Роль полуофициальной дипломатии: основные форматы и эволюция приоритетных вопросов дискуссий *154*
3.2. Взаимодействие и подходы США и КНР в области нераспространения ЯО и космических вооружений 177
3.2.1. Участие США и КНР в режимах ограничения и нераспространения ракетно-ядерных вооружений *177*

3.2.2. Подходы сторон к предотвращению милитаризации космического пространства *185*

ГЛАВА IV. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛИЯНИЯ ЯДЕРНОГО ФАКТОРА В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С УЧЕТОМ НОВЫХ ПАРАМЕТРОВ **190**

4.1. Развитие американских вооружений в рамках концепции новой триады и реакция КНР 190

4.1.1. «Новая триада» в ядерной доктрине США *191*

4.1.2. Развитие американских систем противоракетной обороны после выхода из Договора по ПРО: реакция КНР *194*

4.1.3. Развитие потенциала ПРО КНР *201*

4.1.4. Противоспутниковые технологии США и КНР: действительный элемент контрсдерживания? *203*

4.1.5. Концепция быстрого глобального удара США и ее влияние на эффективность китайского ядерного сдерживания *206*

4.1.6. Технологии маневрирующих гиперзвуковых летательных аппаратов и ракетно-ядерный потенциал КНР *213*

4.2. Влияние кибербезопасности на ядерное сдерживание между США и КНР 219

4.3. Национальные программы оборонных НИОКР США и КНР и потенциал ядерного сдерживания 222

4.3.1. Третья стратегия компенсации США и реакция КНР *222*

4.3.2. Приоритеты китайских инновационных оборонных программ и развитие ракетно-ядерных технологий *229*

4.4. Проблематика применения ядерного оружия в ходе потенциальных конфликтов между США и КНР 234

4.4.1. Трансформация моделей потенциального конфликта с наращиванием китайских сил воспрещения доступа *236*

4.4.2. Опасность перехода конфликта в ядерную стадию из-за проблемы недостаточного понимания действий оппонента *250*

4.4.3. Проблематика «сдерживания в нескольких сферах» *257*

4.4.4. Основные зоны и сферы потенциальной ядерной эскалации *258*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **267**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ **272**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования ядерного фактора в отношениях между США и КНР определяется сочетанием двух тенденций. Первая – нарастание противостояния в отношениях между США и КНР, которое обозначилось с переносом военно-стратегических интересов Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанский регион в 2010-е годы и трансформацией внешнеполитических векторов Пекина. С 2010-х годов внешняя политика КНР становится более активной, Пекин стремится увеличивать свой вес в системе глобального управления и поддержания региональной безопасности. Вторая тенденция – это модернизация системы управления и военно-технической базы вооруженных сил КНР и признаки ускорения научно-технологического прогресса в развитии китайских систем ядерного сдерживания (средств доставки ядерного оружия, далее - ЯО) и контрсдерживания (средств, снижающих ценность потенциала ядерного сдерживания оппонента). В частности, это подтверждается обновлением технологических поколений средств в составе морского компонента китайской ядерной триады и постановкой на боевое дежурство сразу нескольких новых модификаций и типов баллистических ракет.

Сочетание данных факторов свидетельствует о появлении новой «диады» США и КНР как центров силы, в отношениях между которыми возрастает роль способности оказать ядерное давление в случае кризиса в отношениях, либо в ходе эскалации конфликта. При этом модель ядерного сдерживания между ними отличается от глубоко изученной системы ядерного сдерживания между США и СССР / Россией, так как не характеризуется сдерживанием на основе паритета, но подвергается динамичной трансформации из-за политики Китая, причем последний отказывается от официальных обсуждений данного вопроса. Иными словами, в модели дальнейшей трансформации ядерного сдерживания между США и КНР отсутствуют предсказуемость и структурированность.

Это оказывает влияние на существовавшую с середины XX века неформальную «систему» мирового ядерного баланса, где доминировали США и СССР / Россия, поскольку ядерный арсенал каждой из них многократно превосходил силы любой из остальных ядерных стран. Изменение глобального ядерного баланса может оказать влияние на систему стратегического диалога и простимулировать технологическое развитие средств доставки ядерного оружия и средств контрсдерживания.

Объектом исследования выступают американо-китайские отношения в политико-военной сфере, **предметом** – ядерный фактор, определяющий взаимодействие США и КНР в сфере безопасности.

Цель исследования – всесторонне проанализировать отношения между США и КНР с точки зрения трансформации военно-стратегических приоритетов, соотношения силовых потенциалов и изменения правил ядерного сдерживания, и выявить роль ядерного фактора в поддержании безопасности между США и КНР в XXI веке. В соответствии с данной целью нами были поставлены следующие **задачи**:

- изучить подходы представителей основных школ теории международных отношений к пониманию влияния ядерного оружия на политику государств;
- рассмотреть приоритеты политико-военной стратегии США и КНР в XXI в. и сопоставить подходы стран к использованию фактора ядерного оружия при ее формировании;
- проанализировать эволюцию соотношения ядерных потенциалов США и КНР в контексте формирования стратегической стабильности и взаимного восприятия;
- изучить механизмы американо-китайского взаимодействия в ядерной сфере;
- охарактеризовать потенциальное влияние технологических факторов на ядерное сдерживание между США и КНР;

- рассмотреть проблематику применения сторонами ядерного оружия в ходе эскалации потенциального конфликта.

Источниковую базу исследования составили международно-правовые акты, договоры, в том числе, в сфере нераспространения и ограничения ОМУ[1], документы правительственных структур США и КНР.

В частности, работа опирается на архивные документы Министерства обороны и Совета национальной безопасности США[2] (включая меморандумы, директивы, аналитические доклады для президента и Совета национальной безопасности США), на резолюции и материалы слушаний Конгресса США[3], включая ежегодные аналитические доклады - доклад о военной мощи Китая (готовится Министерством обороны с 2000 г.[4]) и доклад Комиссии конгресса США об оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности (публикуется с 2002 г.[5]), открытые доклады Разведывательного сообщества США[6], президентские директивы США[7], обзоры Министерства обороны США – Четырехлетний оборонный обзор [8] , Обзор по

[1] Treaty between the United States of America and the Russian Federation on Measures for Further reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms. Prague. April 8, 2010. Available at: https://www.state.gov/documents/organization/140035.pdf (accessed: 04.07.2017).

[2] The Nautilus Institute Nuclear Strategy Project: Sun City Extended Study. Nuclear Strategy. December 31, 2001. Available at: http://nautilus.org/projects/nuclear-strategy/the-nautilus-institute-nuclear-strategy-project-sun-city-extended-study/ (accessed: 04.07.2017); Nuclear Targeting Policy Review. Memorandum. Office of the Assistant Secretary of Defense. Washington D.C. Available at: https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2011-002-doc1.pdf (accessed: 23.01.2017).

[3] S.Res.526 – A Resolution Calling for All Parties to Respect the Arbitral Tribunal Ruling with Regard to the South China Sea and to Express United States Policy on Freedom of Navigation and Overflight in the East and South China Seas // Congress.gov. 07.12.2016. Available at: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-resolution/526 (accessed: 30.11.2016).

[4]= National Defense Authorization Act // Council on Foreign Relations (CFR). 2000. Available at: http://www.cfr.org/defense-budget/national-defense-authorization-act-2000/p31999 (accessed: 24.11.2016).

[5]= US-China Economic and Security Review Commission (USCC) Web Site. Available at: http://www.uscc.gov/about/uscc-charter (accessed: 24.11.2016).

[6] Key findings: The intelligence community damage assessment on the implications of China's acquisition of US nuclear weapons information on the development of future Chinese weapons. US Central Intelligence Agency, Press Release. 21.04.1999; Ballistic and cruise missile threat // National Air and Space Intelligence Center. 2013. Available at: http://fas.org/programs/ssp/nukes/nuclearweapons/NASIC2013_050813.pdf (accessed: 29.11.2016).

[7] PPD/ NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy Guidance. November 1997. Available at: https://fas.org/irp/offdocs/pdd60.htm (accessed: 04.07.2017); Presidential Directive/ NSC-59. July 25, 1980. Available at: https://fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf (accessed: 23.01.2017).

[8] U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. 2014. Available at: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed: 08.07.2017)

противоракетной обороне[9], Обзор в сфере ядерной политики[10] (начиная с 2001 г.). Также исследование опирается на документы и материалы, опубликованные канцелярией Государственного совета КНР (включая «Белые книги» по вопросам национальной обороны, в сфере космической деятельности и др. разных лет)[11], заявления и материалы Министерства иностранных дел [12] и Министерства обороны КНР[13].

В работе рассматриваются двухсторонние документы, лежащие в основе современных американо-китайских отношений, включая «Три совместных коммюнике между правительствами США и КНР» - «Китайско-американское совместное коммюнике» 1972 г.[14] (Шанхайское Коммюнике), «Китайско-американское коммюнике об установлении дипломатических отношений» 1979 г.[15], «Коммюнике КНР и США 17-го августа» 1982 г.[16]. Также - законодательные акты США и КНР в отношении Тайваня (с американской стороны это Закон об отношениях с Тайванем 1979 г.[17], с китайской - «Закон о противодействии расколу государства»[18] 2005 г.). Кроме того, в работе использованы данные материалов полуофициальных форматов американо-китайского диалога в ядерной сфере[19] (начиная с 2003 г.).

---

[9] Ballistic Missile Defense Review Report. U.S. Ministry of Defense. 2010. P.34. Available at: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (accessed: 16.05.2017).

[10] U.S. Department of Defense. Nuclear Posture Review Report. 2010 Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (accessed: 09.07.2017).

[11] Веб-сайт Канцелярии Госсовета КНР. Доступ: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ (дата обращения: 30.09.2018).

[12] Веб-сайт Министерства иностранных дел КНР. Доступ: https://www.fmprc.gov.cn/rus/ (дата обращения: 20.05.2018).

[13] Веб-сайт Министерства обороны КНР. Доступ: http://www.mod.gov.cn/power/index.htm (дата обращения: 20.05.2018).

[14] Joint Communiqué of the People's Republic of China and the United States of America (February 28, 1972). Available at: http://www.china-embassy.org/eng/zmgx/doc/ctc/t36255.htm (accessed: 13.04.2018).

[15] Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations between the People's Republic of China and the United States of America (December 16, 1978)
Available at: https://photos.state.gov/libraries/ait-taiwan/171414/ait-pages/prc_e.pdf (accessed: 12.04.2018)

[16] Joint Communiqué of the People's Republic of China and the United States of America. Available at: http://www.china-embassy.org/eng/zmgx/doc/ctc/t946664.htm (accessed: 12.04.2018).

[17] H.R. 2479 Taiwan Relations Act 1979. Available at: https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479 (accessed: 30.06.2018).

[18] 中华人民共和国反分裂国家法 (Закон о противодействии расколу государства КНР). 14 марта 2005 г. Сайт Министерства обороны КНР. Доступ: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2016-02/19/content_4618044.htm (дата обращения: 10.10.2018).

[19] Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase II: Conference report. 2007 // Naval Postgraduate School. Available at: http://hdl.handle.net/10945/825 (accessed: 09.08.2018).

В исследование также вошли статистические и справочно-аналитические материалы, издаваемые правительственными органами и ведущими научно-исследовательскими институтами: Национального бюро статистики КНР[20], Исследовательской службы конгресса США[21], Бюллетеня ученых-атомщиков (Bulletin of the Atomic Scientists)[22], Центра стратегических и бюджетных оценок[23], Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ)[24], информационные материалы МАГАТЭ[25], Всемирной ядерной ассоциации (World Nuclear Association)[26], материалы неофициального диалога в ядерной сфере[27], публикации представителей китайских военно-академических кругов (как Пэн Гуанцянь[28], Яо Ючжи) и институтов[29].

Также в источниковую базу исследования вошли заявления официальных лиц, материалы СМИ и электронные ресурсы. В частности, материалы информационных агентств ИТАР-ТАСС, РИА Новости, Лента.ру, Газета.ру, CNN.com, The Washington Post, The New York Times, The Wall Street Journal, китайских ресурсов – вэб-сайта Народно-освободительной армии КНР, новостных агентств Жэньминь Жибао, Синьхуа, Guanchazhe, Huanqiu Shibao,

---

[20] National Bureau of Statistics of China. Available at: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/ (accessed: 12.05.2018).

[21] Вэб-сайт Библиотека Конгресса США. Об Исследовательской службе Конгресса. Доступ: http://www.loc.gov/crsinfo/about/ (дата обращения: 12.10.2017).

[22] www.thebulletin.org/

[23] Montgomery E.B. Managing China's missile threat: Future options to preserve forward defense // Center for Strategic and Budgetary Assessments. 01.04.2015. Available at: http://csbaonline.org/research/publications/managing-chinas-missile-threat-future-options-to-preserve-forward-defense (accessed: 24.11.2016). Также: Krepinevich A. US nuclear forces: Meeting the challenge of a proliferated world. Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.10.2009. Available at: http://csbaonline.org/research/publications/us-nuclear-forces-meeting-the-challenge-of-a-proliferated-world/publication (accessed: 19.11.2016).

[24] Веб-сайт Стокгольмского института исследований мира. Доступ: https://www.sipri.org (дата обращения: 12.10.2017).

[25] Веб-сайт Международного агентства по атомной энергии. Доступ: www.iaea.org/ (дата обращения: 10.09.2017).

[26]Веб-сайт Всемирной ядерной организации. Доступ: www.world-nuclear.org/ (дата обращения: 12.05.2018).

[27]= Twomey C. U.S.-China Strategic Dialogue. Phase IX Report. Available at: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/51930/US-China%20Report%20Phase%20IX%20Report.pdf?sequence=1 (accessed 12.05.2017).

[28] Guangqian, P. and Yu, R. (2009) 'Nuclear no-first-use revisited', China Security 5 (1): 78 87.

[29] Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Beijing: People's Liberation Army Press, 2014. P. 294–296. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf

Sina.com, гонконгских СМИ – Mingpao, South China Morning Post, Apple Daily и пр.

КНР проводит политику поддержания стратегической неопределенности в ядерной сфере и отказывается от публикации данных о количественном и качественном составе ядерных сил. Тем не менее, упоминания об испытаниях и постановке на боевое дежурство новых модификаций баллистических ракет и других элементов ядерной триады содержатся в публикациях государственных СМИ и анализируются в исследованиях многих отечественных и зарубежных авторов. Общая информация о принципах ядерной стратегии раскрывается в публикуемых Канцелярией Госсовета КНР Белых книгах по национальной обороне, заявлениях официальных ведомств, таких как Министерство иностранных дел КНР и др. Важная информация содержится в китайских работах по военной стратегии, публикуемых Университетом национальной обороны[30]. Изменение векторов стратегического мышления руководства КНР также отражается в риторике представителей военного сообщества и научно-аналитических кругов, связанных с органами государственной обороны и безопасности КНР.

Степень научной разработанности темы характеризуется отсутствием до нынешнего момента целенаправленных попыток определения влияния ядерного фактора в условиях асимметричности ядерных потенциалов и трансформации правил ядерного сдерживания на отношения между США и КНР в отечественной литературе.

В процессе разработки различных аспектов данного исследования нами использовались исследования, монографии, публикации в отечественных и зарубежных изданиях, как «Россия в глобальной политике», «Международные процессы», «Интернэйшнл секьюрити» (International Security), «Форин Аффэрс» (Foreign Affairs), «Форин Полиси» (Foreign Policy), «Джойнт Форс

[30] 张玉良 （主编）。 战役学。 国防大学出版社。 北京 2006 年。637 页。Чжан Юйлян / ред. Наука о военных кампаниях. Издательство Университета национальной обороны. Пекин, 2006. 637 с. Также см.: 军事科学院军事战略研究部 （编著）。战略学。 军事科技学出版社。 北京 2013 年。276 页。Отдел исследований военной стратегии Академии военных наук КНР. Наука о военной стратегии. Изд-во Академии военных наук. Пекин, 2013. 276 с.

Куотэрли» (Joint Force Quarterly), «Нэшнл Интерест» (The National Interest), «Пролиферейшн пэйперс» (Proliferation Papers), веб-сайт Российского совета по международным делам (РСМД), фонда Горчакова, фонда Карнеги, веб-сайта ИМЭМО РАН, журналы «Современные международные отношения» (现代国际关系)，«Мировая экономика и международные отношения» (世界近期与国际关系), издающиеся в КНР.

В первую группу изученных нами исследовательских работ вошли публикации, посвященные дискуссионному вопросу об эффективности ядерного оружия во взаимном политико-военном сдерживании между государствами. Анализ данной группы работ важен для настоящего исследования с точки зрения апробации их положений на модели американо-китайских отношений.

Анализ первой группы работ свидетельствует о том, что на протяжении второй половины XX века – XXI веке большинство авторов в отечественном и зарубежном научном сообществах рассматривали ядерное оружие как эффективный фактор политико-военного воздействия, не ставя под сомнение его возможность влиять на действия находящихся в конфронтации сторон. В них ядерное сдерживание рассматривается как вид военного сдерживания-устрашения (deterrence), и очерчивается эволюция его места в системе международной безопасности. Доказывается эффективность ядерного фактора как инструмента политико-военного давления; рассматриваются принципы «минимального» и «ограниченного» сдерживания.

К данной группе научной литературы относятся труды отечественных ученых Б.Г. Барановского [31], А.Г. Савельева [32], А.В. Фененко [33], А.А. Кокошина [34], А.Г. Арбатова [35], В.З. Дворкина, В.А. Веселова [36], С.А. Караганова [37], И.М. Бухтояровой и М.С. Лебединского [38], западных исследователей: П. Бракена[39], М. Уилера [40], Р.Джервиса[41], М. Джерсона[42]. Также это работы учёных, направленные на осмысление основ ядерной стратегии и феномена советско-американского («центрального») ядерного сдерживания, написанные в период биполярной конфронтации и зарекомендовавшие себя как классические: Б. Броди[43], У. Кауффманна[44], Г.

[31] Разоружение и безопасность 2013 - 2014: Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 245 с.

[32] Савельев А.Г. «Предотвращение войны и сдерживание: подходы ОВД и НАТО». М.: МЭ и МО. № 6. 1987. С. 19. Он же. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2: монография. 2000. С. 111 - 112. Он же. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности России в XXI веке. Ядерный контроль, № 3, 2005 с. 45 - 56.; Система предупреждения о ракетном нападении и стратегическая стабильность //Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 12. 2016. С. 40 - 50; Савельев А.Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории. М.: Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 7. № 3. С. 57 - 84.

[33] Фененко А.В. Современные концепции ядерного сдерживания. Международные процессы. Т. 10. № 2 (29). Май-август 2012. Доступ: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/07.htm (дата обращения: 12.10.2018).

[34] Кокошин А.А. Стратегическая стабильность: научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 11. С. 963–970.; Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы / Предисл. В.П. Володина, С.К. Ознобищева, В.Я. Потапова. М.: КРАСАНД, 2009.; Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: ИМО, 1989.

[35] Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и нераспространение. Московский центр Карнеги. М., 2005. 83 с.

[36] Веселов В.А. Международная безопасность: военно-политические аспекты. Учебное пособие. М.: МАКС Пресс. 2005. 201 С.; Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т.8. №4. С.51-84.

[37] Караганов С.А. О новом ядерном мире //Россия в глобальной политике. Том 15. № 2. 2017. С. 8-19.

[38] Бухтоярова И.М., Лебединский М.С. Ядерное оружие как инструмент сдерживания в мировой политике //Актуальные проблемы мировой и европейской политики. Сборник научных статей по результатам международной научной конференции. Воронеж, 15 декабря 2016 г. С. 31 - 38.

[39] Bracken P. The Second Nuclear Age: Strategy, Danger, and the New Power Politics. New York: Times Books, 2012. 336P.

[40] Reed T., Wheeler M. The role of nuclear weapons in the new world order. Strategic Advisory Group, U.S. Strategic Air Command, January 13, 1992, P. 13 and Appendix B.

[41] Jervis R. The Nuclear Revolution and the Common Defense //Political Science Quarterly. – 1986. – Т. 101. – №. 5. – С. 689-703.

[42] Colby E., Gerson M./ eds. Strategic Stability: Contending Interpretations. Carlisle Barracks, PA. Army War College Press, 2013. 441 p.

[43] Bernard Brodie. The absolute weapon: atomic power and world order (editor and contributor). New York: Harcourt, Brace and Co., 1946. 214 p.; он же. Strategy in the Missile Age, RAND Corp., 1959. Доступ: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/commercial_books/2007/RAND_CB137-1.pdf (дата обращения: 07.02.2020 г.); он же. The Development of Nuclear Strategy // International Security, Vol. 2. № 4 (Spring 1978). PP. 65-83. Доступ: http://ic.ucsc.edu/~rlipsch/pol179/Brodie.pdf (дата обращения: 07.02.2020)

[44] William W. Kauffmann. Military Policy and National Security. Kennikat Press, 1972. 274 p.

Киссинджера[45], Р. Макнамары[46], Т. Шеллинга[47], Дж. Шлезингера, Дж. Снайдера[48], П. Дэвиса[49].

Также впервые в отечественных исследованиях анализируются тезисы работ по проблематике ядерного сдерживания китайских военных вузов и современных китайских исследователей, публикациях, аффилированных с МИД КНР, работах членов Академии военных наук КНР, Университета национальной обороны КНР (в частности, работах под редакцией Гао Жуя, Пэна Гуанцяня, Яо Ючжи[50]). Изучение данных работ позволило составить представление о китайских взглядах на ядерную проблематику и сопоставить их с американскими. Логика данной группы выстраивается вокруг тезиса о развитии ядерной программы КНР как вынужденной реакционной меры, однако под сомнение воздействие ядерного фактора также не ставится.

В то же время, к первой группе относятся и работы, выражающие иную точку зрения, ставящие под вопрос ядерное сдерживание как однозначный способ политического воздействия и удержания противоположной стороны от эскалации конфликта. В числе таких, менее многочисленных, публикаций - работы главы проекта Переосмысления ядерных вооружений (Rethinking Nuclear Weapons Project) Американо-британского совета по информации в сфере безопасности (British American Security Information Council) У.Уилсона[51], сборник статей под редакцией Т.Сексера и М.Фурманна[52], а также авторов, работающих в области психологии и эволюционной биологии (как Д.Бараш[53]).

---

[45] Kissinger H.A. Nuclear Weapons and Foreign Policy. Norton, 1969. 259 p.

[46] McNamara R. The Military Role of Nuclear Weapons: Perceptions and Misperceptions. ACIS Working Paper. №45. Center for International and Strategic Affairs. Los Angeles, 1984. 41 p.

[47] Schelling Th.C. Arms and Influence. Yale University, 1966. 293 p.

[48] Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations. September, 1977. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf. (accessed: 13.10.2018).

[49] Davis P.K. Studying First-Strike Stability with Knowledge-Based Models of Decisionmaking. April 1989. RAND/UCLA. Santa-Monica, CA. 100 p.

[50] См. : Чжанлюэ сюэ / Наука военного искусства под ред. Гао Жуя, Пекин: Цзюньши кэсюэ чубаншэ/ Военная стратегия, 1987 г.; а также Чжанлюэ сюэ / Наука военного искусства под ред. Пэн Гуанцяня и Яо Юучжи / Военная стратегия, 2001 г.

[51] Wilson W. The myth of nuclear deterrence //Nonproliferation Review. – 2008. – Т. 15. – №. 3. – PP. 421-439.

[52] Sechser T. S., Fuhrmann M. Nuclear weapons and coercive diplomacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 344 P.

[53] Barash D.P. Threats: Intimidation and Its Discontents. Oxford: Oxford University Press. 2020. 248 P.

Выводы, сделанные в обоих направлениях этих исследований, анализируются в данной работе с учетом фактора трансформации глобального управления и международного порядка, параметры которой описаны в работах М.Узана и Я.Лисоволика[54], М.Стивена[55], А.И.Подберёзкина (как контекст концепции «переходного периода» развития военно-силовой парадигмы)[56] и др. исследователей.

Вторая группа научных работ, связанных с рассматриваемой темой, относится к исследованиям трансформации режима ядерного нераспространения и вопросов разоружения. В их числе - труды А.Г. Арбатова[57], И.А. Ахтамзяна[58], В.Ф. Давыдова[59], В.З. Дворкина[60], А.С.Дьякова, В.И.Есина[61], С.К. Ознобищева, С.М. Рогова[62], А. Пикаева[63], Р.М. Тимербаева[64], П.В. Топычканова[65], А.В. Фененко[66], В.Е. Ярынича[67], К. Уолтца[68], С. Балиги[69],

---

[54] Узан М., Лисоволик Я. Валдайская записка No 88. Новое глобальное управление: на пути к более устойчивой системе // Валдайский клуб. 29.06.2018. Доступ: http://ru.valdaiclub. com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-88/?sphrase_id=86040 (дата обращения: 10.10.2020).

[55] Stephen M. D. Emerging powers and emerging trends in global governance //Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. – 2017. – Vol. 23. – №. 3. PP. 483-502.

[56] Подберёзкин А. И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019-2025 гг.). Часть 1 //Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2019. – №. 4. – С. 5-26.

[57]=Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и нераспространение. Московский центр Карнеги. Москва, 2005. 83 С.

[58] Ахтамзян И.А. и др. Ядерное нераспространение: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений: в 2 т. /Под общ. ред. В.А. Орлова. 2-е изд., переработанное и расширенное. М.: ПИР-Центр, 2002. – 528 с.

[59] Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М.: Наука, 1982. 279 с.

[60] Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и нераспространение. Московский центр Карнеги. М., 2005. 83 с.

[61] Есин В.И. Ядерное разоружение: проблемы и перспективы // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. С. 60 - 68.

[62] Есин В.И., Золотарев П. С., Рогов С.М. Многосторонняя система ядерного контроля и нераспространения: новые подходы к стратегической стабильности в XXI веке. Аналитический доклад. М.: ИСК РАН, 2006. - 400 с.

[63] Россия и дилеммы ядерного разоружения. / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 144 - 148.

[64] Тимербаев Р.М. Контроль за ограничением вооружений и разоружением. М.: Международные отношения, 1983. 216 с.; Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение: 1945 - 1968. М.: Наука, 1999. — 393 с.

[65] Россия и дилеммы ядерного разоружения. / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 290 с.
С. 148-160.

[66] Фененко А.В. Понятие ядерной стабильности в современной политической теории. М.: КомКнига. URSS, 2006. 112 с.; Фененко А.В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. - М.: ЛКИ, 2007. 248 с.

[67] Ярынич В.Е. Риски ядерной многополярности. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Доступ: http://vvww.armscontrol.ru/pubs/vyy071009.htm (дата обращения: 10.09.2018).

[68]=Waltz K. The Spread of Nuclear Weapons: More May Be Better. Adelphi Papers. Number 171. London: International Institute for Strategic Studies. 1981. 32 p.

[69] Baliga S., Sjöström T. Strategic ambiguity and arms proliferation // Journal of Political Economy. 2008. Vol. 116. No. 6. P. 1023–1056.

Дж. Дюркалеча [70] . Отдельное направление работ данной группы сконцентрировано на вопросах включения КНР в переговоры о сокращении ядерных вооружений (труды В.И. Есина[71], А.С. Колбина[72], А.Г. Савельева[73]). Политике Пекина в сфере ядерного нераспространения посвящены исследования С.В. Понамарева[74], политике Вашингтона в этой сфере – У. Брауна[75], Д. Вольфстала[76], Р. Эйнхорна (Брукингский университет)[77].

Политико-военные аспекты наращивания американских систем противоракетной обороны после выхода США из Договора о противоракетной обороне 1972 г. (включая развитие национальной и региональной ПРО, в особенности в связи с концепцией азиатско-тихоокеанского адаптивного подхода) раскрываются в публикациях отечественных авторов: А.Г. Арбатова[78], В.И. Есина[79], В.И. Мизина[80], совместных работах В.Н. Конышева и А.А. Сергунина[81] и др. В иностранных публикациях – в работах К. Эйерса[82],

---

[70] Durkalec J. The Proliferation Security Initiative: Evolution and future prospects // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Non-Proliferation Papers. No. 16. June 2012. Available at: http://www.sipri.org/research/disarmament/eu-consortium/publications/nonproliferation-paper-16 (accessed: 07.12.2015).

[71] Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений /Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 83 с.

[72] Колбин А.С. Китай и ядерное разоружение: возможно ли сокращение стратегических ядерных сил КНР? // Индекс безопасности. Том 18. №2(101). 2012. СС.37-52.

[73] О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения // Рабочая тетрадь № IX. / [А.Г.Савельев и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]. М.: Спецкнига. 2013.

[74] Понамарев С.В. Политика КНР в области нераспространения ядерного оружия: доктрина, теория, практика //Проблемы дальнего востока. №6. 2009. СС.14-25.; Понамарев С.В. Взаимосвязь состояния режима нераспространения ядерного оружия и развития американо-китайских отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Российская академия наук. Институт Дальнего Востока (ИДВ РАН). Центр стратегических проблем СВА и ШОС. М.: 2010.

[75] Brown W.L. Presidential Leadership and U.S. Non-Proliferation Policy. // Presidential Studies Quarterly. Vol. 24. No. 3. Conduct of Foreign Policy. pp.563-575.

[76] Wolfsthal J. U.S. Nuclear Non-Proliferation Policy. Carnegie Endowment for International Peace. 2003.Available at: http://carnegieendowment.org/2003/01/06/u.s.-nonproliferation-policy-pub-1144 (accessed: 06.06.2018)

[77] Einhorn R. Non-Proliferation Challenges Facing the Trump Administration. Brookings University. Arms Control and Non-Proliferation Series. Paper 15. March 2017. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/03/acnpi_201703_nonproliferation_challenges_v2.pdf (accessed: 06.06.2018)

[78] Арбатов А.Г. Не вышло и не выйдет? О причинах неудачи противоракетного сотрудничества США и России // Полис. Политические исследования. №2. 2016. СС. 49-61.

[79]=Есин В.И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 7, №3. 2015. СС. 85-114.

[80]=Мизин В.И. Система противоракетной обороны США и глобальная стратегическая стабильность // Международная аналитика. №1 (15). 2016. СС. 71-83.

[81]=Сергунин В.Н., Конышев А.А. Перспективы развития национальной противоракетной обороны США //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №33 (318). 2015. СС.45-56.

[82]=Ayers K. Expanding Zeus's Shield: A New Approach for Theater Ballistic Missile Defense in the Asia-Pacific Region // Joint Force Quarterly. No 84 (1st quarter). 2017. Available at:

К. Кана и Дж. Куглера[83]. Китайская точка зрения на вопросы развития американской ПРО приводится в публикациях Ли Биня, У Жицзяна[84], Чжана Чуньлэя[85] и др.

Обращение к данной группе исследований позволяет рассмотреть как комплекс противоречий в связи с вопросом о включении КНР в переговорный процесс по установлению пределов развёрнутых ядерных вооружений, так и вопросы участия обеих сторон ограничениях в смежных сферах.

Данную группу работ объединяет тезис о скромных перспективах согласования новых ограничений международного режима нераспространения в условиях роста ядерного потенциала КНР.

Третью группу работ, связанных с заявленной темой, объединяет набирающий актуальность вопрос о деталях ядерной стратегии и возможных направлениях трансформации ядерного позиционирования КНР. В них исследуется взаимосвязь между возможными качественными и количественными изменениями ядерного арсенала КНР и трансформацией китайской ядерной стратегии, и анализируется возможность пересмотра КНР принципа неприменения ядерного оружия первыми, отхода от политики «минимального ядерного сдерживания». В частности, основы ядерной стратегии КНР и вопросов ее приверженности к концепции минимального либо ограниченного ядерного сдерживания исследуются в работах А.Г. Арбатова[86], Г. Кулацки[87], С.К. Ознобищева, В.З. Дворкина[88]. В целом они

---

http://ndupress.ndu.edu/Media/News/Article/1038790/expanding-zeuss-shield-a-new-approach-for-theater-ballistic-missile-defense-in/ (accessed : 30.10.2017).

[83] Kang K., Kugler J. Assessment of deterrence and missile defense in East Asia: A power transition perspective //International Area Studies Review. – 2015. – Т. 18. – №. 3. – С. 280-296.

[84] У Жицзян. Озабоченность в Китае относительно противоракетной обороны США и разрешение проблемы. Wu Riqiang. China's Anxiety About US Missile Defense: A Solution //Survival. – L., 2013. – Vol. 55 No 5. – P. 29-52.

[85] 张春磊. 美军防空反导转型 “萨德” 系统路在何方? //军事文摘. (Чжан Чуньлэй. Куда направлена американская система ПРО THAAD? // Военный дайджест) – 2016. – №. 21. – С. 29-33.

[86] Россия и дилеммы ядерного разоружения / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 290 с. СС. 30-45.

[87] Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf

[88] А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, С.К. Ознобищев. Современные ядерные доктрины государств. ИМЭМО РАН, Фонд «Инициатив по сокращению ядерной угрозы». Москва, 2010. http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2010/10059.pdf

сходятся в точке зрения о поступательном наращивании китайского ядерного арсенала, при этом главным различием между их подходами являются представления о конкретных темпах расширения китайского ракетно-ядерного потенциала.

К авторам, придерживающимся мнения об ограниченных темпах, можно отнести Дж. Льюиса[89], Х. Кристенсена и Р. Норриса[90], О. Зайеча[91]. Работы, подчеркивающие ускоренный темп наращивания ядерного арсенала КНР, включают труды В.Б. Кашина [92] и С.Г.Лузянина [93], В.И. Есина [94], Э. Кордесмана[95], М. Стоукса[96], А. Джонстона[97], Т. Фрейвела и Э. Медейроса[98], Дж. Голслага[99], К. Крейна[100], Р. Клиффа[101], М. Фрейвела[102]. При этом в работах авторов китайского происхождения - Ли Биня, Тун Чжао (фонд Карнеги)[103],

[89] Lewis J. Chinese nuclear posture and force modernization // The Nonproliferation Review. 2009. Vol. 16. Iss. 2. P. 197–209. ; Lewis J. The minimum means of reprisal: China's search for security in nuclear age. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland. 2004. Available at: http://drum.lib.umd.edu/bitstream/handle/1903/1905/umi-umd-1886.pdf;sequence=1 (accessed: 25.04.2018).; Lewis J. The ambiguous arsenal // Bulletin of Atomic Scientists. 2005. Vol.61. No. 3. P. 52–59.

[90] Kristensen H.M., Norris R.S. Global nuclear weapons inventories, 1945–2013 // Bulletin of American Scientists. Available at: http://bos.sagepub.com/content/69/5/75.full.pdf+html (accessed: 17.04.2018).

[91] Zajec O. Combien de têtes nucléaires en Chine? // Le Monde Diplomatique. 2013. Available at: http://www.monde-diplomatique.fr/2013/05/ZAJEC/49051 (accessed: 27.04.2015).

[92] Кашин В.Б. Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Том 9. №4. 2016. СС. 76-93.

[93] Лузянин С. Г., Кашин В. Б. Россия-Китай-США: ракетно-ядерное измерение безопасности в Восточной Азии //Научно-аналитический журнал обозреватель-Observer. 2019. №. 10. С. 42-52.

[94] Есин В.И. Ядерная мощь КНР // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К.Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 27–35.

[95] Cordesman E. The PLA rocket force: Evolving beyond the Second Artillery Corps (SAC) and nuclear dimension. CSIS. 13.10.2016. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/publication/161013_China_Missile_Forces_AHC.pdf (accessed: 01.06.2018).

[96] Easton I., Stokes M. Half lives. A preliminary assessment of China's nuclear warhead life extension and safety program // Project 2049 Institute. 29 June 2013. Available at: http://project2049.net/half_lives_china_nuclear_warhead_program.pdf (accessed: 22.04.2015).

[97] Johnston A. China's new 'old thinking': The concept of limited deterrence // International Security. 1995/96. Vol. 20. No. 3. P. 5–42; Johnston A. Prospects for Chinese nuclear force modernization: Limited deterrence versus multilateral arms control // China Quarterly. 1996. No. 146. P. 548–576.

[98] Fravel M., Medeiros S. China's search for assured retaliation: The evolution of Chinese nuclear strategy and force structure // International Security. 2011. Vol. 35. No. 2. P. 48–87.

[99] Holslag J. China: A deterrence paradox // Handbook on nuclear proliferation / Ed. by V.P. Harsh. London: Routledge, 2012.

[100] Crane K., et al. Modernizing China's military: Opportunities and constraints. Santa Monica: RAND Corporation, 2005.

[101] Cliff R., et al. Dangerous thresholds. Managing escalation in the 21st Century. Santa Monica: RAND Corporation, 2008.

[102] Fravel M., Cunningham F. Assuring Assured Retaliation. International Security, Vol. 40, No. 2 (Fall 2015), pp. 7–50.

[103] Understanding Chinese Nuclear Thinking. Li Bin, Tong Zhao (eds.). Carnegie Endowment for International Peace. Massachusetts. 2016. 273 P. PP. 127-142.

Хуэя Чжана[104] отдельно подчеркивается роль США в росте значимости количественного наращивания китайского ЯО. Другой подраздел третьей группы – исследования в области военных НИОКР КНР, указывающих на детали модернизации её ядерного арсенала (работы Р. Клиффа, Э. Медейроса[105], С. Роггевена[106], Р. Камфаузена[107]).

Базу для анализа особенностей китайского стратегического мышления и процесса принятия внешнеполитических решений составили наиболее концептуальные труды синологов А. Джонстона[108], А.И. Воеводина, Х. фон Зенгера, В.С. Мясникова, Т. Манкена[109], а также А.А. Кокошина[110], В.А. Корсуна[111].

Анализ данного блока исследовательской литературы позволяет судить как об общих представлениях отечественных и американских экспертов в отношении китайских ЯС, так и о содержании доводов китайских экспертов в пользу наращивания китайского арсенала. Вместе с тем в этих работах в недостаточной мере рассматриваются доступные данные по истории и векторах китайских НИОКР в ракетно-ядерной сфере начиная с 1960-х гг., что было восполнено в настоящем исследовании.

Четвертая группа научной литературы представлена исследованиями потенциального влияния новых технологических факторов на политику государств, с акцентом на технологической модернизации ядерных и конвенциональных вооруженных сил США и КНР. Она позволяет критически

---

[104] Hui Zhang. China's nuclear weapons modernization: Intentions, drivers, and trends // Belfer Center. 2011. Available at: http://belfercenter.hks.harvard.edu/files/ChinaNuclearModernization-hzhang.pdf (accessed: 22.04.2015).

[105] Medeiros E.S., Cliff R. et. al. A New Direction for China's Defense Industry. RAND Project Air Force, 2005. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2005/RAND_MG334.pdf (accessed 08.06.2016).

[106]=Roggeveen S. China's Really Big Military R&D Effort. The Interpreter, 08.10.2013. Available at: http://www.lowyinterpreter.org/post/2013/10/08/Chinas-really-big-military-RD-effort.aspx (accessed 03.06.2016).

[107]=Kamphausen R, Lai D., eds. The Chinese People's Liberation Army in 2025, 2015. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/pla-2025.pdf (accessed 20.11.2015).

[108] Johnston A.I. China's Militarized Interstate Dispute Behavior 1949-1992: A First Cut at the Data / The China Quarterly, 1998. PP. 46-83.; A.I. Johnston. "Cultural Realism and Strategy in Maoist China," in Peter Katzenstein (ed.), The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics (New York: Columbia University Press, 1996). P. 220.

[109] Mahnken T.G. Secrecy and Stratagem: Understanding Chinese strategic culture. Lowy Institute, 2011.

[110] Кокошин А.А. О наследии Сунь Цзы //Социологические исследования. 2016. №11 (390). С.114-123.

[111] Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1. С. 221–236.

оценить потенциал действительного влияния новых технологий на готовность государства вступить в военно-политическую конфронтацию с оппонентом. Данные вопросы вызывают значительный исследовательский интерес в научном сообществе и в целом изучены достаточно глубоко.

К работам, постулирующим значительную роль технологических факторов в определении политики государств, относятся коллективное исследование под редакцией А.А.Кокошина [112], исследование влияния искусственного интеллекта (ИИ) на стратегическую стабильность и риски применения ядерных вооружений под ред. П.Топычканова[113] и анализ роли ИИ в системе управления китайским ЯО Э.Кании[114]. Также - анализ влияния новых технологий на эффективность ядерного сдерживания К.Либера и Д.Пресса[115]. При этом некоторые публикации подчеркивают, что эффект от данных о новых технологических разработках имеет более психологическую, чем реальную военно-стратегическую окраску[116].

Программы технологической модернизации ВС США исследованы в работах Р.В. Арзуманяна[117], В.И. Бартенева, В.А. Веселова и А.А. Кокошина [118], Л.В. Панковой[119], Л.В. Савина[120], Ю.В. Магдалинской[121], совместном

---

[112] Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности. – ред.Кокошин А.А. Москва: Издательство Московского Университета. 2017. 472 с.

[113] Topychkanov P. (ed). The Impact of Artificial Intelligence on Strategic Stability and Nuclear Risk. Vol. III. South-Asian Perspectives. SIPRI. April 2020. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/impact_of_ai_on_strategic_stability_and_nuclear_risk_vol_iii_topychkanov_1.pdf (accessed: 12.06.2020).

[114] Kania E.B. Emerging Technologies, Emerging Challenges - The Potential Employment of New Technologies in Future PLA NC3. San Francisco: Technology for Global Security. September 5, 2019. Available at: https://www.tech4gs.org/elsa-b-kania-nc3report.html (accessed: 10.06.2020).

[115] Lieber K. A., Press D. G. The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence //International Security. – 2017. – Т. 41. – №. 4. – PP. 9-49.

[116] Cone P. (Ed). Assessing the Influence of Hypersonic Weapons on Deterrence. USAF Center for strategic Deterrence Studies. The Counterproliferation Papers. Future Warfare Series №59. June 2019. Available at: https://media.defense.gov/2019/Sep/25/2002187108/-1/-1/0/59HYPERSONICWEAPONS.PDF (accessed: 13.07.2020).

[117] Арзуманян Р.В. Третья стратегия противовеса: реакция Пентагона на новые угрозы. Центр стратегических оценок и прогнозов. М.: 2017.191 С.

[118] Бартенев В.И. США в поисках новых основ военно-технологического превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации». Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3 (48). СС. 30-42.

[119] Панкова Л.В. Военная экономика, инновации, безопасность. М.: ИМЭМО РАН. 2016. 149 С.; Панкова Л.В. Стратегическая стабильность и новая американская «Стратегия компенсации». Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т.7. №3. С.115-141.

[120] Савин Л.В. Третья стратегия возмещения США. Стратегическая стабильность. 2016. №1 (74). С. 66-70.

[121] Кашин В.Б, Магдалинская Ю. Третья стратегия компенсации министерства обороны США // Перископ.2. 31.07.2017. Доступ: http://periscope2.ru/2017/07/31/8699/ (дата обращения: 13.10.2017).

исследовании Д.С. Медовникова и А.В. Лисса[122]. В зарубежной литературе эти вопросы раскрываются в работах первого координатора программы Б. Ворка[123], а также освещены в публикациях Э. Колби[124], Р. Мартинаджа[125], М. Иглен[126], Л. Симона[127], Т. Уолтона[128]. Эволюция ядерного арсенала и ядерной стратегии США рассматривается в работах А.Г. Арбатова[129], В.И. Есина[130], Ф. Каплана[131], В.В. Карпова, С.М. Рогова[132], П.С. Золотарева[133], А.В. Фененко[134], коллективной работе под редакцией И.С. Иванова[135], совместном исследовании[136] А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина и С.К. Ознобищева, зарубежных авторов – С. Уильямсона[137], Л. Гронланд[138], К. Рейфа (Ассоциация по контролю над вооружениями)[139], коллективной работе в

[122]=Медовников Д.С., Лисс А.В. Инновацинно-технологическое взаимодействие оборонной индустрии и гражданского сектора в США: исторический опыт и актуальные тенденции// Вестник московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, №8 (2016). С. 29-51.

[123] Work B. The third US offset strategy and its implications for partners and allies //DoD, Washington. 2015. Vol. 28.

[124] Colby E. Nuclear Weapons in the Third Offset Strategy: Avoiding a Nuclear Blind Spot in the Pentagon's New Initiative. – Center for a New American Security, 2015.

[125] Martinage R. Toward a New Offset Strategy: Exploiting US Long-Term Advantages to Restore US Global Power Projection Capability. – Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2014. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/Offset-Strategy-Web.pdf (accessed: 13.10.2017).

[126] Eaglen M. What is the Third Offset Strategy? //Real Clear Defense. Accessed July. – 2016. – Т. 22. Available at: https://www.realcleardefense.com/articles/2016/02/16/what_is_the_third_offset_strategy_109034.html (accessed: 13.10.2017).

[127] Simón L. The 'third'US offset strategy and Europe's 'anti-access' challenge //Journal of strategic studies. – 2016. – Т. 39. – №. 3. – С. 417-445.

[128] Walton T. A. Securing the Third Offset Strategy //JFQ: Joint Force Quarterly. – 2016. – №. 82. – С. 6-15.

[129] Арбатов А.Г. Ядерная перезагрузка и международная безопасность. Полис. Политические исследования. 2011. №3. С. 36-49.

[130] Есин В.И. Ядерная политика США и их силы. Международная жизнь. 2017. №3. С. 136-148.

[131] Каплан Ф. Переосмысления ядерной политики. Россия в глобальной политике. 2016. Т.14. №6. С.160-172.

[132]=И.С. Иванов/ ред. Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке. Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2012. 63 С.

[133]=И.С. Иванов/ ред. Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке. Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2012. 63 С.

[134]=Фененко А.В. Военно-техническая модернизация и «циклы» сближения между США и Россией. Международные процессы. 2011. Т.9. №26. С. 40-57.

[135]=И.С. Иванов/ ред. Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке. Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2012. 63 С.

[136] А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, С.К. Ознобищев. Современные ядерные доктрины государств. ИМЭМО РАН, Фонд «Инициатив по сокращению ядерной угрозы». Москва, 2010. http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2010/10059.pd

[137] Williamson Jr S. R. The Origins of US Nuclear Strategy, 1945-1953. Springer, 2016. 224 p.

[138]=Gronlund L. Bad Math on New Nuclear Wepons. Union of Concerned Scientists. October 2015. http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2015/11/Bad-Math-Nuclear-Weapons-3-Plus-2.pdf

[139]= Reif K. U.S. Nuclear Modernization Programs. Arms Control Association. June 2017. https://www.armscontrol.org/factsheets/USNuclearModernization#snapshot

рамках CSIS авторства К. Мёрдока, С. Браннена , Дж. Клейна[140], М. Лайонса[141] и других исследователей.

Важным аспектом данной диссертационной работы стал анализ влияния американских неядерных технологий на модернизацию ядерного арсенала КНР. Это влияние раскрывается с точки зрения концепции Быстрого глобального удара в анализе А.В. Фененко[142], Д. Гормли[143], с позиций реакции КНР на «Третью стратегию компенсации» – в исследованиях П. Вуда[144], Э. Кании[145], В.Б. Кашина[146], У. Лэма (Джеймстаунский фонд)[147], Фаня Гаоюэ (Калифорнийский институт)[148], М. Раски[149], Л. Саалман[150], Э. Колби[151], Х. Кристенсена, Б. Залы, Э. Фаттера [152] , Н. Чанда [153] (Индийский центр исследований в области боевой деятельности сухопутных войск), отражен в

---

[140] Klein J. J. Towards A Better US Nuclear Strategy //Journal of Strategic Security. – 2014. – Т. 7. – №. 3. – pp. 84-94.

[141] Lyons M. J. US nuclear policy, strategy, and force structure: insights and issues from the 1994, 2001, and 2010 nuclear posture reviews : дис. – Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2014. Available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/43951/14Sep_Lyons_Marco.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed : 19.10.2017).

[142]=Фененко А.В. Концепция «Быстрого глобального удара» в контексте развития военной стратегии США //Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Том 8, №4. 2016. СС. 18-50.

[143]=US Advanced Conventional Systems and Conventional Prompt Global Strike Ambitions: Assessing the Risks, Benefits, and Arms Control Implications. The Non-Proliferation Review. Vol. 22. 2015. Issue 2. PP. 123-139.

[144]=Wood P. Chinese Perceptions of the Third Offset Strategy. The Jamestown Foundation. October 4, 2016. https://jamestown.org/program/chinese-perceptions-third-offset-strategy/

[145]=Kania E. From the Third U.S. Offset to China's First Offset. RealClear Defense. April 06, 2017. http://www.realcleardefense.com/articles/2017/04/06/from_the_third_us_offset_to_chinas_first_offset_111119.html

[146] Кашин В.Б. КНР и «третья стратегия компенсации» Министерства обороны США. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Том 8. №3. СС.52-71; Kashin V., Raska M. Contering The US Third Offset Strategy: Russian Perspectives, Responses and Challenges. RSIS Policy Report. January 2017. https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2017/01/PR170124_Countering-the-U.S.-Third-Offset-Strategy.pdf

[147] Lam W. In a Fortnight: Chinese Perceptions of the "Third Offset" Strategy // China Brief. Volume 16, Issue 15. October 4, 2016. The Jamestown Foundation. P.1-3. https://jamestown.org/wp-content/uploads/2016/10/CB_16_15.pdf?x87069

[148] Fan Gaoyue. A Chinese Perspective on the U.S. Third Offset Strategy and Possible Chinese Responses. SITC Research Briefs. February 28, 2017.

[149] Kashin V., Raska M. Contering The US Third Offset Strategy: Russian Perspectives, Responses and Challenges. RSIS Policy Report. January 2017. https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2017/01/PR170124_Countering-the-U.S.-Third-Offset-Strategy.pdf

[150] Saalman L. Prompt Global Strike: China and the Spear. APSCC. April 2014. Available at: http://apcss.org/wp-content/uploads/2014/04/APCSS_Saalman_PGS_China_Apr2014.pdf (accessed: 08.07.2017)

[151] Colby E. Nuclear weapons in the Third Offset Strategy. Washington: Center for a New American Security, 2015.

[152] Futter A., Zala B. Coordinating the arm swing with the pivot: nuclear deterrence, stability and US strategy in the Asia- Pacific / The Pacific Review. 04.03.2015. Vol. 28, No. 3, 367-390.

[152]= Twomey C. U.S.-China Strategic Dialogue. Phase IX Report. Available at: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/51930/US-China%20Report%20Phase%20IX%20Report.pdf?sequence=1 (accessed 12.05.2017).

[153] The United States' Third Offset Strategy to Counter China's Game Plan // Center for Land Warfare Studies Issue Brief. №96. March 2017. http://www.claws.in/images/publication_pdf/716241418_TheUnitedStatesThirdOffsetStrategytoNareshChand.pdf

исследованиях китайских авторов – Е Цзянцзюня[154], Ху Синя[155], Йоу Ханьлиня[156], Лю Имина, Ши Хаймина[157], Цюэ Вэйяня[158]. В работе Э. Кании анализируется принятие Китаем собственной стратегии «компенсации», основанной на квантовых технологиях, в ответ на третью компенсацию США[159].

Пятая группа научной литературы охватывает вопросы поддержания безопасности и отношениях США и КНР и важна для очерчивания общей «канвы», в рамках которых проявляется влияние ядерного фактора. Основу для понимания процессов, протекающих в области современных американо-китайских отношений, составили материалы, публикуемые исследовательскими центрами МГИМО(У) МИД России, Институтом США и Канады РАН, Российским советом по международным делам, Московским фондом Карнеги, корпорацией «Рэнд», Брюссельским институтом исследований Китая, Российским ПИР-центром, Институтом востоковедения РАН, Институтом Дальнего Востока РАН, Дипломатической академией, Институтом мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Институтом проблем международной безопасности РАН, Российским институтом стратегических исследований, Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, Факультетом мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, и др. В отечественной литературе вопросы нарастания конфронтационности и поддержания безопасности в американо-китайских

---

[154] 叶建军。 美国‘国防创新行动’ 评析 / / 现代国际关系。 2015 年。 №1. 35-40 页。Е Цзянцзюнь. Обзор Оборонной инновационной инициативы ВС США // Современные международные отношения. 2015, №1. С.35-40. http://www.cssn.cn/jsx/201606/t20160602_3053507_1.shtml

[155] 胡欣。希望还是幻象——美国的第三次“对消”战略 ／／现代军事。 2014. №2. 22-25 页。Ху Синь. Надежда или иллюзия – третья стратегия компенсации США. Современное военное дело. 2014. №2. С. 22-25.

[156]=游翰霖：如何应对第三次抵消战略中的大国博弈 Йоу Ханьлинь: как реагировать на действия в рамках «Третьей стратегии компенсации». 15 мая 2017. http://www.cwzg.cn/theory/201705/35963.html

[157] 刘一鸣、石海明。技术制胜: 美军第三次 “抵消战略” 评析 //指 挥 与 控 制 学 报 。第 2 卷 第 2 期。 2016 年 6 月。

Лю Имин, Ши Хаймин. Победа с помощью технологий: анализ «Третьей стратегии компенсации» США // Journal of Command and Control. Т.2, №2. Июнь 2016 г.

[158]=阙渭焰。新抵消战略与导弹功防 //航天电子对抗。2016 年 6 期。 Цюэ Вэйянь. Третья стратегия компенсации и противоракетная оборона // Космические средства радиоэлектронной борьбы. 6 вып., 2016 г.

[159]=Kania E. From the Third U.S. Offset to China’s First Offset. RealClear Defense. April 06, 2017. http://www.realcleardefense.com/articles/2017/04/06/from_the_third_us_offset_to_chinas_first_offset_111119.html

отношениях рассматриваются в работах В.И. Батюка[160], А.Т. Габуева[161], А.В. Болятко [162], А.С. Давыдова [163], И.Е. Денисова [164], В.Б. Кашина [165], В.Н.Колотова [166], А.В. Ломанова [167], С.Г. Лузянина [168], М.В. Мамонова [169], А.А.Маслова[170].

В западной литературе вопросы двусторонних отношений в сфере безопасности раскрываются в работах Д. Гомперта, Ф. Сондерса (обоснование взаимной уязвимости)[171],Ч. Глейзера[172], Г. Киссинджера[173], Д. Шлаппака[174], Т. Дж. Кристенсена [175], Х.Кристенсена, К.У. Алена и И.А. Мелвалона, Э.

[160] Батюк В.И. Возможный американо-китайский военный конфликт в оценках американских военных специалистов //Россия и Америка в XXI веке. №1. 15 июня 2017. http://rnk-concept.ru/32391; Батюк В.И. Военная политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе при администрации Б. Обамы// Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. №3. С.29-48.

[161] Габуев А.Т. Ракеты на десерт: обиделся ли Китай на США за удар по Сирии. 13 апреля 2017. Доступ: http://carnegie.ru/2017/04/13/ru-pub-68664 (дата обращения: 11.07.2017).

[162] Болятко А.В. Отношения КНР-США: переломный период?// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. ИДВ РАН. Том 16. №16. 2011. СС.85-95.

[163] Давыдов А.С. Китайско-американские отношения «нового типа» и фактор России в глобальном и региональном измерениях // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. № 19. СС. 121-134.

[164] Денисов И.Е. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между КНР и США в среднесрочной перспективе (военно-политический и экономический аспекты) // Ежегодник института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. 2013. №3. С.189–201.

[165] Кашин В.Б. единство и борьба. Почему Китай и США противостоят друг другу // россия в глобальной политике. №5. 2016. Доступ: http://www.globalaffairs.ru/number/Edinstvo-i-borba-18346 (дата обращения: 11.07.2017).

[166] Колотов В.Н. Основные проблемы региональной безопасности на южном фланге восточноазиатской дуги нестабильности в 2015 г. // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2015. №27. С.23-32.

[167] Ломанов А. В. Китайские дискуссии об отношениях с США и торговой войне //Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – №. 10. – С. 17-29.

[168] Лузянин С. Г. Россия-США-Китай: борьба за «Большую Евразию» //Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2020. №. 11. С. 51-63.

[169] Мамонов М.В. Возможна ли война между Америкой и Китаем? Международные процессы. Том 10. №2(29). Май-август 2012. СС. 135-142.

[170] Колотов В. Н., Маслов А. А. Евразийская дуга нестабильности и новые вызовы для России //Международная жизнь. 2021. №. 2. С. 136-141.

[171] Gompert D., Saunders P. The paradox of power. Sino-American strategic restraint in age of mutual vulnerability. Washington: NDU Press, 2011.

[172] Glaser C. Rational Theory of International Politics. The Logic of Competition and Cooperation.2010. Princeton University Press. 344 p.

[173] Kissinger, Henry. On China. The Penguin Press, 2011.

[174] Shlapak D., Orletsky D., et al. 2009. A question of balance: Political context and military aspects of the China-Taiwan dispute. Santa Monica, RAND Corporation.

[175] Christensen T. The Meaning of the Nuclear Evolution: China's Strategic Modernization and US-China Security Relations. // Journal of Strategic Studies. 2012. Available at: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01402390.2012.714710 (accessed : 10.10.2017).

Медейроса [176], Г. Аллисона [177], Э. Файгенбаума [178], Л. Саалман [179] и др. Основная тема данных исследований - конфликтный потенциал американо-китайских отношений на фоне наращивания военной мощи КНР. В этих работах отражен плюрализм мнений.

Данная работа опирается также на материалы исследования параметров формирующейся американо-китайской стратегической стабильности, основанной на взаимной уязвимости, что отражено в трудах Д. Гомперта, Ф. Сондерса [180], Р. Фальцграффа [181], работах китайских авторов Ли Биня, Не Хунъи [182], Ли Цзинпина [183] и др. Отдельную подгруппу составили исследования эволюции места КНР в ядерной политике США: работы Дж. Кангаса [184], Х. Кристенсена, М. Маккинзи, Р. Норриса, Л. Саалман [185], в которых рассматриваются стратегические опасения Вашингтона в отношения китайских ЯС в разные десятилетия.

В пятую группу также следует включить пласт работ, посвященный исследованиям формирования постоянного диалога между США и КНР в ядерной сфере. В западной литературе материалы контактов и анализ динамики публикуются усилиями Центра стратегических и международных исследований (Тихоокеанский форум) [186] и Высшей школы ВМС США

---

[176] Fravel M., Medeiros S. China's search for assured retaliation: The evolution of Chinese nuclear strategy and force structure // International Security. 2011. Vol. 35. No. 2. P. 48–87.

[177] China vs. America. Managing the Next Clash of Civilizations. Foreign Affairs. September/October 2017. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-08-15/china-vs-america (accessed : 13.12.2017).

[178] Faigenbaum Eivan. The Shanghai Organization for Cooperation and the Future of the Central Asia, Speech at the Nixon Center, Wash. (D.C.), Sept 6.2007.

[179] Lora Saalman, China and the U.S. Nuclear Posture Review. Washington, D.C.: Carnegie Endowment. 2011. Available at: http://carnegieendowment.org/files/china_posture_review.pdf (accessed : 10.10.2017).

[180] Gompert D., Saunders P. Sino-American Restrain in an Age of Vulnerability. Available at: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-273.pdf (accessed: 12.05.2017);

[181] Pfaltzgraff R. Jr. China-U.S. Strategic Stability (Panel). Carnegie Endowment for International Peace. Washington D.C. April 6-7, 2009. Available at: http://www.ifpa.org/pdf/Pfaltzgraff_China-US.Strategic.Stability_Carnegie.Seminar_6.April.2009.pdf (accessed: 12.05.2017);

[182] 李彬、 聂宏毅. 中美战略稳定性的考察 // 世界经济与政治 Ли Бинь, Не Хунъи. Исследуя китайско-американскую стратегическую стабильность // Мировая экономика и политика. №2, 2008. Доступ: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/8.pdf (дата обращения: 11.07.2017).

[183] 李静平. 中美战略稳定性初探. http://www.nti.org/media/pdfs/Li_Jingping_not_presented.pdf

[184] Kangas J. et al. U.S. Nuclear Weapons Policy Toward China 1985-1995. 10 February, 1981. Available at: http://nautilus.org/foia-document/us-nuclear-weapons-policy-towards-china-1985-1995/ (accessed: 25.01.2017).

[185] Saalman L. China and the U.S. Nuclear Posture Review. Carnegie Endowment for International Peace. February 28, 2011. http://carnegieendowment.org/2011/02/28/china-and-u.s.-nuclear-posture-review-pub-42705

[186] Cossa R. China-U.S. Dialogue on Strategic Nuclear Dynamics. March 22-23, 2017. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-

(Институт международных исследований Монтеррей) [187] , отдельных экспертов[188] (Г. Кулацки), а также используются в исследованиях отдельных участников (например, М. Уилера[189], Л. Саалман[190]). В 2015 г. в ИМЭМО РАН был опубликован справочный материал о форматах полуофициальной и неофициальной дипломатии в данной сфере[191]. Китайский взгляд представлен в материалах Института международных исследований КНР[192], однако эта информация фрагментарна.

Каждое из указанных направлений исследования представляет самостоятельный интерес, однако до сих пор в отечественной науке связь между ними с учетом заявленной цели не прослеживалась.

Теоретическая база исследования основана на парадигмах политического реализма и конструктивизма теории международных отношений.

С опорой на парадигму политического реализма и теорию баланса сил[193] предполагается проанализировать влияние ЯО на политику и безопасность государства с точки зрения, во-первых, значимости ядерного оружия в формировании политического курса государств, во-вторых, возможности вступления ядерных держав в военный конфликт. В этой связи будет проанализирована дихотомия во взглядах К.Уолтца[194], с одной стороны, и, с

public/event/03232017_USChinaSND_KF_0.pdf?1oo3S4KipDCM99vl7OcconfGAbDimpqE (accessed: 07.08.2017).

[187] Twomey C. U.S.-China Strategic Dialogue, Phase II: Conference Report. 2007. Available at: http://hdl.handle.net/10945/825 (accessed: 07.08.2017).

[188] Kulacki G. Chickens talking with ducks: The US-Chinese nuclear dialogue //Arms Control Today. – 2011. – Т. 41. – №. 8. – С. 15.

[189] Wheeler M. Track 1,5/2 Security Dialogues With China: Nuclear Lessons Learned. Institute of Defense Analysis. Alexandria, Virginia. 2014.

[190] Saalman L. Placing a Renminbi Sign on Strategic Stability and Nuclear Reductions // in Colby E., Gerson M., eds. Strategic Stability: Contending Interpretations. Carlisle: Army War College Press, 2013. pp.343-382.

[191] Вода К.Р. Развитие китайско-американского ядерного диалога на неофициальном уровне. 03.04.2015. ИМЭМО РАН. Доступ: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1599&p=10 (дата обращения 30.06.2017).

[192]藤架裙。 中美核领域对话的回顾与展望 (Тэн Цзяцюнь. История и перспективы китайско-американского диалога в ядерной сфере). 03.08.2011. Доступ: http://www.ciis.org.cn/chinese/2011-08/03/content_4380219.htm (дата обращения: 07.08.2017).

[193] Kaufman S. J., Little R., Wohlforth W. C. (ed.). The Balance of Power in World History. New York. 2007.

[194] См. Waltz K. N. Realism and International Politics. New York: Routledge, 2008. P. 261. Также см.: Waltz K. N. Structural realism after the Cold War //International Security. 2000.Vol. 25. №. 1. PP.5-41.

другой, таких исследователей, как Дж.Миршаймер [195], Г.Аллисон [196] и С.Саган[197], в работах которых по-разному оценивается стабилизирующая роль ЯО - возможность вступления ядерных держав в конфликт с обычными вооружениями и достижимость абсолютной безопасности при помощи ЯО (что в более широкой перспективе иллюстрирует разницу в подходах к вопросам о ядерном распространении и ядерной многополярности).

Кроме того, с опорой на подход реализма и структурного реализма, отраженный в работах американских ученых - Б.Броди[198] (определившим ЯО как абсолютное оружие), Т. Шеллинга, а также выступающих в оппозиции друг к другу Р.Джервиса[199] и М.Кроенига[200], и российских исследователей - А.Г. Савельева [201], А.А.Кокошина [202], проводится осмысление вопроса о рациональности действий ядерных держав в условиях эскалации военного конфликта на фоне внутренних противоречий концепции ядерного сдерживания.

Теоретические основы настоящего исследования также представлены положениями конструктивизма (работы А.Вендта[203], Дж. Ван Вика[204]), что используется для объяснения формирования политики государств в условиях ядерного сдерживания и поиска баланса между «материальными» (фактический силовой потенциал) и когнитивными структурами - системой

---

[195] Mearsheimer J. J. et al. The tragedy of great power politics. – WW Norton & Company, 2001.

[196] Graham Allison. Nuclear Disorder: Surveying Atomic Threats// Foreign Affairs. Vol.89. №1. PP. 74-85 – Available at: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/19819/nuclear_disorder.html (Accessed: 7.02.2019).

[197] Mustafa M. Q. The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed. – 2003.

[198] Bernard Brodie. The absolute weapon: atomic power and world order (editor and contributor). New York : Harcourt, Brace and Co., 1946. 214 p.; он же. Strategy in the Missile Age, RAND Corp., 1959. Доступ: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/commercial_books/2007/RAND_CB137-1.pdf (дата обращения: 07.02.2020 г.); он же. The Development of Nuclear Strategy // International Security, Vol. 2. .№ 4 (Spring 1978). PP. 65-83. Доступ: http://ic.ucsc.edu/~rlipsch/pol179/Brodie.pdf (дата обращения: 07.02.2020)

[199] Jervis R. The Illogic of American Nuclear Strategy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 1984. 204 P.

[200] Kroenig M. The Logic of American Nuclear Strategy: Why Strategic Superiority Matters. Oxford University Press. 2018. 280 P.

[201] Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2 (монография). ИМЭМО РАН, Москва, 2000.

[202] Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы/ Предисл. В. П. Володина., С.К. Ознобищева, В. Я. Потапова. – М.: КРАСАНД, 2009. – 208 с.

[203] Wendt A. Constructing international politics //International security. 1995. Vol. 20. №. 1. PP. 71-81.

[203] Wendt A. 1995.

[204] Van Wyk J. A. et al. The international politics of nuclear weapons: A constructivist analysis //Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies. 2007. Vol. 35. №. 1.

взаимного восприятия, идентичностей и связей, психологического детерминизма, порождаемого фактором владения ЯО, - наслаиваемыми на силовой баланс.

Кроме того, работа опирается на теоретико-методологическую базу и классификации, предложенные в трудах ученых реалистов, выступивших наиболее ранними теоретиками концепции ядерного сдерживания (Г.Снайдер [205], Т.Шеллинг [206], Б.Броди [207]), и развитые в современных российских исследованиях В.А.Веселова[208], А.В.Фененко[209], А.А.Кокошина[210], А.Г.Савельева[211].

Диссертационное исследование опирается на совокупность общенаучных и политологических методов.

В частности, *наблюдение и интерпретация с точки зрения диалектики и в системном контексте* позволяют, с одной стороны, рассмотреть ядерный фактор в отношениях между США и КНР как преломление граней глобального соперничества, с другой - как параметр кооперации на международных площадках. Используются *проблемно-хронологический* подход, при помощи которого предполагается анализ динамики развития ядерных потенциалов двух стран и эволюция взаимного восприятия, *логико-прогностический* метод, направленный на построение проекций военно-политического

---

[205] Snyder G. H. Deterrence and Defense. Princeton University Press. 1961. 306 P. PP.14-16.; Также: Snyder G.H., Deterrence by Denial and Punishment. Princeton, N.J.: Center of International Studies. January 1959.

[206] Schelling T. C. The Strategy of Conflict. Harvard University Press, 1980. 309 P. PP.131-132.

[207] Bernard Brodie. The absolute weapon: atomic power and world order (editor and contributor). New York : Harcourt, Brace and Co., 1946. 214 p.; он же. Strategy in the Missile Age, RAND Corp., 1959. Доступ: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/commercial_books/2007/RAND_CB137-1.pdf (дата обращения: 07.02.2020 г.); он же. The Development of Nuclear Strategy // International Security, Vol. 2. .№ 4 (Spring 1978). PP. 65-83. Доступ: http://ic.ucsc.edu/~rlipsch/pol179/Brodie.pdf (дата обращения: 07.02.2020)

[208] Современная международная безопасность: Ядерный фактор / А.В. Фененко; отв.ред. В.А. Веселов. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. – 573 с.

[209] Фененко А.В. Современные концепции ядерного сдерживания. Международные процессы. Т. 10. № 2 (29). Май-август 2012. Доступ: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/07.htm (дата обращения: 12.10.2018).

[210] Кокошин А.А. Стратегическая стабильность: научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 11. С. 963–970.; Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы / Предисл. В.П. Володина, С.К. Ознобищева, В.Я. Потапова. М.: КРАСАНД, 2009.; Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: ИМО, 1989.

[211] Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2 (монография). ИМЭМО РАН, Москва, 2000.

противостояния Вашингтона и Пекина, *сравнительный анализ*, с общим преобладанием индуктивного подхода. Применяются приемы исторического исследования, синтеза, дискурс-анализа.

Научная новизна заключается в сопоставлении теоретических подходов к проблематике ядерного сдерживания и стратегической стабильности в США и КНР, оценке эффективности асимметричного ядерного сдерживания КНР в условиях достижения качественного паритета с США. Впервые описана эволюция взаимной трактовки концепций, проработаны вопросы формирования особенного варианта стратегической стабильности между США и КНР. Ядерный фактор в американо-китайских отношениях рассмотрен с учетом, во-первых, трансформации мирового порядка (углубление процесса формирования многополярности), во-вторых, правил ядерного сдерживания.

Результатом работы стал вывод об эффективности китайского подхода – сдерживания в условиях асимметрии, и одновременном стремлении КНР сократить количественный разрыв и окончательно ликвидировать качественное отставание от США. При этом доказано превалирование роли технологических возможностей средств доставки (дальности и наличия средств преодоления систем ПРО) над количественным потенциалом ядерных сил КНР.

Теоретическая гипотеза данной работы заключается в следующем.

Роль ядерного фактора в американо-китайских отношениях растет по мере изменения их места в структуре международных отношений. Ядерный фактор остаётся важнейшим структурным элементом конкуренции между США и КНР. Непредсказуемость в изменении баланса сил в ядерной сфере при отсутствии диалога стимулирует дальнейшее обострение гонки стратегических вооружений.

Положения, выносимые на защиту

1. Программа создания ЯО КНР стала вынужденной реакцией не только на конфронтационные отношения с США, но и начало раскола в отношениях с СССР, при их технологическом превосходстве. Ее развитие прошло этапы от «противодействия ядерному шантажу» со стороны как Вашингтона, так и Москвы, в отсутствие собственного ЯО и/или эффективных средств его доставки, к формированию средств убедительного «минимального сдерживания». Текущее состояние свидетельствует о готовности КНР осуществлять «ограниченное» ядерное сдерживание в отношении ведущих ядерных держав, хотя Пекин этого не признает.
2. На современном этапе значение американского фактора в развитии ядерного арсенала Китая возрастает. КНР использует ядерный арсенал для ассиметричного сдерживания военного давления США и для укрепления своего политического влияния в соответствии со статусом растущего центра силы в формирующейся многополярности. Неготовность Пекина определять границы развития своего ядерного арсенала свидетельствует о планах по его дальнейшему расширению.
3. Подход КНР - ядерное сдерживание в условиях асимметрии с превалирующей ролью технологических возможностей средств доставки (как дальность и средства преодоления ПРО), показал эффективность в отношениях с США. Однако КНР стремится укреплять взаимную уязвимость с США, приближаясь к паритетному равенству потенциалов в долгосрочной перспективе. При этом Вашингтон не готов пойти на шаги, повышающие уязвимость перед КНР ни на физическом, ни на декларативном уровне.
4. В отношениях между КНР и США в ядерной сфере отсутствуют важные факторы предсказуемости, как прозрачность процесса развития ядерного арсенала и планирования на случай ядерного конфликта,

которые могли бы способствовать верной трактовке действий оппонента и стратегической стабильности.

5. Руководство КНР склонно использовать терминологию в сфере ядерного сдерживания, выработанную в США, но налаживанию продуктивного диалога между ними препятствует разница в трактовке одних и тех же понятий. Это также иллюстрирует стратегические разногласия между странами.
6. Количество факторов, дестабилизирующих отношения США и КНР в ядерной сфере, растет. В последние десятилетия в их число вошли новые технологические факторы, учет которых ранее не представлялся необходимым – технологии высокоточных гиперзвуковых вооружений, милитаризация космического пространства и угрозы в киберсфере. Они создают условия для одновременной эскалации в нескольких потенциально конфликтных сферах.
7. Факторы неопределенности в отношениях между США и КНР в ядерной сфере, в сравнении с мерами доверия, превалируют. В связи с этим, стороны оценивают опасность неуправляемой эскалации ядерного конфликта как более реалистичную, и до сих пор не были склонны вступать в прямой неядерный конфликт. Вместе с тем возможность ядерного конфликта увеличивается из-за нарастающих политических противоречий и превращения КНР в представлении Вашингтона в главную угрозу глобальному лидерству США.
8. Перспектива трансформации КНР в ядерное государство, арсенал которого по совокупным параметрам сопоставим с ядерными силами США и России, окажет негативное влияние на переговоры о новых договоренностях в сфере сокращения стратегических вооружений между Москвой и Вашингтоном.

Теоретическая значимость исследования заключается в апробации теории баланса сил применительно к отношениям между США и КНР в

условиях неопределенности, обусловленной трансформацией закономерностей развития китайского ядерного арсенала и появлением новых технологических факторов, влияющих на логику ядерного сдерживания применительно ко всем ядерным государствам.

Исследование показало, что одним из базовых научных вопросов, связанных с практическим применением данной теории, остается выявление и уточнение представлений и мотивов, побуждающих руководство стран к политическому и военному риску, присущих государствам с разной культурой принятия решений о роли силы (стратегической культурой). В свою очередь, это ставит вопрос о потребности в проведении дальнейших исследований в области сопоставления теории баланса сил и концепции стратегической культуры как нарождающегося политологического термина, требующего научной разработки и уточнения.

Также в исследовании проанализированы китайские подходы в области теории ядерного сдерживания – как самостоятельное направление научно-исследовательской мысли и в контексте использования и интерпретации концептуальных понятий, выработанных американскими учеными.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов для оценки перспектив дальнейших взаимоотношений между США и КНР и формирования соответствующего политического курса РФ.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня источников и литературы.

В первой главе рассмотрены политико-военный контекст, формирующий американо-китайские отношения, используемый странами понятийный аппарат в сфере ядерного сдерживания и стратегической стабильности, а также их представления о месте ЯО в обеспечении национальной безопасности.

Вторая глава посвящена динамике развития ядерных арсеналов и формирования ядерного сдерживания между США и КНР. Глава

подразделяется на блоки, посвященные формированию американо-китайского ядерного баланса, эволюции оценок степени взаимной ядерной угрозы и трансформации ядерного планирования США и КНР в отношении друг друга.

В третьей главе проведен анализ попыток американо-китайского стратегического диалога как фактора, способного оказать стабилизирующее влияние на отношения США и КНР в сфере ЯО. Рассмотрена эволюция форматов взаимодействия в рамках международно-правовых ограничений и в сфере мер доверия, а также налаживания постоянных форматов диалога в сфере ядерных вооружений, которые сводятся на данном этапе к регулярным, но неформальным обменам.

В четвертой главе рассмотрены перспективы изменения роли ядерного сдерживания в отношениях между США и КНР с учетом дестабилизирующих факторов, которые увеличивают неопределенность. В их числе - новые доктринальные и технологические факторы, нарастание киберугроз для ядерной инфраструктуры, программы оборонных НИОКР в США и КНР, разработки гиперзвуковых вооружений и средств противоракетной обороны. Также проанализированы перспективы влияния ЯО на эскалацию военного конфликта с участием ВС США и КНР.

Апробация основных положений диссертации

Основные положения диссертационной работы нашли отражение в научных публикациях автора в журналах «Мировая экономика и международные отношения», «Вестник Московского университета», «Проблемы Дальнего Востока».

В рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования:

1. Крашенинникова Л.С. Политика КНР в сфере военных НИОКР / Л.С. Крашенинникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2016.

– Т. 60. – № 10. – С. 17-28. – DOI 10.20542/0131-2227-2016-60-10-17-28. (1,3 п.л.);

2. Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика / В.Б. Кашин, А.С. Пятачкова, Л.С. Крашенинникова // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 123-138. – DOI 10.24411/2221-3279-2020-10024. (1,2 п.л.);

3. Крашенинникова Л.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства / В.Б. Кашин, Л.С. Крашенинникова, А.С. Пятачкова // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 7. – С. 49-59. – DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-7-49-59. (1,3 п.л.).

В рецензируемых научных изданиях (по шифру специальности представляемой к защите диссертации):

1. Крашенинникова Л.С. Эволюция военной ядерной программы КНР / Л.С. Крашенинникова // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4 (28). – С.127-133. (1 п.л.);

2. Крашенинникова Л.С. Влияние китайской стратегической культуры на ядерную политику КНР / Л.С. Крашенинникова // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – № 3. – С.142-168. (1,5 п.л.);

3. Крашенинникова Л.С. Эволюция взглядов военно-политического руководства и экспертно-аналитического сообщества США на ядерный потенциал Китайской Народной Республики после окончания холодной войны / Л.С. Крашенинникова // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – № 4. – С. 85-125. (2,8 п.л.);

4. Крашенинникова Л.С. Зарождение и эволюция ракетно-ядерного сдерживания между США и КНР / Л.С. Крашенинникова // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 6. – С. 16-26. (1 п.л.);

5. Крашенинникова Л.С. История и перспективы развития американо-

китайского диалога в сфере ядерных вооружений (1980-2017) / Л.С. Крашенинникова // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 35-66. (1,5 п.л.);

6. Крашенинникова Л.С. Китайская академия ядерной физики – создатель китайского ядерного оружия / В.Б. Кашин, Л.С. Крашенинникова // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 5. – С. 70-84. (1 п.л.).

В прочих изданиях:

1. Крашенинникова Л.С. Взгляды США на перспективы применения ядерного оружия в XXI в. / Л.С. Крашенинникова // Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов : Сборник материалов Международной конференции молодых ученых, Москва, 11-12 апреля 2019 года / Национальный исследовательский институт Мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Институт США и Канады Российской академии наук, Институт Европы Российской академии наук. – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2019. – С.70-78. (0,8 п.л.).

Кроме того, автор принимал участие в следующих научно-практических мероприятиях, выступив:

-на конференции молодых ученых «Политические и военно-экономические аспекты международной и региональной безопасности» на тему «Стратегическая культура КНР и ее истоки. Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Центр международной безопасности. 11 декабря 2014 г. Материалы доклада опубликованы в сборнике.

-на XXIV конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» на тему «Проблемы и перспективы развития военных контактов

между США и КНР при администрации Д. Трампа». Секция «Мировая политика». 13 апреля 2017 г.

-на международной научной конференции «Глобальный Юг в полицентричном миропорядке» ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова. Секция 3 «Проблемы безопасности и борьбы с терроризмом в странах «Глобального Юга» на тему «Развитие гиперзвуковых технологий как новый фактор влияния на систему ядерного сдерживания в АТР и Южной Азии». 19 апреля 2018 г. Материалы доклада опубликованы в сборнике «Глобальный Юг в полицентричном миропорядке».

-на международной научной конференции молодых ученых «Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов». Секция 4 «Безопасность Запада: поиск ответов на новые вызовы» на тему «Взгляды США на перспективы применения ядерного оружия в XXI веке». 11 апреля 2019 г. Материалы доклада опубликованы в сборнике «Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов (Мировое развитие. Выпуск 21)» / Ред. колл.: К.Р. Вода, К.А. Годованюк, А.А. Давыдов и др. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. С.70-78.

ГЛАВА I. ПОДХОДЫ США И КНР В СФЕРЕ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Задачей данной главы является определение роли ядерного оружия в обеспечении интересов США и КНР, а также теоретических основ понимания проблематики ядерного сдерживания и стратегической стабильности, актуальных для политического руководства США и КНР. Решение указанной задачи в контексте данного исследования позволяет выявить приоритеты дальнейшей политики стран в сфере развития ядерных сил.

1.1. Военно-политические и стратегические приоритеты США и КНР в XXI веке

Важной особенностью глобального военно-политического контекста в XXI веке является увеличение значимости КНР как одного из новых центров силы в формирующейся многополярности. В соответствии с представлениями современных исследователей, это связано с комплексом факторов, включая глобальные факторы политического лидерства (как нарастание кризиса идеи «демократического мира», основанного на лидерстве США[212], формирование, в соответствии с суждением С.Г.Лузянина, «обновленного мира» с возросшей ролью КНР в мировой политике[213]), финансового лидерства (как сокращение роли доллара США в международных расчетах[214]), а также повышение значимости России и Китая в поддержании безопасности в Евразии (как отмечают В.Н.Колотов и А.А.Маслов, на евразийской[215] и восточноазиатской[216] «дугах безопасности») и снижение реального влияния США на евразийские процессы (ситуация в Афганистане).

---

[212] Карпович О. Глобальные проблемы международных отношений в контексте формирующегося многополярного мира //Международная жизнь. 2014. №. 5. С. 88-102.

[213] Россия – Китай: формирование обновленного мира; монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. С.221-223.

[214] Максимова Е.В., Морозов В.В. Уход от доллара - как проявление трансформации мировой финансовой системы // Инновации и инвестиции. 2019. №3. С. 163-166.

[215] Колотов В. Н., Маслов А. А. Евразийская дуга нестабильности и новые вызовы для России //Международная жизнь. 2021. №. 2. С. 136-141.

[216] Колотов В.Н. Основные проблемы региональной безопасности на южном фланге восточноазиатской дуги нестабильности в 2015 г. // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2015. №27. С.23-32.

В этих условиях, с учетом комплекса развития ракетных и космических технологий, модернизации вооруженных сил, ядерных арсеналов, можно согласиться с суждением А.Д.Богатурова, который отмечает, что после не увенчавшейся успехом попытки США закрепиться в статусе лидера однополярного мира, XXI в. КНР превратилась в полноценный экономический, военный и космический центр в мире «троецентричном» (трехполюсном)[217].

Это отражается в укреплении военного потенциала КНР и ее претензий на бóльшую роль в глобальном управлении, которые приходят в противоречие с интересами Вашингтона.

Трансформация военно-политического, геостратегического и экономического позиционирования КНР происходит на фоне роста китайского экономического потенциала (включая осознаваемую Пекином потребность обеспечивать расширение присутствия китайских компаний на иностранных рынках) и обусловливает рост комплекса противоречий с Вашингтоном, поскольку последний стремится удержать лидерство в основных сферах. Как указывает А.Подберезкин, в наблюдаемый с 2010-х гг. особый период укрепления многополярной архитектуры (как переходный период развития военно-силовой парадигмы влияния) в международных отношениях актуальна категорическая установка на сохранение американского контроля над финансово-экономической и военно-политической ситуацией в мире в новых условиях при помощи инструментов насилия - «политики силового принуждения»[218].

Исследователи-международники, работающие в парадигме политического реализма, размышляют над столкновением интересов США и КНР с позиций «ловушки Фукидида», делая противоречивые выводы о целесообразной для Вашингтона политике. С одной стороны, по мнению

---

[217] Богатуров А. Д. и др. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980-2018. М.: Юрайт. 2019. 362 С. С.11.

[218] Подберёзкин А. И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019-2025 гг.). Часть 1 //Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2019. №. 4. С. 5-26.

влиятельного американского политолога Дж.Миршаймера, продвигающего идеи «наступательного реализма» (offensive realism), США не могут допустить превращения Китая в равного соперника[219] (в то время как в документах Белого дома, по состоянию на 2020 г., Китай и Россия уже упоминаются как «почти равные» (near-peer) соперники [220]). Другие исследователи, как Дж.Киршнер, (который опирается на доводы другого исследователя, работающего в парадигме структурного реализма, - Р.Гилпина [221]), подчеркивают рациональность политики разумных уступок, на которые может пойти один гегемон, наблюдая возвышение другого по аналогии с политикой Великобритании в отношении колоний в середине XX в. В то же время, признается, что политика уступок подразумевает сложный выбор для каждого политического лидера. Дж.Киршнер подчеркивает сложность таких шагов для США: «гегемоны слишком уверены в себе, чтобы делать уступки, когда это нужно, и испытывают слишком большой страх перед ними, когда они вынуждены» [222].

Стратегические приоритеты США неразрывно связаны с проецированием военной силы и отражены в комплексе военно-доктринальных документов. В первую очередь, в «Стратегиях национальной безопасности» (National Security Strategy), «Стратегиях национальной обороны» (National Defense Strategy), «Руководящих принципах оборонной стратегии» (Defense Strategic Guidance [223]), «Четырехлетних обзорах оборонной политики» разных лет. В концентрированном виде политика США в сфере ядерного оружия определяется в «Обзорах ядерной политики» (Nuclear Posture Review) каждой из американских администраций. В этих

---

[219] «Mearsheimer: U.S. Won't Tolerate China as Peer Competitor». Deutche Welle. 20.09.2020. Available at: https://www.dw.com/en/chinas-rise-and-conflict-with-us/a-55026173 (Accessed: 11.10.2020).

[220] Ensuring America's Security and Prosperity. White House FY'21 Fact Sheet. Available at: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/02/FY21-Fact-Sheet-National-Security.pdf (Accessed: 08.11.2020).

[221] Gilpin R. The Richness of the Tradition of Political Realism» i Keohane, R.(red.) Neorealism and Its Critics. 1986. New York: Columbia University Press. PP. 301-321.

[222] Kirshner J. Offensive realism, thucydides traps, and the tragedy of unforced errors: classical realism and US–China relations //China International Strategy Review. 2019. Vol. 1. – №. 1. PP. 51-63.

[223] Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. 2012. Available at: https://archive.defense.gov/news/defense_strategic_guidance.pdf (Accessed: 10.10.2020).

документах постулируется важность сохранения глобального лидерства (sustaining global leadership) Вашингтона в военной и гражданской сферах, что также подразумевает экономическое доминирование США и их партнеров в основных регионах. С точки зрения военной доктрины, этот приоритет иллюстрируется укреплением возможностей проецирования военной силы США в рамках Объединенной концепции доступа и маневра к глобальным театрам (JAM-GC) 2015 года, созданной на основе подхода Авиационно-морского сражения (AirSea Battle).

Оформление КНР как полноценного «полюса» в новой многополярности сопровождается изменениями в стратегическом позиционировании Пекина. Как отмечает И.Е. Денисов, «идеология Си Цзиньпина – это идеология превращения Китая из большого государства в сильное, идеология трансфера глобальной власти. Дипломатия Си Цзиньпина носит транзитный характер, символизирующий рост глобальных амбиций Китая»[224]. На уровне работ ведущих китайских ученых-международников, мнения которых, вероятно, призваны транслировать позицию Пекина, артикулируется идея возрождения былого величия. Так, по словам китайского исследователя Янь Сюэтуна, китайская нация намерена исправить «историческую ошибку» («столетие унижения», которое началось с Опиумных войн XIX в.)[225]. При этом, формулировки, описывающие новый для глобального сообщества, китайский вариант набора ценностей при Си Цзиньпине (председатель КНР с 2013 г.) характеризуются мягкостью и обтекаемостью (инициатива «Один пояс, один путь», понятия «сообщество единой судьбы человечества», «взаимная выгода», упор на концепции «справедливости», «рациональности», идеи китайского возрождения), отличаясь от оформившихся еще в эпоху холодной войны и экстраполируемых

[224]=Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2017 с. 88 - https://cyberleninka.ru/article/n/formuly-vneshney-politiki-si-tszinpina-osnovnye-osobennosti-i-problemy-interpretatsii

[225]= Friedberg A. Hegemony with Chinese Characteristics // National Interest https://nationalinterest.org/article/hegemony-chinese-characteristics-5439

на весь условный «западный» мир американских концепций лидерства в обеспечении демократии, либерального рынка и защиты прав человека. При этом заметно, что внешняя политика КНР приобретает более активный и гибкий характер, охватывающей практически все регионы мира»[226]. При этом важно, что КНР формирует собственную парадигму и изначально отказывается вписываться в западные концепции силы и влияния (как в общеполитическом плане, так и в понимании ядерного сдерживания). В сфере теории международных отношений формируются оригинальные концепции (как, «Поднебесная»)[227]. Анализируя дискуссию о росте мощи КНР, китайский политолог-международник Е.Цзычен приводит аналогию со слоном, отталкиваясь от мнения ряда экспертов, что отставание Китая от Запада не может быть ликвидировано в течение XXI в., поэтому Китай не должен ставить своей задачей превзойти Запад: он отмечает, что в интересы Китая не входит участие в конфликтах по всему миру и превращение в супердержаву наравне с США (превращаться в тигра (как США) или становиться в один ряд с волками – и Россией, Японией и Индией) – напротив, он должен быть благодушным слоном[228]. В то же время, в США рост военной мощи понимается именно с позиций политического реализма. Нарастание темы «китайской угрозы» упоминается в контексте парадокса «ловушки Фукидида»[229].

Фактически, увеличение глобальной роли КНР отражено в документах по общей стратегии, как белая книга канцелярии Госсовета КНР «Китай и мир в новую эпоху» (2019 г.) и военной стратегии, как белая книга «Китайская национальная оборона в новую эпоху» (2019 г.).

---

[226] Россия – Китай: формирование обновленного мира; монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. С.24.

[227] Чжао Тинъян. Система «Тянься». Введение в философию мировой системы. Цзянсу цзяою чубаньшэ, 2005. С. 160. (赵汀阳. 天下体系. 世界制度哲学导论. 江苏教育出版社, 2005, 页数 160).

[228] Ye Zicheng. Inside China's Grand Strategy: the Perspective from the People's Republic edited and translated by Guoli Liu and Steven I. Levine, Published by: The University Press of Kentucky, 2011

[229] Allison G.Destined For War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

В сфере глобального управления амбиции КНР отражены в попытках институционализации инициативы «Пояса и пути» (проведение с 2017 года Форума пояса и пути, позиционируемого как инструмент глобального управления), а также в формировании глобальных финансовых институтов – Фонда Шёлкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (оба созданы в 2014 г.).

Помимо признаков расширения ядерного арсенала, в сфере военного позиционирования наиболее показательно изменение доктрины ВМФ КНР – переход от «обороны в ближних морях» к «обороне в ближних морях и защите и обороне в дальних морях»[230] и построение авианосного флота, участие в антипиратских операциях и обеспечение морских интересов КНР в Арктике[231] - что создает новый контекст для столкновения военно-стратегических интересов США и КНР.

Нарастание интереса США к сдерживанию влияния КНР обозначилось при Д.Буше-мл. и стало доминирующим трендом при администрациях Б.Обамы и Д.Трампа. Оно отразилось в политике «Тихоокеанского разворота» (Pivot to Asia Pacific), обозначенной бывшей главой Госдепартамента Х.Клинтон[232] и президентом Б.Обамой. Также – в выведении на первый план понятия «Индо-пацифика» (Indo-Pacific Region, «Индо-тихоокеанский регион») - фактическом присоединении Индии как стратегического соперника КНР к стратегическому региону АТР, и возрождении предложенной Японией в 2007 г. концепции четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности с участием США, Индии, Японии и Австралии (Quad) администрацией Д.Трампа. Также - в поддержании оборонных связей с Японией, Южной Кореей, Австралией, Тайванем (поставки вооружений Тайваню, продолжение которых противоречит духу одного из базовых документов в американо-

[230] URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm

[231] 徐立特 et al. 新时代中国海军外交中的战略文化——以海洋公域活动为例 //郑州航空工业管理学院学报 (社会科学版). – 2018. – №. 2018 年 04. – С. 36-45.

[232] Clinton H. America’s Pacific Century. Foreign Policy. 11.10.2011. Available at: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/ (Accessed: 10.10.2020).

китайских отношениях – Совместному коммюнике о продаже вооружений Тайваню 1982 г. [233]), проведении совместных учений и «операций по поддержанию свободы навигации» в акваториях, на принадлежность которых претендует Пекин, и т.д.

С начала XXI в. также прослеживается трансформация значимости ядерного сдерживания в обеспечении национальных интересов США. Главным образом, это возвращение значимости ядерного оружия и, что особенно важно, его нестратегических видов, обозначенное в 2018 г. [234], в противовес концепции «Новой триады» (New Triad) и расширении роли неядерных оружейных комплексов (2001 г.) [235]. Практическим шагом на этом направлении стал выход США из ДРСМД, что открыло возможность создания наземных нестратегических ядерных комплексов, наличие которых повышает опасность потенциальной эскалации ядерного конфликта.

Стратегические приоритеты КНР определены в «Белых книгах» канцелярии Госсовета КНР. Магистральное направление их трансформации в последние два десятилетия связано с ростом влияния Пекина в мировой политике.

Первые признаки намерения Пекина расширить глобальное влияние обозначились при Ху Цзиньтао (председатель КНР в 2003-2013 гг.) – с поощрения Пекином инвестиций китайских компаний в Африку и начала участия Народно-освободительной армии Китая (КНР) в антипиратских операциях. Дальнейший рост внешнеполитической активности КНР наблюдается при Си Цзиньпине и связан с концепцией «Пояса и пути», расширением военного присутствия КНР за пределами материковой части (строительство базы материально-технического обеспечения КНР в Джибути, расширение островов в спорной акватории Южно-Китайского моря),

---

[233]= The August 17, 1982 U.S.-China Communiqué on Arms Sales to Taiwan. Available at: https://history.state.gov/milestones/1981-1988/china-communique (Accessed: 10.10.2020).

[234] Nuclear Posture Review Report // US Department of defense. 2018. Available at: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (Accessed: 20.10.2020).

[235] Excerpts of Classified Nuclear Posture Review // Information Centre on Militarization. 08.01.2002. Available at: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf (accessed: 24.11.2016).

ужесточением риторики в доктринальных документах. Показательным стало содержание Белой книги «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», в которой прописана важность невмешательства нерегиональных держав[236].

Ядерное оружие КНР в военно-политическом позиционировании признано обеспечивать имидж страны как ведущей военной державы. В отличие от РФ и США, официальные данные о количестве и составе ядерных сил КНР не публикуются. Официальная политика Пекина в сфере ЯО отрицает наступательность, отводя ЯО роль инструмента удержания противника от ядерной атаки. При этом наблюдаемые признаки расширения количественного и качественного состава ядерного арсенала КНР все больше диссонируют с формальным принципом неприменения ядерного оружия первыми (объявленным после вступления КНР в «ядерный клуб» в 1964 г.) и сохранявшимся длительное время подходом поддержания минимально необходимого ядерного арсенала.

По состоянию на 2020 г. конфронтационность в отношениях между США и КНР выражается главным образом в остром экономическом противоборстве, что можно рассматривать, с одной стороны, как следствие эффективности взаимного военного (и в частности – ядерного) сдерживания, с другой – как углубление предпосылок для военного столкновения. Следственно - не исчерпывает актуальности изучения ядерного фактора в отношениях между США и КНР на фоне трансформации правовой базы нераспространения ЯО и роста реалистичности угроз применить ЯО вследствие развития сторонами его нестратегических носителей.

1.2. Концепции и понятийный аппарат в области ядерного сдерживания в отечественных и американских работах

[236] «中国的亚太安全合作政策», 2017. [«Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»] Доступ: http://www.gov.cn/zhengce/2017-01/11/content_5158864.htm (дата обращения: 11.10.2020).

Западные концепции ядерного сдерживания неразрывно связаны с пониманием силы в теории международных отношений (ТМО). Представители различных школ ТМО - либерализма, реализма и конструктивизма, постмодернистских теорий - по-разному оценивают значимость ЯО как силового фактора, оказывающего влияние на политику.

Приверженцы парадигмы политического неолиберализма (либерального институционализма) не ставят под сомнение разрушительный характер ЯО и его влияние на политику, однако опираются на постулат о первостепенности международной кооперации и международных договоренностей. Применительно к ядерному оружию это, прежде всего, связано с договоренностями в сфере нераспространения и ограничения вооружений. Исследователи, работающие в рамках данной парадигмы, подчеркивают роль международных организаций и переговоров внутри сообщества государств, стремящихся к схожим целям. Их идеология опирается на базовый постулат экономической нецелесообразности военных действий, изложенный в работе Н.Энджелла 1910 г. «Великая иллюзия»[237], на примат этических вопросов и поддержания общих ценностей и взаимосвязанных интересов, ради которых следует вырабатывать и соблюдать договоренности, в том числе, и в ядерной сфере. В частности, эти идеи отражены в работах ученого-международника Р.Кеохейна [238], бывшего председателя группы Национального совета безопасности США по вопросам нераспространения ядерного оружия Дж.Ная [239] и др. При этом ядерному оружию в их исследованиях уделяется существенно меньшее внимание, чем в работах неореалистов.

Авторы, работающие в рамках парадигмы неореализма (структурного реализма), признают влияние ядерного сдерживания на стратегию

[237] Angell N. S. The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power to National Advantage. – Library of Alexandria, 1910.
[238] Keohane R. International Institutions and State Power. London. – 1989. 270 P.
[239] Nye Jr J. S. Nuclear learning and US-Soviet security regimes //International Organization. – 1987. – PP. 371-402. Также см.: Nye J. S. Ethics and the Nuclear Future //The World Today. – 1986. – Т. 42. – №. 8/9. – PP. 151-154.

обеспечения национальной безопасности и детально исследуют различные аспекты теории ядерного сдерживания. Они подвергают критике позицию теоретиков либерального институционализма, отмечая слабую роль институтов в сдерживании намерении государств наращивать свой силовой потенциал[240].

На фоне богатства исследовательской мысли в изучении вопросов ЯО в рамках парадигмы неореализма, выделяются разные подходы к пониманию характера влияния ЯО на военно-политические шаги государств.

В этом отношении центральной можно считать дихотомию взглядов К.Уолтца и Дж.Миршаймера, в работах которых по-разному оценивается возможность вступления ядерных держав в конфликт с обычными вооружениями. С точки зрения Дж.Миршаймера, изложенной в его работе «Трагедия политики великих держав», опубликованной в 2001 г.[241], наличие у обеих сторон ядерного оружия нельзя рассматривать как фактор, априорно исключающий их готовность принять на себя риск подвергнуться ядерному удару в продолжение неядерного военного конфликта. Как указывают Э.И.Рот и З.Кригер, Миршаймер апеллирует к «парадоксу стабильности-нестабильности» (stability-instability paradox), в соответствии с которым, стороны могут быть уверены в неготовности оппонента применить ЯО из-за боязни ущерба - осознания разрушительности возможных ядерных ударов[242]. В соответствии с логикой К.Уолтца, факт наличия ЯО, напротив, делает нападение с использованием обычных вооружений менее вероятным (заведомо невыгодным и иррациональным), а обладание возможностью нанести ответный ядерный удар обеспечивает «абсолютную безопасность» (absolute security).

В основе данного противоречия заложена разница в понимании обеспечения безопасности и уровне готовности сторон принять на себя риск

---

[240] Mearsheimer J. J. The false promise of international institutions //International security. 1994. Vol. 19. №. 3. PP. 5-49.
[241] Mearsheimer J. J. et al. The tragedy of great power politics. – WW Norton & Company, 2001.
[242] Roth A. I. Nuclear Weapons in Neo-Realist Theory //International Studies Review. – 2007. – Vol. 9. – №. 3. – PP. 369-384.

сосуществования с сильными оппонентами (по логике К.Уолтца, обеспечению безопасности способствует стабильность, достигаемая через развитие собственного силового потенциала, сопоставимого с потенциалами окружающих, также обладающих силовым потенциалом; в соответствии с подходом Дж.Миршаймера, безопасность означает предотвращение роста потенциала возможных противников и обеспечение собственной гегемонии). Также, по мнению Э.Рота и З.Кригера, сутью противоречия является ожидаемый «объем безопасности» (amount of security), достигаемой за счет обладания ЯО [243]. Иными словами, если К.Уолтц рассматривает ЯО как однозначно стабилизирующий фактор[244], то Дж.Миршаймер, не отрицая его стабилизирующих элементов, указывает на неспособность ЯО сдержать конфликт с обычными вооружениями.

В более широкой перспективе это несоответствие иллюстрирует разницу в подходах к вопросам о ядерном распространении и ядерной многополярности.

К ученым, работающим в парадигме неореализма, указывающим на дестабилизирующий характер ядерного оружия, также относятся Г. Аллисон (который развивает концепцию «глобального ядерного нуля»[245]) и оппонент К.Уолтца - С.Саган (подчеркивающий опасность горизонтального ядерного распространения из-за недостатка организационного опыта управления ядерным арсеналом у новых и потенциальных ядерных стан)[246].

Особой задачей в исследованиях ядерного сдерживания-устрашения ученых-реалистов и неореалистов было и остается осмысление вопроса о возможных рациональных действиях сторон с учетом внутренней противоречивости (парадоксальности) концепции ядерного сдерживания. Наиболее системный анализ проблемы парадоксальности ядерного

---

[243] Roth A. I. Nuclear Weapons in Neo-Realist Theory //International Studies Review. – 2007. – Vol. 9. – №. 3. – PP. 369-384.

[244] См. Waltz K. N. Realism and International Politics. New York: Routledge, 2008. P. 261. Также см.: Waltz K. N. Structural realism after the Cold War //International Security. 2000.Vol. 25. №. 1. PP.5-41.

[245] Graham Allison. Nuclear Disorder: Surveying Atomic Threats// Foreign Affairs. Vol.89. №1. PP. 74-85 – Available at: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/19819/nuclear_disorder.html (Accessed: 7.02.2019).

[246] Mustafa M. Q. The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed. – 2003.

сдерживания дан Т. Шеллингом, А.Г. Савельевым, А.А.Кокошиным и другим авторами. Во многом парадоксальность ЯО связана с вопросом убедительности намерений и (в особенности, в случае изучения КНР) верифицируемости угрозы.

Базовое противоречие концепции ЯО было отмечено в работах Б.Броди, который определил ЯО как «абсолютное оружие» (absolute weapons), сила которого настолько колоссальна, что возникает вопрос о целесообразности ее применения[247] (то есть подрывает рациональность и реалистичность угроз). Позднее в своей работе «Вооружения и влияние» («Arms and Influence», 1966 г.), Т.Шеллинг указывал на снижение реалистичности объявленного намерения применить ЯО (и понести негативные последствия) вследствие заведомой предсказуемости ответного ядерного удара. В другой работе «Стратегия конфликта» («The Strategy of Conflict», 1963 г.)[248] он подчеркнул, что сдерживание может утратить силу, если станет ясно, что одна из сторон не готова реализовать угрозу.

Внутреннее противоречие концепции ядерного сдерживания отмечается и в работе «Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем»[249] А.А.Кокошина: «с одной стороны, она нацелена на то, чтобы снизить вероятность войны, сделав ее чудовищно разрушительной. Для этого государство должно обладать такими ядерными силами, которые позволяют выполнить задачу гарантированного уничтожения противника, причинить ему невосполнимый ущерб <…> с другой стороны, для достижения сдерживающего эффекта угрозе применения ядерного оружия надо придать достоверный, убедительный характер. Для этого ядерную войну надо сделать менее разрушительной, но тем самым и более вероятной». Этот подход лежит

---

[247] Brodie B. The absolute weapon: atomic power and world order (editor and contributor). New York : Harcourt, Brace and Co., 1946, 214 с., он же – Strategy In the Missile Age, RAND Corp., 1959. Available at: (Accessed: 07.02.2019). Он же - The Development of Nuclear Strategy. International Security, Vol. 2. №4 (Spring 1978). PP. 65-83. Available at: http://ic.ucsc.edu/~rlipsch/pol179/Brodie.pdf (Accessed: 07.02.2019).

[248] Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.

[249] Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы/ Предисл. В. П. Володина., С.К. Ознобищева, В. Я. Потапова. – М.: КРАСАНД, 2009. – 208 с.

в основе концепций ограничения ядерной войны — либо рамками театра военных действий (ТВД), либо «правилами» ограниченного стратегического обмена (для придания достоверности возможности применения ЯО проходило наращивание «контрсиловых» вооружений стратегических ядерных сил (СЯС), а также развитие тактического и оперативно-тактического ядерного оружия [250]). А.А. Кокошин также отмечает, что устойчивость ситуации ядерного сдерживания тем выше, чем сильнее уверенность каждой из сторон в том, что противник не сможет нанести разоружающий удар и что она в любых условиях сможет осуществить возмездие[251].

Также показательно противоречие во взглядах Р.Джервиса и М.Кроенига по вопросу о том, какая позиция – опора на силы, минимально необходимые для ответного ядерного удара, или сохранение ядерного превосходства (характерное для отношений между США и практически всеми остальными государствами кроме СССР/РФ) - делает сдерживание более стабильным. Указанными авторами были опубликованы работы с зеркально различающимися названиями: «The Illogic of American Nuclear Strategy» («Нелогичность американской ядерной стратегии» авторства Р.Джервиса, 1984 г.[252]) и «The Logic of American Nuclear Strategy» (Логика американской ядерной стратегии», 2018 г. [253]). Р.Джервис делает вывод о дестабилизирующем эффекте от владения чрезмерно большим ЯС. Он отмечает большую реалистичность угроз, озвученных государством с меньшим арсеналом в случае серьезной опасности – что, в свою очередь, обеспечивает стабильность ядерного сдерживания. Напротив, по мнению М.Кроенига, более стабилизирующий эффект на сдерживание оказывает наличие арсенала, существенно превосходящего ядерные силы противника. Он указывает, что стороны могут счесть угрозу с его стороны более

[250] А.А.Кокошин, Ук.соч., 2009. С. 99-100.
[251] Там же. С.102
[252] Jervis R. The Illogic of American Nuclear Strategy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 1984. 204 P.
[253] Kroenig M. The Logic of American Nuclear Strategy: Why Strategic Superiority Matters. Oxford University Press. 2018. 280 P.

реалистичной, поскольку осознают его готовность рисковать при заведомо меньшем потенциальном ущербе от обмена ядерными ударами.

В соответствии с типологией, выработанной американскими исследователями (как Г.Снайдер[254], Р.Осгуд[255], Т.Шеллинг[256]) в 1960-е гг., ядерное сдерживание может принимать формы «отрицания» (denial) и «наказания» (punishment). Под первым понимается удержание оппонента от наступательных действий за счет собственного силового потенциала, обеспечивающего заведомую невозможность достижения целей оппонента (например, способность нанести ответный локальный удар). Под вторым – возможность ответить на агрессию всеобъемлющей атакой. Наличие какой-либо из этих компонентов в ядерном сдерживании способно убедить потенциального агрессора в иррациональности нанесения первого удара[257], поскольку вне зависимости от того, кто нанесет удар первым, он неминуемо пострадает от ответных действий. При этом, как отмечает Т.Шеллинг, подход «сдерживания-отрицания» предполагает менее масштабные, но более конкретные угрозы, и потому более убедителен, чем «сдерживание-наказание» [258] (следовательно, такая стратегия способна оказать более стабилизирующий эффект).

Также, как указывает А.Г.Савельев, особое влияние на ситуацию ядерного сдерживания может оказать сохранение данных о ядерном арсенале (и возможности нанести ответный удар) в секрете: эффект неопределенности характеризует собой «экзистенциональное» сдерживание. Это понятие соответствует описанному Т.Шеллингом принципу силы, порождаемой отсутствием знания. Такой подход характерен КНР, причем Китай стремится управлять иностранными представлениями о своем арсенале посредством публикации в государственной прессе материалов, раскрывающих некоторые

---

[254] Snyder G. H. Deterrence and Defense. Princeton University Press. 1961. 306 P. PP.14-16.; Также: Snyder G.H., Deterrence by Denial and Punishment. Princeton, N.J.: Center of International Studies. January 1959.
[255] Op.cit.: Snyder G. H. 1961. PP.14-15.
[256] Schelling T. C. The Strategy of Conflict. Harvard University Press, 1980. 309 P. PP.131-132.
[257] Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2 (монография). ИМЭМО РАН, Москва, 2000.
[258] Schelling T. C., 1980. P.123.

детали новых разработок китайского ЯО и его базирования [259]. На основе этих данных можно сделать вывод о достижении КНР правдоподобной возможности осуществить и «отрицание», и «наказание».

Также важное место в работах ученых-реалистов занимает понятие принуждения (compellence) – возможность склонить противника к каким-то решениям или действиям, не соответствующим его исходным намерениям путем угрозы. Это понятие может использоваться в оппозиции к ядерному сдерживанию – как наступательная стратегия, возможность угрозы применить ЯО для изменения статус-кво в свою пользу, а не удержания противника от каких-либо действий[260].

Рассматривая формирование политики государств в условиях ядерного сдерживания, представители конструктивизма стремятся отойти от опоры на «материальное» (фактический силовой потенциал). Они стремятся сделать отправной точкой вопрос формирования идентичностей и взаимного восприятия. Приверженцы конструктивизма рассматривают эффективность ЯО как политико-военного инструмента в контексте психологии – особенностей восприятия и субъективных представлений о взаимных намерениях. Этот контекст наслаивается на фундамент силового баланса и трансформирует архитектуру сдерживания. Иными словами, конструктивисты постулируют, что материальные ресурсы обретают смысл только через разделяемые всеми участниками когнитивные структуры[261]. В частности, это иллюстрирует тезис А.Вендта, в соответствии с которым, 500 ед. ЯО Великобритании представляют меньшую опасность для США, чем 5 ед. ЯО КНДР, потому что британцы воспринимаются как друзья, а северокорейцы

---

[259] Например, см.: 东风-5B——我国新一代核打击利器，丝毫不亚于东风-41 [DF-5B – наше [китайское] новое ударное оружие, не уступающее DF-41!]//Sohu.com. 03.09.2017. Доступ: http://www.sohu.com/a/169187274_99983438 (дата обращения: 05.06.2018). Также см.: 东风 41 洲际导弹可能部署黑龙江吗或只是寒区试验_新浪网[DF-41 может базироваться в Хейлунцзяне либо же просто участвовать в зимних учениях]// Sina.cn. 25.01.2017. Доступ: http://www.sina.com.cn/midpage/mobile/index.d.html?docID=fxzuswq3491042&url=mil.sina.cn/zgjq/2017-01-25/detail-ifxzuswq3491042.d.html (дата обращения: 05.06.2018).

[260] Schelling T. C. The Strategy of Conflict. Harvard University Press, 1980. P.195.

[261] Porpora D. Cultural Rules and Material Relations //Sociological Theory. Vol.11, №.2 (July 1993). PP.212-229. Op.cit.: Wendt A. Constructing international politics //International security. 1995. Vol. 20. №. 1. PP. 71-81.

– нет, а причисление к дружественным и враждебным сторонам зависит от общих разделяемых представлений [262] (это добавляет актуальности анализу отношений между странами, отраженных на уровне военно-политических доктрин и в экономической плоскости). При этом некоторые конструктивисты постулируют склонность государств к обретению ядерного статуса как данность (что отчасти объединяет их с реалистами). Например, такого подхода придерживается Дж. Ван Вик, указывающий, что появление ядерных технологий обусловило некоторый политический и технологический детерминизм, поскольку факт обладания ЯО стал важным символом статуса для государства [263].

Как и представители школы неолиберализма, ученые-конструктивисты также обращаются к формированию режима нераспространения ЯО, однако рассматривают его не как главную ценность и цель развития МО, а, скорее, особого политического конструкта, участие в котором предполагает исполнение сложившихся норм и правил [264]. В отличие от приверженцев неолиберализма, они рассматривают все девиации (отклонения от идеального состояния, при котором все стороны участвуют в режиме нераспространения и не нарушают его) не как препятствия на пути к разрешению проблемы ЯО на глобальном уровне, а как закономерную особенность политической реальности. Например, Дж. Ван Вик указывает на своеобразие позиции США, призывающих мир к соблюдению норм Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), однако не ратифицировавших Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и, фактически, приняли активность Израиля вне рамок ДНЯО [265] - что стало фактором формирования особой реальности для таких стран, как КНДР.

---

[262] Wendt A. 1995. P.73.
[263] Van Wyk J. A. et al. The international politics of nuclear weapons: A constructivist analysis //Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies. 2007. Vol. 35. №. 1.
[264] Там же.
[265] Там же.

Содержание понятий «ядерное сдерживание» и «стратегическая стабильность» (а также «ядерная стабильность») отражает исходные предпосылки формирования ядерной стратегии государства.

Понятие «ядерное сдерживание», при его относительной универсальности как термина, отражающего военно-политическую роль ядерного арсенала, долгое время использовалось преимущественно лишь в США, где его содержание формировалось и уточнялось на основе работ 1950 - 1960-х годов Б. Броди[266], У. Кауффмана[267], Т. Шеллинга[268] и других исследователей.

Терминология теории ядерной войны в СССР, Франции и КНР отличалась от американской на протяжении всей холодной войны. Великобритания придерживалась близких к США взглядам, что определялось союзническими отношениями Вашингтона и Лондона[269].

Зарождение особых национальных «школ»-подходов к стратегическому планированию в ядерной сфере во всех государствах, кроме США, происходило в условиях, отличных от американских, и предполагало либо противопоставление своих ядерных сил уже существующим силам противника, либо планирование с учетом фактора американских ЯС как союзнических.

Американские концепции ядерного сдерживания-устрашения (nuclear deterrence) возникли в результате поиска стратегического превосходства над обычными вооружениями, одновременно снижавшего бы стоимостные издержки. В системном исследовании ядерного фактора в современной международной безопасности А.В. Фененко указано[270], что основой для создания концепции ядерного сдерживания в США, необходимость в проработке которой появилась с началом первого ядерного века в 1945 г.,

---

[266] Brodie B. (ed.). The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New York: Harcourt, Brace and Company. 1946. Brodie B. The Anatomy of Deterrence. //World Politics. Vol. 11, No.2 (Jan. , 1959). PP.173-191.
[267] Kauffman W. The Requirements of Deterrence. //Princeton University. Center of International Studies. November 15, 1954.
[268] Schelling T. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1966.
[269] Подробно см.: Stocker J. The United Kingdom and Nuclear Deterrence. IISS. Routledge, Oxon. 2007. 99 p.
[270] Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013.

стали воззрения итальянского генерала Дж. Дуэ. Суть взглядов Дуэ сводилась к достижению победы с помощью воздушной мощи – стратегических бомбардировок. Впоследствии американские концепции эволюционировали, вобрав в себя элементы теории игр, проблематики нацеливания и др.[271]. К 1953 г. была разработана первая цельная политическая концепция ядерного сдерживания, вошедшая в стратегическое планирование Д. Эйзенхауэра.

Основной тенденцией, обозначившейся с ранних этапов развития ядерного планирования США в период холодной войны, стала поэтапная детализация целей возможной ядерной атаки против СССР и КНР (и позже КНДР). Причем КНР присутствовала в планах как объект нанесения ядерных ударов США уже в первых Единых интегрированных оперативных планах (SIOP) США, еще до вступления Пекина в «ядерный клуб». До 1970-х годов планирование велось в рамках общей войны против коммунистического лагеря. Детализация целей, подкреплявшаяся развитием технологических параметров (как повышение точности ракет), способствовала росту реалистичности возможного конфликта с применением ЯО.

Эволюция американских подходов в сфере ядерного сдерживания включила следующие этапы. На начальном этапе была актуальна доктрина массированного возмездия (massive retaliation), предполагавшая удержание от нападения на США или их союзников опасностью массового ядерного удара (1953) и подход «нового взгляда» (new look), который позднее охарактеризовали как «первая стратегия компенсации (first offset strategy) США[272]. Практическим воплощением этих концепций стало размещение американских тактических боезарядов в Европе в 1957 г.

В 1960-е гг. США перешли к этапу гибкого реагирования (flexible response), подразумевавшему применение ЯО в случае невозможности удержания доминирования с помощью конвенциональных вооружений, и к

[271] Там же. СС.23-25.
[272] Dombrowski P. America's Third Offset Strategy: New Military Technologies and Implications for the Asia-Pacific. //RSIS. June 2015. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/191706/PR150608Americas-Third-Offset-Strategy.pdf (accessed: 06.06.2018)

планированию контрсилового удара (1962)[273]. При этом в американском ядерном планировании появились понятия взаимного гарантированного уничтожения/ВГУ (mutually assured destruction/MAD) как фактического признания взаимной уязвимости, и ограниченной ядерной войны (limited nuclear war), как применения ЯО, ограниченного конкретными параметрами (масштабом атаки, мощностью боезарядов, видами целей и пр.). Впервые термин ВГУ был использован применительно к ядерному сдерживанию Дж. Фон Нейманом и подразумевал наличие у обеих сторон сдерживания арсенала, достаточного для уничтожения противника. Тогда же были разработаны понятия эскалационного контроля (escalation control) и эскалационного доминирования (escalation dominance) - способности сохранять управляемость военно-политической эскалации в ходе ограниченной ядерной войны.

В 1970-е годы американское ядерное планирование сконцентрировалось на концепциях подлетного времени и обезглавливающего удара (или «доктрина Дж. Шлессинджера» 1974 г., что было отражено в директиве о ядерной политике PD/NSC-59 Дж. Картера[274] в 1980 г.). Данный подход подразумевал планирование поражения инфраструктуры управления ядерными силами соперника за счет сокращения подлетного времени. Комплекс договорных обязательств с СССР (в 1972 - 1974 гг. были подписаны договоры ОСВ-1, договор по ПРО и протокол к нему) обусловил развитие концепции стратегической стабильности (strategic stability).

С окончанием холодной войны США перешли к расширению опоры на неядерное сдерживание и укрепление потенциала контрсдерживания (counter-proliferation), например, противоракетной обороны. Также актуализировались вопросы принуждения для пресечения распространения оружия массового

---

[273] Gavin F.J. the Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s. The International History Review, xxiii, 4: December 2001. P. 850. Available at: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/CMC50/FrancisGavinTheMythOfFlexibleResponseUnitedStatesStrategyInEuropeDuringThe1960sInternationalHistoryReview.pdf (accessed: 13.06.2018).

[274] Presidential Directive/NSC-59. Nuclear Weapons Employment Policy. The White House Washington. July 25, 1980. Available at: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/docs/7-25-80%20PD%2059.pdf (accessed: 13.06.2018). В особенности – со с.4.

поражения (ОМП)[275], и элементы принуждения (compellence) конца 1950-х годов[276]. Усилилось внимание к КНР в числе других ядерных стран вне оси центрального сдерживания.

1.3. Основы теоретического понимания ядерного сдерживания в китайских работах

Наиболее яркой чертой китайской позиции в отношении роли ЯО является противление концепции ядерного сдерживания как таковой и подчеркнутый характер вынужденности создания и модернизации своих ЯС, обусловленной политикой ведущих ядерных держав. При этом, в отличие от СССР, где понятие «ядерное сдерживание» на официальном уровне не использовалось, в КНР изначально был принят термин «ядерное сдерживание-устрашение» (核威慑) в контексте «ядерного шантажа» (или давления путем ядерного устрашения/ 核威慑压战略[277]). С 1986 г. понятие «ядерное сдерживание» было включено в официальную военно-стратегическую терминологию КНР[278].

В китайской официальной позиции в отношении ЯО традиционно преобладают два принципа. С 1964 г. (вступление КНР в «ядерный клуб») КНР делает акцент на пассивность и оборонительный характер ядерного арсенала страны, придерживаясь принципа неприменения ЯО первыми и отказа от применения или угрозы применением против неядерных государств или безъядерных зон[279]. Второй принцип - стремление к ядерному разоружению. Вследствие этого среди китайских концепций на официальном уровне отсутствует разнообразие, подобное американским

---

[275] Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013. С.32.
[276] Там же. – С.32.
[277] 李彬.中国核战略辨析//《世界经济与政治》 [Ли Бинь. Анализ китайской ядерной стратегии //Мировая экономика и политика] сентябрь 2006. С.21. Доступ: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/11.pdf (дата обращения: 05.06.2018).
[278]=Xia Liping. Impacts of China's Nuclear Doctrine on International Nuclear Disarmament. Available at: http://www.nti.org/media/pdfs/Xia_Liping.pdf (accessed: 17.07.2018).
[279] 中国的军事战略 （全文） （Военная стратегия Китая (полный текст) ）. 26.05.2015. Вебсайт Министерства обороны КНР. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2015-05/26/content_4588132_2.htm (дата обращения: 13.06.2018).

доктринам, хотя постепенное развитие технологий боезарядов и средств доставки в целом может быть трактовано как сходное с американским: постепенная детализация целей, но в более упрощенном виде.

Создание ЯО стало вторым этапом ответной стратегии Мао Цзэдуна на «давление путем ядерного устрашения», который последовал за политикой отказа «поддаваться» на ядерные угрозы (еще не примененное против Китая ЯО называлось «бумажным тигром» [280] - виртуальным инструментом устрашения). Такая позиция не могла быть долговечной, но, вероятно, использовалась Мао Цзэдуном для достижения опосредованных политических целей, в частности получения помощи СССР при создании собственной военной ядерной промышленности.

Эта логика отчасти подтверждалась в рассекреченных американских расчетах о планировании ядерных ударов по КНР. Низкий уровень урбанизации в КНР, и, как следствие, рассредоточение населения на больших площадях, усложнял задачу физического уничтожения большей части китайского населения в сравнении с показателями США и СССР[281]. Также стратегия демонстрации «бесстрашия» подкреплялась не только уровнем урбанизации, но и использованием советского фактора в отражении ядерных угроз со стороны США в ходе Корейской войны и тайваньских кризисов 1950-х годов. В действительности, понимая политическую значимость ядерного статуса[282], руководство КНР инициировало программу создания ЯО в 1955 г. Уверенность в необходимости этого курса укрепилась после «раскола» с СССР.

Основной тенденцией в развитии ЯС КНР на протяжении всего их существования было стремление, невзирая на возможность «ядерного

---

[280]朱育和，蔡乐苏 （主编）毛泽东与 20 世纪中国 / Мао Цзэдун и Китай в XX веке / ред. Чжу Юйхэ, Цай Юэсу. 清华大学出版社有限公司 (Изд-во Университета Цинхуа), 2000. 264 с. С.195.

[281] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017).

[282] 李彬.中国核战略辨析//《世界经济与政治》 [Ли Бинь. Анализ китайской ядерной стратегии //Мировая экономика и политика] сентябрь 2006. С.21. Доступ: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/11.pdf (дата обращения: 05.06.2018).

шантажа», гарантировать нанесение ответного ядерного удара, не стремясь к количественному паритету (что названо большинством исследователей «минимальным ядерным сдерживанием» - minimal nuclear deterrence).

Исходя из свидетельств современников событий «культурной революции» (1966-1976), на темпах разработки китайского ЯО могли в существенной мере сказаться и потрясения, затронувшие в этот период многие государственные учреждения и промышленные предприятия КНР. В частности, опубликованные в 2000-х годах мемуары сына представителя руководства 9-й академии (института, ответственного за проект создания ЯО, сегодня – Китайская академия инженерной физики) свидетельствуют о масштабных чистках в рядах управления и рабочих Цинхайского завода № 211 9-й академии, в одном случае вследствие погромов хунвэйбинов и цзаофаней, в другом – при переводе института под патронаж армии[283].

Большинство текстов, раскрывающих суть ядерной доктрины КНР на современном этапе, демонстрируют преемственность с изначальными установками 1960-х годов. Первичным назначением ядерного сдерживания видится недопущение ядерной угрозы или применения ЯО против КНР[284]. Такой подход содержится в доктринальных документах в сфере китайской политики обеспечения национальной безопасности, включая «Белые книги» по национальной обороне[285], и принимается большинством китайских исследователей. Суть позиции неприменения ядерного оружия первыми

---

[283] 回忆我的父亲赵敬璞（二） [Воспоминания о моем отце Чжао Цзинпу (часть 2)]. Доступ: http://jiangsutongshan.blog.sohu.com/309326058.html (дата обращения: 05.05.2018).

[284]军事科学院军事战略研究部 （编著）。战略学。 军事科技学出版社。 北京 2013 年。276 页。[Отдел исследований военной стратегии Академии военных наук КНР. Наука о военной стратегии.] Издательство Академии военных наук. Пекин, 2013. 276 с. С.173.

[285]=«2006 年中国的国防» 白皮书[Белая книга «Национальная обороны КНР в 2006 г.»]. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2011-01/06/content_4249948.htm (дата обращения: 04.06.2018). См.также: 国防白皮书:中国武装力量的多样化运用[Белая книга по национальной обороне: диверсификация применения китайских вооруженных сил. 2013.] 16.04.2013. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2013-04/16/content_4442839.htm (дата обращения: 04.06.2018).

обосновывается и раскрывается в военно-теоретических трудах, публикуемых издательством Национального оборонного университета КНР[286].

Анализируя проблемы ядерного сдерживания и стратегической стабильности, китайские авторы и представители военно-политических кругов склонны использовать переводы принятых на западе терминов («ядерное сдерживание» - 核威慑；«стратегическая стабильность» - 战略稳定性, «ответный ядерный удар» – 核反击). Высшее военное руководство КНР тоже использует привычные для США понятия «ядерное сдерживание» и «ответный ядерный удар». Так, выступая 31 декабря 2015 г. перед представителями Сухопутных войск, Второй артиллерии (в 2016 г. преобразована в Ракетные войска) и Войск материально-технического обеспечения, Си Цзиньпин упомянул задачу «укрепления сил убедительного ядерного сдерживания и ответного удара (增强可信可靠的核威慑和核反击能力)»[287].

Несмотря на то, что в КНР изначально употреблялись понятия, переведенные с английского языка, китайский подход отличается концептуальным своеобразием. Китайские исследования выдержаны преимущественно в духе «вынужденной реакции». В них представляются критические переосмысленные американские концепции.

Китайские теоретические работы в сфере ядерных вооружений существенно отличаются от американских трактовкой вопросов:

---

[286] 军事科学院军事战略研究部 （编著）。战略学。 军事科技学出版社。 北京 2013 年。276 页。[Отдел исследований военной стратегии Академии военных наук КНР. Наука о военной стратегии.] Издательство Академии военных наук. Пекин, 2013. 276 с. СС.171; 173. Также см.: 张玉良 （主编）。 战役学。 国防大学出版社。 北京 2006 年。637 页。[Чжан Юйлян / ред. Наука о военных кампаниях.] Издательство Университета национальной обороны. Пекин, 2006. 637 с. СС.618-626.

[287] 习近平首次军队训词意义重大 [Большое значение первой речи Си Цзиньпина перед военными]. //Жэньминь Жибао Онлайн. 03.01.2016. Доступ: http://politics.people.com.cn/n1/2016/0103/c1001-28006261.html (дата обращения: 11.07.2018).

- *ядерной прозрачности.* Китайские авторы рассматривают ее как ясность стратегических намерений, в то время как западные авторы - скорее как предоставление открытых данных о количественных и качественных параметрах арсенала ядерных боезарядов и их носителей. В работах по военной теории [288][289] обосновывается целесообразность поддержания секретности ключевых параметров ядерного арсенала КНР, который «невелик». Представители китайского экспертного и военно-политического сообщества признают программу КНР более прозрачной, чем американская. Аргументация поддерживается на уровне неофициальных контактов и публикаций в государственных СМИ. В 2012 г. на вэб-сайте официального издания ЦК КПК «Жэньминь Жибао» была опубликована заметка «Мифы о ядерном оружии Китая»[290], где доказывалась большая прозрачность ядерной стратегии КНР, чем намерений Вашингтона;
- *принципиальной целесообразности использования ядерного сдерживания в двусторонних отношениях.* Среди авторов, анализирующих американо-китайские отношения в ядерной сфере, ядерное сдерживание не рассматривается как единственно возможный способ сосуществования стран, обладающих ЯО[291]. Китайские исследователи развивают идею о ядерном оружии как более опасном, чем стабилизирующем, явлении и подчеркивают присущую ему принудительность (强制性, что соответствует английскому понятию coersiveness), которая выражается как в сдерживании-устрашении (威慑, deterrence), так и принуждении через угрозу применить ЯО (驱使, compellence). Под первым понимается способность заставить оппонента отказаться от своих планов, в результате чего сохраняется статус-кво, под

[288] 军事科学院军事战略研究部 （编著）。战略学。 军事科技学出版社。 北京 2013 年。276 页。[Отдел исследований военной стратегии Академии военных наук КНР. Наука о военной стратегии.] Издательство Академии военных наук. Пекин, 2013. 276 с. СС.171; 173.

[289] 张玉良 （主编）。 战役学。 国防大学出版社。 北京 2006 年。637 页。[Чжан Юйлян / ред. Наука о военных кампаниях.] Издательство Университета национальной обороны. Пекин, 2006. 637 с. СС.618-626.

[290] Мифы о ядерном оружии Китая // Жэньминь Жибао. 29.04.2011 г. Доступ: http://russian.people.com.cn/95181/7365413.html (дата обращения: 20.04.2018)

[291] 李彬、赵通(主编).理解中国核思维. 社会科学文献出版社，2016 年 1 月, 199 页 [Суждения о китайском понимании ядерного оружия.] Пекин, Изд-во социальных наук, 2016. 199 с.

вторым – возможность заставить оппонента принять решение, противное его воле, таким образом, изменив ситуацию в пользу более сильной стороны. В случае с угрозой применения ЯО в обычном конфликте граница между принуждением и устрашением может быть сложно определимой [292] . **Альтернативой ядерному сдерживанию**, по крайней мере, в соответствии с неизменными предложениями представителей КНР в ходе полуофициальных контактов, является **объявление всеми ядерными державами о приверженности принципу «неприменения ЯО первыми».**

Подходы китайских исследователей к ядерным концепциям во многом строятся по логике, схожей с официальной позицией, критикующей ведущие ядерные державы, в особенности США, развивая и дополняя ее. Например, исходя из публикации китайских авторов Ли Биня (университет Цинхуа) и Чжао Туна, ядерному арсеналу США присущи три функции: удержание оппонента от нанесения ядерного удара, победа в ядерной войне, поддержание гегемонизма, китайскому - только первая (что соответствует принципу минимального сдерживания (最低核威慑)).

В то время как в научно-аналитических публикациях рассматривается возможность для КНР отхода от основ стратегии «минимального сдерживания, основанного на нанесении ответного удара», а также расширение арсенала ЯС КНР, было бы однобоко анализировать китайскую ядерную стратегию исключительно в рамках официальных позиций. Иные подходы присутствуют и в Китае, причем, вероятно, не только в оценках экспертов. Например, Ли Бинем, критиковавшим ядерную политику США за наступательность, в 2006 г. опубликована работа, где автор рассуждал о противоречиях политики минимального сдерживания (最低核威慑) и неприменения ЯО первыми, отмечая большую реалистичность объявления о готовности ограниченно применить ЯО в случае поражения конвенциональных сил[293].

---

[292] там же.

[293]李彬.中国核战略辨析//《世界经济与政治》 [Ли Бинь. Анализ китайской ядерной стратегии //Мировая экономика и политика] сентябрь 2006. С.21. Доступ:

Значительно отличается от общеизвестной официальной позиции и предполагаемое содержание труднодоступного издания «Кампании [операции] Второй артиллерии», перевод отрывка из которой был выполнен и введен в научно-исследовательский оборот Г. Кулацки[294] в 2014 г. Учитывая сложность проверки подлинности источника, следует, однако, отметить, что публикация описывает достаточно реалистичные сценарии отхода от принципа неприменения ЯО первыми и представляет исследовательский интерес, как минимум, с гипотетической точки зрения. В работе упоминается возможность отхода от привычных принципов политики неприменения ЯО первыми и «снижения порога применения ЯО» в случае невозможности противостояния неядерному наступлению превосходящего КНР в технологическом отношении соперника, либо если противник угрожает нанесением неядерного удара по объектам стратегической инфраструктуры (включая АЭС, ГЭС), крупным и средним городам, политическим или экономическим центрам. Указывается, что ключевым шагом в рамках «корректировки» (в переводе Г. Кулацки - adjusting) методов ядерного принуждения (nuclear coercion) станет информационную кампанию с донесением до противника факта снижения ядерного порога и приведения ЯС в боевую готовность, возможным указанием конкретных целей удара и т.д. В качестве цели принуждения указано управление конфликтом и избежание обмена ядерными ударами. Не исключается «вынужденное» нанесение ядерного удара в том случае, если информационная кампания приведет оппонента к применению ЯО против Китая первым.

Ядерное оружие США в китайских работах традиционно рассматривается как инструмент давления и запугивания. При этом среди работ китайских авторов практически отсутствует критическое направление, анализирующее

---

http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/11.pdf (дата обращения: 05.06.2018)

[294] Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Beijing: People's Liberation Army Press, 2014. P. 294–296. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf (accessed: 25.11.2016).

негативные аспекты или слабые стороны позиции руководства КНР по вопросам ядерного оружия. Рассматривая эпизоды ядерных угроз со стороны США (1950-1958 гг.), китайские авторы главным образом рассуждают о проделанном Пекином пути от противодействия ядерному запугиванию к «минимальному сдерживанию».

Современные китайские публикации по ядерной тематике в американо-китайских отношениях сводятся к трем проблемам. Первая – «отказ США признания стратегической стабильности с КНР как более слабой стороной», вторая – отказ США от объявления принципа неприменения ЯО первыми, который, по мнению китайских авторов, делает возможным тактическое применение ЯО. Третья проблема – отказ от идеи коллективной безопасности (集体安全) в пользу собственной «абсолютной безопасности» (绝对安全)[295].

Значительная часть китайских публикаций посвящена не проблемам ядерного позиционирования КНР, а теоретическим аспектам китайского подхода. Выделяется проблематика возможного перехода от «минимального ядерного сдерживания» к стратегии «ограниченного ядерного сдерживания» (что можно рассматривать как процесс, аналогичным переходу от «массированного возмездия» к доктрине «гибкого реагирования» США с детализацией и ранжированием потенциальных целей удара).

В соответствии с устоявшимися исследовательской литературе понятиями (схожими в исследованиях американских и китайских авторов), под минимальным ядерным сдерживанием (minimal nuclear deterrence[296] [297] /最

[295]刘奕. 奥巴马时期中美核军控领域的分歧研究：(дис). -国际关系学院 [Лю И. Исследование американо-китайских противоречий в подходах к контролю над ядерными вооружениями в период президентства Б. Обамы (диссертация)].// Институт международных отношений). 2017.

[296] Heginbotham E. et al. China's Evolving Nuclear Deterrent: Major Drivers and Issues for the United States. RAND Santa Monica, CA. 2017. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1628/RAND_RR1628.pdf (accessed: 12.07.2018).

[297] Lewis J. Chinese nuclear posture and force modernization // The Nonproliferation Review. 2009. Vol. 16. Iss. 2. P. 197–209; Lewis J. The minimum means of reprisal: China's search for security in nuclear age. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland. 2004. Available at: http://drum.lib.umd.edu/bitstream/handle/1903/1905/umi-umd-1886.pdf;sequence=1 (accessed: 25.04.2018).; Lewis J. The ambiguous arsenal // Bulletin of Atomic Scientists. 2005. Vol.61. No. 3. P. 52–59.

低核威慑[298]) подразумевается наличие у страны арсенала ЯО и средств его доставки, достаточных для «выживания» после ядерной атаки и нанесения ответного ядерного удара. Под ограниченным ядерным сдерживанием (limited deterrence/有限威慑) понимается способность сдерживать конфликт с помощью ЯС широкого спектра мощности[299].

В китайской литературе определение «ограниченное сдерживание» (有限威慑) сводится [300] к «обладанию спектром опций для реагирования на военные угрозы различной мощности и радиуса, что означает создание разнообразного арсенала [средств доставки] ядерного оружия». Также используется синонимичное понятие «ранжированное сдерживание» (分级威慑), подчеркивающее гибкость ответных ядерным мер, ранжированных в зависимости от необходимости.

В то же время китайские работы не дают определенного ответа на важнейший вопрос о включении в «ограниченное сдерживание» возможности применить ЯО в обычном конфликте. Отчасти речь идет о терминологической двусмысленности. Понятие «ограниченный» применительно к вопросу о ядерном сдерживании в китайских публикациях может подразумевать и просто «ограниченный арсенал ЯС», «отказ от участия в количественной гонке» и пр., без проведения границы между «минимальным» сдерживанием как таковым и «ограниченным» как возможностью нанесения гибких ударов. В «Науке о военной стратегии» упоминается понятие «эффективное ограниченное сдерживание» (有限有效核

---

[298] 李彬.中国核战略辨析//《世界经济与政治》 [Ли Бинь. Анализ китайской ядерной стратегии //Мировая экономика и политика] сентябрь 2006. С.21. Доступ: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/11.pdf (дата обращения: 05.06.2018).

[299] Johnston A. China's New "Old Thinking": The Concept of Limited Deterrence. // International Security. Vol. 20, No. 3 (Winter, 1995-1996). PP. 5-42.

[300] 荣予洪源。从反核威慑战略到最低核威慑战略: 中国核战略演进之路 [Жун Юй, Хун Юань. От стратегии противодействия ядерному устрашению до минимального ядерного сдерживания].// Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies. Март 2009. СС.120-132. Доступ: http://niis.cass.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121204202025524.pdf (дата обращения: 12.07.2018).

威慑- термин употреблен Цзян Цзэминем)[301], тем не менее, речь идет не о сдерживании обычного конфликта, а о том, что «ядерное оружие сдерживает ядерное оружие» (核威慑核). В публикациях в СМИ военные эксперты противопоставляют то же «ограниченное» сдерживание сдерживанию «полномасштабному» (全面威慑), с упором на необходимость количественного наращивания[302]. В рамках этой логики КНР придерживалась концепции ограниченных ядерных сил с первых дней обладания ЯО.

В других исследованиях (например, в статье Жун Юя и Хун Юаня 2009 г.), подчеркивается нецелесообразность перехода КНР к «ограниченному сдерживанию» именно по причине его связанности с политикой «неприменения ЯО первыми» [303] (иными словами, возможности угрожать/применить ЯО в конфликте с обычными вооружениями).

Ряд современных китайских исследователей, в частности, Ся Липин (в аналитическом материале для проекта Университета Цинхуа и фонда Карнеги), не видят противоречий между «ограниченным сдерживанием» и принципом неприменения ЯО первыми, указывая на их сочетание в единой стратегии (т.е., подразумевают только сдерживание ядерной угрозы)[304]. В соответствии с работами данного автора, в ядерной стратегии КНР начался переход к «минимальному сдерживанию» после 1985 г. [305]

Американские и китайские подходы к ядерному сдерживанию можно сопоставить с типологией ядерного сдерживания, представленной

---

[301]军事科学院军事战略研究部 （编著）。战略学。 军事科技学出版社。 北京 2013 年。276 页。[Отдел исследований военной стратегии Академии военных наук КНР. Наука о военной стратегии.] Издательство Академии военных наук. Пекин, 2013. 276 с. С.143.

[302] 有限核威慑难以应对美印挑衅 中国需要扩充核武库 [Ограниченное ядерное сдерживание не может отвечать «вызовам» со стороны США и Индии: Китаю требуется расширить ядерный арсенал]. Sohu. 06.07.2017.
Доступ: http://www.sohu.com/a/154882396_228287 (дата обращения: 17.07.2018).

[303] 荣予洪源。从反核威慑战略到最低核威慑战略: 中国核战略演进之路 [Жун Юй, Хун Юань. От стратегии противодействия ядерному устрашению до минимального ядерного сдерживания].// Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies. Март 2009. СС.120-132. Доступ: http://niis.cass.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121204202025524.pdf (дата обращения: 12.07.2018).

[304] Xia Liping. China's Nuclear Doctrine: Debates and Evolution. //Carnegie. June 30, 2016. Available at: https://carnegieendowment.org/2016/06/30/china-s-nuclear-doctrine-debates-and-evolution-pub-63967 (accessed: 17.07.2018).

[305] Xia Liping. Impacts of China's Nuclear Doctrine on International Nuclear Disarmament. Available at: http://www.nti.org/media/pdfs/Xia_Liping.pdf (accessed: 20.09.2017).

отечественными исследователями. Например, основываясь на выделенных В.А. Веселовым и А.В. Лиссом типах ядерного сдерживания, распределенных, исходя из интенсивности демонстративных действий, на пассивное, активное и агрессивное сдерживание, можно выделить их черты в политике США и КНР. К пассивному типу исследователи относят демонстрацию силы с целью удержания потенциального противника от прямой агрессии или враждебных действий более низкого уровня, к активному - демонстрацию превосходящей силы и решимости ее применения для обеспечения бездействия потенциального противника при осуществлении действий вопреки его интересам, к агрессивному - демонстрацию подавляющего военного превосходства и готовности к применению силы для принуждения потенциального противника к уступкам по спорным проблемам или к действиям, противоречащим его интересам. Прибегая к последнему типу сдерживания (называемому принуждением - compellence), сдерживающая сторона должна просчитывать и учитывать потенциал сдерживаемой, следовательно, при наличии возможности ответить на агрессию, сдерживаемая сторона вносит коррективы в планы сдерживаемой стороны, не позволяя последней в полной мере достичь политических целей. Можно отнести американские подходы ко второму и в некоторые периоды к третьему типу, китайские – формально – к первому, однако в связи с перечисленными публикациями, на них можно распространить элементы второго типа (как переходного, когда имеются предпосылки, но не объявлено официально).

1.4. Проблематика стратегической стабильности в американо-китайских отношениях

Вопросы ядерного сдерживания неразрывно связаны с понятием стабильности и наиболее изучены в рамках концепции стратегической стабильности. Основы понятия стратегической стабильности (без упоминания самого термина) были заложены в американо-советском договорном комплексе 1970-х годов, в частности, в Договоре по противоракетной обороне

(1972)[306], в преамбуле которого отмечалось, что налагаемые соглашением ограничения призваны сдержать гонку стратегических наступательных вооружений и уменьшить опасность возникновения войны с применением ядерного оружия. На американское понимание термина «стратегическая стабильность» в значительной степени повлияло определение П.Нитце, в соответствии с которым, стабильность может быть обеспечена при отсутствии у сторон возможности осуществить разоружающий удар[307].

Понятие «стратегическая стабильность» вошло в тексты Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987)[308] и американо-советских/российских соглашений о сокращении наступательных вооружений (СНВ-1[309], СНВ-2, СНВ-3[310]) и сокращении наступательных потенциалов (СНП[311]).

В исследованиях под концепцией стратегической стабильности в широком смысле понимается состояние, когда у сторон отсутствуют стимулы к нанесению первого удара и развязыванию войны. В соответствии с определением академика А.А. Кокошина, стратегическую стабильность в целом можно рассматривать как состояние, обеспечиваемое запасами устойчивости, компенсирующими влияние внешних и внутренних возмущающих факторов[312]. В узком смысле, в зависимости от конкретно-исторических условий, понятие стратегической стабильности может

---

[306] Договор между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик об ограничении систем противоракетной обороны. Москва, 26 мая 1972 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/abm.pdf (дата обращения: 14.05.2018)

[307] Nitze P. H. Assuring strategic stability in an era of détente //Foreign Affairs. 1976. Vol. 54. № 2. PP. 207-232.

[308] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 8 декабря 1987 г. Вашингтон. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 12.12.2017).

[309] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Москва. 31.07.1991. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/abm.pdf (дата обращения: 05.06.2018)

[310] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Прага, 8 апреля 2010 г. Доступ: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 06.06.2020).

[311] Treaty Between the United States of America and the Russian Federation On Strategic Offensive Reductions (The Moscow Treaty). Available at: https://www.state.gov/t/isn/10527.htm (accessed: 06.06.2020)

[312] Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы/ Предисл. В. П. Володина., С.К. Ознобищева, В. Я. Потапова. – М.: КРАСАНД, 2009. – 208 с. Сс.59-60.

подразумевать, во-первых, отсутствие стимулов к нанесению первого удара (first strike stability), во-вторых, стабильность гонки вооружений (arms race stability), в-третьих, кризисную стабильность (crisis stability).

Второе означает предсказуемость качественного и количественного развития ядерных вооружений и средств их доставки, чему способствуют *договоры в области разоружения*, третье - моделирование и исследование кризисных ситуаций, где дилемма решения о нанесении первого удара и автоматического развязывания войны с непредсказуемым исходом обуславливается уязвимостью ядерных сил перед первым ударом противника. Существенное влияние на развитие концепций стратегической стабильности оказал Карибский кризис 1962 г.

Актуальность проработки вопросов стратегической стабильности (СС) сегодня зависит от трансформации соотношения сил сети ядерной многополярности, и не только за счет развития арсенала КНР, но и постепенного прогресса в ракетно-ядерной сфере Индии и Пакистана, а также КНДР, чья ядерная программа в силу особенностей места КНДР в системе международных отношений стоит за рамками привычных концепций. СС изучается в контексте кризисного урегулирования как западными (например, Г. Аллисон[313]), так и отечественными авторами (А.А. Кокошин[314]). Кроме того, стратегическая стабильность между двумя странами рассматривается с позиций симметричности возможностей. Например, как отмечает А.Г. Савельев, существует два основных подхода к определению основ СС – стабильность взаимного гарантированного уничтожения и стабильность, основанная на факторе ПРО[315]. Наибольшая стабильность достигается в случае сопоставимости базиса наступательных или оборонительных вооружений обеих сторон. Представляется, что самым перспективным

[313] См. Г. Аллисон, Ф.Зеликов. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года. Пер. С англ. / Под ред. Сараджяна, Н.Абдуллаева; Предисл. А.А.Кокошина. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 528 с

[314] См. А.А.Кокошин. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. –М.: ЛЕНАНД, 2012. – 32 с.

[315] Савельев А.Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. Том 7. №3. С.57-84.

направлением современных исследований является изучение стратегической стабильности в условиях трансформации глобального ядерного баланса благодаря росту военной мощи КНР.

В ряде современных теоретических построений отмечается, что СС может утрачивать эффективность, если стороны декларируют готовность применить ЯО только в ответ на ядерный удар (хотя такие предположения нельзя сопоставить с историческими примерами). Указывается, что в этом случае утрачивается возможность сдерживания обычного конфликта[316], далее - нарушается и стабильность ненанесения первого удара, поскольку успех одной из сторон может вынудить другую запустить ядерное устройство от безысходности – если будут поставлены под удар ее жизненные интересы.

Более стабильный вариант предполагает очерчивание «красных линий» в обычном конфликте, пересечение которых приведет к ограниченному ядерному удару. Как отмечает Э. Колби, в этом случае ЯО становится инструментом политического торга, где ядерная война не может произойти по причине роковой ошибки, если к ней нет осознанного стремления одной из сторон[317]. При этом удар в ответ на пересечение «красной черты» должен одновременно сигнализировать решимость к эскалации и стремление к деэскалации. Важно, чтобы обе стороны обладали максимальным набором гибких опций первого и ответного удара (и массовое возмездие, и ограниченные удары выглядят реалистично) и сохранялась взаимная уязвимость. Эти факторы формируют военно-стратегическое равновесие, для чего не обязательно поддержание точного симметричного равенства сил сторон [318]. Преимуществом располагает сторона с набором более гибких вариантов.

---

[316] Colby E., Gerson M., eds. Strategic Stability: Contending Interpretations. Carlisle: Army War College Press, 2013. P.53.
[317] Там же. P.62.
[318] Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы/ Предисл. В. П. Володина., С.К. Ознобищева, В. Я. Потапова. – М.: КРАСАНД, 2009. – 208 с. С. 61.

А.В. Фененко отмечает, что понятие «стратегическая стабильность» может быть заменено термином «ядерная стабильность», справедливо замечая рост упоминаний второго понятия в современном экспертно-аналитическом обиходе. Он определяет ядерную стабильность как систему, в которой политические функции ЯО (принуждение оппонента к каким-то действиям) четко отделены от его военных функций (разработка сценариев ведения войны с применением ЯО для убеждения оппонента в бесперспективности первого удара. Автор считает, что подобная система может работать при таких условиях, как наличие в планировании сценария массированного применения стратегических ядерных сил (СЯС), а не исключительно тактических боезарядов, а также отсутствие у сторон пограничных систем, которые можно было бы замаскировать под неядерные[319].

Применение понятия ядерная стабильность может акцентировать уход от логики времен биполярной конфронтации, когда СССР и США избегая непосредственного столкновения, вели опосредованное противоборство.

Поиск различий между СС и ядерной стабильностью вынуждает нас вновь обратиться к вопросам трансформации структуры ядерной многополярности. В постбиполярный период наблюдается качественное совершенствование ядерных арсеналов, повышение точечности и избирательности возможных ударов ядерных ударов, что увеличивает возможность ограниченного применения ЯО и допущения победы в подобной войне новым поколением региональных политиков. Наряду с этим ядерная стабильность должна служить препятствием к развязыванию любых военных конфликтов под страхом перехода в ядерную стадию эскалации, однако, как отмечает А.В. Фененко, прецедент ограничения военного столкновения конвенциональными вооружениями ядерных Пакистана и Индии в противостояния в 2001 - 2002 гг. объясняется не ядерной стабильностью как таковой, а сложившимися особенностями отношений между Нью-Дели и

[319] Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013. СС.67-68.

Исламабадом [320] . В этой связи характерны публикации, в которых констатируется соседство ядерной стабильности и конвенциональной нестабильности[321].

В рамках данного исследования автор принял решение придерживаться проблематики СС, поскольку термин упоминается в американских документах в отношении КНР; дискуссии об американо-китайской стратегической стабильности ведутся в рамках неформальной дипломатии по вопросам ядерных вооружений (1,5/2 track). При этом автор не отказывается от теоретических построений ЯС, поставив во главу угла поиск стабильности.

Вопрос о формировании американо-китайской стратегической стабильности в ядерной сфере вызывает интерес исследователей как в КНР[322], так и США[323]. И американские, и китайские авторы рассматривают СС как в чисто ядерном отношении, так и в более широком смысле (под вторым подразумевается комплекс военно-политических и экономических факторов). С 2015 г. интерес к обсуждению понятия стали проявлять китайские участники неформального диалога США и КНР в стратегической сфере, что может указывать на внимание к проблеме в руководстве КНР. Параметры и структура СС между США и КНР не определены на официальном уровне, но эксперты делают вывод о её фактическом существовании [324] . В связи с этим представляется целесообразным сделать некоторые уточнения.

В китайских работах понятие «стратегическая стабильность» (战略稳定性) [325] в ядерной сфере в целом используется в контексте западных

---

[320] Тем же. СС.61-62.

[321] Narang V., Panda A. Nuclear Stability, Conventional Instability: North Korea and the Lessons from Pakistan. //Carnegie Endowment. 20.11.2017. Available at: http://carnegieendowment.org/2017/11/20/nuclear-stability-conventional-instability-north-korea-and-lessons-from-pakistan-pub-74787 (accessed: 06.06.2018).

[322] 金灿荣, 李燕燕. 中美安全战略博弈中的历史与战略稳定性 //国际安全研究 (Цзинь Цаньжун, Ли Яньянь. История и стратегическая стабильность в рискованных действиях США и КНР в области безопасности). – 2017. – Т. 35. – №. 2. – С. 3-26.

[323] Futter A., Zala B. Coordinating the arm swing with the pivot: nuclear deterrence, stability and US strategy in the Asia- Pacific / The Pacific Review. 04.03.2015. Vol. 28, No. 3, 367-390.

[324] Li Bin, Tong Zhao (eds.). Understanding Chinese Nuclear Thinking. Carnegie Endowment for International Peace. Massachussets. 2016. 273 P. pp.126-142.

[325]金灿荣, 李燕燕. 中美安全战略博弈中的历史与战略稳定性 //国际安全研究 (Цзинь Цаньжун, Ли Яньянь. История и стратегическая стабильность в рискованных действиях США и КНР в области безопасности). – 2017. – Т. 35. – №. 2. – С. 3-26.

определений. Значительная часть исследований подходов руководства КНР к теоретическим основам ядерного сдерживания китайских экспертов, связана с деятельностью совместного проекта фонда Карнеги и университета Цинхуа (в частности, это работы Чжао Туна и Ли Биня[326]).

Публикации на такую чувствительную тему в рамках «Карнеги-Цинхуа» следует рассматривать в контексте возможного влияния на их содержание со стороны руководства КНР. Трактовать раскрытие данных вопросов именно в исследованиях американской организации «Фонд Карнеги» сугубо как успех публичной дипломатии США, нельзя. С одной стороны, публикация взглядов на теоретические основы ЯО китайских экспертов не может считаться равнозначной раскрытию китайской стратегии. С другой стороны, следует учитывать участие в публикациях университета Цинхуа как одного из ведущих институтов в области международных исследований в Китае. Последнее может свидетельствовать об использовании данного канала как способа транслировать актуальные взгляды руководства КНР представителям международной экспертно-политической среды, либо же как инструмента манипулирования представлениями о китайском планировании в сфере ЯО КНР в других государствах.

В китайских исследованиях под стратегической стабильностью понимается ситуация, не требующая паритетного сходства арсеналов: признается достаточной убедительная возможность нанесения ответного ядерного удара[327]. Важное место отводится понятию взаимной уязвимости (相互脆弱)[328] (наличие которой в отношениях США и КНР на уровне полуофициальной дипломатии подчеркивается китайскими представителями как факт, требующий закрепления в американских стратегических документах). Также признается, что, несмотря на отказ от количественной

[326] Li Bin, Tong Zhao (eds.). Understanding Chinese Nuclear Thinking. Carnegie Endowment for International Peace. Massachussets. 2016. 273 P. pp.126-142.

[327]李彬、赵通(主编).理解中国核思维. 社会科学文献出版社，2016 年 1 月，199 页 [Суждения о китайском понимании ядерного оружия.] Пекин, Изд-во социальных наук, 2016. 199 с.)

[328]赵通. 中国与国际核秩序的演化 //国际政治科学 (Тун Чжао. Китай и эволюция международного ядерного порядка // Международно-политические исследования). – 2016. – Т. 1. – №. 1. – С. 118-148.

гонки вооружений, Китай стремится к полному равенству с США и Россией по качественному составу своего арсенала. В исследовании Ли Биня (1997) дается определение «наиболее высокого уровня стратегической стабильности» (最高的稳定性) как наличия большего ущерба для стороны - ядерного агрессора, чем для стороны, производящей ответный удар[329]. В статье того же автора в 2006 г. отмечается, что «высокий уровень стратегической стабильности» означает гарантированную способность нанесения взаимного неприемлемого ущерба[330] (далее отмечается, что развитие оборонительных вооружений (противоракетной обороны) снижает коэффициент эффективности вооружений наступательных, и не способствует укреплению стратегической стабильности). Западное определение СС содержится и в работах Чжао Туна[331] («состояние возможности нанесения взаимного ответного удара, несущего большой ущерб»).

Стратегическая стабильность между США и КНР в ядерной сфере не может основываться на рациональных расчетах на базе формата данных, публикуемых США, РФ, Францией или Великобританией. В этих условиях мы предлагаем в первичном порядке рассмотреть комплекс мер по укреплению стабильности за счет реализации мер доверия. Учитывая опыт развития китайских ЯС в предыдущие десятилетия, можно констатировать отсутствие у любой другой страны возможности сдержать их развитие, предлагая по своей природе неравноправные ограничительные договорные обязательства.

Представляется, что новое поколение договорных обязательств в сфере разоружения и нераспространения может быть только равноправным, поскольку иные варианты «буксуют» на стадии обсуждений десятилетиями.

---

[329]李彬. 国际军备控制的现状与前景 //当代中国历史研究 (Ли Бинь. Контекст и современное состояние международного контроля над вооружениями // Исследования современной истории Китая). – 1997. – №. 4. – С. 28 – 32.

[330]李彬. 中国核战略辨析 //世界经济与政治 (Ли Бинь. Анализ китайской ядерной стратегии// Мировая экономика и политика). – 2006. – Т. 9. Доступ: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/11.pdf (дата обращения: 03.10.2017)

[331]赵通. 中国与国际核秩序的演化 //国际政治科学 (Тун Чжао. Китай и эволюция международного ядерного порядка // Международно-политические исследования). – 2016. – Т. 1. – №. 1. – С. 118-148.

Меры доверия способны ослабить намерение участвовать в гонке вооружений и предотвратить роковые ошибки в ходе эскалации конфликта.

В 2010 г. понятие «стратегическая стабильность», применяемое к отношениям между США и КНР (и РФ), появилось сразу в двух политических документах США – Обзоре по ПРО [332] и Обзоре ядерной политики [333]. Упоминание о желании поддерживать СС с Китаем содержалось и в Четырёхлетнем обзоре оборонной политики (2014)[334].

В отношениях США и КНР уже присутствуют элементы стабильности ненанесения первого удара, так как есть вероятность взаимного нанесения неприемлемого ущерба (включая ответный удар с обеих сторон). Параметры кризисной стабильности и стабильности гонки вооружений размыты по причине намеренной двусмысленности с китайской стороны (принцип неприменения ЯО первыми не учитывает возможность ядерного удара как крайней меры), а также нежелания США вступать в достаточной степени равноправные условия взаимной уязвимости.

Препятствие разработке механизмов кризисной стабильности заключено в разнице представлений об эффективности «экзистенциального сдерживания». Как указывает М. Фрейвел, китайская сторона в значительной степени рассчитывает на порождаемое неопределённостью усиление сдерживающего эффекта из-за боязни оппонента, что эскалация выйдет из-под контроля[335]. Таким образом КНР компенсирует невысокие относительно США затраты на ядерный арсенал. В важном для НОАК теоретическом труде «Кампании Второй артиллерии» (перевод фрагмента Г. Кулацки)[336], отражена возможность «предупреждающих мер» с донесением до широких общественных слоёв данных о приведении ЯС КНР в боеготовность, что

---

[332] U.S. Department of Defense. Ballistic Missile Defense Review Report. 2010. P.34
[333] Там же.
[334] Там же. P.14.
[335] Fravel M., Cunningham F. Assuring Assured Retaliation. International Security, Vol. 40, No. 2 (Fall 2015), pp. 7–50. P.31.
[336] Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Pp.294-296. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf

может побудить противника к деэскалации. Однако в зависимости ситуации это может обернуться противоположным образом и потому стабильности не способствует.

В свою очередь, стабильность гонки вооружений практически не урегулирована на договорной основе. Хотя одна из сторон связана договорным обязательством в сфере наступательных вооружений, допустимый уровень – 1550 боезарядов – нельзя рассматривать как ограничение для развития ЯС КНР, а скорее наоборот. Формальной договоренности об ограничении оборонительных вооружений между США и КНР нет. Притом, что для сохранения стратегического равновесия не обязательно наличие паритета, это равновесие разрушается из-за отказа США соответствовать критерию «взаимной уязвимости». В политических документах США подчеркивается, что, стремясь к СС, США настаивают на защите своих ВС, союзников и партнеров в Восточной Азии «от всех ракетных угроз в регионе»[337]. Представители КНР неоднократно указывали на снижение эффективности своего ядерного сдерживания из-за развития систем ПРО[338]. Представляется, что более комфортным положением для Китая было бы не балансирование на грани поддержания гарантированного ответа, а наличие «запаса прочности», или, как указывается в работах А.А. Кокошина, «динамического диапазона» [339] , который сгладит асимметрию в пользу американской стороны.

Кроме того, КНР рассматривает ЯО как средство асимметричного противодействия неядерным угрозам, и потому наращивание его количественных и качественных параметров определяется не только мощью наступательных и оборонительных вооружений США, но и высокотехнологичными факторами доядерной стадии конфликта - программами США Третьей стратегии компенсации, быстрого глобального

[337] U.S. Department of Defense. Ballistic Missile Defense Review Report. 2010.
[338] Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.05.2018).
[339] Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: ИМО, 1989.

удара (БГУ/PGS) и т. д. Их развитие во многом зеркальным образом направлено на компенсацию снижения роли ЯО в оборонной доктрине США. Такое положение дел способно подтолкнуть КНР к расширению потенциала ответного удара и даже применению ЯО первыми, а также ответно-встречному пуску в случае, если система раннего оповещения даст сигнал о любом ракетном запуске в направлении КНР[340]. Возможность ответно-встречного пуска отрицалась китайскими участниками контактов полуофициальной дипломатии[341], однако сложно судить об этом как об обязательстве.

Наличие взаимной уязвимости между США и КНР признается как китайскими[342], так и американскими[343] специалистами, но официальное признание наталкивается на сопротивление в правительственных кругах США. Взаимная уязвимость не упоминается в официальных американских документах. Для США психологически сложно добровольно сковать свои действия в АТР и признать равноправие с государством, ВС которого официально не вызывали серьезных опасений в США до последних лет. Как отмечают Фаттер и Зала, отчасти это связано с вопросом о готовности США выступить в поддержку партнеров по «Индо-тихоокеанскому региону» в споре с КНР[344].

Американскому ядерному арсеналу присущи характеристики, способствующие стабильности ненанесения первого удара в отношении США. Главным образом, это уверенность в неотвратимости наказания для агрессора за счет количественного превосходства и отказа от РГЧ ИН на МБР Minuteman-III. В то же время можно выделить и дестабилизирующие моменты,

---

[340] Fravel M., Cunningham F. Assuring Assured Retaliation. International Security, Vol. 40, No. 2 (Fall 2015), pp. 7–50.

[341] Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017).

[342] Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: ИМО, 1989.

[343] Lewis J. A Fifty-Megaton Elephant in the Room. Foreign Policy. September 20, 2012. Available at: http://foreignpolicy.com/2012/09/20/the-fifty-megaton-elephant-in-the-room/ (accessed 12.05.2017); Gompert D., Saunders P. Sino-American Restrain in an Age of Vulnerability. Available at: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-273.pdf (accessed: 12.05.2017)

[344] Futter A., Zala B. Coordinating the arm swing with the pivot: nuclear deterrence, stability and US strategy in the Asia- Pacific / The Pacific Review. 04.03.2015. Vol. 28, No. 3, 367-390.

как заведомая невозможность гибкого использования МБР и БРПЛ, поскольку они несут достаточно мощные заряды (от 100 Кт). Для ударов зарядами малой массы могут быть использованы только бомбардировщики и самолеты двойного назначения F-15/16/35 [345] , но недостатком авиации является трудность проникновения в защищенные районы.

Стабилизирующие характеристики арсенала КНР – рост уверенности в потенциале для ответного удара, в том числе в отношении региональных союзников и баз США. Кроме того, у Китая отсутствует опыт боевого применения ЯО. Пекин обладает значимым потенциалом угрозы региональным союзникам и базам США - до 80 БРСД DF-21, включая ядерные модификации A/C, некоторым количеством DF-15, МБР ограниченного радиуса DF-4. С появлением у КНР БРСД DF-26 можно говорить о повышении правдоподобности и гибкости нацеливания на объекты в регионе (прицельные удары). Тем не менее, по оценкам экспертов, боеголовки на китайских ракетах оснащены БЗ в несколько сотен килотонн, что делает китайский арсенал менее гибким, чем американский.

Нет данных о ядерном оснащении КР на 20 китайских бомбардировщиках, в то время как у США 56 бомбардировщиков, несущих заряды меньшей мощности. К «красным линиям» для КНР можно отнести традиционные вопросы территориальной целостности, политической независимости и стабильности политического режима, а также вопросы сохранности китайского ЯО. Рассуждения американских экспертов о возможности отхода Китая от принципа неприменения ЯО первыми касаются именно таких вопросов (сценарий с односторонней попыткой объявления независимости Тайванем; поражение Пекина в конвенциональной войне). В значимых работах по стратегии НОАК указывается сценарий с неядерной атакой по ЯС КНР или даже АЭС[346]. О серьёзности конфликтного потенциала

[345] Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. (ред.) Россия и дилеммы ядерного разоружения. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 290 с. С.66.
[346] Futter A., Zala B., 2015.

вокруг Тайваня свидетельствует наличие в КНР около 1200 неядерных ракет малой дальности.

Начало формирования СС между Пекином и Вашингтоном в ядерной сфере можно отнести уже к 1960-м годам, когда у Китая появилось ЯО. В 1980-е году у Пекина появилась возможность поразить континентальную часть США. В середине 2000-х годов началось оформление стратегической стабильности в ее базовом понимании (как отсутствие стимула «проверять» способность и готовность противоположной стороны ответить на ядерный удар), что было обусловлено приближением к качественному паритету в отсутствие необходимости в количественном. В то же время, дискуссионным вопросом остается принципиальная возможность судить о двусторонней стратегической стабильности при наличии не двух, а, в новых условиях, трёх крупных ядерных держав. На современном этапе важным для КНР пунктом, касающимся проблематики стратегической стабильности, является признание Вашингтоном возросшего статуса китайских ядерных сил на официальном уровне. КНР впервые проявила желание обсуждать американо-китайские отношения в контексте СС с закреплением соответствующего статуса в 2015 г.

Таким образом, можно констатировать сохранение первичной важности для США и КНР фактического состава ядерной триады. Теоретические построения в американских и китайских исследованиях посвящены объяснению важности поддержания высокого технологического уровня и количественного состава ядерных сил. При этом, в отличие от СССР, подход КНР был изначально основан и продолжает базироваться на использовании англоязычных терминов, разработанных в США. В то же время китайские авторы применяют американскую терминологию в контексте особой логики, «обслуживающей» наращивание ядерного арсенала КНР. Можно говорить о формировании концептуального спора между американскими и китайскими авторами в трактовке понятий ядерной проблематики, которое происходит

на фоне роста общей конфронтационности в американо-китайских отношениях.

ГЛАВА II. ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ЯДЕРНЫХ АРСЕНАЛОВ США И КНР

Исследование динамики соотношения ядерных арсеналов США и КНР подчинено задаче определения материальной составляющей ядерного фактора в отношениях двух стран. Основываясь на этих данных, данная глава призвана решить еще одну задачу – определение характера взаимного восприятия угроз, отраженного в политическом дискурсе США и КНР применительно к ядерной проблематике.

2.1. Эволюция соотношения ядерных потенциалов США и КНР

С началом ядерной эпохи (1945 г.) ядерное оружие стало важным инструментом военно-политического давления. Ощущение реалистичности сценариев его применения против КНР – оппонента США, который не имел потенциала ядерного сдерживания в течение двух десятилетий (1945 – 1964), накладывалось на неготовность к защите со стороны СССР и назревание советско-китайского раскола. Основное развитие ядерной программы КНР проходило на периферии американо-советского противостояния, во многом в отрыве от передовых технологий и в особых внутриполитических условиях. Сегодня Китай демонстрирует способность преодолеть ряд технологических пробелов, что в перспективе позволит отойти от «догоняющего» развития и говорит о формировании относительно равноправной системы **стратегической стабильности**, которая не предполагает обязательного количественного паритета[347].

Эволюцию соотношения американского и китайского ядерных арсеналов можно разделить на ряд этапов: предварительный (1945 – 1964); первый (1964 – 1981), второй (1981 – 2007), современный (после 2007 г.).

Предварительный этап длился с появления у США ЯО 16 июля 1945 г. до вступления КНР в «ядерный клуб» 16 октября 1964 г. В это время началось

[347] Colby E., Gerson M., eds. Strategic Stability: Contending Interpretations. Carlisle Barracks, PA. Army War College Press. 2013. 441 p.

формирование системы ядерного нацеливания США и произошли события, убедившие Пекин в необходимости создания собственного ЯО. С 1945 по 1964 гг. США провели до 400 ядерных испытаний, к концу этого периода их арсенал достигал почти 30 тыс. ядерных боезарядов[348]. На этом этапе, несмотря на раскол в отношениях между СССР и КНР, Вашингтон включал КНР в планирование ядерных ударов в случае войны с СССР (как страны коммунистического блока).

Стратеги в Пентагоне выделили цели для проведения ядерной атаки против КНР задолго до её первого атомного испытания. В ходе Корейской войны (1950 – 1953 гг.) в военных кругах США обсуждалась возможность нанесения удара посредством сбрасывания бомбы с бомбардировщика B29, базировавшегося на о. Гуам [349]. США посылали сигналы с угрозой применения ЯО в ходе Тайваньских кризисов (1954 – 1955, 1958) [350]. На острове Гуам и на Окинаве располагались бомбы различного типа и предназначения (от 8 Кт до 10 Мт) [351] . После 1958 г. передовое развёртывание ЯС США в АТР расширилось. Тактическое ядерное оружие (ТЯО) находилось в Южной Корее (1958–1991), на Тайване (1958–1974), в Японии (1954–1972).

До 1960 г. сценарии применения ядерного оружия против КНР в США не были детализированы и рассматривались как маловероятные. Детализация началась с разработкой комплекса документов по ядерному планированию – Единого интегрированного оперативного плана (SIOP) в конце срока пребывания Д. Эйзенхауэра на посту президента США. Это совпало с приближением вступления КНР в «ядерный клуб» (что расценивалось негативно [352]) и последующим введением доктрины гибкого реагирования

---

[348] Norris R., Kristensen H. Global Nuclear Weapons Inventories, 1945-2010. Bulletin of Atomic Scientists. July-August 2010. pp.77-83. P.81.

[349] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017). P.127.

[350] Merrill D., Paterson T. Major Problems in American Foreign Relations. Vol. II. Since 1914. Wadsworth Centage Learning. 2009. 624 p. p.278.

[351] Kristensen H. Nukes in Taiwan Crisis. Federation of American Scientists. May 13, 2008. Available at: https://fas.org/blogs/security/2008/05/nukes-in-the-taiwan-crisis/ (accessed: 04.07.2017).

[352] Larsen J., Wirtz J., eds. Nuclear Transformation. The New U.S. Nuclear Doctrine. New York: Palgrave Macmillan. 2005. 289 p. p.14.

(flexible response [353]). Первые проработанные варианты были ответвлением сценария войны между США и СССР [354]. В плане SIOP-62 выделялись 78 объектов городской и промышленной инфраструктуры, из которых 49 были приоритетными[355].

На начальном этапе ЯО США формировало упрощённое подобие первой «стратегии компенсации» в Азии (в отличие от европейского ТВД, превосходство предполагало не гонку ядерных вооружений и вопросы передового базирования, а сам факт их наличия у США). Дж. Кеннеди рассматривал нанесение ядерного удара по силам КНР в случае пересечения НОАК линии прекращения огня на Корейском полуострове как компенсацию невозможности удержания ситуации неядерными силами[356].

На первом этапе (1964 – 1981 гг.) КНР получила возможность влиять на расширенное ядерное сдерживание США в АТР. Ее значение в ядерном планировании США возросло, но состояния непосредственного взаимного сдерживания (уверенность обеих сторон в возможности нанесения ударов по континентальной части) по-прежнему не было. Преимущество США давало возможность сдерживать неядерные силы КНР, угрожать нанесением как «разоружающего», так и ограниченного удара, хотя для обоих вариантов препятствием служило возможное участие СССР. В 1971 г. советник по национальной безопасности Г. Киссинджер констатировал возможность разоружающего удара США по КНР с запасом 10 – 15 лет [357], хотя Китай делал изначальную ставку на размещение ракет в массивах скал, что увеличивало шанс на ответный запуск.

---

353 Cohen A., Lee S. Nuclear Weapons and the Future of Humanity: The Fundamental Questions. Rowman & Littlefield, 1986. 496 p. pp.55-56.

354 Ball D., Richelson, J., eds. Strategic Nuclear Targeting. Cornell University Press, Ithaca. 1986. 370 p. p.62; p.82.

355 Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017). P.128.

356 F.J. Gavin. The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s. *The International History Review*, Vol. 23, No. 4 (Dec., 2001), pp. 847-875. P.863.

357 Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017).

На первом этапе США осознавали свою возможность существенно обескровить экономику КНР за счет одновременного уничтожения почти 50% промышленного потенциала и большей части городского населения. В отличие от СССР, где промышленность располагалась более дисперсно, в крупных городах КНР было сосредоточено около 80% промышленности[358]. Поэтому, по расчётам Совета национальной безопасности (СНБ) (1972), при нанесении ударов общей мощностью 100 Мт, потери КНР составили бы 70% городского населения (35% у США и 34% у СССР) и 42% промышленной инфраструктуры (19% у США и 32% у СССР). Но из-за низкого уровня урбанизации КНР ядерная атака рассматриваемого масштаба угрожала только 6% ее населения (до 21% населения США или СССР)[359].

После включения КНР в состав участников ядерного сдерживания конструкция её боезаряда (БЗ) и средств доставки еще не отвечали требованиям надежного устрашения (deterrence). Речь шла скорее об «экзистенциальном» сдерживании, но, по сведениям американских исследователей, уже этот факт укрепил образ Китая как регионального противника США[360]. Пекин осуществлял нацеливание на региональные базы США и «клиентов» расширенного сдерживания, продолжая наработку технологий и приняв на вооружение полноценную МБР только к 1981 г. ЯС КНР уступали американским по количеству, степени уязвимости и времени приведения в боеготовность[361].

В 1960-е годы начались частичные ограничения на развитие ЯО США, но это не оказало глобального влияния на стратегическое соотношение американских и китайских сил. В 1963 г. Московский договор отменил ядерные испытания США в атмосфере, космосе и под водой. Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. впервые закрепил стремление к

---

[358] Ibid. P.133.

[359] Ibid. Pp.132-133.

[360] Ibid. P.129.

[361] В. Кашин. Китайская межконтинентальная баллистическая ракета DF-41: почему сейчас и при чем здесь Россия. Российский совет по международным делам. 27.01.2017. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8637#top-content (дата обращения: 17.03.2017).

разоружению (КНР в принципе не участвовала в Московском договоре и не подписывала ДНЯО до 1992 г.). С 1970-х годов появились договорные ограничения арсенала США. В 1972 - 1974 гг. были подписаны договоры ОСВ-1, договор по ПРО и протокол к нему. В течение данного этапа количественные показатели арсенала США достигли исторического максимума - 31 255 БЗ (1967) и были сокращены до 22 – 23 тыс.[362].

В первой половине 1960-х гг. Тихоокеанское командование ВС США (PACOM) настаивало на комбинированном использовании размещенных в регионе БРСД и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) в сдерживании КНР [363]. Тогда от ядерного сдерживания Китая шахтными МБР США было решено отказаться из-за того, что траектория их полета должна была проходить через СССР. В начале этапа основную роль в нацеливании на Китай играли бомбардировщики (B-47, B-52), но в 1970-х годах баланс сместился в сторону ПЛАРБ.

По рассекреченным данным, к концу срока администрации Д.Эйзехауэра (1961 г.) в Азии было развернуто 1700 ядерных боеприпасов США (включая боезаряды на стратегических бомбардировщиках и тактические снаряды на суше). Наращивание продолжилось при Дж.Кеннеди. К 1963 г. на базах на Гуам и Окинаве, в Южной Корее, на Филиппинах и Тайване было развернуто в общей сложности около 2400 ед. американского тактического ядерного оружия [364] . Типы развернутого ТЯО включали авиабомбы, крылатые ракеты MGM-1 Matador дальностью до 1000 км, твердотопливные баллистические ракеты MGR-1 Honest John дальностью до 50 км, ядерные мины и артиллерию. К 1967 общее количество развернутых боезарядов достигло 3200 ед., включая 2600 боезарядов на стратегических бомбардировщиках на Окинаве и в Южной Корее).

---

[362] Norris R., Kristensen H. Global Nuclear Weapons Inventories, 1945-2010. *Bulletin of Atomic Scientists*. July-August 2010. pp.77-83. P.82.

[363] *U.S. Pacific Command CINCPAC Command History 1962, Volume I*. April 30, 1963. P.38.

[364] Robert Norris, et al. Where They Were. Bulletin of the Atomic Scientists, November/December 1999, Vol. 55, No. 6. P.30.

Нормализация американо-китайских отношений в целом не повлияла на тенденции в стратегическом планировании США. С 1967 года, по данным[365] Р.Норриса, количество развернутых боезарядов США в Азии стало сокращаться. К 1974 году общее количество было урезано до 1700 ед., к 1977 г. – до 1200 ед.[366] Из них к 1970 г. арсенал ЯО, направленного против КНР, составлял 600 БЗ. Треть из них приходилась на тактическое ядерное оружие (ТЯО)[367].

Сокращение количества боезарядов наземного базирования в конце 1960-х – 1970- е годы проходило на фоне компенсации со стороны морского компонента. Кроме того, после вывода американского ЯО с Окинавы стратегическая значимость базы Кадена для авиации США сохранилась и даже увеличилась[368]. К 1964 г. в состав сил регионального сдерживания входили ПЛАРБ, несущие Polaris A3 [369] с максимальной дальностью около 4700 км, с разделяющейся головной частью рассеивающего типа (РГЧ РТ). Для этого была переориентирована соответствующая инфраструктура в АТР. К 1969 г. количество несущих Polaris A3 ПЛАРБ в распоряжении PACOM достигло 8[370]. К 1975 г. в состав PACOM добавились еще 10 ПЛАРБ. В 1970-е годы ракеты Polaris были заменены на новый класс Trident-I/C4 (ПЛАРБ Poseidon, Laffayette). Началось патрулирование ПЛАРБ Ohio, несущих по 24 БРПЛ Trident-I/C4.

Предложения об отделении КНР от СССР в ядерном планировании США появились в 1966 – 1967 гг. [371], реализация идеи пришлась на 1972 г. По

---

[365] Robert Norris, et al. Where They Were. Bulletin of the Atomic Scientists, November/December 1999, Vol. 55, No. 6. P.30.

[366] Там же. P.31.

[367] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017). P.133.

[368] Там же.

[369] History of the Joint Strategic Target Planning Staff. SIOP-4 J/K, July 1971- June 1972 (Unclassified Title). Available at: http://www.dod.mil/pubs/foi/Reading_Room/NCB/982-1.pdf (accessed: 17.01.2017). P.53.

[370] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017). P.130.

[371] Kristensen H., et al. *Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning*. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017). P.127.

рекомендациям Комитета начальников штабов (КНШ) и Пентагона, в SIOP 1969 были включены варианты боевых заданий по уничтожению целей в СССР и КНР трех типов: уничтожение средств доставки стратегического ЯО и центров управления вне городов (Alpha), удары по ВС и другой военной инфраструктуре вне города (Bravo), и уничтожение указанных объектов, расположенных в городах, а также от 70% городской промышленности (Bravo)[372].

До принятия доктрины Шлезингера победа США в ядерной войне рассматривалась трансформировалась от приоритета уничтожения ВС и военного потенциала противника к концепции «гибкого реагирования» - возможности применения ограниченного локального удара с применением ядерных и конвенциональных средств.

В 1972 – 74 гг. администрация Р. Никсона разработала подход, предполагавший окончание ядерной войны посредством управления эскалацией и с увеличением вариантов ограниченных ударов[373]. Для этого был расширен спектр ограниченных целей (Nuclear Weapons Employment Policy, NUWEP-1974). Цели в КНР (в случае полномасштабной атаки – совместно с «азиатскими союзниками КНР») занимали второе место после СССР/ОВД. Рассматривались четыре группы вариантов удара: **полномасштабный** – удар по всем военным целям и ресурсам послевоенного восстановления; **избирательный** – удар по ЯО и всем сопутствующим элементам его производства и управления, а также по другим объектам, несущим военную угрозу; **ограниченный** – удар по менее значимым целям в ответ на

---

[372] *Memorandum for the Chief of Staff, U.S. Air Force*. NSC/Joint Chiefs of Staff. January 27, 1969. Available at: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-1.pdf (accessed: 04.07.2017); Burr W. *To Have the Only Option that of Killing 80 Million People is the Height of Immorality. The Nixon Administration, the SIOP and the Search of Limited Nuclear Options, 1969-1974*. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 173. Posted November 23, 2005. Available at: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/ (accessed 17.01.2017)

[373] *National Security Decision Memorandum (NSDM)-242*. January 17, 1974. Available at: https://www.nixonlibrary.gov/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm_242.pdf (accessed 20.01.2017).

ограниченное применение ЯО; **региональный** (цели локального значения)[374]. Особую роль в присутствии США в регионе играла КНДР. После инцидента в демилитаризованной зоне 1976 г. США усилили патрулирование ПЛАРБ с БРПЛ вблизи Корейского полуострова.

С приходом в 1977 г. администрации Дж. Картера детализация планирования ограниченных целей продолжилась. В соответствии с директивой PD-59 (1980)[375] и Обзором политики ядерного нацеливания[376], приоритет был смещен с объектов послевоенного восстановления в сторону максимально гибкого нацеливания вплоть до решения оперативных задач (ударов по перемещающимся группам ВС).

К 1982 г. на вооружении США находилось 1052 МБР Minuteman-II/III (2152 ядерных БЗ[377]), некоторое количество МБР Titan-II, 32 подводных лодки, несущих атомные ракеты баллистические (ПЛАРБ), несущих 520 БР. 7301 боезаряд размещался на крылатых ракетах бомбардировщиков B-52 различных модификаций. С конца 1960-х годов США также развивали систему ПРО Sentinel, которую трансформировали в Safeguard, но демонтирована после подписания договора и протокола по ПРО. К 1981 г. в США была установлена фазированная радиолокационная система предупреждения о ракетном нападении PAVE PAWS, однако, как указано выше, США вступили в соглашение об ограничении ПРО с СССР.

В свою очередь, в течение 1964 – 1981 гг. КНР смогла создать ограниченные ЯС, способные поражать цели в восточной и европейской части СССР (основное нацеливание) и союзников США в Азии, угрожать базе Гуам, а с 1981 г. – континентальной части США. Были испытаны первая

---

[374] Kristensen H., et al. *Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning*. Washington. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.05.2017).

[375] *Presidential Directive/ NSC-59*. July 25, 1980. Available at: https://fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf (accessed: 23.01.2017).

[376] *Nuclear Targeting Policy Review. Memorandum*. Office of the Assistant Secretary of Defense. Washington D.C. Available at: https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2011-002-doc1.pdf (accessed: 23.01.2017).

[377] *The Military Balance*. Vol. 82. International Institute for Strategic Studies. 1982. 141 p. p.3.

двухступенчатая МБР ограниченного радиуса DF-4 (ноябрь 1969 г.[378], радиус 4 - 7 тыс. км, в зависимости от модификации) и трехступенчатая МБР DF-5 (в 1976 г., от 9 тыс. км). К 1980 г. на вооружении 2-й Артиллерии находились 4 «DF-4», до 85 одноступенчатых БРСД «DF-3» и около 50 «DF-2»[379]. Бомбардировщики Хун-6, а также некоторые модификации штурмовиков Q-5 могли использоваться для доставки ТЯО. С начала 1970-х годов началось создание БРПЛ «JL-1», во второй половине - строительство первого атомного ракетоносца проекта 092 (кодовое обозначение НАТО - «Xia»), однако роль указанных ПЛАРБ и БРПЛ оценивается как экспериментальная[380].

В этот период была произведена значительная часть ядерных боезарядов КНР. К 1982 г. их количество, по одним данным, составляло более 200 ед. [381], по другим – «несколько сотен» атомных и термоядерных боезарядов[382]. С 1964 по 1982 гг. Китай провел 27–28 ядерных испытаний, а также работы по созданию системы стратегической ПРО (проект 640, который также включал первые китайские противоспутниковые технологии)[383]. К 1981 г. появился радиолокационный комплекс предупреждения о ракетном нападении с радиолокационной станцией с фазированной решеткой, однако проект был закрыт из-за бюджетных ограничений.

Второй этап (1981 – 2007 гг.) характеризуется появлением у Пекина межконтинентальных ядерных ракет DF-5 как инструмента асимметричного противодействия доминированию США. Это усилило дискуссии о месте КНР в американском гибком ядерном планировании. Обретение Китаем

---

378 东风四号洲际导弹发展史：老当益壮的战略武器(4) / История разработки межконтинентальной баллистической ракеты «DF-4»: оружие, не стареющее душой (часть 4). *China.com*. 11.01.2010. Доступ: http://military.china.com/zh_cn/history4/62/20100111/15771069_3.html (дата обращения: 10.04.2017).

379 *The Military Balance 1980-1981*. International Institute for Strategic Studies. – L.: Arms and Armour Press, 1980. 119 p. p.61.

380 Erickson A. Chase M. China's SSBN Forces: Transitioning to the Next Generation. *China Brief*, Vol. 9, Issue 12, June 12, 2009.

381 Norris R., Kristensen H. Global Nuclear Weapons Inventories, 1945-2010. *Bulletin of Atomic Scientists*. July-August 2010. pp.77-83. P.82.

382 *The Military Balance 1980-1981*. International Institute for Strategic Studies. – L.: Arms and Armour Press, 1980. 119 p. p.62.

383 "640"工程：中国第一代反弹道导弹防御工程始末 / *Проект 640: история создания первого поколения китайского ПРО.* 15.12.2014. Доступ: http://military.china.com/history4/62/20141215/19104934_all.html (дата обращения: 04.07.2017).

возможности угрожать континентальной части США ограничивалось несколькими межконтинентальными ракетами в течение более десятилетия. Проекты по модернизации ракетно-ядерного арсенала продолжались, но они отличались длительностью цикла. В военно-политических кругах США (за рядом исключений [384]) китайская ядерная угроза как серьезная не рассматривалась. Однако роль КНР в ядерном планировании США нарастала. В ходе второго этапа арсенал США претерпел сокращения по Договору СНВ-1[385]. Количество ядерных БЗ сократилось с более чем 22 тыс. до 6–7 тыс. уже к середине 1990-х годов. Это не повлияло на способность США к нанесению разоружающего удара по ядерным объектам Китая, так как количественные показатели по-прежнему с запасом перекрывали объем, необходимый для массированной атаки.

В 1982–2007 годах проходили важные изменения в арсенале КНР: рубежное испытание модификации DF-5A (13 тыс. км), впервые давшей возможность нанесения ударов по всей территории США, а также принятие на дежурство мобильных МБР DF-31/31A. Запущен ряд долгосрочных проектов (с 1986 г. – проект мобильной МБР с РГЧ ИН DF-41). Количество МБР DF-5 увеличилось до 20 ед. к концу 1990-х годов, сделана попытка развертывания морского крыла ядерной триады - установка на ПЛАРБ проекта 092 «Ся» БРПЛ JL-1. КНР многократно усилила потенциал регионального нацеливания, введя на вооружение с начала 1990-х годов твердотопливные БРСД DF-21/21A (дальность до 1800 км.), с 2006 г. - DF-21C с увеличенной точностью (до 50–10 м, с ядерной/обычной БГ). Кроме того, в 2006 г. поступили на вооружение ракеты малого радиуса DH-10 (Donghai-10), но данные о наличии серийно

[384] China and Weapons of Mass Destruction. Implications for the United States. Conference Report. Office of the Director of National Intelligence. 1999. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/China_WMD_2000.pdf (accessed: 24.03.2017).

[385] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Москва. 31.07.1991. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/abm.pdf (дата обращения: 05.06.2018)

производимой ядерной модификации таких ракет отсутствуют[386]. В 2011 г. появилась модификация бомбардировщика «Хун-6К».

В 2007 г. количество МБР КНР оценивалось Пентагоном в 50–60 ед. (включая 20 МБР ограниченного радиуса DF-4, 20 МБР DF-5, до 20 МБР DF-31/31A)[387]. Китай также располагал до 50 БРСД DF-21 и до 18 DF-3. Продолжились работы по ПРО: успешное испытание в 2007 г. кинетического перехватчика DN-1 на основе БРСД DF-21. Вместе с тем, по американским оценкам, количество ядерных БЗ практически не изменилось (с 216 до 235 ед.)[388].

Особенностью **третьего этапа** формирования американо-китайского сдерживания (после 2007 г.) можно назвать движение Китая к качественному паритету с США. Кроме того, на этом этапе все больше заметны разработки новых технологий и систем вооружений, способных изменить технологическую базу ядерного сдерживания, однако исследование реальных параметров оружейных систем, о которых заявляют стороны, затруднено. Тем не менее можно предположить, что технологическое отставание КНР от США носит менее заметный характер, чем в предыдущие периоды.

По американским оценкам, к 2016 г. на вооружении КНР было 75–100 МБР[389]. В 2015 г. Китай представил новую БРСД DF-26 (радиус 4 тыс. км) с повышенной точностью. Её ядерный вариант, по мнению Пентагона, будет означать получение Китаем возможности **нанесения точечного ядерного удара**[390].

Вероятно, в качестве средства преодоления ПРО США, КНР активизировала установку РГЧ ИН. В 2014 г. была испытана модификация DF-31B с разделяющейся головной частью (РГЧ ИН). Первой МБР с РГЧ ИН на

386 H. Kristensen, R. Norris. Chinese Nuclear Forces, 2016 / Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 72. No 4. PP. 205-211. P. 210.

387 Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2007.

388 Norris R., Kristensen H. Global Nuclear Weapons Inventories, 1945-2010. Bulletin of Atomic Scientists. July-August 2010. pp.77-83. P.81.

389 Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. US Department of Defense. 2016.

390 U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. 2014.

дежурстве стала модификация DF-5B (от 4 до 6 боевых блоков, по различным оценкам). Кроме того, в начале 2017 г., в ответ на риторику новой администрации США[391], КНР представила информацию об успехах двух важных проектов – новой модели и новой модификации МБР с РГЧ ИН - мобильной МБР DF-41 (дальность до 14 тыс. км, до 10 боевых блоков, по предположениям экспертов, с возможностью нести гиперзвуковые блоки[392]) и DF-5C (также до 10 боевых блоков).

Помимо 75–100 МБР и около 50 БРПЛ (с 2016–2017 г. начинается патрулирование ПЛАРБ 094 «Цзинь», оснащенных БРПЛ JL-2 радиусом 7,4 тыс. км), на вооружении КНР находится значительное количество неядерных ракет малого радиуса «DF-15», около 80 БРСД «DF-21», некоторое количество БРСД «DF-26».

КНР развивает программу ПРО и противоспутникового оружия. С 2015 г. началось развертывание космического эшелона системы предупреждения о ракетном нападении - вывод на орбиту спутника с инфракрасной системой обнаружения ракетных пусков. Достоверные параметры коэффициентов эффективности и масштабов развёртывания ПРО КНР не доступны.

Массированный удар китайских ядерных сил по США по-прежнему теоретически не возможен, поскольку равносилен самоубийству. По оценкам RAND, в 2017 г. теоретически максимальный объем уничтожения американского ядерного арсенала разоружающим ударом КНР составил бы 53% (реальный показатель, с учетом комплекса факторов, должен быть существенно ниже). Наличие РГЧ ИН пока не настолько важно, так как первыми целями для «разоружающей» атаки должны стать базы ПЛАРБ и бомбардировщиков, а увеличение ущерба парку Minuteman-III за счет РГЧ ИН составило бы лишь несколько десятков.

---

[391] В. Кашин. Китайская межконтинентальная баллистическая ракета DF-41: почему сейчас и при чем здесь Россия. Российский совет по международным делам. 27.01.2017. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8637#top-content (дата обращения: 17.03.2017).

[392] В. Кашин. Китайская межконтинентальная баллистическая ракета DF-41: почему сейчас и при чем здесь Россия. Российский совет по международным делам. 27.01.2017. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8637#top-content (дата обращения: 17.03.2017).

Таким образом, вероятность конфликта с применением ЯО между США и КНР можно считать небольшой, поскольку обе стороны могут опасаться ответного ядерного удара. Тем не менее, по мере развития китайского арсенала ЯО и средств его доставки и постепенного ужесточения китайского военно-политического позиционирования, гипотетическая возможность ограниченного применения ЯО в случае утраты контроля в ходе эскалации потенциального конфликта сохраняется.

2.2. Влияние политики США на восприятие ядерных угроз и ядерную стратегию КНР

Периодизация развития ракетно-ядерной программы КНР на фоне американского военно-политического влияния в целом соответствует эволюции соотношения американского и китайского ядерных арсеналов. Он прослеживается на протяжении четырех условных этапов становления современного ядерного позиционирования Китая: первый (1949–1964 гг.), второй (1964–1981), третий (1985–2007), современный (с 2007 г.).

Политика США оказала прямое влияние на развитие китайской ядерной программы на начальном этапе, побудив Пекин к запуску проекта создания ядерных боезарядов. Непосредственно после принятия политического решения о военной ядерной программе (в 1955 г.) КНР вела работу над созданием стратегической ядерной триады - достижением качественного паритета с ведущими ядерными странами, усложняя технологический уровень ракетно-ядерной продукции в первую очередь в пределах экономических и научных возможностей страны, и лишь в меньшей степени с учетом военно-политического влияния США и СССР. До 2010-х годов количественные рывки, подобные американскому и советскому, не производились, однако в последнее десятилетие признаки количественного наращивания арсенала КНР вслед за расширением линейки носителей ЯО все же проявляются.

В период холодной войны основное влияние на восприятие Пекином ядерной угрозы оказали действия США в ходе Корейской войны (1950–53 гг.)

и кризисов в Тайваньском проливе 1954–1955 и 1958 гг., а также опыт китайско-советских пограничных столкновений в 1969 г. Современные китайские исследования указывают на искаженное восприятие отдельных эпизодов ядерных угроз[393] (например, на крайний скептицизм в отношении возможности применения ЯО США по китайско-северокорейским позициям на завершающем этапе Корейской войны). Однако именно ядерные угрозы и данные о новых технических возможностях США и СССР обуславливали главные «повороты» технологических приоритетов ракетных программ КНР. Эти изменения, в то же время, не носили глобального характера, и в целом китайская ракетно-ядерная программа развивалась линейно.

На первом этапе (1949-1964) у руководства КНР сложилось понимание необходимости обладать собственным ЯО, которое нивелировало бы «ядерное давление» или «ядерный шантаж». В этом отношении в 1940-е – 1950-е годы фактор США стал определяющим. В 1960–1970-е гг. ожидание конфронтации, способной привести к ядерному конфликту, в значительной степени сместилось в сторону СССР. Во время Корейской войны (1950-1953) Пекин рассматривал возможность ядерного удара со стороны США на ее начальном этапе и получал угрозы ближе к завершению. По воспоминаниям индийского посла М.К. Паниккара, маршал Не Жунчжэнь упоминал о готовности принять американский ядерный удар в сентябре 1950 г.[394] Президент США Г.Трумэн косвенно упомянул о такой возможности на пресс-конференции в ноябре 1950 г. (как вероятность применения «всех имеющихся видов оружия»[395]). Как указывает Тун Чжао (Технологический институт Джорджии), планирование на случай ядерной атаки началось еще до перехода китайских добровольцев через р. Ялу[396]. В китайских публикациях также указывается, что, несмотря на

[393]= Tong Zhao. Nuclear Signaling and China's Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China's%20Perception%20about%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2017).

[394] Panikkar, K. M. In Two Chinas: Memoirs of a Diplomat. 1955ю London: George Allen & Unwin, 183 p. p. 108.

[395] The President's News Conference. November 30, 1950. Public Papers Harry S. Truman. 1945-1953. Available at: https://trumanlibrary.org/publicpapers/viewpapers.php?pid=985 (accessed : 17.09.2017).

[396]= Tong Zhao. Nuclear Signaling and China's Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China's%20Perception%20abo

отсутствие на тот момент однозначного мнения о целесообразности применения ЯО против КНР в Вашингтоне, китайское руководство восприняло сигнал серьезно [397] и провело подготовительные работы. Фиксировалось перемещение частей ВВС и ПВО в целях защиты городов в северо-восточной части КНР, эвакуацию стратегической промышленной инфраструктуры[398].

Ближе к окончанию Корейской войны администрация США, возглавляемая более жестко настроенным президентом Д. Эйзенхауэром, снова заявляла о возможности применения ЯО. В феврале 1953 г. в ходе заседания Совета по национальной безопасности США Д. Эйзенхауэр предлагал рассмотреть возможность применения тактического ядерного оружия по китайским и северокорейским позициям в Кэсоне [399] . Новое руководство США старалось послать сигнал Пекину в мае 1953 г. не только в виде официальных заявлений, но и через дипломатические каналы и резидентуру разведки в Гонконге, и даже через Д. Неру и Чан Кайши[400]. Тем не менее, на этот раз угроза была воспринята в Пекине менее серьезно, хотя на этот раз инициатива исходила непосредственно от президента и задумывалась как решающее, завершающее действие, которое могло определить условия перемирия.

Политическое решение о запуске программы ракетно-ядерного оружия КНР было принято в ходе Тайваньского кризиса 1954–55 гг., когда в Пекине

---

ut%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2017).

[397] Lou, Jiawei. US Nuclear Threats During the Korean War. Journal of Jixi University, 9(3), 2009. P. 105.

[398] Qi, Dexue. 1991. Korean War Decision-Making. Shenyang: Liaoning University Press, p. 58. Op. cit. by Tong Zhao. Nuclear Signaling and China's Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China's%20Perception%20about%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2017).

[399]=In '40s and '50s, Nuclear Arms Still Seen Usable. The Washington Post. July 22, 1985. Available at: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1985/07/22/in-40s-and-50s-nuclear-arms-still-seen-usable/88e68448-b91a-435b-a3da-09518c76aede/ (accessed : 18.09.2017).

[400]= Tong Zhao. Nuclear Signaling and China's Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China's%20Perception%20about%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2017).

осознали нежелание СССР оказать реальную поддержку КНР в случае военного конфликта с США. Решение было оформлено на заседании секретариата Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 15 января 1955 г.

Угрозы применения ЯО США против КНР в ходе первого (1954-1955) и второго (1958) Тайваньских кризисов заключались в конкретных политических заявлениях[401] и подкреплялись развертыванием американского ЯО. С 1954 г. оно появилось на территории Японии, с 1957-1960 гг. – на Тайване, с 1958 г. – в Южной Корее[402]. Кроме того, во время действий континентальных войск в отношении о. Дачэнь США проводили атомные испытания, которые могли оказать дополнительное давление на Пекин[403].

Наличие стратегических бомбардировщиков и ТЯО США вблизи территории КНР и неуверенность в поддержке советского руководства способствовали усилению ощущения реальности американских угроз. Кроме того, в 1954 г. между Вашингтоном и Тайбэем был подписан Договор о взаимной обороне[404], что усложнило перспективы решения Тайваньского вопроса.

После заявления госсекретаря Дж. Ф. Даллеса о возможности применения ЯО также началось укрепление позиций НОАК[405], хотя КНР по-прежнему не была готова к отражению ядерной атаки и не обладала средствами для сдерживания. В то же время, на данном этапе сдерживающим фактором для США служила возможность вмешательства СССР (хотя в

---

[401] Merrill D., Paterson T. Major Problems in American Foreign Relations. Vol. II. Since 1914. Wadsworth Centage Learning. 2009. 624 p.

[402] Kristensen H. Nukes in Taiwan Crisis. Federation of American Scientists. May 13, 2008. Available at: https://fas.org/blogs/security/2008/05/nukes-in-the-taiwan-crisis/ (accessed: 04.07.2017).

[403] Zhao, Xuegong. 2004. Nuclear Weapons and American Policy toward the First Taiwan St rait Crisis. American Studies (2):10.

[404] Mutual Defense Treaty Between the United States of America and the Republic of China. December 2, 1954. Available at: http://www.taiwandocuments.org/mutual01.htm (accessed : 02.10.2017).

[405] Liu, Tong. 2009. 1955: What Went on behind the Scene of the First Taiwan Crisis. Tong Zhou Gong Jin (6):52.

действительности настороженное отношение СССР и КНР друг к другу только укоренялось).

Чжао Сюэгун, Тун Чжао, Го Сэютан, а также А.К. Соман указывают на высокий уровень взаимного непонимания [406] действий обеих сторон. В частности, если в ходе первого Тайваньского кризиса руководство США опасалось масштабного наступления НОАК на весь остров, то главным намерением Пекина было достичь политического эффекта от занятия малых островов[407]. Это способствовало готовности Вашингтона применить ядерную угрозу и окончательно убедило КНР в необходимости обладания ЯО[408].

В конце 1950-х годов КНР приступила к созданию средств доставки ЯО. После успехов СССР и США в освоении космоса в мае 1958 г. Мао Цзэдун заявил, что КНР «тоже осуществит проект искусственного спутника». Академия наук КНР подготовила соответствующий план, но цели не соответствовали возможностям ракетной отрасли. В том же году Мао Цзэдун заявил, что Китай должен стремиться создать атомные и термоядерные боезаряды, МБР и искусственные спутники земли в десятилетний срок. Новая, более масштабная программа создания стратегических вооружений, получившая название «Две бомбы и один спутник» (атомного и водородного боезарядов, а также ракеты-носителя для вывода на орбиту спутника, что было неразрывно связано с созданием баллистических ракет[409]), сыграла ведущую роль в развитии китайской оборонной промышленности.

Влияние США на развитие ядерной программы КНР заключалось не только в виде стимулирующей угрозы. На фоне кампании «охоты на ведьм» произошло перетекание ключевого кадрового состава из этнических китайцев,

---

[406] Zhao, Xuegong. 2004. Nuclear Weapons and American Policy toward the First Taiwan St rait Crisis. American Studies (2):105.

[407] Soman, Appu K. 2000. Double-Edged Sword : Nuclear Diplomacy in Unequal Conflicts: the United States and China, 1950-1958. Westport, Conn: Praeger, p. 122

[408]赵学功. 核武器与美国对第一次台湾海峡危机的政策 //美国研究. (Чжао Сюэгун. Ядерное оружие и политика США в ходе первого кризиса в Тайваньском проливе // Американские исследования) – 2004. – Т. 2. – С. 005. Доступ: http://www.defence.org.cn/aspnet/Vip-Usa/uploadfiles/2006-6/200661214222787.pdf (дата обращения: 02.10.2017).

[409]我国“两弹一星”历史研究现状与前瞻 （Современное состояние и перспективы исторических исследований отечественной программы “Две бомбы и спутник”）. 15.06.2016. Доступ: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-06/15/c_129063456.htm (дата обращения: 04.08.2017).

вынужденных вернуться в КНР из-за подозрений в прокоммунистических симпатиях[410]. Среди них были фактический создатель ракетной программы КНР Цянь Сюэсэнь, Цянь Сяньцян - ученик четы Жолио-Кюри (Институт радия Парижского университета), возглавивший Институт ядерных исследований, Дэн Цзясянь (Университет Пердью США), Пэн Хуанъу, Ван Ганьчан и др.

Ключевым фактором стало возвращение из США в 1955 г. Цянь Сюэсэня, который работал в Матхэттенском проекте и был обвинен ФБР в прокоммунистических симпатиях. В феврале 1956 г. он представил Госсовету «Предложения по проекту создания национальной оборонной авиационной промышленности» с научно-производственной базой для фундаментальных исследований с единым управлением. В том же году началось строительство полигона и была сформирована 5-я академия министерства обороны, в 1957 г. в нее вошли Управление по ракетным технологиям ЦВС и Академия исследований военной электроники. Цянь Сюэсэнь возглавил общую структуру и отдельно ее первый филиал (разработка ракет) с восемью лабораториями по общему проектированию, разработке двигателей, аэродинамике, материаловедению и пр. Второй филиал (военная электроника) возглавил его заместитель Ван Чжэн.

При участии Цянь Сюэсэня и советских инструкторов КНР включила создание баллистических ракет в план развития страны на 12 лет (1956-67). На начальном этапе развитию ракетной программы КНР способствовало сотрудничество с СССР, который передал Пекину образцы ранних советских ракет Р-1 (советская версия Фау-2) и Р-2[411]. СССР продал КНР образцы Р-1 и техническую документацию в 1956 г., а также партию из 14 ракет Р-2 – в 1957-58 г. Р-2 стала основой для китайской версии - «1059» (копии Р-2). В 1960-е годы ракета «1059» получила название DF-1, которое перешло от первого

---

[410] McGregor R. The Rocket Scientist Key to Cold War Efforts on Both Sides. November 28, 2009. Financial Times. Available at: https://www.ft.com/content/580ca278-dbab-11de-9424-00144feabdc0 (accessed : 17.09.2017).

[411] 观察者网一周军情：安倍可识东风面 [Военный обзор Guanchazhe: Абэ должен знать DF в лицо].//Guanchazhe.16.08.2015. Доступ: http://www.guancha.cn/ShiYang/2015_08_16_330780_1.shtml (дата обращения: 12.07.2018).

отчасти самостоятельного проекта китайской баллистической ракеты (DF-1 - на основе «1059» и косвенных знаний об Р-12; переименован в DF-3 и перепроектирован в 1963 году). Примечательно, что передача Москвой Р-2 была связана со стремлением Н.С.Хрущева получить от Мао Цзэдуна политическую поддержку[412].

Во второй половине 1950-х годов началось формирование особой структуры в рамках Третьего (затем Второго) министерства машиностроения, которая получила известность как 9-я академия, а с 1990-х годов называется Китайской академией инженерной физики (China Academy of Engineering Physics, CAEP). В разные периоды истории КНР структура формально подчинялась промышленным министерствам и армии. На работе над китайским ядерным оружием, при личном кураторстве маршала Не Жунчжэня и личной опеке Чжоу Эньлая, сказались события периода «культурной революции». Мемуары сына бывшего главы Второго министерства машиностроения Чжао Цзинпу свидетельствуют[413] о помехах, причиненных работе 9-й академии группировками хунвэйбинов и цзаофаней, повлиять на которые было сложно даже премьеру Госсовета, а также о репрессировании большей части персонала при передаче 9-й академии в военные структуры и непонимании между физиками-ядерщиками и новыми военным кадрами. После расформирования Министерства атомной промышленности КНР в 1988 г. академия стала функционировать как отдельный хозяйствующий субъект, получив ранг, соответствующий рангу департамента министерства.

В 1960 г. начался отзыв советских специалистов, и резко сократился объем помощи. При наличии у КНР минимальной базы стремление Мао Цзэдуна не отставать от Вашингтона и Пекина и склонность к постановке

---

[412] Lewis J.W., Di Hua. China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals. // International Security, Vol. 17, No. 2 (Fall, 1992). PP. 5-40.

[413]回忆我的父亲赵敬璞（二）[Воспоминания о моем отце Чжао Цзинпу (часть 2)]. Доступ: http://jiangsutongshan.blog.sohu.com/309326058.html (дата обращения: 05.08.2017)

максимальных задач обусловили дальнейшее догоняющее, но самостоятельное развитие.

Первое испытание китайского атомного боезаряда мощностью 20 кт прошло 16 октября 1964 г. в районе озера Лоб-нор. В том же году прошли испытания второй ракеты DF-2 (на базе советской Р-5), которые окончились неудачей. В 1966 г. состоялись испытания боезаряда на баллистической ракете (DF-2A, а 17 июня 1967 г. первого термоядерного боезаряда (3,3 Мт).

КНР стремилась преодолеть американский «ядерный шантаж», создав ракету, угрожающую территории континентальной части США, еще до успехов в испытании ядерного боезаряда. Цель создания МБР с дальностью 10 тыс. км, ставилась Пекином еще в 1961 году (проект межконтинентальной ракеты DF-3). Программа была закрыта в 1963 году из-за технологических и экономических трудностей в условиях политики «Большого скачка». После этого название DF-3 получил другой проект - усовершенствованной версии одноступенчатой DF-1.

В день первого ядерного испытания КНР выступила с заявлением, что обретение ядерного оружия – вынужденная мера, вызванная лицемерием правительства Соединенных Штатов, оставившего за собой право на подземные ядерные испытания по Договору о запрете ядерных испытаний в трех средах 1963 г. КНР заявила о принципе неприменения ЯО первыми и ликвидации «ядерной монополии» ради ликвидации ЯО в мире. КНР обвинила США в стремлении к «ядерному вооружению западногерманских реваншистов» и осудила присутствие американских подводных лодок в водах Тайваньского пролива и Тонкинского залива[414].

После первого китайского атомного испытания основной характеристикой **второго этапа** (1964–1985 гг.) стало выстраивание эффективного ядерного сдерживания как против США, так и против СССР путем создания потенциала гарантированного ответного удара. Вероятно, главной задачей для руководства КНР стало асимметричное противодействие

[414] Заявление Правительства КНР от 16 октября 1964 г. Цит. по: John Wilson Lewis, Xue Litai. China Builds the Bomb. Stanford University Press, 1988. 333 p. – pp. 241-243.

как ядерной, так и конвенциональной угрозе.

Как первый, так и второй этапы в китайской литературе относятся к «противодействию ядерному запугиванию» (反核威慑战略)[415]. Как отмечено в п.1 данной главы, ядерная стратегия КНР при Мао Цзэдуне подразделялась на две части: демонстративное игнорирование ядерного устрашения при отсутствии возможности представить аналогичную угрозу, а также на этапе получения собственного ЯО без убедительно эффективных средств доставки –использование его наличия как «экзистенциальной» угрозы и концентрация усилий по их разработке.

На данном этапе, после испытания первого китайского атомного боезаряда угрозы применить ЯО со стороны США прекратились. Не было и ситуаций балансирования на грани войны между Китаем и США. В то же время, в середине этапа достигла высокой степени конфликтность с СССР. В то же время произошедшие в 1970-е годы нормализация и установление дипломатических отношений между Пекином и Вашингтоном и осуществленный на фоне этого вывод американского ЯО с Тайваня, Филиппин и с Окинавы в 1972-1974 гг. не означали ослабления американских ядерных сил в регионе, и китайские программы по созданию баллистических ракет большой дальности продолжились.

На втором этапе КНР формально справилась с задачей формирования сил минимального ядерного сдерживания, способных угрожать «мягким целям» (городам), расположенных на отдалении от двух тысяч км (территория Японии, главным образом за счет ракет DF-2) до 12 тыс. км (территория США, посредством DF-5). Также велась работа над БРСД DF-3 (по сути - улученным вариантом одноступенчатой DF-1, достаточными для угрозы американским базам территории Филиппин) и МБР ограниченной дальности (DF-4, с помощью которой можно было осуществлять нацеливание на европейскую

[415] Цит.по: 荣 予 洪 源。从反核威慑战略到最低核威慑战略: 中国核战略演进之路 [Жун Юй, Хун Юань. От стратегии противодействия ядерному устрашению до минимального ядерного сдерживания].// Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies. Март 2009. СС.120-132. Доступ: http://niis.cass.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121204202025524.pdf (дата обращения: 12.07.2018).

часть СССР и американскую базу бомбардировщиков B-52 на о. Гуам).

На данном этапе из-за сохранения военного превосходства США развитие ядерных сил КНР определялось целью сформировать ядерную триаду и ограничивалось технологическими возможностями. В меньшей степени развитие китайских ракетно-ядерных разработок 1960-х – начала 1980-х годов определялось изменениями в политическом планировании.

Политика «неприменения ЯО первыми» подразумевала создание ядерных сил, способных выжить в первом ударе (во-первых, за счет базирования в шахтах, позднее – в скальных шахтах/тоннелях, во-вторых - работ над БЖРК и мобильными комплексами; в-третьих – путем сокращения времени заправки жидкотопливных ракет и, к концу этапа, отдав приоритет твердотопливным проектам). Скромный объем арсенала ракет привел руководство КНР к приоритету планирования противоценностного, а не противосилового удара (удара по городам как «мягким целям» жидкотопливными ракетами с тяжелыми боеголовками, где не настолько критичным был коэффициент возможного отклонения) [416] . К созданию стратегических планов использования ЯО как сдерживающего элемента в военных действиях КНР не приступали до 1984-85 годов.

Парадигма восприятия будущего политико-военного конфликта Мао Цзэдуном основывалась на ожидании крупного международного конфликта, в котором КНР имела шансы на победу за счет сочетания принципов «народной войны» и наличия ЯО. Спустя менее недели после первого ядерного испытания, 22 октября 1964 г. Мао Цзэдун отмечал необходимость подготовки к «ранней/скорой, крупномасштабной и ядерной войны»[417]. В рамках этого в

---

[416] URL: Lewis J.W., Di Hua. China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals. // International Security, Vol. 17, No. 2 (Fall, 1992). PP. 5-40.

[417] Цит.по: 荣 予 洪 源。从反核威慑战略到最低核威慑战略: 中国核战略演进之路 [Жун Юй, Хун Юань. От стратегии противодействия ядерному устрашению до минимального ядерного сдерживания].// Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies. Март 2009. СС.120-132. Доступ: http://niis.cass.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121204202025524.pdf (дата обращения: 12.07.2020).

1960-е годы начался форсированный перенос стратегических промышленных предприятий, включая 9-ю академию, вглубь страны («провинции третьей линии обороны»). Главными целями Мао Цзэдуна были сохранение стратегически важных объектов и постепенное создание базы носителей ЯО. Этот подход оставался актуальным до середины 1980-х годов: КНР стремилась обеспечивать готовность к ядерному нападению и демонстрировать внешнее безразличие к последствиям ядерного удара, что отчасти препятствовало планам «ядерного устрашения» со стороны оппонентов.

В середине 1960-х годов советско-китайские отношения перешли в стадию конфронтации, поэтому подготовка к ядерным ударам по КНР ориентировалась преимущественно на советскую угрозу. Мао Цзэдун также рассматривал возможность объединения Вашингтона и Москвы против КНР. Известно, что он обсуждал это с лидером Коммунистической партии Японии М.Кендзи[418] . Отчасти такие предположения могли делаться намеренно ради политического эффекта, но очевидная уязвимость Китая и плохие отношения с обеими державами объективно сокращали возможности для политического маневрирования. Тема «развязывания войны американскими империалистами и советскими ревизионистами» обсуждалась в ходе IX-го съезда Китайской коммунистической партии[419] в 1969 г.

Трудности переговоров о принадлежности приграничных территорий с СССР, начатых в 1964 г., привели к ряду шагов в военно-политической сфере - резких высказываний политической элиты, концентрации вооруженных сил вдоль границы. Обе стороны, по видимости, интерпретировали их в наиболее тревожном ключе. Пекин воспринял как угрозу применить ЯО высказывание

---

[418] Chen, Donglin. 2004. The Nuclear Button Was Almost Pressed: U.S. and Soviet Union's Plans to Conduct Nuclear Strikes against China in 1964 and 1969. A Broad View of CPC History (3):8.

[419]= Tong Zhao. Nuclear Signaling and China’s Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China’s%20Perception%20about%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2020).

Н. Хрущева о возможности применения против КНР «даже самых передовых вооружений», сделанное в ходе встречи с делегацией японского парламента в августе 1964 г. Высказывание последовало за китайским заявлением о возможности военного решения пограничной проблемы[420].

Начавшееся усиление военного контингента советских войск вблизи границы (включая размещение ракетных частей и ядерных бомбардировщиков) и наращивание военного присутствия СССР с в Монголии после подписания в 15 января 1966 г. советско-монгольского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи[421] также вызывали опасения Пекина.

В ходе кризиса 1969 г. СССР, предположительно, передал посредством руководства восточно-европейских стран угрозу нанести ядерный удар по китайской базе ядерных испытаний Лоб-Нор. Тогда же близкий к руководству СССР журналист В. Луис передал информацию о возможности нанесения советского ядерного удара без предварительных консультаций[422]. Эти события способствовали созданию ЦК КПК Руководящей группы по противовоздушной обороне и подготовительным мероприятиям в городах. В октябре 1969 г. заместитель главы Центрального военного совета маршал Линь Бяо отдал приказ привести все армейские подразделения, включая ракетно-ядерные, в боеготовность[423].

На фоне ухудшения отношений с СССР КНР продолжала самостоятельно развивать ракетные проекты. В 1965 году в КНР был принят

---

[420] Tong Zhao. Nuclear Signaling and China's Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China's%20Perception%20about%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2017).

[421] "The Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the USSR and the Mongolian People's Republic. Signed in Ulan Bator, 15.01.1966). Available at:: https://www.cambridge.org/core/journals/international-legal-materials/article/mongoliaussr-friendship-treaty/BF84AED3C2B5CF6B9236AFBBD79F288F (accessed:: 17.07.2018).

[422] Whitney C. Victor Louis, 64, Journalist, Dies; Conduit for Kremlin to the West. //The New York Times. July 21, 1992. Available at: https://www.nytimes.com/1992/07/21/world/victor-louis-64-journalist-dies-conduit-for-kremlin-to-the-west.html (accessed: 17.07.2018).

[423] Tong Zhao. Nuclear Signaling and China's Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China's%20Perception%20about%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2020).

восьмилетний план поставки на боевое дежурство четырех типов ракет (八年四弹, известен также как «План развития ракет класса «земля–земля». Появившееся в соответствии с ним DF-4 (МБР ограниченной дальности) и DF-5 (МБР) предназначались для нацеливания на европейскую часть СССР, а не континентальную часть США[424]. В 1966 году по инициативе Чжоу Эньлая был также запущен проект трехступенчатой жидкотопливной МБР DF-6 на базе двух ступеней DF-5 (FOBS, с частичным использованием космической орбиты), который предполагал нацеливание на континентальную часть США и подлет с юга. Однако он был закрыт в 1973 году по комплексу причин – не только серьезных технологических неудач, но и нормализации отношений с США. Приоритет отдали развитию DF-4 (сдерживание СССР и США – о.Гуам) и DF-5 (возможность сдерживания как СССР, так и США). Другие две ракеты в рамках плана – DF-2 и DF-3 – были поставлены на боевое дежурство в конце 1960-х – 1971 г. и осуществляли нацеливание на Японию, Гуам, Филиппины, часть территории СССР.

Хотя главным приоритетом оставалась межконтинентальная двухступенчатая ракета DF-5, о влиянии СССР на ракетную программу КНР на данном этапе говорит и решение увеличить радиус DF-4 с изначальных 4 тыс. до 4,5 и, впоследствии, до 4,75 тыс. км[425]. Обе ракеты были поставлены боевое дежурство не полностью готовыми в 1980 г., на что также повлиял СССР (ввод войск в Афганистан в 1979 г.). Договоренности между США и СССР по ОСВ, предполагавшие повышение точности советских и американских ракет в ущерб количественному наращиванию, обусловили стремление КНР увеличивать «живучесть» своих баллистических ракет.

На действия КНР также повлияла доступная информация о развитии в США систем ПРО в 1960-е годы, и уже с 1960-х годов КНР рассматривала возможность увеличения способностей преодоления ПРО.

---

[424] 观察者网一周军情：安倍可识东风面 [Военный обзор Guanchazhe: Абэ должен знать DF в лицо].//Guanchazhe.16.08.2015. Доступ: http://www.guancha.cn/ShiYang/2015_08_16_330780_1.shtml (дата обращения: 12.07.2018).

[425] Lewis J.W., Di Hua. China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals. // International Security, Vol. 17, No. 2 (Fall, 1992). PP. 5-40.

Реализация приоритетов программы «Четырех ракет за восемь лет» обусловила решение перейти от жидкотопливных ракет к твердотопливным. Уже в начале 1970-х годов упоминалась долгосрочная цель – большая твердотопливная МБР подводного пуска (теоретически способная угрожать любой точке мира). В 1967 г. было принято решение о создании двухступенчатой твердотопливной БРПЛ. Вслед за её первыми прототипами (JL-1 или «Цзюйлан-1»/ «Огромная волна», первое название – «Цзюйлун-1»/ «Огромный дракон»). В 1970-х годах также велась разработка мобильной жидкотопливной баллистической ракеты большого радиуса DF-14/DF-22 (проект 202), но он был закрыт из-за приоритетности твердотопливных ракет.

Потребность в обладании твердотопливной БРПЛ дальнего радиуса не могла быть реализована в 1970–1980-е годы по технологическим причинам. Поэтому наряду с развитием DF-22 в 1976 г. Центральный военный совет одобрил план создания твердотопливной ракеты среднего-дальнего радиуса (без точного плана), подходящей как для наземного, так и морского базирования[426].

В 1960-70-е годы развитию ракетно-ядерной программы КНР мешали в первую очередь внутриполитические события. В частности, действия хунвэйбинов в ходе «культурной революции» 1966-1976 гг. и кадровые чистки, которые негативно сказывались на деятельности даже предприятий ОПК. Например, из мемуаров сына Чжао Цзинпу – работника 9-й академии и непосредственного участника событий, известно, что при передаче 9-й академии под военное управление кадровый состав пострадал в ходе «разоблачительных антишпионских» кампаний представителей военного руководства[427]. Передача под патронаж НОАК была вызвана беспорядками, чинимыми хунвэйбинами и цзаофанями.

В итоге, в 1970-е годы Китай продолжил разработку

---

[426]东风-31 洲际导弹 [Межконтинентальная баллистическая ракета DF-31].//China.com.28.07.2012. Доступ: http://military.china.com.cn/2012-07/28/content_26046269.htm (дата обращения: 12.07.2018)

[427]回忆我的父亲赵敬璞（二）(Воспоминания о моем отце Чжао Цзинпу (часть 2)). Доступ: http://jiangsutongshan.blog.sohu.com/309326058.html (дата обращения: 05.08.2017)

межконтинентальной баллистической ракеты, испытав МБР DF-5 (дальностью от 9 тыс. км) в 1976 г. Ее, а также «МБР ограниченной дальности» DF-4 поставили на дежурство 1980-81 гг. К этому моменту на вооружении КНР также находились 4 баллистических ракеты среднего радиуса DF-4, до 85 одноступенчатых БРСД DF-3 и около 50 баллистических ракет DF-2.

На рубеже второго и третьего этапов Пекин осознал потребность во всесторонней модернизации своих вооруженных сил, приступил к реформированию ВПК и наращиванию ракетного арсенала – ядерного и конвенционального.

Со второй половины 1980-х годов понятие «ядерное сдерживание» приобрело более реалистичный оттенок, прежде всего, для руководства КНР. Это было связано с отходом от ожидания новой масштабной мировой войны (в 1985 г. Дэн Сяопин провозгласил курс мирного экономического развития вместо принципа Мао Цзэдуна подготовки к «ранней, крупномасштабной и ядерной войне» (“早打、大打、打核战争”)[428]), продвижением в разработке твердотопливных ракетных комплексов[429], а также созданием в 1989 году интегрированной системы применения ЯО в военных целях (системы управления государством и вооруженными силами в условиях ядерной войны). Возможность убедительного нацеливания на континентальную часть США обусловила реалистичность стратегии «минимального» сдерживания [430] ».

Вероятно также, что уже в этот период ядерное планирование КНР также приобрело черты стратегии «гибкого реагирования» США. Приоритет в

---

[428] Цит.по: 荣 予 洪 源。从反核威慑战略到最低核威慑战略: 中国核战略演进之路 [Жун Юй, Хун Юань. От стратегии противодействия ядерному устрашению до минимального ядерного сдерживания].// Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies. Март 2009. СС.120-132. Доступ: http://niis.cass.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121204202025524.pdf (дата обращения: 12.07.2018).

[429] и уже наработки минимального комплекса работающих средств доставки ЯО

[430] 李彬.中国核战略辨析//《世界经济与政治》 [Ли Бинь. Анализ китайской ядерной стратегии //Мировая экономика и политика] сентябрь 2006. С.21. Доступ: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/11.pdf (дата обращения: 05.06.2018); 荣 予 洪 源。从反核威慑战略到最低核威慑战略: 中国核战略演进之路 [Жун Юй, Хун Юань. От стратегии противодействия ядерному устрашению до минимального ядерного сдерживания].// Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies. Март 2009. СС.120-132. Доступ: http://niis.cass.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121204202025524.pdf (дата обращения: 12.07.2018).

разработке ракет окончательно сместился с жидкостных носителей на мобильные твердотопливные.

Глава Комиссии по оборонным научно-техническим разработкам Чжан Айпин продвигал идею минимального сдерживания уже в 1970-е годы. Разработки ракет продолжались в этом направлении, но в действительности «минимальное сдерживание» стало актуальным в 1980-е годы. Роль ЯО в обеспечении национальной безопасности КНР повысилась вслед за сокращением численного состава НОАК[431].

Проект DF-22 на базе наработок DF-14, начатый в 1978 г. как «Проект 202» (202 工程), был закрыт в 1985 г., уступив место мобильной твердотопливной МБР DF-23 (DF-31)/БРПЛ JL-2 в рамках концепции «Большой диаметр–базовая модель–переход на серийное производство» (大直径、基本型、系列化)[432]. Развитие твердотопливных ракет вошло в приоритеты седьмой пятилетки (1986–1990) на фоне общего сокращения проектов ядерных ракет в пользу обычных вооружений. Предпочтению твердотопливного проекта способствовало и достижение к 1980-м годам КНР некоторых успехов в создании твёрдотопливных двигателей для МБР большого диаметра[433].

Факторы, способствовавшие развитию в 2000-е – 2010-е годы в КНР арсенала «ограниченного сдерживания» с гибкими опциями нанесения ядерных ударов (в качестве ответа на военную угрозу со стороны США), были связаны с демонстрацией военной мощи США и снижением предсказуемости при потенциальном обмене ядерными ударами. К ним относятся события 1990-х годов (действия ВС США в ходе операции «Буря в пустыне» и Югославской кампании, выход США из Договора по ПРО[434]). Эти события

---

[431] Lewis J.W., Di Hua. China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals. // International Security, Vol. 17, No. 2 (Fall, 1992). PP. 5-40.

[432] 东风-31 [DF-31]. Huanqiu. Доступ: http://weapon.huanqiu.com/missile_31 (дата обращения: 17.07.2018).

[433] Там же.

[434]时殷弘. 美国国家导弹防御计划与中国的对策 //太平洋学报 (Ши Иньхун. Планы США по развитию национальной системы ПРО и ответная стратегия Китая // Тихоокеанский вестник). – 2000. – №. 4. – С. 39-44.; см. Также: 陈文光. 美国国家导弹防御系统与俄罗斯的应对措施 //导弹与航天运载技术 (Чэнь Вэнгуан. Национальная ПРО США и ответные меры России// Вестник управляемых снарядов и космических ракет-носителей). – 2001. – №. 4. – С. 54-60. См. Также: 吴征宇. “沉着应对”≠“自废武功”——美国国家导弹防御计

усилили ощущение потребности асимметричного ответа в Пекине. В 1990–2000-х годах в Китае были опубликованы работы, анализирующие военную мощь США[435], в том числе вопросы интеграции ВС и информационных технологий. Тогда же в КНР активизировалась модернизация военного строительства[436].

Реакцией на авиаудар США по китайскому посольству в Белграде стал запуск программы ускоренного развития оборонных технологий «План 995», в которую вошли основные передовые проекты ВПК (в том числе, существовавшие до появления плана): военно-транспортные самолеты, истребители, модификация ядерного бомбардировщика Hong-6 (Hong-6K)[437], модификации БРСД и МБР – DF-21D, DF-26, DF-31, DF-41, проект авианосца типа 001А и создание ракетных эсминцев[438].

Наряду с США, важным фактором развития ядерных вооружений КНР стала Индия[439]. С конца 2000-х годов основное влияние на развитие ядерных

划与中国应有的对策 //现代国际关系 （У Чжэнъюй. «Хладнокровно реагировать не означает военного бездействия»: Национальная ПРО США и необходимые для Китая меры //Современные международные отношения）. – 2003. – №. 2. – С. 57-61.

[435] 魏晨曦, 马婷婷, 汪琦. 美国天军武器系统发展展望 //外军信息战 (Вэй Ченси, Ма Тинтин, Ван Ци. Перспективы развития ВС США //Вестник иностранных военных информационных технологий.). – 2005. – №. 6. – С. 1-7.; См. Также 米兰, 维戈, 萧林. 信息时代的作战指挥与控制 //外国军事学术 (Ми Лань, Вэй Гэ, Сяо Линь. Контроль и оперативное командование в эпоху информатизации //Иностранные военные науки). – 2005. – №. 5. – С. 51-54. См. Также 罗巧云, 高勇强. 美军第四代战斗机 F-35 “联合攻击战斗机” 最卓越的航空电子系统 //电子科学技术评论 (Ло Цяоюнь, Гао Юньцян. Наиболее совершенные авиационные электронные системы американского «штурмового истребителя» четвертого поколения F-35»// Обозрение электронных технологий). – 2005. – №. 4. – С. 5-8.; См. Также 韩枫. 第四代战斗机的航空电子系统 //现代军事 (Хань Фэн. Авиационно-электронные системы американских истребителей четвертого поколения // Современная армия). – 2006. – №. 6. – С. 36-39.; См. Также 范晋祥. 美国弹道导弹防御系统的红外系统与技术的发展 //红外与激光工程 (Фань Цзинсян. Инфракрасные системы и развитие технологий ПРО США// Инфракрасные технологии и лазерная инженерия). – 2006. – Т. 5.

[436] Кашин В. Б. Эволюция китайской военной политики // Экспорт вооружений. 2012. №100.

[437] 轰 6 紧急飞赴台海！遭美电子战机干扰 导弹都发射不出去 [Бомбардировщик «Hong-6K» пролетел над Тайваньским проливом, создав радио-электронные помехи для США: ракеты не были применены].// Mil.sina.cn. 10.07.2018. Доступ: https://jmqmil.sina.cn/dgby/doc-ihezpzwu3712438.d.html?vt=4 (дата обращения: 10.07.2018).

[438] 被美国飞机炸出来的“995 工程" [План «995», спровоцированный американской бомбардировкой]. //Ifeng. 10.05.2017. Доступ: https://m.ifeng.com/news/shareNews?forward=1&aid=122310393- (дата обращения: 12.07.2018); 奇耻大辱！**18** 年前的今天，美国干的这件事激怒了整个中国 [Великий позор! Действия США 18 лет назад отозвались гневом всего Китая]. // Toutiaoabc. 09.05.2017. Доступ: https://www.toutiaoabc.com/index.php?act=view&nid=306261 (дата обращения: 12.07.2018)

[439] 夏立平. 论印度核政策与核战略 //南亚研究 (Ся Липин. Анализ ядерной политики и ядерной стратегии Индии // South Asian Studies Quarterly). 2007. Доступ: http://www.cssn.cn/jsx/201405/P020140528607965589270.pdf; См. Также: 章节根. 印度核战略产生的国内政治过程分析 //国际政治研究 (Чжан Цзегэнь. Анализ индийских внутриполитических процессов, связанных с развитием ядерного оружия // Исследования международной политики). – 2007. – Т. 4. – С. 025.; 匡成刚. 印度

сил КНР оказывает специфика таких военно-технических разработок США, как расширение систем ПРО и развитие гиперзвуковые технологии для доставки боезарядов, а также концепция Быстрого глобального удара.

Выход США в 2001 г. из Договора по противоракетной обороне (1972) и создание в рамках Пентагона Агентства по противоракетной обороне (Missile Defense Agency) вызвали критику Пекина еще до его формирования. На Конференции по разоружению в Женеве в 1999 г. Цзян Цзэминь говорил о нарушении глобального равновесия и опасности активизации гонки вооружений в «новых сферах»[440]. Позднее, на Конференции в 2000 г., он уточнил, что выход США из Договора спровоцирует милитаризацию открытого космоса[441], и выдвинул китайский проект соглашения по ее недопущению. Отсутствие прогресса в сфере ПРО послужило оправданием для активизации разработок китайской ПРО.

2.3. Эволюция подходов руководства и экспертного сообщества США к ядерному потенциалу КНР

Факт технической модернизации ЯС КНР был признан американским военно-политическим сообществом в середине 2000-х годов и с тех пор она вызывает нарастающую обеспокоенность.

В американских документах Китай совместно с РФ относят в американских работах к условной группе «основных ядерных держав вне НАТО» (*Major Existing Nuclear States Outside of NATO*)[442], представляющих для Вашингтона одну из главных потенциальных проблем наряду с

核试验后的中印关系前景展望 //南亚研究季刊. (Куан Чэнган. Контекст и перспективы китайско-индийских отношений после индийского ядерного испытания // // South Asian Studies Quarterly) – 1998. – №. S1. – С. 73-74.

[440] Jiang Zemin's Speech at the Conference on Disarmament // Permanent Mission of the PRC to the UN Office in Geneva and other International Organizations in Switzerland. 26 March 1999. Available at: http://www.china-un.ch/eng/cjjk/cjjblc/jhhwx/t85307.htm (accessed: 15.04.2017).

[441] China warns that plans by the United States to build a missile defense program is likely to cause an arms race in outer space. 24 February 2000 // Federation of American Scientists. Available at: http://www.fas.org/nuke/control/paros/news/000224-paros1.htm (accessed: 17.04.2017).

[442] National Security and Nuclear Weapons in the 21st Century // US Department of Defense. 2008. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/nuclearweaponspolicy.pdf (accessed: 24.11.2018).

«государствами, вызывающими беспокойство» (*states of concern* – включая Иран и КНДР) и экстремистскими и негосударственными акторами (*Violent Extremists and Non-State Actors* , как движение Хезболла). В совместном докладе Министерств обороны и энергетики США в 2008 г. КНР названа «единственной ядерной державой-членом ДНЯО, которая занимается модернизацией и количественным наращиванием ядерного оружия».

Для политического сообщества США, если судить по официальным ведомственным[443] и экспертным[444] публикациям, важным фактором остается способность КНР угрожать либо нанести неприемлемый ущерб ограниченными средствами, или, говоря языком китайской классической военной мысли, разрушать планы соперника.

Представители руководства США неоднократно подчеркивали влияние военной модернизации Китая и развития его ядерной триады [445] , на региональный баланс сил, где интересы США затрагиваются напрямую по линии сотрудничества с «основными союзниками вне НАТО». Наибольшую настороженность в отношении ракетно-ядерной угрозы со стороны КНР традиционно выражают представители разведывательного сообщества [446] . Важную роль в изучении данного вопроса играют упомянутые доклады министерства обороны и комиссии конгресса, отражающие постепенное нарастание обеспокоенности наряду со снижением интереса (с 2004–2005 гг.) к теме участия Китая в распространении ракетных и ядерных технологий. В

---

[443] Доклады Министерства обороны о состоянии военной мощи КНР, предоставляемые Конгрессу ежегодно. Например: Annual Report to Congress. The Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2005. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2005/d20050719china.pdf (accessed: 20.11.2016); Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // US Department of Defense. 2016. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016%20China%20Military%20Power%20Report.pdf (accessed: 25.11.2016).

[444] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

[445] China and weapons of mass destruction. Implications for the United States. Conference Report // Office of the Director of National Intelligence. 1999. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/China_WMD_2000.pdf (accessed: 24.11.2016); Annual Report to Congress. The Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2005. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2005/d20050719china.pdf (accessed 20.11.2016).

[446] Key findings: The intelligence community damage assessment on the implications of China’s acquisition of US nuclear weapons information on the development of future Chinese weapons. US Central Intelligence Agency, Press Release. 21.04.1999.

конгрессе нет единодушия в вопросе о степени актуальности китайской ядерной угрозы, в связи с чем возникают дискуссии о целесообразности финансирования масштабной программы модернизации ядерного арсенала Соединенных Штатов[447].

В американских публикациях и документах обсуждается наращивание КНР своего ядерного потенциала. Можно выделить следующие группы вопросов: наращивание количественных и качественных показателей китайского ядерного арсенала, развитие потенциала контрсдерживания КНР, влияние этих изменений на ядерную доктрину Китая. Первый комплекс вопросов касается развития средств доставки и разработки новых (либо поддержания в боеготовности имеющихся) боезарядов и систем противоракетной обороны, а также расширения возможностей по управлению эскалацией потенциальным конфликтом. Вторая группа связана с дискуссиями о возможности отхода КНР от принципа неприменения ЯО первыми (декларируемого со дня его вступления в «ядерный клуб» 16 октября 1964 г).

2.3.1. Нарастание интереса к ядерной проблематике КНР при администрации У.Клинтона

Интерес к вопросам, связанным с ядерным арсеналом КНР, обозначился в США еще при администрации У. Клинтона (1993–2001). Как указывает А.В. Фененко, американские исследователи пришли к выводу, что КНР может стать сверхдержавой и потому потенциально опасна для США в 1989–1994 гг. [448]. Так, в 1992 г. военными советниками Министерства обороны и ВВС США подчеркивались усилия Пекина по развитию ядерного потенциала, который может угрожать США и их союзникам (в том числе отмечался потенциал для

[447] Department of Defense (DoD) Releases Fiscal Year 2017 President's Budget Proposal // US Department of Defense. 09.02.2016. Available at: https://www.defense.gov/News/News-Releases/News-Release-View/Article/652687/department-of-defense-dod-releases-fiscal-year-2017-presidents-budget-proposal (accessed: 30.11.2016).

[448] Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013. С.33.

эскалации американо-индийского конфликта[449]. В докладе Стратегического командования вооруженными силами США (STRATCOM), под управлением которого находятся ядерные и космические войска, а также ПРО, опубликованном в 1994 г., рассматривались несколько вариантов ядерного конфликта с КНР, в том числе в результате развития кризиса на Корейском полуострове[450].

Существенное внимание военно-политических кругов США также привлекли события Тайваньского кризиса 1995–1996 гг., продемонстрировавшие готовность Пекина применить ракеты (хотя на том этапе и неядерные) в случае начала конфликта.

Хотя эксперты отмечают, что информация, полученная в ходе запусков китайских ракет вблизи Тайваня, позволила сделать выводы о низком уровне интегрированности управления подразделениями НОАК, тем не менее в публикациях[451], посвященных содержанию засекреченных документов по ядерному планированию США (Единый интегрированный оперативный план, SIOP), отмечается расширение спектра потенциальных целей на территории КНР на случай нежелательного и маловероятного конфликта в 1997 г.[452]. Не остались незамеченными и заявления отдельных военных чиновников КНР о принципиальной возможности военного столкновения[453], а также неподтвержденная, но вызвавшая резонанс в конгрессе и СМИ информация о высказывании генерала НОАК Сюн Гуанкая о возможности нанесения упреждающего ядерного удара[454]. В этот период сформировался интерес

---

[449] Reed T., Wheeler M. The role of nuclear weapons in the new world order. Strategic Advisory Group, U.S. Strategic Air Command, January 13, 1992, P. 13 and Appendix B.

[450] Kristensen H., et al. 2006. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington, Federation of American Scientists. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.11.2016). P. 161.

[451] Clinton Directive Changes Strategy on Nuclear Arms. Washington Post. 07.12.1997. Available at: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1997/12/07/clinton-directive-changes-strategy-on-nuclear-arms/96b6788f-d7a1-47ec-a654-7ab368d15edf/?utm_term=.c4e047b35991 (accessed: 20.12.2016).

[452] Kristensen H., et al. 2006. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington, Federation of American Scientists. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.11.2016). P. 161.

[453] Например, в Конгрессе обсуждалось заявление, которое сделал министр обороны КНР в 1998 г. Чи Хаотянь о «превращении войны с США в неизбежность». См.: Congressional Record. Vol. 146. Pt. 6. May 10, 2000 to May 23, 2000. P. 7764.

[454] Congressional Record – House. Vol. 151. Pt.12. July 14 to July 22, 2005. P. 16670–16671. Harnley A., Sevastopulo D. Top Chinese General Warns US Over Attack.Financial Times. July 15, 2005. Available at: https://www.ft.com/content/28cfe55a-f4a7-11d9-9dd1-00000e2511c8 (accessed : 15.12.2017).

американских политических и академических кругов к теме военной модернизации КНР и ее значения для глобального лидерства США, началась разработка соответствующих материалов разведывательными службами и экспертным сообществом.

В 1997 г. в Четырехлетнем обзоре оборонной политики – документе, отражающем главные установки оборонной стратегии США, – была отмечена возможность превращения Китая в одного из глобальных равноправных соперников (*global peer competitor*) к 2015 г.[455] В 2000 г. конгресс закрепил за министерством обороны обязанность предоставлять ежегодный доклад о состоянии вооруженных сил КНР[456]; два года спустя Комиссия Конгресса США по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности начала публиковать обширные доклады[457]. В них была предусмотрена часть, посвященная ядерной составляющей военной мощи КНР.

В конце 1990-х годов ни в администрации президента, ни в ведомствах серьезных опасений по поводу китайских ядерных сил не высказывалось, но экспертное и политическое сообщества солидаризировались относительно неминуемости модернизации ядерного арсенала КНР в будущем[458] [459]. В ходе встречи У. Клинтона и Цзян Цзэминя в 1997 г. лидеры подчеркнули принцип взаимного ненацеливания наступательных ядерных вооружений[460]. Тем не менее это не означало установления полного доверия между странами. Спустя год американский президент, ссылаясь на данные разведывательного сообщества о технической возможности КНР нанести ядерный удар по

---

[455]= Report of the Quadrennial Defense Review. 1997 // BITS. Available at: http://www.bits.de/NRANEU/others/strategy/qdr97.pdf (accessed: 20.11.2016).

[456] National Defense Authorization Act // US Department of Defense. 2000. Available at: http://www.cfr.org/defense-budget/national-defense-authorization-act-2000/p31999 (accessed: 24.11.2016).

[457] US-China Economic and Security Review Commission Web Site. Available at: http://www.uscc.gov/about/uscc-charter (accessed: 24.11.2016).

[458] Key findings: The intelligence community damage assessment on the implications of China's acquisition of US nuclear weapons information on the development of future Chinese weapons. U.S. Central Intelligence Agency, Press Release. 21.04.1999; Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2000. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2002/d20020712china.pdf (accessed: 22.11.2016).

[459] Manning R., et al. 2000. China: The forgotten nuclear power. Foreign Affairs, vol. 79, no. 4, pp. 53–63.

[460]=Achievements of the US-China summit // The White House Fact Sheet. 27.06.1998. Available at: https://clinton3.nara.gov/WH/New/China/19980627-7898.html (accessed: 24.11.2016).

континентальной части США, призвал к обеспечению прозрачности реформирования НОАК[461]. В докладах министерства обороны конгрессу ядерный арсенал Китая упоминался как «маленький», «скромный» инструмент сдерживания, призванный предотвратить политический шантаж и способный нанести ответный, но не первый удар[462].

По оценкам авторов докладов, в 2000 г. КНР располагала только одним типом ракет, которые могут поражать цели в континентальной части США, – DF-5 (предположительно 18–20 шахт), уязвимых и требующих времени для приведения в боевую готовность. Указывалось, что группировка долетающих до Аляски МБР ограниченного радиуса DF-4 направлена против целей в России и в Азии. Остальные ракеты с возможностью установки ядерной головной части (мобильная DF-21) имели лишь региональное значение, потенциал для сдерживания морского базирования отсутствовал (единственная ПЛАРБ проекта 092 не выходила на полноценное патрулирование)[463].

Министерство обороны США подчеркивало, что в будущем КНР станет делать упор на *неядерные ракеты* малой и средней дальности с сохранением «скромного» стратегического ядерного арсенала (с технической возможностью, но необязательной необходимостью достижения в течение следующего десятилетия уровня 1 тыс. ракет[464]). Схожие оценки давало и экспертное сообщество[465]. Более тревожным настроем характеризовались доклады ЦРУ и ряд докладов в конгрессе, авторы которых констатировали концентрированные усилия правительства КНР, направленные на получение западных технологий производства ядерных вооружений (в частности,

---

[461] A National Security Strategy for a New Century, 1998 // National Security Strategy Archive. Available at: http://nssarchive.us/NSSR/1998.pdf (accessed: 24.11.2016).

[462] Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2000. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2002/d20020712china.pdf (accessed: 22.11.2016).

[463] Ibidem.

[464] Selected Military Capabilities of the People's Republic of China. Report to Congress pursuant to Section 1305 of the FY97 National Defense Authorization Act // US Department of Defense. 1997. Available at: https://fas.org/irp/dia/product/970409-prc.htm

[465] China and weapons of mass destruction. Implications for the United States. Conference Report // Office of the Director of National Intelligence. 1999. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/China_WMD_2000.pdf (accessed: 24.11.2016).

технологий создания миниатюрного ядерного боезаряда для разделяющейся головной части с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН)) с целью «догнать» оппонентов, а также прогнозировали «существенное увеличение в течение последующих двух десятилетий количества китайских МБР, способных нанести удар по территории США»[466]. При этом и Пентагон, и разведывательное сообщество отмечали перспективы изменения стратегического баланса в связи с разработкой трех новых твердотопливных ракет (МБР мобильного базирования DF-31/31A и БРПЛ JL-2)[467].

Наибольшим алармизмом в конце XX в. отличился доклад двухпартийного специального комитета Палаты представителей по вопросам национальной безопасности США и военным/торговым вопросам, связанным с КНР, выполненный под руководством конгрессмена-республиканца К. Кокса. Вначале Доклад был представлен в нижней палате в 1998 г., затем опубликован - в 1999 г.[468] В докладе указывалось на промышленный шпионаж и хищения интеллектуальной собственности, связанной с устройством баллистических ракет и боеголовок (представители КНР обвинялись в хищении технической документации на техническое устройство боеголовки W88[469].). Также делался вывод об участии Пекина в распространении ядерных технологий и прогнозировалась возможность производства Китаем к 2015 г. до 100 МБР и более 1 тыс. термоядерных зарядов, установленных на РГЧ ИН[470].

Спустя несколько месяцев после публикации доклада представитель ЦРУ адмирал Д. Иеремия, не опровергая пункта о технологическом шпионаже

---

[466] Hughes P.M. Current and projected national security threats // Director of the Defense Intelligence Agency, Senate Armed Services Committee hearings. 02.02.1999.

[467] China and weapons of mass destruction. Implications for the United States. Conference Report // Office of the Director of National Intelligence. 1999. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/China_WMD_2000.pdf (accessed: 24.11.2016); Selected Military Capabilities of the People's Republic of China. Report to Congress pursuant to Section 1305 of the FY97 National Defense Authorization Act // US Department of Defense. 1997. Available at: https://fas.org/irp/dia/product/970409-prc.htm.

[468] Report of the Select Committee on US National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1999. Available at: http://www.house.gov/coxreport/dtcont.html (accessed: 24.11.2016).

[469]= Kettle M. China's theft of secrets threatens U.S. // The Guardian. 26.05.1999. Available at: https://www.theguardian.com/world/1999/may/26/martinkettle (accessed: 07.08.2017).

[470] Ibidem.

со стороны КНР, отрицал вывод о быстрой модернизации развернутых китайских стратегических ядерных сил (СЯС) или развертывании новых[471]. Впоследствии доклад К. Кокса критиковался и экспертами (как политически мотивированный и призванный раздуть «китайскую угрозу»). Тем не менее этот отчет задал направление дискуссиям на слушаниях в Конгрессе, на его данные ссылались и продолжают ссылаться аналитики Исследовательской службы конгресса.

Уже при У. Клинтоне появились косвенные упоминания о вероятности отхода Китая от политики неприменения ЯО первым из-за возможностей развития потенциала убедительного регионального ядерного сдерживания на случай локального конфликта. В Национальной военной стратегии (1997) кроме угроз со стороны Ирана, Ирака и КНДР упоминалось о «других странах», которые могли стремиться к доминированию в регионе и развивать ЯО в числе иных средств асимметричного ответа[472], и хотя напрямую Китай не упоминался, ввиду недавних событий в Тайваньском проливе можно было предположить, что речь шла в том числе и о нем. Данный документ отразил растущую в США обеспокоенность в связи с выходом КНР за рамки привычных правил ядерного сдерживания и стал поводом для дальнейшей дискуссии об отказе китайского руководства от принципа неприменения ЯО первыми, поскольку логика асимметричного ядерного удара предполагает подобный ответ на неядерное нападение. Эти опасения отразились и в упомянутом сообщении министерства обороны 2000 г., в котором подчеркивалось сдерживающее влияние ядерного оружия у КНР против вмешательства третьей стороны в конфликты с ее участием. В первую очередь это касалось проблемы Тайваня (поскольку, отмечалось в докладе, Пекин мог наблюдать различия между политикой, проводимой американцами в Югославии, и в ходе чеченской кампании России: наличие у последней

[471] Key findings: The intelligence community damage assessment on the implications of China's acquisition of US nuclear weapons information on the development of future Chinese weapons. U.S. Central Intelligence Agency, Press Release. 21.04.1999.

[472]= National Military Strategy // US Department of Defense. 1997. Available at: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1997.pdf?ver=2014-06-25-123438-080 (accessed: 24.11.2016).

ядерного арсенала стало важным фактором, предупредившим вмешательство)[473]. Вопрос возможного изменения ядерной доктрины КНР затрагивался и в докладе комиссии Кокса - в контексте разработки Китаем ракет новых типов в связи с выходом на патрулирование атомного ракетоносца (проект 094), переходом к принципу совместного хранения боеголовок и носителей-БРПЛ и как следствие размещению ЯО вне территории КНР (поскольку это связано с расширением функционала китайской триады и добавлением возможных моделей применения ЯО)[474].

Мнения политического сообщества о верности всех тезисов отчета комиссии Кокса разделились. Критики отмечали неточности: преувеличение радиусов ракет, спорные моменты в трактовке применимости принципа неприменения ЯО первыми в отношении Тайваня [475], общую политизированность документа [476]. Тем не менее в целом доклад также способствовал активизации дебатов по проблемам технической модернизации ЯС КНР [477], изменения китайской ядерной доктрины, а также нарушения режима ядерного нераспространения[478].

Кроме того, в американской администрации преобладало ожидание коренных изменений политического курса КНР в сторону демократизации общественно-политической жизни, как в ряде азиатских стран, что могло бы сгладить американо-китайские геополитические противоречия и снизить возможность угрозы союзникам США. На данном этапе тревожные сигналы, поступавшие от разведывательных ведомств и отдельных политических

---

[473] Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2000. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2002/d20020712china.pdf (accessed: 22.11.2016).

[474] Report of the Select Committee on US National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1999. Available at: http://www.house.gov/coxreport/dtcont.html (accessed: 24.11.2016).

[475] The Cox committee report: An assessment / Ed. by M. May. Center for International Security and Cooperation. Stanford University. 1999. Available at: https://cisac.fsi.stanford.edu/sites/default/files/cox.pdf (accessed: 29.11.2016).

[476] Kristensen H., et al. 2006. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Washington, Federation of American Scientists. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.11.2016). P. 161.

[477] Kan S. China: Possible missile technology transfers from U.S. satellite export policy – actions and chronology. Congressional Research Service. 2001. Available at: http://fas.org/spp/starwars/crs/98-485.pdf (accessed: 24.11.2016).

[478] 2004 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Commission // U.S.-China Economic and Security Commission. Available at: https://cisac.fsi.stanford.edu/sites/default/files/cox.pdf (accessed: 29.11.2016).

деятелей, заложили основу, но еще не сформировали завершенный образ китайской ракетно-ядерной опасности. В следующие несколько лет внимание от этой проблемы отвлекли кампания по борьбе с международным терроризмом, активизация участия КНР в механизмах нераспространения ядерных технологий и другие факторы.

2.3.2. Укоренение американских опасений из-за «китайской ядерной угрозы» при администрации Дж. Буша-мл.

В период президентства Дж. Буша-мл. (2001–2009) тональность правительственных документов претерпела изменения. В это время произошел скачок в технологическом оснащении НОАК в области систем, способных обеспечить A2/AD (в англоязычной литературе эта аббревиатура означает «воспрещение доступа и блокирование территории», с китайского переводится как «контринтервенционная стратегия» (反介入/区域拒止战略, фань цзежу/цююй цзючжи чжаньлюэ)[479]. Был расширен арсенал ракет малой и средней дальности, протестировано противоспутниковое оружие (в 2006 г. стало известно о китайских экспериментах по ослеплению сенсоров американских разведывательных спутников при помощи лазеров, в 2007 г. произведено физическое уничтожение собственного спутника перехватчиком на основе БРСД DF-21). В 2006–2007 гг. на дежурство Второго артиллерийского корпуса поступили твердотопливные МБР мобильного базирования DF-31/31A, а американские ведомственные доклады публиковали данные о разработке БРПЛ JL-2, устанавливаемых на атомные ракетоносцы проекта 094[480]. Возможность оперативного запуска новых баллистических ракет с улучшенными характеристиками выживаемости и скорости приведения в боевое состояние, работа по преодолению систем ПРО, а также

[479]孙菲. 解读美军 “空海一体战” 概念 //兵器知识 (Сунь Фэй. Анализируя американскую концепцию стратегии AirSea Battle //Исследования вооружений). – 2011. – №. 4. – С. 46-49.

[480]=Foreign missile developments and the ballistic missile threat through 2015 // National Intelligence Council. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/missilethreat_2001.pdf (accessed: 24.11.2016).

фактор совместного хранения боеголовок на БРПЛ ознаменовали смещение сложившегося баланса и структурные изменения в китайском подходе к ядерному сдерживанию. Отмечалось, что DF-31A – новый и самый мощный элемент структуры ЯС КНР, обладающий повышенными характеристиками выживаемости и способный поражать цели по всей Азии, Европе, Африке и Северной Америке (радиус 12 тыс. км)[481], – привел к изменению равновесия сил в регионе[482].

Развитие ядерного арсенала КНР в американских военно-политических кругах стали рассматривать как возможную основу для более резкой военной политики, которая опирается на ядерное сдерживание. Еще в 2001 г. в Обзоре ядерной политики США модернизация НОАК увязывалась с опасностью эскалации/увеличением вероятности конфликта (*potential/immediate contingency*), например, из-за Тайваня[483]. Несмотря на большее внимание к РФ, риск столкновения с КНР отмечался как более высокий (в силу «отсутствия с Москвой идеологических противоречий»).

Впрочем, вплоть до 2004–2005 гг. различные американские ведомства по-прежнему невысоко оценивали состояние и масштабы угрозы со стороны СЯС КНР: констатировалось, что континентальной территории США напрямую могли угрожать только 20 жидкотопливных МБР, не оснащенных средствами преодоления ПРО с моноблочными головными частями и характеризующиеся низкой степенью готовности к запуску и немобильностью в связи с базированием в шахтах[484]. Кроме того, исследователи подчеркивали намеренную политику КНР, ориентированную на «минимальное ядерное сдерживание»[485]. Несмотря на ожидание увеличения арсенала МБР (в 2001 г.

---

[481] 2007 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Commission. P. 98 // U.S.-China Economic and Security Commission. Available at: http://www.uscc.gov/Annual_Reports/2007-annual-report-congress (accessed: 24.11.2016).

[482] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2006. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

[483] Excerpts of classified Nuclear Posture review // Information Centre on Militarization. 08.01.2002. Available at: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf (accessed: 24.11.2016).

[484] Foreign missile developments and the ballistic missile threat through 2015. // National Intelligence Council. P. 3 Available at: https://www.dni.gov/files/documents/missilethreat_2001.pdf (accessed: 24.11.2016).

[485] Lewis J. The minimum means of reprisal: China's search for security in nuclear age. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland. 2004. Available at:

ЦРУ предсказывало, что за 15 лет запас китайских баллистических ракет увеличится в несколько раз – до 75–100 МБР), отмечалось, что он будет сильно уступать российскому или американскому[486]. Военный потенциал КНР в целом не рассматривался как серьезная угроза. Китай не упоминался и в Национальной военной стратегии КНШ за 2004 г.[487]

В то время скромность китайского ядерного арсенала и соответственно слабость угрозы в отношении США подчеркивали авторитетные ученые и из других стран. Так, в 2003 г. А.Г. Арбатов отмечал, что американское превосходство позволяет говорить о практическом отсутствии взаимного ядерного сдерживания с КНР[488].

Изменения в оснащении Второго артиллерийского корпуса (введение новых ракет), начавшиеся в 2007–2008 гг., повысили внимание к вопросу о состоянии китайской ядерной триады (тогда же на спад пошла озабоченность распространением ракетно-ядерных технологий). В докладах министерства обороны[489] и Комиссии Кконгресса США по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности[490] появились подробные описания технической составляющей, карты покрытия радиусов действия баллистических ракет, акцентировалось содержание ядерной доктрины КНР, констатировалось усиление потенциала китайских ВС для нанесения стратегического удара. Авторы большинства аналитических и правительственных материалов отмечали негативное влияние непрозрачности военной ядерной программы Пекина на баланс международной безопасности[491]. Министерство обороны США указывало на «неожиданно

---

http://drum.lib.umd.edu/bitstream/handle/1903/1905/umi-umd-1886.pdf;sequence=1 (accessed: 25.11.2016). PP.87-88.

[486] Ibidem.

[487] National Military Strategy // US Department of Defense. 2004. Available at: http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/nms2004.pdf (accessed: 24.11.2016).

[488]=Ядерное сдерживание и ядерное распространение. Стенограмма лекции А.Г. Арбатова // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. 17.09.2003. Доступ: https://www.armscontrol.ru/course/lectures03b/aga030917.htm (дата обращения: 28.11.2016).

[489] Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2007. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2007.pdf (accessed: 29.11.2016).

[490]=2007 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Commission. P. 99. Available at: http://www.uscc.gov/Annual_Reports/2007-annual-report-congress (accessed: 26.11.2016).

[491] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2006. P. 7. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

высокую» скорость модернизации ядерного арсенала КНР, рост возможностей для нанесения стратегического удара [492], перспективы для дальнейшего наращивания боеспособности китайских ЯС, а также подчеркивало важность диалога в военной сфере ради предотвращения разнообразных инцидентов из-за недопонимания[493].

По оценке Пентагона, в годы пребывания у власти администрации Дж. Буша-мл. арсенал МБР КНР мог увеличиться с 20 МБР DF-5 (или с 30–40 МБР, если учитывать ракеты ограниченного радиуса DF-4) до почти 30–40 ед. (или 50–60), включая до 10 DF-31 и до 10 DF-31A[494]. Разведывательное управление министерства обороны отмечало приоритетность для КНР задач по укреплению ядерного сдерживания за счет повышения выживаемости и точности, увеличения количества носителей и расширения возможностей преодоления систем ПРО (РГЧ ИН)[495]. Кроме того, в связи с разработкой БРПЛ JL-2 прогнозировалось скорое обретение Китаем морского компонента ядерной триады и, следовательно, большая гибкость китайской политики ядерного сдерживания. Американцы внимательно следили за развитием бомбардировщиков и ракетных сил среднего и малого радиуса с улучшенными характеристиками точности (введение на дежурство модификации мобильной БРСД DF-21», развертывание с 2004 г. крылатых ракет средней дальности для поражения наземных целей DH-10 (DongHai-10)). Отмечалось, что в период с 2004 по 2008 г. произошло удвоение количества баллистических ракет малой дальности DF-11/1» (в обычном снаряжении), развернутых в Нанкинском военном округе вблизи Тайваньского пролива, – с 500 до 990–1070 ед.[496]. В целом программа разработки баллистических и крылатых ракет КНР

---

[492] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2008. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/dod-2008.pdf (accessed: 24.11.2016).

[493]= National Defense Strategy // US Department of Defense. 2008. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2008NationalDefenseStrategy.pdf (accessed: 24.11.2016).

[494] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2008. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2008.pdf (accessed: 29.11.2016).

[495] Maples M.D. Current and Projected National Security Threats to the United States. Statement for the Record before the Senate Armed Services Committee // Federation of American Scientists. 28.02.2006. Available at: https://fas.org/irp/congress/2006_hr/022806maples.pdf (accessed: 29.11.2016).

496 Ibidem.

описывалась как «самая активная в мире» [497] . Дополнительным доказательством этого служила инициативность китайских ракетно-космических холдингов в сфере космического ракетостроения.

По данным начальника Разведывательного управления Министерства обороны США генерала-лейтенанта М. Мейплса, в 2006 г. Китай располагал примерно сотней ядерных боеголовок и достаточными запасами расщепляющихся материалов для наращивания их количества[498]. В этой связи в Пентагоне подчеркивали необходимость гарантий безопасности для союзников США[499].

В американских документах развитие китайских баллистических ракет (а именно возможность установки ядерной головной части на новых типах и разработка противоспутникового оружия на основе БРСД DF-21) стало больше упоминаться в связке с принципом воспрещения доступа. Вероятность установки ядерных боеголовок не только на МБР, но и на крылатых ракетах отмечалась в докладах министерства обороны систематически, но без выводов об этот как свершившемся факте[500].

В президентских документах ядерная угроза со стороны КНР напрямую не выделялась. В Стратегии национальной безопасности США 2006 г. содержалось только непрямое предостережение Пекину от неверных стратегических решений[501]. Рост количества ведомственных публикаций, в которых выражалась обеспокоенность заявленной темой, вызвал критику ряда экспертов, отмечавших гипертрофированное восприятие китайской ядерной угрозы представителями военного истеблишмента и разведывательного

---

[497] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2008. P. 2. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/dod-2008.pdf (accessed: 24.11.2016).

[498] Maples M.D. Current and Projected National Security Threats to the United States. Statement for the Record before the Senate Armed Services Committee // Federation of American Scientists. 28.02.2006. Available at: (accessed: 29.11.2016).

[499] Report of the Secretary of Defense Task Force on DOD Nuclear Weapons Management. Phase II: Review of the DoD Nuclear Mission 2008. // US Department of Defense. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/PhaseIIReportFinal.pdf (accessed: 24.11.2016).

[500] Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2007. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2007.pdf (accessed: 29.11.2016); Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2008. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2008.pdf (accessed: 29.11.2016).

[501] The National Security Strategy of the United States of America // The White House. March 2006. Available at: http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/sectionVIII.html (accessed: 25.11.2016).

сообщества на фоне подавляющего американского превосходства (830 МБР у США, включая с РГЧ ИН, против 20 МБР у КНР; примерно 1 тыс. ед. ядерных крылатых ракет у США против отсутствия данного вида вооружения у Китая; превосходство американских систем ПРО против дефицита у Пекина опыта в вопросах патрулирования атомных ракетоносцев, низкой степени готовности к запуску ядерных ракет и скромного парка бомбардировщиков)[502]. Отмечался негативный эффект формировавшейся логики гонки вооружений, когда СССР и США, по сути, обусловливали ядерную модернизацию действиями друг друга. Среди факторов, способствовавших обострению двусторонних отношений, указывались военное возвышение союзников США - Японии и Индии, политика в отношении Тайваня, развитие американских систем ПРО[503]. Некоторые аналитики говорили о теоретической возможности угрозы МБР КНР целям на всей территории Америки[504], но отмечали нецелесообразность реального удара из-за взаимного ядерного сдерживания[505]. В отличие от ежегодных докладов Министерства обороны США, в отчетах Комиссии Конгресса по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности фокус внимания сместился в сторону высокотехнологичных неядерных вооружений[506], а расширение ядерного арсенала КНР прогнозировалось только в ограниченном масштабе.

В середине 2000-х годов китайский ракетный парк (без точного определения ядерной принадлежности) стал объектом политических высказываний, что также вызвало нарекания части американского экспертного сообщества. Так, в 2005 г. директор Агентства по противоракетной обороне Г. Оберинг-третий отмечал, что США нужно быть

---

[502] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

[503] Crane K., et al. Modernizing China's military: Opportunities and constraints. Santa Monica: RAND Corporation, 2005. P. 193.

[504]= Does China pose a military threat? // Council on Foreign Relations. 2007. Available at: http://www.cfr.org/china/does-china-pose-military-threat/p12901 (accessed: 24.11.2016).

[505] Lewis J. The ambiguous arsenal // Bulletin of Atomic Scientists. 2005. Vol.61. No. 3. P. 52–59.

[506]=2007 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Commission. P. 106. Available at: http://www.uscc.gov/Annual_Reports/2007-annual-report-congress (accessed: 24.11.2016).

готовыми «реагировать на возможности Китая»[507]. В том же 2005 г. с критикой военной модернизации КНР выступил министр обороны. Указав на техническое совершенствование и увеличение дальности ракетного арсенала («с тем, чтобы ракеты могли достигать целей в разных регионах мира, а не только в Тихоокеанском регионе»), Д. Рамсфелд задался вопросом о причинах увеличения военных затрат, «если ни одна страна не угрожает КНР»[508]. Спустя год эксперты Федерации американских ученых расценили его позицию как недостаточно глубокую и не учитывающую выводы «мозговых центров» (в частности, корпорации РЭНД, в докладах которой отмечалось влияние американского фактора на модернизацию ЯС КНР, включая военный потенциал союзнических отношений США, ПРО и превосходство американских ракетно-ядерных сил) и даже как схожую с антисоветской риторикой Р. Рейгана по поводу Стратегической оборонной инициативы [509]. На данном этапе была предпринята попытка установить диалог в области ядерной безопасности, но стремление Вашингтона создать постоянный официальный формат консультаций между военными двух стран не встретило поддержки Пекина. После нескольких «прорывных» визитов на высшем и высоком уровне в 2005–2007 гг. статус переговоров был понижен до менее формального (1,5/2 track) - с участием ведущих ученых, руководства институтов и представителей военно-политических кругов больше в качестве приглашенных комментаторов. В 2007 г. в ходе слушаний в конгрессе помощник заместителя госсекретаря Р. Лоренс отмечал неготовность КНР обсуждать особенности ядерной политики, стратегии и доктрины; спустя несколько лет ситуация не изменилась[510].

---

[507] U.S. missile defense being expanded, general says // Washington Post. 22.07.2005. P. A10.

[508] Rumsfield issues a sharp rebuke to China on arms // The New York Times. 04.06.2005. Available at: http://www.nytimes.com/2005/06/04/world/asia/rumsfeld-issues-a-sharp-rebuke-to-china-on-arms.html?_r=0 (accessed: 24.11.2016).

[509] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

[510] Kan S. U.S.-China military contacts. Issues for Congress. Congressional Research Service. 27.10.2014. Available at: https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL32496.pdf (accessed: 24.11.2016). P.43.

В период пребывания у власти администрации Дж. Буша-мл. дальнейшее развитие получила также идея о возможном отходе Пекина от принципа неприменения ЯО первыми. Упоминания о ядерных вооружениях в одной группе с неядерными средствами реализации КНР стратегии воспрещения доступа (тактический уровень) стали появляться в середине 2000-х годов[511], но в большинстве документов оговаривалось отсутствие признаков пересмотра принципа[512].

США также получили возможность более гибкого и реалистичного сдерживания. В 2003 г. Конгресс отменил резолюцию Фурс-Спратта, которая запрещала создание боезарядов малой мощности до 5 кт. Это увеличило возможность гибкого применения ЯО со стороны США.

Вместе с тем, еще с 2000 г. в докладах министерства обороны Конгрессу появились призывы проявлять бдительность в отношении декларируемых принципов неприменения ЯО первыми и оборонительного характера арсенала ЯС КНР и напоминание о смысле «формуле 24 иероглифов» Дэн Сяопина: «скрывать свои возможности и использовать время для накопления сил»[513], иными словами, для достижения технического уровня, позволяющего пересмотреть прежние доктринальные установки. К 2003 г. это сомнение эволюционировало в докладе Пентагона в сторону уже допущения возможности пересмотра «некоторыми китайскими стратегами» (*some strategists*) принципа неприменения ЯО первыми против сил США в регионе[514]. Отмечаемое в американских официальных докладах того периода частичное смешение понятий «обычные» и «ядерные» при определении вооружений, которые могли быть использованы для асимметричного ответа, стало следствием стратегической неопределенности. Китайцы получили возможность установки ядерных боеголовок на ракеты с улучшенными

---

[511] Quadrennial Defense Review Report // US Department of Defense. 2006. P. 29–30. Available at: http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf (accessed: 12.07.2018).

[512] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2006. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

[513] Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2000. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2002/d20020712china.pdf (accessed: 22.11.2016).

[514] Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2003. P. 31. Available at: http://archive.defense.gov/pubs/2003chinaex.pdf (accessed: 22.11.2016).

характеристиками точности, что создавало угрозу ближайшим соседям – союзникам США и их силам в АТР, однако реальные факты зафиксировать было невозможно. Тем не менее для представителей американских правительственных и экспертных кругов также стало очевидно, что вопрос о пересмотре указанного принципа вышел за рамки обсуждений в Центральном военном совете[515] и стал предмет дискуссий в широких военно-научных кругах КНР[516].

Неопределенность сложившейся обстановки отразилась в выводах Министерства обороны США. Отмечалась низкая вероятность ядерного удара (фактически акта ядерной агрессии) со стороны КНР в ответ на неядерное военное давление/наступление. Вместе с тем подчеркивались существование потенциала для дальнейшего создания убедительной угрозы для военных сил других стран в регионе и наличие «дополнительных функций» (*additional missions*) китайского ЯО, среди которых – сдерживание неядерных атак против континентальной части КНР[517]. В 2006 г. Пентагон ссылался на важный для НОАК военно-теоретический труд «Наука о военных кампаниях», изданный Университетом национальной обороны НОАК в 2000 г., в котором утверждалось, что «активная оборона» предполагает военные действия превентивного характера, но определить, что именно будет расценено как повод «активно обороняться», сложно[518].

В косвенной форме подобный сценарий допускался и в Четырехлетнем обзоре оборонной политики за 2006 г. В частности, в документе была отмечена «возможность инвестирования КНР в развитие “асимметричных” методов,

---

[515] Орган, который осуществляет руководство НОАК и Китайской вооруженной народной полицией, по составу обычно совпадает с Военным советом Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК). Руководитель ЦВС выполняет функции верховного главнокомандующего КНР и является фактическим руководителем государства. С ноября 2012 г. данный пост занимает председатель КНР Си Цзиньпин.

[516] Например, профессор Фуданьского университета Шэнь Динли отмечал, что причиной отказа от принципа неприменения ядерного оружия первыми может стать ситуация, когда неядерные силы КНР будут не в состоянии обеспечивать национальную безопасность, а Тайвань использует эти обстоятельства для объявления де-юре независимости. См.: Nuclear conflict in the 21st century: Reviewing the Chinese nuclear threat // NTI. 18.10.2006. Available at: http://www.nti.org/analysis/articles/reviewing-chinese-nuclear-threat/ (accessed: 30.11.2016).

[517] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2006. P. 27. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

[518] Ibid. P. 13–14.

включая противоборство в киберпространстве, технологии радиоэлектронной борьбы, противоспутниковое оружие, крылатые ракеты, интегрированные системы ПРО, атомные ракетоносцы нового поколения, беспилотные летальные аппараты (БПЛА), а также средства для нанесения ракетного ядерного удара», т.е. ядерный удар опять представлялся в качестве средства отражения неядерного нападения[519].

Вопрос о реальности нанесения Китаем такого удара также рассматривался в контексте возможной эскалации конфликта из-за неверной трактовки ситуации[520]. Кроме того, обсуждая правдоподобность соблюдения принципа неприменения ЯО первыми, американцы говорили и о вероятности нанесения иррационального контрценностного удара, причем исход такого варианта развития событий считался заведомо непредсказуемым из-за американской ПРО. Ряд экспертов выражали сомнения, что правительство КНР воздержалось бы от применения ЯО, если бы Россия и США одновременно вторглись на территорию Китая и угрожали существованию политического режима [521]. Подобные мысли высказывали и авторы из корпорации РЭНД [522]. Параллели между технической возможностью нанесения удара первыми и включением этого варианта в ядерное планирование НОАК были проведены представителями военно-политических кругов США сразу после изменений в структуре ракетно-ядерного сдерживания КНР. Характерно, что на данном этапе обеспокоенность стали выражать представители не только разведывательных служб, но и Пентагона. Вследствие этого были повышены уровень опасности и затратность мероприятий по проецированию силы и поддержанию эффективности

[519]=Quadrennial Defense Review Report // US Department of Defense. 2006. P. 29–30. Available at: http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf (accessed: 20.11.2016).
[520] Kan S., Bolkcom C., et al. U.S. conventional forces and nuclear deterrence. A China case study. Congressional Research Service. 2006. Available at: https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL33607.pdf (accessed: 25.11.2016).
[521] Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Federation of American Scientists. 2006. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf (accessed: 20.11.2016). P.5.
[522] Crane K., et al. Modernizing China's military: Opportunities and constraints. Santa Monica: RAND Corporation, 2005. P.202.

расширенного ядерного сдерживания в отношении союзников США в АТР, в первую очередь Тайваня.

С одной стороны, критика излишнего алармизма военных кругов, звучавшая в экспертном сообществе, указывавшая на фактор американской политики (в частности, развитие ПРО), была в определенной мере справедливой. С другой стороны, успехи модернизации ракетного арсенала КНР стали результатом длительного цикла разработки и рассматривались правительственными кругами как часть начинающейся ядерной модернизации Китая. Обеспокоенность успехами Пекина была связана с ожиданием новых этапов усиления китайского ракетно-ядерного сдерживания – процесса, на который представители военно-политического сообщества США повлиять не могли.

2.3.3. Отношение администрации Б. Обамы к ядерной программе КНР

За время президентства Б. Обамы (2009–2017) произошли изменения в американо-китайских отношениях, а также трансформации в доктрине и политике Вашингтона, касающиеся АТР. Авторы правительственных и экспертных материалов констатировали дальнейшее углубление процесса модернизации Второго артиллерийского корпуса НОАК, соответственно изменился характер дискуссий по поводу новых функций трансформирующегося ядерного потенциала КНР: в докладах политиков и теоретиков стали проявляться тревога и настороженность. Ряд исследователей обращали внимание на то, что основным стимулом для модернизации ЯО КНР служила политика США (в частности, развитие систем ПРО)[523], и призывали к налаживанию более доверительного формата взаимоотношений[524]. В рамках корпорации РЭНД определилась группа экспертов, которые обосновывали

[523] Kulacki G. The risk of nuclear war with China: A troubling lack of urgency. Union of Concerned Scientists. 2016. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2016/05/Nuclear-War-with-China.pdf (accessed: 28.11.2016).
[524] Gompert D., Saunders P. The paradox of power. Sino-American strategic restraint in age of mutual vulnerability. Washington: NDU Press, 2011.

неготовность КНР применить ЯО даже в случае неблагоприятно складывающегося конфликта с обычными вооружениями (тем не менее даже они не исключали такой возможности в крайнем случае)[525].

В начале первого срока Б. Обамы ядерный арсенал КНР, по оценкам Пентагона, включал 50–60 МБР (в том числе 10–20 МБР ограниченной дальности DF-4), а также 60–80 БРСД DF-21 с возможностью установки ядерной боеголовки[526]. В 2016 г. в докладе министерства обороны конгрессу был сделан вывод о скором формировании Китаем полноценной ядерной триады, характерной для ядерного сдерживания периода холодной войны, и созданию эффективной системы координации (управление, контроль и связь) для ядерных войск[527]. Количество МБР оценивалось в 75–100 ед. (еще в 2015 г. эта оценка составляла 50–60 ед., а в совместном докладе министерства обороны и разведывательных служб за 2013 г. прогнозировалось достижение КНР уровня 100 ед. только к 2028 г.[528]). За период президентства Б. Обамы китайский ядерный арсенал пополнился модификациями жидкотопливной МБР шахтного базирования DF-5B с РГЧ ИН, в 2015 г. появились твердотопливные мобильные БРСД DF-26, сочетавшие повышенную точность с возможностью установки ядерной боеголовки, а также испытан модернизированный бомбардировщик H-6K (Hong-6K), способный нести шесть крылатых ракет. Американские источники не исключали возможности оснащения крылатых ракет DH-10 ядерной частью [529] . Министерством обороны также отмечалась работа над мобильной МБР с РГЧ ИН DF-41. Кроме того, в 2016 г. ожидалось начало патрулирования ПЛАРБ проекта 094,

---

[525] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016.
[526] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2009. P. 66. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/China_Military_Power_Report_2009.pdf (accessed: 25.11.2016).
[527] Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // US Department of Defense. 2016. P. 58. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016%20China%20Military%20Power%20Report.pdf (accessed: 25.11.2016).
[528]=Ballistic and cruise missile threat // National Air and Space Intelligence Center. 2013. Available at: http://fas.org/programs/ssp/nukes/nuclearweapons/NASIC2013_050813.pdf (accessed: 29.11.2016).
[529] Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2009. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/China_Military_Power_Report_2009.pdf (accessed: 26.11.2016).

способных нести 12 БРПЛ JL-2, что теоретически может существенно расширить арсенал достающего всей территории США ракет (по состоянию на 2016 г. КНР построила 4–5 ПЛАРБ проекта 094), хотя о создании основ для «эффективного ядерного сдерживания с помощью морского компонента» Пентагон сообщал уже в 2013–2014 гг.[530]

Беспокойство в американском военно-политическом сообществе наряду с наращиванием ракетно-ядерного вооружения Китая вызвали также развертывание в 2010 г. «DF-21D» – БРСД с системой наведения на конечном участке (в прессе получила название carrier killer – «убийца авианосцев») и испытания противоракетного оружия (перехват на космическом участке) в 2010 и 2013 гг. [531] Представители военных кругов США выступали с заявлениями о действительном нарастании угрозы американским системам спутников, которая оправдывала американские инвестиции в военный космос (например, в подобном ключе высказывались командующий Военно-космическими силами США Д. Хитэн, а также министр обороны Э. Картер[532]).

Как отмечают отечественные эксперты В. Конышев и А. Сергунин, при Б. Обаме Вашингтон все чаще стал рассматривать отношения с Пекином через призму политики стратегического соперничества: если в Национальной оборонной стратегии 2008 г. говорилось о намерении развивать с КНР контакты по линии министерств обороны, то в 2012 г. в доктринальном документе «Стратегическое руководство в области обороны» наряду с желанием продолжать диалог было подчеркнуто стремление США гарантировать доступ к собственной военной инфраструктуре в АТР и сохранить возможность для беспрепятственного выполнения миссий в рамках

---

[530] Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // US Department of Defense. 2013. Available at: http://archive.defense.gov/pubs/2013_China_Report_FINAL.pdf (accessed: 20.11.2016); Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // US Department of Defense. 2014. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2011_CMPR_Final.pdf (accessed: 20.11.2016).

[531]= China tests anti-satellite missile // The Washington Free Beacon. 09.11.2015. Available at: http://freebeacon.com/national-security/china-tests-anti-satellite-missile/ (accessed: 25.11.2016).

[532]=Space command chief weighs in on Chinese anti-satellite threat // Spacenews. 24.02.2015. Available at: http://spacenews.com/space-command-chief-weighs-in-on-chinese-anti-satellite-threat/ (accessed: 27.11.2016).

военных обязательств перед союзниками[533]. Представители политических кругов все чаще отмечают увеличение роли ЯО в структуре национальной безопасности РФ и КНР (как «основных ядерных держав вне НАТО») в противовес инициативе глобального нуля Б. Обамы[534]. Тем не менее при общей обеспокоенности усилением военного влияния КНР политики США делают упор на конкретный род войск НОАК в зависимости от контекста.

В конце второго срока Б. Обамы китайскому ядерному арсеналу стали уделять больше внимания в ходе соответствующих дискуссий о бюджетных ассигнованиях на модернизацию американской ядерной триады, в первую очередь в рамках обсуждений в Комитете Сената по делам вооруженных сил[535]. Под иным углом усиление ЯС Китая представлено в материалах Комитетов обеих палат по бюджету: в числе наиболее значимых угроз безопасности США указывались попытки «агрессивного наращивания влияния» КНР в Южно-Китайском море, т.е. фокус смещался в сторону неядерных вооружений[536].

Показательно, что модернизация китайского ядерного потенциала по-прежнему не выглядит очевидной на уровне общих доктринальных документов. Так, в качестве основной ядерной угрозы, которая была отражена во внесенном администрацией Б. Обамы проекте военного бюджета на 2017 финансовый год, указана Россия[537]. Упоминаний о ядерном арсенале КНР нет ни в профильных Президентских политических директивах[538], ни в Стратегиях

---

[533] Конышев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. №3 (12). С. 98–113. С.102.

[534] National Security and Nuclear Weapons in the 21st Century // US Department of Defense. 2008. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/nuclearweaponspolicy.pdf (accessed: 24.11.2016).

[535] Posture Statement of General Joseph Dunford Jr., USMC 19th Chairman of the Joint Chiefs of Staff Before the 114th Congress Senate Armed Services Committee Budget Hearing // Senate Armed Services Committee. 17.03.2016. Available at: http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Dunford_03-17-16%20.pdf (accessed: 28.11.2016).

[536] Report of the Committee on the Budget. House of Representatives. H. Con. Res. 125. Concurrent Resolution on the Budget – Fiscal Year 2017 // US House of Representatives. Available at: http://budget.house.gov/uploadedfiles/fy2017_budget_resolution.pdf (accessed: 28.11.2016).

[537] Department of Defense (DoD) Releases Fiscal Year 2017 President's Budget Proposal // US Department of Defense. 2016. Available at: https://www.defense.gov/News/News-Releases/News-Release-View/Article/652687/department-of-defense-dod-releases-fiscal-year-2017-presidents-budget-proposal (accessed: 30.11.2016).

[538] Presidential Policy Directive / PPD-14 // The White House. 2012. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/20120228133651414.pdf (accessed: 28.11.2016).

национальной безопасности за 2010 [539] и 2015 [540] гг. Вместе с тем в Стратегическом руководстве в области обороны[541], опубликованном в 2012 г. (документ отражает ключевые аспекты военно-политического позиционирования США), обозначена возможность применения Китаем баллистических ракет в качестве одного из асимметричных методов для «воспрещения доступа». В первую очередь речь идет об обычных вооружениях, однако далее будет объяснена связь данного положения с ядерной составляющей. В руководстве также отмечены возможные трения из-за закрытости информации о деталях наращивания военной мощи и стратегических намерений КНР[542], что в свою очередь косвенно затрагивает ядерную прозрачность (nuclear transparency).

Прямых ссылок на проблему развития ядерного оружия КНР не содержится в основополагающих документах КНШ. «Национальные военные стратегии» посвящены вопросам общей военной модернизации Китая, баланса сил в Тайваньском проливе[543] (2011), напряженности в Южно-Китайском море, важности мер доверия, необходимости предотвращения эскалации конфликтов из-за ошибочной интерпретации намерений друг друга (*miscalculation*) [544] (2015).

При Б. Обаме фокус в отношениях с КНР сместился в сторону проблем кибербезопасности, милитаризации космоса и риска эскалации конфликта в Южно-Китайском море. Основа для этого была создана еще при Дж.Буше-мл., который ужесточил позицию США по кооперации в космосе и укрепил основы для притязаний США на создание оружия космического базирования [545].

---

[539] National Security Strategy // The White House. 2010. Available at: http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf (accessed: 20.11.2016).

[540] National Security Strategy // The White House. 2015. Available at: http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf (accessed: 20.11.2016).

[541] Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense // US Department of Defense. Available at: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed: 20.11.2016).

[542] Ibidem.

[543] The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff. 2011. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2011-National-Military-Strategy.pdf (accessed: 20.11.2016).

[544] The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff. 2015. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (accessed: 23.11.2016).

[545] U.S. National Space Policy. 2006. Available at: https://fas.org/irp/offdocs/nspd/space.pdf (accessed: 12.09.2018).

Позиции Б.Обамы способствовали испытания КНР противоспутниковых технологий, прошедшие в 2006, 2007, 2010 и 2015 гг. (в 2006 – некинетическое поражение, в остальные годы – кинетические перехваты).

Действия Пекина были представлены в качестве центральной темы в опубликованной Министерством обороны США в 2015 г. Стратегии морской безопасности в АТР [546]. В большинстве президентских и ведомственных документов систематически подчеркиваются намерение Вашингтона поддерживать присутствие союзников и обеспечивать их безопасность, возможность «многостороннего воздействия возвышающегося Китая на экономику и безопасность США», также встречаются призывы к подписанию всеобщего договора о запрещении производства расщепляющихся материалов и кодекса поведения для КНР с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и др.[547]

Детальная дискуссия о китайском ядерном потенциале сохраняется на уровне узкоспециализированных военных докладов (касающихся тем военной модернизации КНР либо баллистических ракет в целом) и экспертных публикаций. Важной задачей Пекина на современном этапе является оснащение ракет малой и средней дальности ядерной головной частью. Такая возможность рассматривается в отчетах военного ведомства и войсковых разведывательных структур, например, в совместном докладе Национального разведывательного центра ВВС, Разведывательного ракетно-космического центра Агентства военной разведки и Управления военно-морской разведки ВМС США (2013)[548]. В то же время некоторые эксперты ставят под сомнение подобную перспективу, настаивая на том, что Пекин по-прежнему отдает приоритет неядерным ракетам, а увеличение стратегического ядерного арсенала следует рассматривать не как стремление угрожать, а как желание

---

[546]= Asia-Pacific Maritime Security Strategy // US Department of Defense. 2015. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_SecuritY_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (accessed: 21.11.2016).

[547] Ibidem; The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff. 2015. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (accessed: 23.11.2016).

[548]=Ballistic and cruise missile threat // National Air and Space Intelligence Center. 2013. Available at: http://fas.org/programs/ssp/nukes/nuclearweapons/NASIC2013_050813.pdf (accessed: 27.11.2016).

достичь некоторого статуса на фоне других ядерных держав. Дискуссии в комитетах по делам вооруженных сил обеих палат Конгресса ведутся об общем масштабном обновлении ядерного оснащения КНР, что представляется одним из главных пунктов обоснования финансирования программы ядерной модернизации в США. О ядерных арсеналах РФ и КНР, а также региональных угрозах со стороны КНДР и Ирана упоминается в ходе слушаний в основном представителями военных кругов. Об РФ и КНР в контексте необходимости модернизации парка МБР Minuteman (ground based strategic deterrent) говорил генерал-лейтенант Д. Ковальски[549]. Прогресс КНР в создании флота атомных ракетоносцев подчеркивал командующий ВМФ адмирал С. Локлер [550] . Поступательное развитие космической программы и возможность замаскировать производство МБР под работы над ракетой-носителем [551] отмечаются аналитиками как ключевой неизвестный параметр состояния ядерного арсенала КНР, обусловленный отказом Пекина публиковать данные о количестве носителей ЯО.

В ежегодном аналитическом докладе Комиссии конгресса США по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности внимание фокусируется также на неядерном ракетном сдерживании [552] как инструменте более гибком и «убедительном» (*credible*), близком к понятию принуждения (*compellence*), главной целью которого является не разубедить противника нападать на КНР, а заставить его принять требования Пекина под страхом нанесения удара [553] . Еще в 2014 г. в докладе Комиссии

---

[549] Hearing to Receive Testimony on Nuclear Forces and Policies in Review of the Defense Authorization Request for Fiscal Year 2014 and the Future Years Defense Program. April 17, 2013. Available at: http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/13-22%20-%204-17-13.pdf (accessed: 19.01.2017).

[550] Statement of Admiral Samuel J. Locklear, U.S. Navy Commander, U.S. Pacific Command before the Senate Committee on Armed Services on U.S. Pacific Command Posture. 25 March, 2014. Available at : http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Locklear_03-25-14.pdf (accessed: 19.01.2017).

[551] Hearing before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // US House of Representatives. 14.10.2011. Available at: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-112hhrg71449/html/CHRG-112hhrg71449.htm (accessed: 28.11.2016).

[552] 2015 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 339. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2015%20Annual%20Report%20to%20Congress.PDF (accessed: 28.11.2016).

[553] Ibid. P. 348.

констатировалось, что Китаю удалось сформировать «зрелый» потенциал для нанесения ракетного удара на региональном уровне[554] и изменить баланс сил в локальном конфликте. Однако комиссия также не отрицала вероятность использования ядерного сдерживания в качестве асимметричного метода, цель которого определяется как ограничение ядерной агрессии или снижение возможности диктовать свою волю в случае конвенционального конфликта либо при дипломатическом давлении. В 2014 г. отмечался риск применения Китаем «расширенного ядерного сдерживания» в отношении Японии.

Комиссия обращала внимание на ключевое значение ракетной программы в стратегическом планировании КНР (в частности, стратегии противодействия КНР вводу в зону начавшегося конфликта американских авианосных групп[555]) и ее многовекторность. В 2015 г. со ссылкой на крупного эксперта в области китайских ядерных вооружений М. Стоукса была отмечена и внутриполитическая значимость этой программы как «инструмента, способствующего укреплению легитимности власти Коммунистической партии Китая»[556]. Развитие ракет малого и среднего радиуса обеспечивает потенциал для участия в интенсивных локальных военных операциях и создания угрозы инфраструктурным объектам, логистическим узлам и корабельным группам вероятного противника, что в китайском обществе расценивается как ключевой элемент военной политики в отношении Тайваня и «девятипунктирной линии» [557] в прибрежной акватории. В процессе модернизации парков МБР и БРПЛ улучшаются характеристики живучести, а создание РГЧ ИН служит цели преодоления ПРО. В 2015 г. комиссия конгресса США указывала на усиление потенциала тактического ядерного сдерживания в рамках второй островной гряды [558], создание ракет класса

[554] Ibid. P. 30.
[555] 2014 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 328. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%20Report.PDF (accessed: 27.11.2016).
[556] 2015 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 339. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2015%20Annual%20Report%20to%20Congress.PDF (accessed: 28.11.2016).
[557] Условная линия, которая очерчивает на карте территориальные претензии КНР в Южно-Китайском море.
[558] Условная «цепь» островов в Тихоокеанском регионе, включающая о. Гуам, Бонинские острова, архипелаги Палау, Марианские и др.

«воздух–земля» Changjian-20 (CJ-20), способных нести как обычную, так и ядерную боеголовку[559].

В профильных правительственных докладах все чаще подчеркивается факт создания Китаем предпосылок для расширения политики сдерживания, возможность применения ЯО первыми рассматривается как вариант асимметричного метода в рамках стратегии воспрещения доступа. Связь между ней и региональным ядерным сдерживанием, основанным на БРСД «DF-3» (морально устаревшей) и «DF-21/21A», не ставилась под сомнение еще в упомянутом межведомственном докладе ВВС, ВМС и Агентства военной разведки (2013) [560] . «Двусмысленность», заложенная в принципе неприменения ЯО первыми, отмечается в ежегодных докладах министерства обороны конгрессу с 2009 г., функции ядерных ракет по упреждению неядерных атак на континентальную часть КНР – с 2006 г. Тезис о расширении сдерживающих функций ядерного арсенала имеет зеркальное отражение: американцы увязывают опору на ядерное сдерживание с возможностью более агрессивной тактики ВС самой КНР в случае конфликта[561]. Например, в докладе Комиссии конгресса США по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности содержится ссылка на высказывание эксперта в области военной политики Кристофера Ю: в случае плохо управляемого политического конфликта КНР может чередовать военные акции с применением обычных вооружений и использование тактических ракет, начиненных ядерными боезарядами, для управления конфликтом, принуждения к деэскалации, подготовки выгодной переговорной позиции, т.е. двигаться по эскалационной лестнице вблизи порога применения

[559] 2015 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 339. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2015%20Annual%20Report%20to%20Congress.PDF (accessed: 28.11.2016).
[560]=Ballistic and cruise missile threat // National Air and Space Intelligence Center. 2013. Available at: http://fas.org/programs/ssp/nukes/nuclearweapons/NASIC2013_050813.pdf (accessed: 27.11.2016).
[561]=2015 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 21. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2015%20Annual%20Report%20to%20Congress.PDF (accessed: 28.11.2016).

ЯО с неясной и непредсказуемой для США логикой и неожиданными целями[562].

Сценарий ответно-встречного удара в случае ядерного запуска в сторону китайской территории рассматривается в связи с отсутствием понимания, что может быть интерпретировано в Пекине как атака. Одной из потенциальных опасностей в этой связи считается разработка ВС США концепции глобального молниеносного удара[563]. Как отмечено в упомянутом тексте «Наука о военной стратегии» (2013), контратака может последовать еще до того, как вражеский ядерный боезаряд долетит до территории КНР, если у китайского руководства будет достаточно оснований полагать, что запуск ракет был произведен (на это, в частности, ссылались авторы докладов Комиссии конгресса США по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности [564]). Кроме того, американцы приводят высказывания ряда китайских военных, сделанные в рамках обмена словесными уколами из-за роста напряженности в Южно-Китайском море. Например, в 2013 г. генерал-майор НОАК Яо Юньчжу отмечала, что причиной пересмотра КНР принципа неприменения ЯО первыми могли бы стать развертывание систем ПРО США, способных перехватить ответный удар Китая уже после того, как он подвергся атаке (размывание потенциала китайского сдерживания-устрашения), на территории их союзников, а также развитие неядерных ракетных технологий, которые угрожают китайским ядерным силам «обезглавливающим» ударом [565] (т.е. ограничивают возможности Пекина прибегнуть к ядерному удару возмездия в случае запуска неядерных ракет противника).

---

[562] Ibid. P. 21.

[563] Woolf A. Conventional prompt global strike and long-range ballistic missiles: Background and issues // Congressional Research Service. 24.02.2016. Available at: https://www.fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf (accessed: 28.11.2016).

[564] 2014 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 328. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%20Report.PDF (accessed: 27.11.2016).

[565] China omission of no-first-use nuclear doctrine in defense white paper signals policy // The Washington Free Beacon. 26.04.2013. Available at: http://freebeacon.com/national-security/first-strike/ (accessed: 26.11.2016).

2.3.4. Американские взгляды на китайское ЯО при администрации Д. Трампа

При администрации Д. Трампа (с 2017 г.) в экспертно-аналитическом и политическом сообществе США продолжили выходить работы, в которых констатируется наращивание ядерной мощи Китая и сдвиг ядерного баланса, а способность КНР нанести неприемлемый ущерб США не подвергается сомнению. Вектор исследований смещается в сторону новых технологий средств доставки (гиперзвуковые), способные качественно дополнить ракетно-ядерный потенциал КНР. В отличие от предыдущих периодов данные о технологических успехах КНР в ракетной сфере уже не вызывают такого скептицизма, как при предыдущих администрациях.

В Ежегодном обзоре военной мощи КНР за 2017 г.[566] отмечено начало развертывания с 2016 г. БРСД «DF-26» как возможность наносить «высокоточные конвенциональные и ядерные удары по наземным целям». Отличительной особенностью обзора в 2017 г. стало большее, чем прежде, внимание к неядерным ракетным силам. Члены экспертно-аналитического сообщества США сходятся во мнении о наличии у КНР способности нанести неприемлемый ущерб посредством ЯО для США, поэтому дальнейшее развитие ядерной программы рассматривается как укрепление этого положения.

В Обзоре ядерной политики США (Nuclear Posture Review Report) администрации Д. Трампа, опубликованном в феврале 2018 г., определены принципиально новые приоритеты американской политики в ядерной сфере. В отличие от Обзора[567] администрации Б. Обамы, в 2018 г. руководство США

---

[566] U.S. Ministry of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. Washingtong D.C., 2017. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF (accessed : 03.10.2017).

[567] Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. 2010. P. iii. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (accessed: 10.05.2018).

отказалось от снижения роли ЯО в стратегии национальной безопасности США[568].

Ядерные силы КНР названы в обзоре «значительными» (considerable), в целом документ констатирует «возвращение соперничества великих держав» (the return of great power competition[569]) Вопреки тенденции последних десятилетий Д. Трамп определил курс на проведение масштабной модернизации ЯС США, означающей увеличение роли ЯО во внешней политике страны. В документе указан широкий спектр военно-политического применения ядерного сдерживания, включая сдерживание в ядерном и конвенциальном конфликте, предоставление гарантий безопасности партнерам и союзникам, достижение целей США в случае провала сдерживания, «страхование» от неопределенностей.

Кроме того, новый документ закрепил приоритет развития нестратегических ЯС (non-strategic nuclear weapons, в частности, крылатых ракет подводного базирования (nuclear-armed sea-launched cruise missile, SLCM, оснащенных маломощными ядерными боезарядами, и авиации двойного назначения (dual-capable aircraft) на базе самолетов F-35. Иными словами, в положениях документа 2018 г. отражена большая реалистичность применения малых ядерных зарядов, что напрямую связано с давлением в потенциальных локальных военных конфликтах. Кроме того, в отличие от ядерной доктрины Б. Обамы напоминается, что «США никогда не принимали доктрину неприменения ЯО первыми»[570]. Наконец, Обзор ядерной политики США 2018 г. указывает на рост военно-политических амбиций КНР и связь между началом военного конфликта между КНР и США и возможной ядерной эскалацией. В этом случае целью США является сдерживание

[568] Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. P.6. 2018. Available at: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (accessed: 04.06.2018)
[569] Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. 2018. P. 6. Available at: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (accessed: 04.06.2018)
[570] Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. 2018. P. 22. Available at: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (accessed: 04.06.2018)

конвенционального конфликта, а также удержание Пекина от ложного представления об эффективности ограниченного применения ЯО на ТВД в ходе конфликта.

Обзор был опубликован «накануне резкого ухудшения стратегической среды»: на фоне модернизации российских ЯС; во время ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове, острая фаза которого пришлась на 2017 год и была связана с учащением ракетных испытаний КНДР, включая потенциально способную к запуску межконтинентальной дальности «Хвасон-5»[571], а также вероятным проведением первого термоядерного испытания[572]) ; в условиях поступательного развития ядерной триады КНР. Россия и Китай заняли ключевые места, КНДР и Иран – соответственно третье и четвертое. Хотя КНР принадлежит только частичный «вклад в ухудшение» условий, следует ожидать, что их последствия в качестве ответных шагов американской администрации отразятся на ядерном позиционировании КНР в полной мере.

2.3.5. Китайская ядерная угроза в исследованиях экспертов США

В экспертном сообществе США продолжаются дискуссии по вопросу перехода от «минимального» к «ограниченному» сдерживанию в условиях неизменности декларируемой политической позиции. Дебатируется вопрос о возможном необъявленном, но фактически произошедшем изменении ядерной стратегии в пользу более наступательной.

Разногласия ученых вызваны сложной доказуемостью изменения китайских стратегических планов при намеренной секретности. Неопределенность подпитывается за счет диссонанса между политическими декларациями (включая заявление МИД КНР в 2004 г. о «самых маленьких ЯС у КНР») и фактическим развитием технологического уровня средств доставки

[571] Cohen Z. et al. New Missile Test Shows North Korea Capable of Hitting All of U.S. Mainland. //CNN. 30.11.2017. Available at: https://edition.cnn.com/2017/11/28/politics/north-korea-missile-launch/index.html (accessed: 04.06.2018)
[572] Berlinger J. Nuclear Test Conducted by North Korea, Country Claims; South Korea Responds with Drills. //CNN. 04.09.2017. Available at: https://edition.cnn.com/2017/09/03/asia/north-korea-nuclear-test/index.html (accessed: 04.06.2018)

ЯО, а также между нереалистичностью обещания «не применять ядерное оружие первыми ни при каких условиях» и возможной потребностью его применить в крайнем случае, упоминаемом в китайской литературе.

В целом исследования сходятся [573] в том, что Китай, намеренно поддерживая неопределенность, мог бы отступить от принципа неприменения первыми только в острой кризисной ситуации, а элементом давления является не ЯО как таковое, а непрозрачность стратегии. О внутрикитайских дебатах по поводу рациональности сохранения курса [574] много написано западными экспертами; об их наличии свидетельствовали и китайские участники американо-китайских полуофициальных контактов по вопросам ЯО [575] . Зафиксирован ряд публичных высказываний представителей китайских военных кругов [576] , а также реакция [577] официального правительства, свидетельствующая о нежелании менять имидж антиагрессора. Возможность изменения китайской позиции в критической ситуации отрицать нельзя.

Уже в 1990-е годы даже относительная скромность ракетно-ядерного арсенала КНР не вызывала у американских аналитиков сомнений в функциональности с точки зрения политики сдерживания (*deterrence*). Пекин придерживался концепции минимального ядерного сдерживания (главная задача которого – «убедительная» (*credible*) способность нанесения ответного ядерного удара). Более того, уже в 2000 г. эксперты Федерации американских ученых отмечали, что Китай развивал возможности для «ограниченного сдерживания», подразумевавшего угрозу нанесения превентивного ядерного удара по силам третьих стран в случае их вмешательства в локальный

---

[573] Fravel M. China Has Not (Yet) Changed Its Position On Nuclear Weapons. // The Diplomat. April 22, 2013. Available at: https://thediplomat.com/2013/04/china-has-not-yet-changed-its-position-on-nuclear-weapons/ (Accessed : 02.10.2017).

[574] J. Lewis. China and No-First-Use. Arms Control Wonk Blog. January 14, 2011. Available at: http://www.armscontrolwonk.com/archive/203446/china-and-no-first-use-3/ (accessed : 02.10.2017).

[575] Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017).

[576] Kahn J. Chinese Colonel Threatens the Use of A-Bomb if U.S. Intrudes. // The New York Times. 15.07.2005. Available at: http://www.nytimes.com/2005/07/15/washington/world/chinese-general-threatens-use-of-abombs-if-us-intrudes.html (accessed 03.10.2017); Lieggi S. Going Beyond the Stir: The Strategic Realities of China's No-First-Use Policy. NTI. January 1, 2005. Available at: http://www.nti.org/analysis/articles/realities-chinas-no-first-use-policy/ (accessed : 03.10.2017).

[577] Zhang Baohui. China's Assertive Nuclear Posture: State Security in an Anarchic International Order. London: Routledge. 2015. 214 p.

конфликт[578], еще с конца 1980-х годов. Упоминания о такой возможности в основном связывались с чрезвычайной ситуацией, в частности с угрозой для основ государственного строя КНР в случае нарушения территориальной целостности страны (например, при попытке объявления независимости Тайваня и вмешательстве США).

Также в американских публикациях 1990-2000-х гг. отмечалось совершенствование Пекином механизмов управления конфликтом[579] путем развития более динамичной системы нацеливания [580] . Эволюция регионального ракетного сдерживания увязывалась с усилением ядерного комплекса, хотя на тот момент такая возможность была скорее теоретической.

Зародившись при У.Клинтоне, обсуждение возможного перехода КНР в «ограниченному ядерному сдерживанию» (*limited nuclear deterrence)* [581] *получило дальнейшее развитие при Дж.Буше-мл.*

В то же время эксперты обращали внимание и на сложность и стратегические издержки для Пекина в связи с гипотетическим пересмотром политики неприменения ЯО первыми (в связи с затратами на реструктуризацию ядерного арсенала, изменение концепции координирования войск и т.д.[582]). После очевидных качественных сдвигов в китайском ракетостроении 2007–2008 гг. некоторые из них также отмечали низкую вероятность применения КНР ЯО первыми («для достижения эскалационного доминирования»), но не исключали ее в принципе из-за неясности уровня ядерного порога для Пекина[583].

---

[578]= Federation of American Scientists. Doctrine overview // FAS. 2000. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/doctrine/overview.htm (accessed: 24.11.2016).

[579] Ibidem.

[580] Johnston A. 1995/96. China's new 'old thinking': The concept of limited deterrence. International Security, vol. 20, no. 3, pp. 5–42.; Crane K., et al. 2005. Modernizing China's military: Opportunities and constraints. Santa Monica, RAND Corporation.

[581] В теоретической плоскости допущение отхода КНР от политики неприменения ЯО первыми соотносится с принципом «ограниченного ядерного сдерживания» (limited nuclear deterrence).

[582] Going beyond the stir: The strategic realities of China's no-first-use policy // The Nuclear Threat Initiative (NTI). 01.01.2005. Available at: http://www.nti.org/analysis/articles/realities-chinas-no-first-use-policy/ (accessed: 19.11.2016).

[583] Cliff R., et al. Dangerous thresholds. Managing escalation in the 21st Century. Santa Monica: RAND Corporation, 2008. Pp.79-80.

В 1990-2000-е гг. в американском военно-политическом сообществе в целом делался вывод о неизбежности технического реформирования и количественного расширения ЯС КНР. В 1992 году в США было опубликовано емкое исследование истории проектов китайских баллистических ракет [584], выполненное Дж.У.Льюисом и Ди Хуа. Его авторам показали длительный опыт стремления КНР обладать МБР, способными поражать мягкие цели в континентальной части США, а также указывали, что КНР достигла этого к моменту публикации. В опубликованной в 2000 г. статье «Китай: забытая ядерная держава» в журнале «Foreign Affairs» говорилось, что модернизация китайского ядерного арсенала зависит исключительно от политического решения [585].

В то же время взгляды политико-экспертного сообщества о *текущем* состоянии китайского ракетно-ядерного арсенала в период президентства У. Клинтона характеризовались в целом скептическим отношением к возможности эффективной модернизации НОАК и Второго артиллерийского корпуса.

Вслед за перспективами и возможными направлениями развития стратегических ракетных сил КНР в американском политологическом сообществе стали прорабатываться концепции рациональной политики, направленной на подписание с Пекином взаимно ограничивающего договора в ядерной и космической сферах и киберпространстве[586] в условиях взаимной уязвимости (*mutual vulnerability*), однако результат на данном направлении пока не достигнут. Американские эксперты стали активно изучать доступные издания современных трудов по китайской военной теории [587] , приобрели актуальность исследования в области стратегической культуры КНР (в 1970-х годах правительство США ставило перед корпорацией РЭНД цель изучения

[584] Lewis J.W., Di Hua. China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals. // International Security, Vol. 17, No. 2 (Fall, 1992). PP. 5-40.
[585] Manning R., et al. China: The forgotten nuclear power // Foreign Affairs. 2000. Vol. 79. No. 4. P. 53–63.
[586] Gompert D., Saunders P. The paradox of power. Sino-American strategic restraint in age of mutual vulnerability. Washington: NDU Press, 2011.
[587] Cliff R., et al. Dangerous thresholds. Managing escalation in the 21st Century. Santa Monica: RAND Corporation, 2008.

стратегической культуры СССР для понимания его стратегии в ядерной области).

Ключевой темой, связанной с анализом проблем ядерной модернизации КНР, стало отношение китайского руководства к возможности пересмотра принципа неприменения ЯО первыми.

В качестве основных сценариев при этом рассматриваются следующие: а) оказание ядерного давления (nuclear coercion) либо применение ядерного удара КНР против вмешавшихся в локальный конфликт США «в целях принуждения к деэскалации»; б) ответно-встречный удар в случае фиксации (возможно, ошибочной) ядерного запуска в сторону китайской территории. В политологическом сообществе также продолжаются дискуссии о возможном переходе Пекина от минимального к ограниченному ядерному сдерживанию. Большинство экспертов констатируют сохранение концепции минимального сдерживания[588], подчеркивая взвешенность этого подхода[589] и ссылаясь на важный военный труд НОАК «Наука о военной стратегии» (2013), где указан только ограниченный спектр целей ядерного сдерживания КНР, соотносящийся с концепцией минимального сдерживания (она предполагает нанесение ответного ядерного удара, причем не по военным объектам, а по городам - так достигаемый эффект будет сильнее)[590].

Выводы экспертов о вероятных последствиях реализации первого сценария разнятся. Г. Кулацки (Союз обеспокоенных ученых США), которому удалось познакомиться с труднодоступным изданием «Кампании [операции] Второй артиллерии», утверждает, что применение китайцами ЯО первыми невозможно. Как отмечено в п.1 первой части данной работы, в 2014 г. он опубликовал выдержки [591] из главы, допускающей изменение политики

---

[588] Holslag J. China: A deterrence paradox // Handbook on nuclear proliferation / Ed. by V.P. Harsh. London: Routledge, 2012. Pp. 132-145.

[589] Fravel M., Medeiros S. China's search for assured retaliation: The evolution of Chinese nuclear strategy and force structure // International Security. 2011. Vol. 35. No. 2. P. 48–-87.

[590] Kulacki G. The Chinese military updates China's nuclear strategy. Federation of American Scientists. 2015. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2015/03/chinese-nuclear-strategy-full-report.pdf (accessed: 27.11.2016).

[591] Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Beijing: People’s Liberation Army Press, 2014. P. 294–296. Available at:

неприменения ЯО первыми при невозможности противостоять наступлению конвенциональных сил противника или при угрозе удара по объектам стратегической инфраструктуры (включая АЭС, ГЭС), крупным и средним городам, политическим или экономическим центрам. После принятия решения об отказе от принципа (судя по переводу текста) КНР должна повысить уровень боеготовности своих ЯС и перейти к информационной кампании ядерного давления (*nuclear coercion*). Конечные цели давления - управление конфликтом и *избежание обмена ядерными ударами* (однако сценарий развития «вынужденного» нанесения ядерного удара также не исключается). На основании анализа содержания книги Г. Кулацки склоняется к выводу, что в указанной им главе речь идет лишь о специфическом психологическом приеме (*bluff*), так как сделанные в переведенной части допущения противоречат главному тезису издания о фундаментальности принципа неприменения ЯО первыми.

Иная оценка вероятности использования ядерного удара для принуждения к деэскалации конфликта основана на допущении сочетания давления и ограниченного применения ЯО (*tailored nuclear use*), что соответствует описанной Т. Шеллингом логике «гонки принятия рисков» (*competition in risk-taking*) [592]. Например, такую мысль высказал в своем докладе «Ядерное оружие в третьей “стратегии компенсации”» Э. Колби (Центр исследований новой американской безопасности) [593]. В работах других авторов[594] при общем скептицизме в оценке реальности ядерного сценария даже в затяжной и болезненной военной кампании КНР против США возможность нанесения ядерного удара первыми также не исключается в случаях риска полного уничтожения сил НОАК, невозможности защищать территорию иными средствами, угрозы политическому режиму, выводы о

http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf (accessed: 25.11.2016).

[592] Th.C.Schelling. Arms and Influence. Yale University, 1966, 293 p. P. 166.

[593] Colby E. Nuclear Weapons in the Third Offset Strategy: Avoiding a Nuclear Blind Spot in the Pentagon's New Initiative. – Center for a New American Security, 2015. P.5.

[594] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016. PP.28-30.

намерении Вашингтона уничтожить потенциал для ядерного сдерживания (удар по базам МБР, ПЛАРБ, инфраструктуре систем управления).

Американские эксперты особо отмечают значение принципа раздельного хранения боеголовок и носителей (*de-alerting policy*) – он оставляет руководству КНР дополнительный рычаг воздействия и возможность в случае серьезного кризиса использовать приведение ракетных сил в боевую готовность как «сигнал о намерениях», способный повлиять на действия Вашингтона [595] . Члены Комиссии конгресса США по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности подчеркивают, что при низкой вероятности изменения официальной позиции помех для негласного и/или одномоментного решения об отходе от упомянутого принципа нет. С началом патрулирования ПЛАРБ проекта 094 можно будет говорить о фактическом повышении степени готовности одного из элементов ЯС КНР[596].

Недостаток информации о состоянии ракетно-ядерного арсенала КНР послужил поводом и для различных спекуляций. В 2011 г. в США был опубликован доклад профессора Джорджтаунского университета Ф. Карбера, который, с одной стороны, привлек внимание к теме модернизации китайских ЯС (в особенности к увеличению их количественных показателей), с другой – вызвал резкую критику ведущих экспертов, спровоцировав тем самым определенный «обратный» эффект. В докладе были приведены, во-первых, данные, превосходящие соответствующие оценки ведущих институтов (СИПРИ, Федерации американских ученых) более чем в 10 раз (3 тыс. ядерных боезарядов), во-вторых, рассуждения о связи Сычуаньского землетрясения

---

[595] Hearing before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // US House of Representatives. 14.10.2011. Available at: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-112hhrg71449/html/CHRG-112hhrg71449.htm (accessed: 28.11.2016).

[596] Что касается пересмотра принципа раздельного хранения боеголовок и носителей (в низкой степени готовности (de-alerting principle)), то в докладе приводится мнение Д. Эктона (старшего научного сотрудника и содиректора Программы исследований ядерной политики Фонда Карнеги), отмечавшего, что при хранении ядерного оружия в разобранном виде достигается меньший сдерживающий эффект, при котором невозможно проведение «запуска на предупреждение» (launch on warning), так как на установку боезарядов на носители потребуется время. Установка же заряженных ядерной боеголовкой ракет на подлодках является примером отхода от принципа раздельного хранения. См.: Hearing before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // US House of Representatives. 14.10.2011. Available at: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-112hhrg71449/html/CHRG-112hhrg71449.htm (accessed: 28.11.2016).

2008 г. с возможным подземным ядерным испытанием и пр.[597]. Публикация вызвала критику наиболее авторитетных экспертов, в частности главы Программы нераспространения в Восточной Азии Монтерейского института международных исследований Д. Льюиса, заведующего Программой ядерной информации Федерации американских ученых Г. Кристенсена и др.[598] Доклад, однако, оказал влияние на формирование общей повестки в отношении ядерной модернизации в КНР, на него также ссылались некоторые участники слушаний в конгрессе (например, в Комитете по делам вооружений палаты представителей в 2011 г.[599]). В 2013 г. в Законе об ассигнованиях на национальную оборону[600] была впервые прописана обязанность главы Стратегического командования Вооруженных сил США (объединяет стратегические ядерные силы, космические силы и управление ПРО) ежегодно предоставлять конгрессу отчет о состоянии системы подземных туннелей КНР и возможности устранения их и их содержимого с помощью вооружений в ядерном и неядерном оснащении. (Отметим, что изучение особенностей инфраструктуры хранения и транспортировки ядерного арсенала оппонента целесообразно, но указанные меры не охватывают всего потенциального спектра ЯО, находящегося на вооружении КНР.)

За время президентства Б. Обамы американское военно-политическое и экспертное сообщества наблюдали очередной этап качественного развития китайских ЯС, который стал закономерным результатом длительных циклов разработки. Дополнительную смысловую нагрузку ядерной модернизации КНР (которую ряд экспертов объясняют просто стремлением достичь качественного уровня других ядерных держав) создало нарастание напряженности в Южно-Китайском море. Столкнулись две противоречащие

---

[597] Karber P. Strategic implications of China's underground Great Wall. Georgetown University. Asian Arms Control Project. 26.09.2011. Available at: http://www.ausairpower.net/PDF-A/Karber-PLA-UGF-2011.pdf (accessed: 23.11.2016).

[598] Kristensen H., Norris R. Global nuclear weapons inventories, 1945–2013 // Bulletin of American Scientists. 2013. Vol. 69. No. 5. P. 75–81.

[599] Hearing before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // US House of Representatives. 14.10.2011. Available at: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-112hhrg71449/html/CHRG-112hhrg71449.htm (accessed: 28.11.2016).

[600] National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2013. Sec. 1045 // Congress of the United States of America. Available at: https://www.govtrack.us/congress/bills/112/hr4310/text (accessed: 25.11.2016).

друг другу политические детерминанты. Для Пекина это создание прочной системы военного присутствия в данной акватории, отвечающее целям контроля над транспортными и торговыми путями и защиты патрулирования атомных ракетоносцев, в то время как для США – поддержание международного престижа путем демонстративной эксплуатации режима свободной навигации в международных водах и воздушном пространстве, а также сохранение системы военных союзов в АТР. Такое столкновение интересов двух держав способно привести к эскалации конфликта, в котором важную роль может сыграть комплекс из модернизированных родов войск НОАК, включая ВМФ и Ракетные войска (до военной реформы 2016 г. – Второй артиллерийский корпус).

В 2016 г. был опубликован доклад эксперта Центра стратегических и международных исследований (The Center for Strategic and International Studies – CSIS) Э. Кордесмана, в котором не только был представлен анализ военно-стратегического значения модернизации ядерных и неядерных ракетных войск НОАК, но и раскрывалась суть стратегии их развития. По мнению автора, который ссылается в этой связи на упоминавшуюся нами работу «Кампании Второй артиллерии»[601], решение о реформировании ракетных сил с возможностью нанесения как ядерных, так и неядерных высокоточных ударов в условиях локальной высокотехнологичной войны было принято Центральным военным советом (ЦВС) в конце 1980-х годов. Ключевым моментом стало комбинирование функций ядерных и неядерных ракет как единого средства сдерживания и управления конфликтом. Фактически упомянутое решение стало основой для возникновения новой «стратегической неопределенности» (*strategic ambiguity*[602]), когда о ядерном оснащении ракет малой и средней дальности свидетельствует только ряд косвенных признаков:

[601] Cordesman E. The PLA rocket force: Evolving beyond the Second Artillery Corps (SAC) and nuclear dimension. CSIS. 13.10.2016. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/publication/161013_China_Missile_Forces_AHC.pdf (accessed: 01.04.2018).

[602] Baliga S., Sjöström T. Strategic ambiguity and arms proliferation // Journal of Political Economy. 2008. Vol. 116. No. 6. P. 1023–1056.

характеристики точности скорее говорят о неядерном оснащении, в то время как использование жидкого топлива указывает на ядерные ракеты (хотя обоснованное заключение лишь на основе нескольких отдельных параметров не всегда возможно). В соответствии с выводами эксперта трансформация качественного состава ракетных войск НОАК доказывает расширение неядерного сдерживания, тем не менее принцип двойного сдерживания и двойного операционного назначения (*dual deterrence and dual operations*) остается актуальным и продолжает быть источником беспокойства для США.

По мере развития китайских гиперзвуковых технологий американские исследователи допускают перспективу их использования в ядерном варианте. В ходе слушаний Американо-китайской комиссии по вопросам экономики и безопасности в феврале 2017 г., содиректор Программы изучения ядерной политики Д. Эктон (фонд Карнеги) отмечал возможность установки ядерной части на гиперзвуковой глайдер Wu-14 (DF-ZF), что «укрепило бы статус-кво». [603] Кроме того, Эктон отметил, большую эффективность против ядерного/конвенционального глайдера систем ПРО объектовой защиты (Patriot, THAAD) в сравнении со стратегическими системами (GBI). Тогда же он отмечал, что в развитии гиперзвуковых технологий основной угрозой наибольшую опасность для США представляют глайдеры дальнего радиуса. О связи ядерной и гиперзвуковой программ КНР упоминал Л. Фьюэлл (Национальный центр аэрокосмической разведки США)[604].

Таким образом можно констатировать высокую значимость тематики взаимной ядерной угрозы в политических дискурсах США и КНР применительно друг к другу. При этом американские публикации склонны ставить под сомнение реалистичность принципа неприменения ЯО первым, который декларируется КНР. При этом с первой половины 2000-х гг.

---

[603] China's Advanced Weapons. Hearing Before the U.S.-China Economic and Security Commission. One Hundred Fifteenth Congress. First Session. Ferbuary 23, 2017. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/transcripts/China%27s%20Advanced%20Weapons.pdf (accessed : 03.10.2017).

[604] China's Advanced Weapons. Hearing Before the U.S.-China Economic and Security Commission. One Hundred Fifteenth Congress. First Session. Ferbuary 23, 2017. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/transcripts/China%27s%20Advanced%20Weapons.pdf (accessed : 03.10.2017).

американские политики и военные склонны использовать китайский фактор для объяснения инвестиций в развитие систем противоракетной обороны и технологий гиперзвуковых аппаратов практически в той же мере, как российский. При администрации Д.Трампа ядерные силы КНР также использовались для обоснования возвращения опоры на ЯО в системе национальной безопасности США.

ГЛАВА III. ПОПЫТКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Данная глава посвящена изучению потенциальных стабилизирующих факторов в ядерном аспекте американо-китайских отношений, которые можно рассматривать как условия для реализации мер доверия. В главе рассматриваются попытки США и КНР наладить диалог в ядерной сфере, прежде всего - контакты экспертно-политического сообщества по вопросам развития ядерного оружия и стратегической стабильности, а также диалог в рамках международных платформ в области ядерного нераспространения и смежных вопросов. Глава призвана ответить на вопрос о глубине влияния потенциальных стабилизирующих факторов на ядерное сдерживание между США и КНР.

3.1. Попытки американо-китайского диалога в ядерной сфере

3.1.1. Установление связей в научно-исследовательском сообществе в 1980–2000-х годах

Еще до начала попыток завязывания политического диалога, в 1980-е годы, активизировались контакты между научно-техническими подразделениями, связанными с военными НИОКР. Позитивный фон для этого был создан благодаря американо-китайскому сближению (с 1970-х годов) и включению КНР в международно-правовые механизмы в сфере нераспространения и контроля над вооружениями. Это сближение фактически началось в 1979–1980 гг. (в 1980 г. Пекин направил постоянного представителя на Конференцию по разоружению ООН в Женеве). В связи с потребностью дипломатов в знаниях специалистов в сфере ЯО к работе Женевской конференции привлекли кадры из Китайской академии инженерной физики (Chinese Academy of Engineering Physics, CAEP) – единственного в КНР института, занимающегося НИОКР и конечным

производством ядерных боезарядов. Участие в форуме ООН помогло ученым САЕР наладить контакты в международном научном сообществе и повысило статус академии во внутренней иерархии при принятии решений по военным НИОКР КНР. На начальном этапе локомотивом развития международных контактов было обсуждение вопросов ядерного нераспространения. Важное место в этом диалоге заняла дочерняя организация САЕР – Институт прикладной физики и вычислительной математики (ИПФВМ). В 1985 г. группа физиков из САЕР/ИПФВМ участвовала в Международной конференции по последствиям применения ЯО (ядерной зиме) в Италии[605]. В 1996 г. в рамках ИПФВМ была сформирована Канцелярия по исследованиям в области контроля над вооружениями[606].

ИПФВМ участвовал в формировании первого постоянного механизма контактов между представителями американских и китайских экспертов и ученых в области ядерной физики, биологии и военного дела. Формат Диалога о политике в сфере безопасности (Security Policy Dialogue with China) с участием Комитета по международной безопасности и контролю над вооружениями (CISAC) Национальной академии наук США был создан в 1991 г. по итогам прошедшего в 1988 г. в Пекине первого крупного форума американских и китайских ученых. Со стороны КНР его организацией, помимо ИПФВМ (САЕР), занималась Группа по контролю над вооружениями Китайской ассоциации по поддержанию мира и разоружению[607]. Спустя несколько лет этот формат контактов перерос в официальное научное взаимодействие между ведущими НИИ в сфере ядерных вооружений – лабораториями Сандия и Лос-Аламос (США) и САЕР (КНР). Официальные научные обмены (lab-to-lab exchanges)[608] с участием руководителей названных организаций проводились с 1994 по 1998 г. Их прекращение совпало с

[605] Johnston A.I., Ross R. Engaging China: The management of an emerging power. London: Routledge, 1999. P. 241.
[606] Ibid. p. 267.
[607] Survey of programs on United States-China relations and security issues // National Committee on United States-China Relations. China Policy Series. Number XXIII. March 2007. P. 22–23. Available at: https://www.ncuscr.org/sites/default/files/Survey-Final-Report.pdf (accessed: 07.08.2017).
[608] Wheeler M. Track 1,5/2 security dialogues with China: Nuclear lessons learned. Institute of Defense Analysis. Alexandria, Virginia, 2014. Pp.6-7.

публикацией доклада [609] комиссии К. Кокса, где говорилось о ядерном промышленном шпионаже Китая и нарушении им режима нераспространения: Пекин был заподозрен в хищении технологий – технической документации на устройство миниатюрной боеголовки W88 [610] . В целом же контакты не прекратились. В 2008 г. экспертами Комиссии по международной безопасности и контролю над вооружениями Национальной академии наук США и представителями САЕР, включая ИПФВМ, был разработан словарь терминов в сфере ядерной безопасности, состоящий примерно из 1000 пунктов [611] . К созданию словаря привлекались участники двух основных неофициальных переговорных форматов по ядерной проблематике.

3.1.2. Попытки установления постоянных контактов по военной линии

Официальный курс США в 1990-е – первой половине 2000-х годов стимулировал налаживание контактов с Китаем не только научных подразделений оборонных предприятий, но и представителей вооруженных сил. Политикой У. Клинтона в отношении КНР было «всестороннее вовлечение» (comprehensive engagement). В период его президентства неоднократно подчеркивалось стремление к налаживанию диалога в ядерной сфере. В подписанной в мае 1997 г. президентом США Стратегии национальной безопасности в новом веке (A National Security Strategy for a New Century)[612] отмечалась важность поддержания стратегического диалога и конструктивной роли КНР в вопросах международной безопасности. С этой точки зрения позитивным шагом стало объявление о взаимном ненацеливании

[609] Report of the Select Committee on US National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1999. Available at: http://www.house.gov/coxreport/dtcont.html (accessed: 24.09.2017).
[610]= Kettle M. China's theft of secrets threatens U.S. // The Guardian. 26.05.1999. Available at: https://www.theguardian.com/world/1999/may/26/martinkettle (accessed: 07.08.2017).
[611] English-Chinese, Chinese-English nuclear security glossary. National Academy of Sciences. Washington, D.C.: The National Academies Press; Beijing: Atomic Energy Press, 2008.
[612]=A National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C.: White House, 1997. Available at: http://nssarchive.us/NSSR/1997.pdf (accessed: 07.08.2017).

ЯО в ходе визита У. Клинтона в Пекин в 1998 г.[613]. Однако заявление не было подкреплено соответствующей юридической базой, и говорить о конкретных шагах по «отмене нацеливания» (detargeting) нельзя.

Президент Дж. Буш-мл. продолжил политику вовлечения (engagement), которая включала план по налаживанию контактов между военными ведомствами. Нарастание военной мощи КНР, периодические инциденты с участием ВС одной или обеих сторон[614], прогнозы по количественному наращиванию и модернизации качественного состава китайских ЯС[615] подвели США к необходимости принятия мер по снижению негативного эффекта из-за взаимного непонимания. Помимо попыток вовлечь Пекин в диалог по линии военных контактов (mil-to-mil contacts) было решено использовать формат полуофициального/неформального обмена мнениями в сфере ядерных вооружений. В целом, как отмечает американский исследователь М. Уилер[616], такой способ коммуникации получил широкое распространение в Азиатско-Тихоокеанском регионе в постбиполярный период. Контакты начались в 2004 г.

Первые встречи представителей армейских подразделений (Стратегического командования ВС США и Второй артиллерии НОАК) состоялись в 2000-е годы, но они носили ограниченный характер и были постепенно прекращены на официальном уровне из-за недовольства Пекина политикой Вашингтона (в частности, отношениями руководства США с Далай-ламой и т.д.[617]). Подразделение НОАК, ответственное за ракетные войска (Вторая артиллерия), по сути, являвшееся отдельным родом войск,

---

[613] The President's news conference with president Jiang Zemin of China in Beijing. 27.06.1998 // The American Presidency Project. Available at: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=56229 (accessed: 07.08.2017).

[614] Rosenthal E., Sanger D. US plane in China after it collides with Chinese jet // The New York Times. 02.04.2001. Available at: http://www.nytimes.com/2001/04/02/world/us-plane-in-china-after-it-collides-with-chinese-jet.html (accessed: 07.08.2017).

[615] Hughes P.M. Current and projected national security threats // Director of the Defense Intelligence Agency, Senate Armed Services Committee hearings. 02.02.1999.

[616] Wheeler M. Track 1,5/2 security dialogues with China: Nuclear lessons learned. Institute of Defense Analysis. Alexandria, Virginia, 2014.

[617] President Bush attends congressional gold medal ceremony honoring the Dalai Lama. 17.10.2007 // The White House. Available at: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/10/20071017-3.html (accessed: 07.08.2017).

было преобразовано в полноценный вид ВС только в 2015 г. (Ракетные войска НОАК)[618]. В этой связи еще в 2014 г. в материалах Исследовательской службы конгресса отмечалось использование китайской стороной аргументации об отсутствии у Второй артиллерии как армейской операционной единицы полномочий обсуждать вопросы ядерной стратегии[619].

В октябре 2005 г. министр обороны Д. Рамсфелд посетил штаб Второй артиллерии (первый в истории визит иностранного представителя). В октябре 2006 г. делегация из КНР во главе с командующим Второй артиллерией Цзин Чжиюанем побывала в штабе Стратегического командования США (STRATCOM). В августе 2007 г. штаб Второй артиллерии посетил председатель Комитета по вооруженным силам в Сенате А. Скелтон. С последующими контактами в рамках общих консультаций по военной линии статус участников от Второй артиллерии стал снижаться. В декабре 2007 г. в Консультативных переговорах по военным вопросам (Defense Consultative Talks) участвовал заместитель начальника штаба Ян Чжиго.

Визиты на высоком уровне в 2005–2007 гг. стали результатом политической договоренности между руководством США и КНР и были нацелены на взаимное «прощупывание» пределов возможностей. Они заведомо не могли привести к конкретным шагам, которые удовлетворили бы требованиям обеих сторон (для США этим шагом могло стать частичное раскрытие данных об арсенале ЯС КНР, для Китая – обязательство Вашингтона не применять ЯО первым). В результате в Пекине посчитали повестку таких контактов исчерпанной.

Также их можно рассматривать как шаги, нацеленные на восстановление баланса в отношениях после ситуации 2004-2005 г. (в марте 2005 г. на фоне политики президента Чэнь Шуйбяня, представлявшего Демократическо-прогрессивную партию, КНР приняла «Закон о противодействии расколу

---

[618] Heginbotham E., Chase M.S., Heim J. et al. Domestic factors could accelerate evolution of China's nuclear posture. RAND Research Brief. 2017. Available at: http://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB9956.html (accessed: 07.08.2017).

[619] Kan S. U.S.-China military contacts: Issues for Congress. Congressional Research Center. October 27, 2014. Available at: https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL32496.pdf (accessed: 07.12.2017).

государства» [620] . Ситуация вызвала напряжение между Вашингтоном и Пекином).

Китайский исследователь Тэн Цзяньцюнь отмечает стремление американских политиков к институционализации стратегического диалога, однако в ходе встречи армейских кругов в Вашингтоне в 2008 г. стало очевидно, что стороны исчерпали аргументы по трем основным вопросам (ядерное сдерживание, ядерная прозрачность, ядерное разоружение)[621]. С тех пор диалог перешел в плоскость полуофициальных и неофициальных контактов. Не последнюю роль в прекращении формального обсуждения могло сыграть и отсутствие единства мнений о его пользе в китайском Постоянном комитете Политбюро.

Американские исследователи, ссылаясь на оценки непосредственных участников военных контактов из США, отмечают непрямой, но эффективный саботаж Китаем стратегического ядерного диалога на официальном уровне. Он заключался в выдвижении общих инициатив, отказе от включения ядерной повестки в конкретные раунды Стратегического и экономического диалога (Strategic and Economic Dialogue)[622]. Более приемлемым для Пекина и как следствие постоянным форматом стали неофициальные обсуждения на экспертном уровне с возможным привлечением представителей армии и оборонных ведомств, отставных военных, сотрудников МИД и других госслужащих.

3.1.3. Роль полуофициальной дипломатии: основные форматы и эволюция приоритетных вопросов дискуссий

---

[620] 中华人民共和国反分裂国家法 (Закон о противодействии расколу государства КНР). 14 марта 2005 г. Сайт Министерства обороны КНР. Доступ: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2016-02/19/content_4618044.htm (дата обращения: 14.12.2017).

[621] Тэн Цзяцюнь. Чжунмэй хэлинъюй дуйхуады вэньгу юй чжаньван [История и перспективы китайско-американского диалога в ядерной сфере] // Китайский институт международных исследований. 03.08.2011. (На кит. яз.) Доступ: http://www.ciis.org.cn/chinese/2011-08/03/content_4380219.htm (дата обращения: 07.12.2017).

[622] S. U.S.-China military contacts: Issues for Congress. Congressional Research Center. October 27, 2014. P. 43. Available at: https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL32496.pdf (accessed: 07.12.2017).

Начиная с 2004 г. наибольшее развитие получила неофициальная/полуофициальная дипломатия. Форматы такого взаимодействия многогранны, что объясняется значительным интересом различных институтов к взаимоотношениям в сфере ЯО между крупнейшими экономиками и геополитическими оппонентами. Организаторами контактов со стороны США выступают структуры, аффилированные с армейскими подразделениями, и другие «мозговые центры», конкурирующие за статус ведущих исследовательских площадок. Важнейшие форматы организуются при финансовой поддержке Министерства обороны США, через Агентство по снижению внешней угрозы – Бюро передовых систем и разработок (Advanced Systems and Concepts Office). В частности, это Китайско-американский диалог по развитию стратегических ядерных сил (China-US Dialogue on Nuclear Dynamics; Чжунмэй чжаньлюэ хэчжань дунтай дуйхуа), упоминания о котором в американских документах также встречаются как Track-1,5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue), проводимый в Пекине с 2004 г., и Американо-китайский стратегический диалог (U.S.-China Strategic Dialogue), осуществляемый также с 2004 г. на Гавайских островах. Помимо Агентства по снижению внешней угрозы, входящего в структуру Пентагона, ключевую роль в организации и проведении указанных форматов, известных как «пекинский» и «гавайский» [623] , играют Госдепартамент, подразделения Центра стратегических и международных исследований (The Center for Strategic and International Studies, CSIS), корпорации RAND, Института военных исследований (Institute of Defense Analysis, IDA), Монтерейского института международных исследований (Высшая школа ВМС США).

Кроме «пекинского» и «гавайского» диалогов их участники, включая представителей Ракетных сил НОАК и САЕР, встречаются на полях других неофициальных обсуждений, посвященных общим вопросам безопасности, например Китайско-американской конференции по сотрудничеству в сфере

[623] Вода К.Р. Развитие китайско-американского ядерного диалога на неофициальном уровне // ИМЭМО РАН. 03.04.2015. Доступ: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1599&p=10 (дата обращения: 30.06.2017).

безопасности (Sino-U.S. Security Relations and Cooperation Conference), проводимой Китайским институтом международных исследований с участием Центра международной безопасности и сотрудничества Стэндфордского университета. В фокус дискуссий последних лет, помимо создания мер доверия в ядерной сфере, входят вопросы кибербезопасности, сотрудничества в космосе и «серых зонах», урегулирования морских споров, ПРО[624]. В таких диалогах также периодически принимают участие бывшие военные, знакомые с ситуацией в китайских ракетных войсках. Например, в числе участников Китайско-американской конференции по сотрудничеству в сфере безопасности в 2016 г. был отставной заместитель командующего Второй артиллерии (сегодня Ракетных войск) генерал-лейтенант Чжан Сян, который выступил с докладом о реформе НОАК и перспективах развития Ракетных войск.

Стратегическое командование США (STRATCOM) как структура армии, отвечающая за американские ракетно-ядерные силы, продвигает ряд других форматов диалога. С 2009 г. под его патронажем проводятся симпозиумы по вопросам сдерживания (STRATCOM Deterrence Simposium). Кроме того, функционируют некоторые другие переговорные площадки, курирование которых, по-видимому, предоставляет хорошие перспективы для исследовательских центров США в случае получения в ходе контактов ценной информации, публикации по итогам встреч интересных для правительственных структур выводов, а также предложения потенциальных «точек роста». Представители экспертно-аналитических и военных кругов США и КНР обмениваются мнениями в рамках мероприятий фонда Карнеги, ряда других проектов CSIS (рабочая группа PONI, форум Shangri-La). В 2003–2006 гг. прошло несколько встреч в рамках Американо-китайского стратегического диалога, организованных в соответствии с Программой по

[624] Чжан Тэнцзюнь. Ди бацзе «чжунмэй аньцюань гуаньси юй хэцзо яньтохуэй» цзай воюань юаньмань цзюйсин [В нашем институте завершился 8-й раунд «Китайско-американского форума по вопросам безопасности и сотрудничества»] // Китайский институт международных исследований. 21.12.2016. Доступ: http://www.ciis.org.cn/chinese/2016-12/21/content_9237783.htm (дата обращения: 06.12.2017).

международной безопасности CSIS и Китайского форума по вопросам реформирования и открытости (Чжунго гайгэ кайфан луньтань). Союз обеспокоенных ученых (Union of Concerned Scientists) совместно с Бэйханским университетом проводит диалоги двух форматов – Американо-китайский совместный проект по вопросам космических вооружений (US-China Joint Project on Space Weapons) и Симпозиум по вопросам устойчивости в сфере космических технологий и ресурсов (Symposium on the Sustainability of Space Technology & Resources), где рассматриваются вопросы влияния милитаризации космоса на эффективность ядерного сдерживания КНР. Можно предположить, что участие китайских экспертов и представителей военного сообщества во всех таких контактах, как и в случае с «пекинским» и «гавайским» форматами, служит целям сбора информации и продвижения логики, уже неоднократно изложенной китайской «консолидированной» позиции. Несомненным импульсом для продолжения подобных контактов служат не только развитие американских систем ПРО и китайские ракетные испытания, но и дальнейшая разработка обеими сторонами технологий гиперзвуковых летательных аппаратов[625], милитаризация Южно-Китайского моря и прочие военные вопросы.

Особенность переговоров с наличием «неизвестной переменной» (количественные параметры ЯО КНР) заключается в возможной осведомленности некоторых китайских участников о реальном положении дел. Большинство из них не могут или формально не должны иметь представление о количественном составе китайских ЯС. Однако можно предположить, что достаточно глубокое понимание проблем присуще членам руководства CAEP, поэтому их суждения особенно интересны. В числе самых заметных участников с китайской стороны - генерал-майор (в отставке) Яо Юньчжу, бывший глава CAEP Ху Сыдэ, директор отдела стратегических исследований Национального оборонного университета КНР Чжу Чэнху, глава

[625] Ekmektsioglou E. Hypersonic weapons and escalation control in East Asia // Strategic Studies Quarterly. 2015. Vol. 9. No. 2. P. 43–68.

подразделения по исследованиям в сфере контроля над вооружениями САЕР Сунь Сянли и др. Из доступных материалов о конференциях известны данные, раскрывающие параметры развития ракетно-ядерных сил КНР (например, детальные сведения о глубине интеграции управления бригадами обычных и ядерных ракет в составе Ракетных войск, оценки реальной эффективности систем ПРО (подробнее см. далее)). Кроме того, прослеживается эволюция тем, приоритетных для КНР в области ядерной политики США на фоне развития технологической составляющей.

С китайской стороны организатором «пекинского» формата является Китайский фонд международных стратегических исследований (China Foundation for International Strategic Studies, CFISS). Интерес к этой площадке проявляет МИД как непосредственно, так и через аффилированный Китайский институт международных исследований (China Institute of International Studies, CIIS). Кроме того, от КНР во встречах принимают участие представители ведущих военно-политических «мозговых центров», связанных с НОАК (Академия военных наук, Национальный оборонный университет), разведывательными службами – Министерством государственной безопасности (Китайский институт современных международных отношений, China Institutes of Contemporary International Relations, CICIR), а также сотрудники Академии общественных наук, университетов (Цинхуа, Народного университета КНР и др.) и единственный разработчик и производитель китайского ЯО – САЕР.

С 2004 по 2018 г. прошло 12 раундов «пекинского» формата и 9 раундов «гавайского». Поведение китайских участников данных переговоров во многом подтверждает наблюдения академика А.Г. Арбатова, что суждения экспертов в ядерной сфере в принципе во многом повторяют содержание текстов работ по военной стратегии[626] [627], издаваемых НОАК, что, в свою

---

[626] Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Beijing: People's Liberation Army Press, 2004. P. 294–296. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf (accessed: 14.12.2017).

627 Чжаньи сюэ [Наука о военных кампаниях] / Под ред. Чжан Юйляна. Пекин, 2006. 637 с. (На кит. яз.)

очередь, говорит о глубоком взаимодействии экспертов в этой области и военного руководства[628], а также о самоцензуре.

Как отмечается в американских докладах о прошедших встречах, цель контактов – «способствование обмену мнениями и углублению понимания в вопросах ядерной политики и сопутствующих сферах»[629]. Также выражается надежда на преодоление взаимного непонимания смысла и мотивов действий противоположной стороны. В действительности наиболее очевидная функция диалога сводится к предоставлению площадки для разъяснения позиций и обсуждения возможных мер доверия и «демистификации»[630]. Спустя более 10 лет после начала контактов продвижение по принципиальным вопросам незначительно. Диалог нельзя воспринимать как средство для разработки оперативных решений. Судя по доступным отчетам [631], даже сугубо в терминологической области взаимопонимание стало намечаться только в последние несколько лет. Тем не менее при определенной абстрактности целей на практике обе стороны реализуют более узкие задачи.

Китайская сторона использует данный формат для создания определенного образа своих ЯС, например, доводя в ограниченном объеме до сведения США детали своей ядерной программы [632]. Представители КНР зондируют реакции на конкретные идеи и доносят аргументацию своей обеспокоенности политикой США до Вашингтона, формируя психологический переговорный базис. Американские участники нацелены на получение максимального количества деталей и мнений китайской стороны, которые способны сделать более ясными стратегические планы Пекина.

---

[628] Россия и дилеммы ядерного разоружения / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. Сс.144-148.

[629] Cossa R. China-U.S. dialogue on strategic nuclear dynamics. 22–23.03.2017 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/03232017_USChinaSND_KF_0.pdf?1oo3S4KipDCM99vl7OcconfGAbDimpqE (accessed: 07.08.2017).

[630] Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase II: Conference report. 2007 // Naval Postgraduate School. Available at: http://hdl.handle.net/10945/825 (accessed: 07.08.2017).

[631] Glosny et al. U.S.-China strategic dialogue. Phase VIII report. December 2014. P. 8 // Naval Postgraduate School. Available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/44733/2014%20008%20-%20US-China%20Phase%20VIII%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 04.10.2017).

[632]= Track 1.5 China-U.S. strategic nuclear dialogue. 13.11.2009 // Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.05.2018).

Вероятно, они заинтересованы в достижении конкретных результатов – выработке мер доверия и организации контактов на официальном уровне. Информация о ходе дискуссий ограниченна. Основная часть сведений о проделанной двусторонней работе публикуется американскими институтами. В обзорах не раскрывается, кем высказывались конкретные мысли, изложение не обязательно отражает все нюансы и затронутые проблемы. Судя по организации «пекинского» и «гавайского» форумов, большая активность присуща американской стороне. Участник многих раундов М. Уилер (Институт военных исследований) отмечает, что финансирование обеих площадок как минимум изначально исходило от Министерства обороны США - через Агентство по сокращению военной угрозы (Defense Threat Reduction Agency), хотя сегодня «пекинский» формат организуется CFISS и поддерживается МИД КНР.

Отказ США от продолжения взаимодействия научно-исследовательских лабораторий в ущерб получению данных об уровне текущих китайских разработок проиллюстрировал, что американская сторона опасается ускорения их прогресса. Эта проблема не учитывалась в 1980–1990-е годы на фоне активизации военно-технического сотрудничества США и КНР и политики всестороннего вовлечения (даже после введения оружейного эмбарго). Причиной послужила убежденность США в неспособности Китая обеспечить должное финансирование и в сжатые сроки решить ключевые технологические проблемы (такие как миниатюризация боезаряда). Как показывают новейшие исследования российских ученых[633], именно в тот период началась реализация решений о качественном и количественном расширении парка межконтинентальных баллистических ракет и ядерных головных частей, которые могли быть приняты руководством КНР. В свою очередь, неготовность Китая делиться информацией по линии официальных

[633] Кашин В.Б. О потенциальном влиянии американской Третьей стратегии компенсации на развитие стратегических ядерных сил КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 109–118.

военных контактов в 2000-е годы объясняется общей стратегией поддержания неопределенности. «Промежуточный» вариант в виде полуофициальной дипломатии, по сути, появившийся параллельно с армейскими контактами, отчасти заместил последние и позволил китайской стороне расширить круг решаемых задач, не блокируя возможность свободно продолжать ядерную модернизацию. Сегодня китайская сторона доносит до США выверенную информацию, создает видимость открытого диалога и формирует психологический климат, готовящий США к превращению КНР в оппонента с сопоставимыми ЯС. Поскольку Китай отказывается от дальнейшей институционализации диалога, нынешний формат предоставляет США возможность разведывательной деятельности, оценки китайских настроений и подготовки мер доверия.

По мере прояснения взаимных вопросов уровень конструктивности дискуссий полуофициальных контактов растет. Важным рубежом в этом отношении стал 2015 г., когда китайская сторона, отойдя от ряда абстрактных тем, проявила интерес к обсуждению устоявшегося в отношениях между США и РФ понятия стратегической стабильности.

На начальном этапе полуофициального диалога первоочередное внимание стороны уделяли терминологическим вопросам и общим проблемам американо-китайских отношений. Вероятно, представители КНР тянули время и стремились обеспечить себе выгодную психологическую позицию, поскольку перспективы реальных прорывов в переговорах не казались очевидными. В 2007 г. американские участники отмечали намеренное заострение китайскими партнерами внимания на смысловых особенностях понятий «сдерживания/устрашения» в английском и китайском языках (*deterrence*/*вэйшэ*). Например, они подчеркивали присущее американскому термину сходство с понятиями «принуждение» и «давление», в то время как китайское слово *вэйше*, по их представлению, ближе к «предотвращению

запугивания военной силой» и контрсдерживанию [634]. Участник с американской стороны К. Томи отмечал, что несмотря на понимание лингвистического аспекта обеими сторонами, представители КНР использовали его, чтобы подчеркнуть негативную подоплеку американских заявлений о «сдерживающем» эффекте своего ЯО [635]. С 2014–2015 гг. в американских публикациях было зафиксировано снижение остроты терминологических споров [636]. Другим примером перехода от риторики к насущным вопросам стало детальное обсуждение последствий расширения американских систем ПРО (комбинация быстрого наращивания перехватчиков и покрытия радарными системами THAAD территории КНР с учетом возможного изменения американской политики) и разработки системы быстрого глобального удара США вместо менее реалистичных американских проектов, таких как технологии надежно заглубляющегося в землю ядерного боеприпаса (robust nuclear earth penetrator), иллюстрировавших, по мнению представителей КНР, увеличение опоры Вашингтона на ЯО[637].

С конца 2015 г. китайские участники стали проявлять интерес к вопросу взаимного официального признания *стратегической стабильности*, хотя ранее они ссылались на преждевременность ее обсуждения на официальном уровне. Еще в феврале 2015 г. американские эксперты отмечали у китайских партнеров отсутствие понимания параметров потенциальной американо-китайской СС (поиск баланса между стабильностью как характеристикой эффективности общего контекста отношений и стабильностью, основанной на принципах холодной войны и взаимного гарантированного уничтожения)[638] и

---

[634] Conference on U.S.-China strategic nuclear dynamics. Beijing, 20–21.06.2006 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/060620_china_nuclear_sum.pdf (accessed: 05.07.2017).

[635] Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase II: Conference report. 2007 // Naval Postgraduate School. Available at: http://hdl.handle.net/10945/825 (accessed: 07.08.2017).

[636] Glosny et al. U.S.-China strategic dialogue. Phase VIII report. December 2014. P. 8 // Naval Postgraduate School. Available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/44733/2014%20008%20-%20US-China%20Phase%20VIII%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 04.10.2017).

[637] Ibidem.

[638] C ossa R., Glosserman B. U.S-China strategic nuclear relations: Time to move to track-1 dialogue. Pacific Forum CSIS. February 2015. Available at: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/46431/issuesinsights_vol15no7.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 07.011.2017).

невозможность вынесения вопроса в официальную плоскость. Во второй половине 2015 г. («гавайский» диалог) у китайских участников появились конкретные представления о СС как об общем фоне военно-политических отношений [639]. В 2017 г. делегации признали важность принципа СС применительно к американо-китайским отношениям в ядерной сфере, хотя и без проработки понятия на официальном уровне[640].

Подходы китайских участников диалога можно интерпретировать, обратившись к академической литературе. Понимание стратегической стабильности в ядерной сфере в китайских публикациях концептуально восходит к западным исследованиям, но главным отличием является трактовка «ядерной прозрачности» как прозрачности ядерной стратегии, а не данных об арсенале [641]. В этом отношении представители китайского экспертного и военно-политического сообщества считают программу КНР более прозрачной, чем американская. В исследовании Ли Биня дается определение «наиболее высокого уровня стратегической стабильности» как наличия большего ущерба для стороны – ядерного агрессора, чем для стороны, производящей ответный удар[642]. В его же статье 2006 г. отмечается, что «высокий уровень стратегической стабильности» означает гарантированную способность нанесения взаимного неприемлемого ущерба[643], следовательно, развитие оборонительных вооружений (ПРО) снижает коэффициент эффективности вооружений наступательных и не способствует укреплению

---

639 Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase IX report. December 2016 // Naval Postgraduate School. Available at: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/51930/US-China%20Report%20Phase%20IX%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 07.08.2017).

640 Cossa R. China-U.S. dialogue on strategic nuclear dynamics. 22–23.03.2017 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/03232017_USChinaSND_KF_0.pdf?1oo3S4KipDCM99vl7OcconfGAbDimpqE (accessed: 07.08.2017).

641 Лю И. Аобама шици чжунмэй чзюнькун линъюйды фэньци яньцзю [Исследование американо-китайских противоречий в подходах к контролю над ядерными вооружениями в период президентства Б. Обамы]: Дисс. на соискание ученой степени Доктора философских наук (PhD).

642 Ли Бинь. Гоцзи цзюньбэй кунчжиды чжуантай юй цяньцзин [Контекст и современное состояние международного контроля над вооружениями] // Исследования современной истории Китая. 1997. № 4. С. 28–32. (На кит. яз.)

643 Ли Бинь. Чжунго хэчжаньлюэ бяньси [Анализ китайской ядерной стратегии] // Мировая экономика и политика. 2006. Доступ: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7236/20120308004531622221539/11.pdf (дата обращения: 03.10.2017). (На кит. яз.)

СС. Ее западное определение содержится в работе Тун Чжао («состояние возможности нанесения взаимного ответного удара, несущего большой ущерб»)[644].

Центральным элементом стратегической стабильности между двумя государствами, с точки зрения китайских участников неформальных обсуждений, является признание взаимной уязвимости. Как минимум с 2009 г. китайские участники выражали надежду на публичное признание президентом США «состояния взаимной уязвимости» (mutual state of vulnerability)[645]. Эта мысль могла высказываться и ранее, но документальных подтверждений этому нет. В прежние годы участники со стороны КНР просто констатировали ее фактическое наличие[646] (например, в 2006 г. генерал-майор в отставке Яо Юньчжу отмечала молчаливое согласие по этому вопросу[647]). Взаимная уязвимость не отрицается и американскими экспертами[648], но они отмечают слабую вероятность ее официального признания как по внутриполитическим причинам, так и из-за позиций стран-союзников. Приоритет для американских участников – разработка мер доверия, функционирующих, несмотря на нерешенные проблемы[649]. Учитывая усилия США по повышению эффективности боезарядов[650], можно констатировать, что американцы фактически не готовы дать Китаю «догнать» свой уровень, не

---

[644] Чжао Тун. Чжунго юй гоцзи хэчжисюды яньхуа [Китай и эволюция международного ядерного порядка] // Международно-политические исследования. 2016. Т. 1. № 1. С. 118–148. (На кит. яз.)

[645]= Track 1.5 China-U.S. strategic nuclear dialogue. 13.11.2009 // Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017).

[646] Conference on 'U.S.-China strategic nuclear dynamics'. Introduction and key findings. 09–10.06.2008 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/081015_intro_and_key_findings.pdf (accessed: 04.07.2017).

[647]=Conference on U.S.-China strategic nuclear dynamics. 20–21.06.2006 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/060620_china_nuclear_sum.pdf (accessed: 07.08.2017).

[648] Glosny et al. U.S.-China strategic dialogue. Phase VIII report. December 2014. P. 8 // Naval Postgraduate School. Available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/44733/2014%20008%20-%20US-China%20Phase%20VIII%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 04.10.2017); Colby E. Defining strategic stability: Reconciling stability and deterrence // Strategic stability: Contending interpretations / Ed. by E. Colby, M. Gerson. Carlisle: Army War College Press, 2013. P. 47–84.

[649] Goldstein A. First things first: The pressing danger of crisis instability in US-China relations // International Security. 2013. Vol. 37. No. 4. P. 49–89.

[650] Kristensen H.M., McKinzie M., Postol T.A. How US nuclear force modernization is undermining strategic stability: The burst-height compensating super-fuze // Bulletin of the Atomic Scientists. 2017. Available at: http://futurefastforward.com/wp-content/uploads/2017/05/How-US-Nuclear-Force-Modernization-Is-Undermining-Strategic-Stability.pdf (accessed: 31.10.2017).

принимая мер противодействия.

В ходе полуофициального диалога китайская сторона традиционно демонстрирует подчеркнутый интерес к содержанию американских доктринальных документов – Обзора ядерной политики и Обзора по противоракетной обороне. На протяжении всех раундов дискуссии было заметно внимание представителей КНР к вопросам о ее месте в тексте Обзора ядерной политики [651]. На современном этапе важно детальное раскрытие параметров СС между США и КНР в новом Обзоре ядерной политики администрации Д. Трампа.

На неофициальных встречах представители обеих сторон выдвигают инициативы, которые можно обсуждать без «потери лица» в случае их непринятия. Такие предложения являются продолжением позиции официального руководства и могут также рассматриваться как доказательство неготовности противоположной стороны к компромиссам. Помимо ставших традиционными предложений о раскрытии количественных параметров китайского арсенала (с американской стороны) и аргументации в пользу объявления Вашингтоном принципа неприменения ЯО первым против Пекина, на чем настаивают КНР, выдвигаются менее экстремальные (и более реалистичные) инициативы. В их числе предложенные в 2009 г. генерал-майором Яо Юньчжу «совместные гарантии» неприменения обычных вооружений против ядерных объектов друг друга (что «могло бы прекратить дискуссии о целесообразности отказа от принципа неприменения ЯО первыми в КНР)[652], а также упомянутое представителями США в 2013 г. соглашение о «стратегической сдержанности»[653].

После испытаний китайского противоспутникового оружия в 2013 г. американские участники пытались продвинуть пакетное соглашение,

---

[651]= Track 1.5 China-U.S. strategic nuclear dialogue. 13.11.2009 // Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017).

[652] Ibidem.

[653]= 8th China-US dialogue on strategic nuclear dynamics. 04–05.11.2013 // CSIS. Available at: https://www.csis.org/analysis/issues-insights-vol-14-no-1-8th-china-us-dialogue-strategic-nuclear-dynamics (accessed: 07.08.2017).

содержавшее выгодные пункты для обеих сторон. Они предлагали концепцию межпространственного сдерживания (cross-domain deterrence) в ядерной, космической и киберсферах (основанную на тезисе о том, что «абсолютной безопасности уже не существует») и подписание кодекса поведения в трех указанных областях [654] . Расширенный вариант проекта поддержания стабильности задумывался как предупреждение риска неуправляемого перехода эскалации из одной сферы в другую. Для США подписание такого документа могло означать получение информации о развитии новых видов вооружений КНР, для Пекина – шаг в сторону объявления Вашингтоном принципа неприменения ЯО первым (а также космического и кибероружия) в отношении Китая. Эта инициатива не вышла за рамки дискуссии: китайские представители увели ее в иную плоскость, не согласились признать наличие сдерживания в духе холодной войны и предложили формулировку об «устранении межпространственных угроз» [655] , тем самым отвергнув возможность самоограничения в космическом и киберпротивоборстве.

Обоснование целесообразности объявления США принципа неприменения ЯО первыми - важнейший пункт, которому придается большое значение китайской стороной в ходе каждого раунда переговоров[656]. Например, в 2009 г. представитель CFISS Чжан Туошэн доказывал его приемлемость для союзников США в Азии (даже для Японии, хотя этот тезис был опровергнут Л. Бруксом из CSIS[657]). Представители КНР предлагают и другие варианты гарантий американского ядерного ненападения, например, отдельно в

---

[654] Ibidem.

[655] Cossa R., Glosserman B, Santoro D. The Seventh China-US Strategic Dialogue on Strategic Nuclear Dynamics & The Inaugural China-US Dialogue on Space Security. Conference Report. 2013. URL: https://www.hsdl.org/?view&did=737077

[656] Conference on ‘U.S.-China strategic nuclear dynamics’. Introduction and key findings. 09–10.06.2008 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/081015_intro_and_key_findings.pdf (accessed: 04.07.2017); Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase II: Conference report. 2007 // Naval Postgraduate School. Available at: http://hdl.handle.net/10945/825 (accessed: 07.08.2017); Glosny et al. U.S.-China strategic dialogue. Phase VIII report. December 2014. P. 8 // Naval Postgraduate School. Available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/44733/2014%20008%20-%20US-China%20Phase%20VIII%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 04.10.2017).

[657]= Track 1.5 China-U.S. strategic nuclear dialogue. 13.11.2009 // Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017).

отношении Тайваня (отказ от распространения расширенного сдерживания США на остров)[658].

Также часто поднимается вопрос трактовки ядерной прозрачности. В 2009 г. директор отдела стратегических исследований Национального оборонного университета КНР генерал Чжу Чэнху выделил суть американо-китайских противоречий в сфере взаимных ядерных опасений: США более открыты и демонстрируют большую прозрачность относительно своего ядерного арсенала, но их намерения менее прозрачны, со стороны КНР все наоборот[659]. Развитие американских наступательных и оборонительных сил и непредсказуемость направлений и пределов этого процесса признаются главными факторами наращивания ЯО КНР. Китайские участники также указывают на наступательность американской ядерной доктрины, объясняя ее готовностью к превентивной атаке и нежеланием США объявить о «неприменении ЯО первыми», что в китайском понимании лишь подчеркивает возможность его применения[660]. Изменения в ядерной доктрине США увязываются со снижением порога применения ЯО.

В 2009 г. глава исследований в области контроля над вооружениями CAEP Сунь Сянли подчеркивал, что развитие ПРО США способно привести к количественному расширению баллистических ракет КНР и разработке мер преодоления[661] (хотя на том этапе – только на перспективу). Тогда число перехватчиков не вызывало большого беспокойства, но отмечалось, что их резкое наращивание на фоне созданной интегрированной инфраструктуры (радары X-Band, системы оповещения, слежения, перехвата и оценки) поставило бы под вопрос потенциал для ответного удара[662]. На той же встрече Ху Сыдэ высказывал мнение о стабилизирующем эффекте предоставления

---

[658] Ibidem.
[659] Ibidem.
[660] Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase II: Conference report. 2007 // Naval Postgraduate School. Available at: http://hdl.handle.net/10945/825 (accessed: 07.08.2017).

[661] Ibidem.
[662]= Track 1.5 China-U.S. strategic nuclear dialogue. 13.11.2009 // Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017).

Вашингтоном гарантий о развитии ПРО в Тихом океане только против ракетной угрозы со стороны КНДР (поддержание ограниченного количества перехватчиков и масштабов развертывания ПРО, информирование о планируемом использовании технологий). Президент Тихоокеанского форума CSIS Р. Косса заявил в ответ, что Вашингтон смог бы пойти навстречу Пекину только в случае повышения прозрачности ЯС КНР. Американцы также сообщили о мнении экспертного сообщества, что системы ПРО эффективны только против малых ядерных сил[663]. Дискуссии ожидаемо обострились после подписания Корейской Республикой и США соглашения о размещении комплексов THAAD, радар которого AN/TPY-2 способен следить за ракетными пусками на территории КНР (включая сбор данных о тестовых запусках).

В ходе встреч часто обсуждается китайская ядерная доктрина. В целом создается впечатление о согласии основной части китайских участников с важностью сохранения неопределенности, даже в те моменты, когда поддерживается открытая дискуссия. Логика изложения постулатов китайской политики в сфере ЯО остается последовательной на протяжении всех раундов переговоров. Она сводится к принципу неприменения ЯО первыми, оборонительному характеру ЯС, опоре на малые, но эффективные силы сдерживания, неучастию в гонке вооружений. По материалам встреч видно, что аргументация китайских участников успешно «сгладила» изначальный нажим представителей США, призывавших Китай к раскрытию данных о ЯС в ближайшей перспективе, в том числе для полноправного участия в переговорах по контролю над вооружениями с РФ и США. Сегодня призывы к прозрачности сохраняются, но большинство американских экспертов перестали полемизировать с Пекином о преждевременности его участия в разоружении[664]. В 2013 г. один из китайских участников впервые назвал примерный срок возможного вступления в переговоры «спустя один-

[663] Ibidem.
[664] Ibidem.

два раунда американо-российских сокращений» (прежде называлось «в подходящее время»), т.е. речь идет о временн*о*м горизонте до 2030 г.[665]

Китайские эксперты аргументируют поддержание неопределенности в вопросах о размере и других параметрах ЯС КНР стремлением усилить сдерживающий эффект и укрепить общий уровень стабильности. Китайская сторона не всегда конкретна в формулировании своей позиции относительно возможности применения ЯО в ответ на конвенциональный удар по собственным силам[666]. Еще в 2008 г. «высокопоставленный китайский ученый» отмечал, что ЯС КНР все еще можно было уничтожить разоружающим ударом[667], а отсутствие точной информации об их количестве и конфигурации способствовало стабильности.

Проливая свет на детали ядерного планирования КНР, в 2007 г. китайские участники отмечали, что не исключают возможности ядерного удара со стороны другого государства. В этой связи как необходимость трактуются сохранение способности нанести ответный ядерный удар (не обязательно ответно-встречный или сиюминутный), поддержание ЯС в низкой степени готовности, отделение ядерного оружия от конвенционального в случае эскалации конфликта. При этом Пекин не рассматривает ядерную войну как управляемый конфликт[668]. В 2014 г. представители КНР подчеркивали, что ответным ядерным ударом мог бы стать противоценностный, а не противосиловой удар – из-за недостаточной точности.

В ходе переговоров китайские делегаты стремились донести до сведения американского руководства информацию о готовящейся кардинальной смене

---

[665]=8th China-US dialogue on strategic nuclear dynamics. 04–05.11.2013. P. 12–14 // CSIS. Available at: https://www.csis.org/analysis/issues-insights-vol-14-no-1-8th-china-us-dialogue-strategic-nuclear-dynamics (accessed: 07.08.2017).

[666] Conference on U.S.-China strategic nuclear dynamics. Beijing, 20–21.06.2006 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/060620_china_nuclear_sum.pdf (accessed: 05.07.2017).

[667] Conference on 'U.S.-China strategic nuclear dynamics'. Introduction and key findings. 09–10.06.2008 // CSIS. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/081015_intro_and_key_findings.pdf (accessed: 04.07.2017).

[668] Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase II: Conference report. 2007 // Naval Postgraduate School. Available at: http://hdl.handle.net/10945/825 (accessed: 07.08.2017).

парадигмы ядерного сдерживания, основанной на окончательном закреплении возможности нанести второй удар за счет морского компонента триады. По мере приближения начала патрулирования атомных подводных лодок класса «Цзинь» (проект 094) китайские участники стали делать больший упор на обоснование важности развития ПЛАРБ. В 2014 г. они впервые отметили, что Пекин рассматривает в качестве приоритетной перспективу патрулирования своих ПЛАРБ не только в прибрежной акватории, но и в океанах, для чего намеревается обеспечить безопасные пути прохода подводных лодок. Это должно способствовать укреплению возможности нанесения ответного удара посредством разрабатываемой в настоящее время атомной субмарины «Тан» (проект 096), в которой будет решена проблема низких гидроакустических характеристик нынешних ПЛАРБ. Упоминание этого вопроса в рамках контактов с представителями США должно подчеркнуть наличие новой концепции функционирования флота ПЛАРБ.

Другой важный вопрос, касающийся ядерной доктрины КНР, связан с возможностью применения Пекином ЯО в локальном конфликте или в случае идентификации ракет, запущенных в целях поражения китайских ЯС[669] [670] , а также с поиском США политических опций по предупреждению этой проблемы [671] . В ходе диалога китайские представители неоднократно подтверждали предположения американцев о наличии внутренней дискуссии о целесообразности сохранения принципа неприменения ЯО первыми как минимум в академических кругах, а также, возможно, в военно-политических. В 2006–2007 гг. отмечалось, что дискуссии вызваны ростом китайских опасений из-за возможности США нанести ответный ядерный удар в соответствии с такими концепциями, как БГУ. Несмотря на то что принцип неприменения ЯО первыми признается китайской стороной как наиболее

[669] Khan Z. China's evolving nuclear strategy and its consistency with the Chinese leadership's perception of minimum deterrence // International Journal of Korean Unification Studies. 2016. Vol. 25. No. 1. P. 95–128.
[670] Talmadge C. Would China go nuclear? Assessing the risk of Chinese nuclear escalation in a conventional war with the United States // International Security. 2017. Vol. 41. No. 4. P. 50–92.
[671] Glaser C.L. A US-China grand bargain? The hard choice between military competition and accommodation // Quarterly Journal: International Security. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 49–90.

целесообразный [672], в Пекине понимают внутреннюю неоднородность подходов к силовому позиционированию и возможности участия в разоружении. Как отмечает М. Уилер, судить о конкретном наполнении внутренних дискуссий, исходя из материалов полуофициального диалога, сложно [673], однако данные обсуждения вкупе с заявлениями отдельных китайских военных свидетельствуют, что возможность применения ЯО первыми, например, в локальном конфликте, как минимум не исключается. Судя по данным китайской военно-теоретической литературы, признаки подготовки ядерного удара могут использоваться КНР как мера, рассчитанная на деэскалацию (принуждение к деэскалации). Свободное обсуждение такой возможности с американскими экспертами может рассматриваться Китаем как подкрепление убедительности сдерживания противника в неядерном конфликте. Кроме того, китайская сторона посылает сигнал, стимулирующий США к разработке мер доверия, несмотря на продолжение испытаний в рамках концепции БГУ.

Возможность принятия Пекином решения о применении ядерного оружия также связана с его неготовностью раскрыть информацию о ядерном арсенале (в данном случае о составе и назначении конкретных ракетных бригад). Американские исследования публикуемых в Китае работ по военной стратегии выявили принцип двойного сдерживания и двойных операций, принятый в конце 1980-х годов. Он основан на комбинировании ядерных и неядерных ракет в рамках Ракетных войск НОАК (бывшей Второй артиллерии) и создает дополнительную неопределенность, затрудняя отслеживание приготовлений к запуску ядерных и неядерных ракет [674]. Тем не менее китайские участники диалога указывали на принципиальную разницу в управлении ядерными и неядерными ракетами (приказ об использовании ЯС

---

[672] Ibidem.

[673] Wheeler M. Track 1,5/2 security dialogues with China: Nuclear lessons learned. Institute of Defense Analysis. Alexandria, Virginia, 2014.

674 Cordesman A. China's nuclear forces and weapons of mass destruction // CSIS. Working Draft, 20.07.2017. P. 5. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160720_China_Nuclear_Weapons_Report.pdf (accessed: 04.10.2017).

отдается главой Центрального военного совета командующему Второй артиллерией (с 2016 г. – Ракетными войсками НОАК), далее – подразделению, в то время как решение главы ЦВС о применении конвенциональных ракет спускается в Генштаб, оттуда – командованию округом). Пекин опроверг смешение ракет, создающее опасность ядерной эскалации при ударе противника по неядерным ракетным силам НОАК[675]. И все же, пока не уточнена специализация на уровнях подразделения, бригад или «баз» (которые могут формально покрывать обширные территории), такая информация не способна помочь в разграничении целей в случае конфликта.

Представление о малых, но эффективных силах напрямую увязывается с потенциалом США[676]. На современном этапе в качестве основных факторов модернизации ЯС КНР указываются милитаризация космоса, американская военная разведка в китайской исключительной экономической зоне (получение данных о морском компоненте стратегической триады КНР, которое подрывает возможность нанесения ответного удара) и угроза применения БГУ против китайских ЯС. Эти проблемы находят отражение и в работах крупнейших экспертов китайского происхождения[677]. В 2014 г. один из участников диалога в Гонолулу отмечал необходимость наличия у КНР примерно 100 ядерных боезарядов, которые не смогут быть нейтрализованы системой ПРО при перехвате[678].

Интересны некоторые детали модернизации ЯО КНР, упоминаемые китайскими участниками и указывающие не только на реакционный характер по отношению к развитию военных технологий США, но и на стремление обеспечить региональное доминирование за счет развития противоракетной

---

675 Glosny et al. U.S.-China strategic dialogue. Phase VIII report. December 2014. P. 8 // Naval Postgraduate School. Available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/44733/2014%20008%20-%20US-China%20Phase%20VIII%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 04.10.2017).

676 Twomey C. U.S.-China strategic dialogue. Phase IX report. December 2016 // Naval Postgraduate School. Available at: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/51930/US-China%20Report%20Phase%20IX%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 07.08.2017).

677 Zhao T. Conventional counterforce strike: An option for damage limitation in conflicts with nuclear-armed adversaries? // Science & Global Security. 2011. Vol. 19. No. 3. P. 195–222.

678 Ibidem.

обороны. В 2014 г. китайские представители отмечали, что главные усилия КНР направлены на снижение уязвимости, увеличение проникающей способности ЯС, развитие ПРО и систем раннего оповещения[679]. Помимо ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) китайские специалисты говорили и развитии гиперзвуковых технологий. В том же году они начали подчеркивать перспективы развертывания ПРО (в предыдущие годы в основном акцентировали такую необходимость), направленной в первую очередь против Индии, а также против ракетной угрозы с Тайваня.

В замечаниях представителей КНР содержатся данные, указывающие на возможность создавать новые ядерные боезаряды без проведения критических испытаний. Тем самым, вероятно, до сведения американских специалистов доводился тезис о реальности количественного наращивания боезарядов для головных частей новых типов баллистических ракет в условиях соблюдения моратория на критические ядерные испытания. Интересно, что эта информация выглядит реалистично, так как соответствует профилям деятельности научно-исследовательских институтов САЕР. Подобная информация на веб-страницах организаций по форме подачи направлена для привлечения потенциальных новых кадров, а не для иностранных политологов[680].

Исходя из материалов встреч, можно сделать вывод, что стороны стремятся к выработке мер доверия, необходимость которых усугубляется созданием обеими странами гиперзвуковых технологий, способных обеспечить как доставку ядерных боезарядов в обход ПРО, так и нанесение точечных конвенциональных ударов по ядерным объектам противника. При обсуждении действий в кризисной ситуации обе стороны неоднократно ссылались на главный урок, извлеченный из случая с разведывательным

---

[679] Glosny et al. U.S.-China strategic dialogue. Phase VIII report. December 2014 // Naval Postgraduate School. Available at: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/44733/2014%20008%20-%20US-China%20Phase%20VIII%20Report.pdf?sequence=1 (accessed: 04.10.2017).

[680]=Чжунго гунчэн ули янцзю юань люти ули янцзпрюсо [НИИ физики жидкостей САЕР]. Доступ: http://ifp.caep.ac.cn/ （дата обращения: 30.12.2017）.

самолетом EP-3[681] (апрель 2001 г.): опасность отсутствия личных контактов в кругах руководства и неверную интерпретацию взаимных действий.

Интересно, что в 2007 г. китайские участники отмечали трудности с урегулированием кризисной ситуации из-за отсутствия единого лидерства в Пекине. При Ху Цзиньтао Китай не мог отреагировать на кризис оперативно в силу необходимости достижения консенсуса в рамках постоянного комитета политбюро Компартии КНР (в отличие от заседаний Совета национальной безопасности США, где финальная санкция зависит от одного человека). До принятия решения возможности прямой консультации Вашингтона с Ху Цзиньтао не было. Отмечались также отсутствие в КНР аналога командующего Тихоокеанским командованием ВС США (PACOM) и слабость позиции министра обороны. С приходом к власти Си Цзиньпина и консолидацией его влияния данная тема участниками встреч не поднималась.

Несмотря на закрытость информации о ЯС КНР, история проведения различных форматов диалога о ЯО с участием военных, ученых, военных специалистов и представителей политических ведомств Китая и США насчитывает более двух десятилетий. За это время успело сформироваться прочное сообщество экспертов с достаточно глубоким уровнем взаимного понимания. Многие участники контактов являются видными исследователями, которые основывают свои работы на полученном в ходе общения опыте. Это не может не отражаться на уровне взаимопонимания между странами, однако неформальный диалог не способен предоставить приемлемые решения для обоих правительств, поскольку его члены связаны трудно сочетающимися особенностями политических курсов.

Таким образом, приоритетом для американских участников является введение мер доверия, например, интеграция ЯО в проблематику межпространственного сдерживания (вплоть до достижения договоренностей

[681] В апреле 2001 г. в районе о. Хайнань произошел инцидент с перехватом американского разведывательного самолета «EP-3» китайским штурмовым самолетом, произошедший по причине взаимного непонимания действий сторон. Инцидент закончился гибелью китайского летчика и взятием в плен американского экипажа, совершившего аварийную посадку на о. Хайнань (случай получил известность как «Хайнаньский инцидент»).

об ограничении собственных действий в ядерной, космической и киберсферах). Однако, судя по высказываниям китайской стороны, Пекин стремится к закреплению только неисполнимого для США в настоящее время условия – предоставления гарантий о взаимном неприменении ЯО первыми. Нежелание КНР идти на уступки в вопросе ограничения своих действий в космическом пространстве указывает на потенциал американо-китайского противоборства в космосе, которое сможет затронуть спутниковую группировку СПРН.

Интерес, проявляемый китайской стороной к вопросу о стратегической стабильности, может быть индикатором достижения ЯС КНР зрелого уровня (наличия потенциала ответного удара) и подготовки к более активной военной политике вблизи своих границ. Кроме того, по мере успешного преодоления Китаем технологических барьеров (например, создание твердотопливной межконтинентальной баллистической ракеты, оснащенной РГЧ ИН)[682] [683] [684] и инфраструктуры по производству ядерных вооружений дальнейшее наращивание ЯС КНР может ограничиваться только позицией китайского руководства относительно их необходимого объема и баланса экономических затрат. Стоит учитывать, что в данный момент Пекин решает ряд технологических задач вне ядерной сферы (в первую очередь в связи с введением в США Третьей стратегии компенсации, но ЯО остается асимметричным средством [685] [686].

Встречи полуофициальной дипломатии после 2004 г. способствовало обоснованию отказа Китая от ядерной прозрачности в западном понимании. Принципиальность этой позиции, умноженная на многократно разъясненной

---

[682] Lewis J.G. The minimum means of reprisal: China's search for security in the nuclear age. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.

[683] Glaser C.L. A US-China grand bargain? The hard choice between military competition and accommodation // Quarterly Journal: International Security. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 49–90.

[684] Christensen T. The meaning of the nuclear evolution: China’s strategic modernization and U.S.-China security relations // Journal of Strategic Studies. 2012. Vol. 35. No. 4. P. 447–487.

[685] Кашин В.Б. О потенциальном влиянии американской Третьей стратегии компенсации на развитие стратегических ядерных сил КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 109–118.

[686] Cordesman A.H., Colley S. Chinese strategy and military modernization in 2015: A comparative analysis. Washington, D.C.: Rowman & Littlefield, 2016.

китайскими представителями, вынудила американских участников отказаться от давления на данном направлении. Предположительно КНР продолжит заявлять о стремлении к поддержанию минимального уровня своих ЯС, необходимых для эффективного сдерживания. Однако в отсутствие формальных обязательств и с учетом технологического «вызова» со стороны США наращивание ЯС Китаем вполне ожидаемо. Участники полуофициальной дипломатии подтвердили тезис о концентрации власти в Постоянном комитете политбюро КПК в руках Си Цзиньпина, что может выразиться в высокой скорости принятия стратегических решений в кризисной ситуации.

Сохранение стабильного неофициального переговорного формата удобно для Пекина, поскольку создает видимость взаимодействия и откровенной проработки вопросов. Тем временем расширение его ЯС продолжается: только за последний год были продемонстрированы две новые модификации (DF-5C, DF-31AG) и одна новая модель (DF-41) китайских МБР, ведется разработка эффективного морского компонента ядерной триады.

Высказывания китайских участников диалога о стремлении избежать участия в ядерной гонке с США по образцу СССР верны с точки зрения пропорциональности общих затрат на ВС. Текущая ядерная модернизация КНР направлена не на достижение паритета, а скорее на создание «динамического диапазона» [687] (запаса прочности), нынешние же успехи являются финальными этапами длительных циклов разработки, начатой десятилетия назад. Налаживание официального формата, таким образом, возможно после того, как Китай достигнет уровня, сопоставимого с паритетом по функциональности (что не требует фактического паритета). Этот новый опыт вызовет сложности организационного и даже мировоззренческого характера. При повторном налаживании диалога по линии министерств

[687] Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989.

обороны Китай может предложить промежуточный компромисс по вопросу прозрачности количественных данных (например, обязаться поддерживать уровень ЯС не более определенного порога взамен на частично встречный шаг США, такой как обязательство не применять против КНР ЯО первыми, кроме конкретных и не вполне реалистичных ситуаций, в этом случае функцию «амортизатора» смогут сыграть неточные формулировки). В целом же ядерная политика Пекина демонстрирует способность реализации цели закрепления за КНР особого места в силовой структуре АТР и обеспечения сдерживания как ядерного, так и конвенционального конфликта. Это подтверждается манерой диалога в ядерной сфере, на протяжении которого Пекин с высокой степенью вероятности смог получить некоторые научно-технологические данные, отстоять логику своей ядерной стратегии, а также продолжить фактическое наращивание арсенала, начав с нескольких МБР в 1980-е годы и приблизившись к 100 ед.[688] в 2017 г.

3.2. Взаимодействие и подходы США и КНР в области нераспространения ЯО и космических вооружений

3.2.1. Участие США и КНР в режимах ограничения и нераспространения ракетно-ядерных вооружений

На современном этапе стороны являются ответственными сторонами далеко не полного спектра международно-правовых ограничений в сфере нераспространения ракетно-ядерных технологий. Это позволяет им продолжать их качественное развитие, и иметь возможность при необходимости возобновить их критические испытания (даже учитывая то, что потребность них не велика в условиях возможностей компьютерного

[688] Military and security developments involving the People's Republic of China in 2017 // Office of the Secretary of Defense. USA, Washington, D.C., 2017. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF (accessed: 30.12.2017).

моделирования). Главным различием между Китаем и США как ядерных держав в соответствии с ДНЯО является степень вовлеченности в процесс сокращения ядерных вооружений. Также КНР, в отличие от США, не является членом Режима контроля над ракетной технологией (РКРТ), однако заявляла о формальном соблюдении принципов.

В то время как США непосредственно участвовали в создании документов о нераспространении ЯО, Китай из-за длительного отсутствия Пекина в основных международно-правовых институтах (до 1971 г. его место в ООН занимал представитель Тайбэя), присоединился к основополагающим договоренностям лишь в 1980-1990-е годы. Отношение коммунистического Китая к международным договоренностям, где от имени Китая подписывалась Республика Китай, было преимущественно негативным. В целом прохладное отношение Пекина к ограничениям в области научно-технологических разработок военного и двойного назначения в ракетно-ядерной и космических сферах можно объяснить стремлением не оказаться связанным по тем направлениям, где амбициям Китая соответствовало обладание передовыми по мировым меркам арсеналом и технологиями, но реализация которых в текущий момент затруднялась экономическими и технологическими факторами.

Подготовка Москвой к подписанию Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах (1963) стала для руководства маоистского Китая одной из иллюстраций советского «ревизионизма», базировавшегося на курсе мирного сосуществования Н. С. Хрущева. КНР не подписала этот договор, а также изначально критиковала ДНЯО за неравноправность и отсутствие в соглашении пунктов, препятствующих ядерному распространению и ядерному сдерживанию-устрашению (核威慑)[689]. Пекин беспокоило сохранение возможности передового развертывания американского ЯО, в

[689] 核， 来到中国 50 年 (50 лет ЯО КНР). // Китайский институт международных исследований. 21.10.2014. Доступ: http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-10/21/content_7309871.htm (дата обращения: 17.05.2018)

частности, в Азии, которое не ограничивалось международными договоренностями.

Первые шаги КНР на пути вхождения в договорный комплекс относятся к 1980-1990-м годам, когда Пекин активизировал работу с ключевыми международными организациями и правовыми механизмами. Этому способствовала не только политика «реформ и открытости», но замена представителем Пекина посланника Тайбэя в ООН. Затем был предпринят ряд шагов в сфере контроля над ядерным распространением.

Китай стал членом Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в 1984 г. и подписал соглашения о постановке части своих гражданских объектов под гарантии МАГАТЭ и Дополнительный протокол о гарантиях в 1989 и 2002 гг., соответственно. В 1989 г. он присоединился к Конвенции о физической защите ядерного материала и создал Государственную систему учета и контроля ядерных материалов[690]. Были объявлены год и десятилетие разоружения, в 1987 г. в Пекине прошел региональный форум в рамках Всемирного движения за разоружение[691]. В 1992 г. Китай (а также Франция) присоединился к ДНЯО в качестве ядерной державы. Однако действия КНР носили ограниченный характер, во многом из-за того, что ограниченным было и участие США.

Некоторые исследователи полагают, что КНР могла рассматривать инициирование США подписания в 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) как фактор, способствующий приостановке ее ядерной программы[692]. Договор ДВЗЯИ был подписан США

---

[690]=Сообщение Постоянного представительства Китайской Народной Республики при Международном агентстве по атомной энергии от 26 января 2004 года, касающееся ядерной политики и практики Китая // МАГАТЭ. Информационный циркуляр. 07.05.2004 г. Доступ: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2004/Russian/infcirc627_rus.pdf (дата обращения: 21.04.2015).

[691] Чжунго дэ цзюньбэй кунчжи юй цайцзюнь [Китай: контроль над вооружениями и разоружение (Белая книга КНР)]. 1995. Доступ: http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-05/25/content_811.htm (дата обращения: 20.04.2015). (На кит. яз.)

[692] Fitzpatrick M. Why China will wait on Nuclear Test Ban ratification // International Institute for Strategic Studies. 28 October 2013. Available at: http://www.iiss.org/en/politics%20and%20strategy/blogsections/2013-98d0/october-5e39/test-ban-china-162e (accessed: 22.04.2015).

и КНР, однако не ратифицирован ни в одной из этих стран. В то же время США (в 1992 г.)[693] и КНР (в 1996 г.)[694] был объявлен мораторий на ядерные испытания. В 1990-е – 2000-е гг. КНР стала стороной других договоренностей в сфере нераспространения: в 1997 г. КНР также присоединилась к Комитету Цангера[695], в 2004 г. – к Группе ядерных поставщиков (ГЯП)[696]. США входили в состав этих организаций с момента их создания. Китайское руководство также поддержало резолюции Совета Безопасности ООН № 1540[697] и № 1887[698] (о предотвращении распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки и сохранении международного мира и безопасности) и сегодня выступает апологетом движения за ядерное разоружение. Эта политика соответствует озвученному Пекином в день первого китайского ядерного испытания (16 октября 1964 г.) предложению созвать конференцию глав государств и правительств всех стран для рассмотрения вопроса о полном запрещении и окончательном уничтожении ЯО[699].

В то же время Китай не готов пойти на установление количественных потолков для наращивания ядерного потенциала, считая главным препятствием для ограничения своих ЯС превосходство США и России. Формально содействуя укреплению режима нераспространения, Пекин поддерживает уровень собственных ядерных сил.

Китай изначально настаивал на несвоевременности приглашения к его

---

[693] U.S. Nuclear Weapons Testing Moratorium. The Reagan Vision. Available at: http://www.thereaganvision.org/u-s-nuclear-weapons-testing-moratorium/ (accessed: 16.05.2018)

[694] Communication of 1 August 1996 Received from the Permanent Mission of the People's Republic of China to the International Atomic Energy Agency // International Atomic Energy Agency. Available at: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/1996/inf522.shtml#note_1 (accessed: 10.04.2018).

[695] Комитет Цангера – неформальная организация участников ДНЯО, цель которой – способствование выполнению ст. III.2, т.е. недопущению предоставления ядерных материалов и оборудования другим странам, если на них не распространяются гарантии МАГАТЭ. Списки подобных материалов и оборудования регулярно уточняются. Создан в 1971 г.

[696] Группа ядерных поставщиков – международный механизм, цель которого – определение критериев и принципов ядерного экспорта. Создана в 1974 г. В 1992 г. Группа ядерных поставщиков и Комитет Цангера объединились.

[697] Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). Резолюция 1540 (2004). Доступ: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1540(2004) (дата обращения: 22.04.2015).

[698] Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). Резолюция 1887 (2009). Доступ: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1887(2009) (дата обращения: 22.04.2015).

[699] Чжунго дэ цзюньбэй кунчжи юй цайцзюнь [Китай: контроль над вооружениями и разоружение (Белая книга КНР)]. 1995. Доступ: http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-05/25/content_811.htm (дата обращения: 20.04.2015).

участию в переговорах о разоружении членов «ядерного клуба» кроме США и СССР[700] и продолжает придерживаться этой позиции.

КНР не присоединилась к предложенной США в 2003 г. программе «Инициатива по поддержанию безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения» (Proliferation Security Initiative), аргументируя отказ возможностью нарушения права на передачу мирных технологий [701]. С 1996 г. КНР придерживается моратория на ядерные испытания, частично решая проблему отсутствия тестирования за счет максимального продления срока службы имеющихся боезарядов и возможности проведения подкритических испытаний. С целью профилактических мер по поддержанию боеголовок в готовности (программы «продления и ремонта», яньшоу чжэньсю [702]) работают два подразделения Ракетных войск НОАК: исполнительное – Штаб и ответственный за выработку политики и планирование Департамент оснащения.

Существенных сдвигов пока нет и в отношении подписания многостороннего Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), следовательно, международно-правовое регулирование не действует в сфере наработки и использования высокообогащенного урана и оружейного плутония. Тем не менее из пяти ядерных держав в соответствии с ДНЯО официально о моратории на наработку оружейного плутония в 1992-1996 гг. объявили РФ, США, Великобритания, Франция. Заявление КНР носило менее официальный

---

[700] Fitzpatrick M. Why China will wait on Nuclear Test Ban ratification // International Institute for Strategic Studies. 28 October 2013. Available at: http://www.iiss.org/en/politics%20and%20strategy/blogsections/2013-98d0/october-5e39/test-ban-china-162e (accessed: 22.04.2015).

[701] Durkalec J. The Proliferation Security Initiative: Evolution and future prospects // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Non-Proliferation Papers. No. 16. June 2012. Available at: http://www.sipri.org/research/disarmament/eu-consortium/publications/nonproliferation-paper-16 (accessed: 07.12.2015).

[702] Easton I., Stokes M. Half lives. A preliminary assessment of China's nuclear warhead life extension and safety program // Project 2049 Institute. 29 June 2013. Available at: http://project2049.net/half_lives_china_nuclear_warhead_program.pdf (accessed: 22.04.2015).

характер, однако считается, что Пекин придерживается моратория на производство высокообогащенного урана с 1987 г. и плутония с 1990 г.[703] Количество оставшегося топлива оценивается по-разному (см. Таблицу 1).

По оценкам International Panel on Fissile Materials (IPFM), в 2013 г. КНР заняла замыкающую позицию среди ядерной «пятерки», обладая приблизительно 16 т. высокообогащенного урана (ВОУ) и 1,8 т оружейного плутония, предназначенных для военных целей[704]. В последние годы в КНР не наблюдалось всплеска производства ВОУ/оружейного плутония. Более того, фиксируется отрицательная динамика: в докладе IPFM за 2006 г. количество оценивалось как 22 и 4 т. соответственно[705] (с 2006 по 2013 г. запасы ВОУ и оружейного плутония предположительно снизились на 6 и 2,8 т). При этом эксперты IPFM считают, что количество китайских ядерных боезарядов возросло: с 200 ед. в 2006 г. до 240 ед. в 2013[706]. Для производства современного боезаряда требуется в среднем 10–50 кг. ВОУ и 4 кг. оружейного плутония [707] . При максимальном использовании расщепляющихся материалов 9-я Академия смогла бы дополнительно произвести 1800 урановых и 450 плутониевых БЗ.

Пекин и Вашингтон способствовали становлению переговорной инфраструктуры для ДЗПРМ на начальных этапах ее формирования, однако процесс «забуксовал» в 2000-е годы. Идея подписания универсального договора о запрете на производство расщепляющихся материалов зародилась еще в 1950-е годы. Вопрос актуализировался в конце 1980-х-начале 1990-х гг., и в 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, закрепляющую приоритет переговоров о всеобъемлющем договоре о

---

[703]= International Panel on Fissile Materials. 2013. Countries: China. Available at: http://fissilematerials.org/countries/china.html (accessed: 21.04.2015).
[704]=International Panel on Fissile Materials. 2013. Available at: http://www.fissilematerials.org/ (accessed: 21.04.2015).
[705]=International Panel on Fissile Materials. 2006. Available at: http://fissilematerials.org/library/gfmr06.pdf (accessed: 26.04.2015).
[706]=International Panel on Fissile Materials. 2013. Available at: http://www.fissilematerials.org/ (accessed: 21.04.2015); Ibid.
[707]=Olivier Zajec. Combien de têtes nucléaires en Chine? // Le Monde Diplomatique. 2013. Availabe at: http://www.monde-diplomatique.fr/2013/05/ZAJEC/49051 (accessed: 27.04.2015).

запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств (A/RES/48/ 75L).[708] В 1998 г. в рамках Конференции по разоружению был создан профильный комитет.

Позиции Вашингтона и Пекина (и Москвы) изначально разошлись. Разногласия возникли из-за предложения РФ и Китая увязать ДЗПРМ с режимом недопущения милитаризации космоса (с проектом Договора о предотвращении гонки вооружений в открытом космосе (PAROS)) [709], с чем не были согласны США. В соответствии с проектом США (май 2006 г.[710]), предлагалось ввести обратимый запрет на производство высокообогащенного урана сроком на 15 лет, который не затрагивал бы производство такого топлива для целей флота, однако этот документ сочли дискриминационным [711]. Проект соглашения, предложенный в 2016 году администрацией Б.Обамы [712], был заблокирован КНР, РФ и Пакистаном, которые не согласились с предложением исключить из переговоров уже наработанные расщепляющиеся материалы.

В том же ключе можно рассматривать и политику Китая в области контроля за нераспространением ЯО и разоружения. Пекин настаивает на преждевременности своего присоединения к американо-российским переговорам о ядерном разоружении. 27 апреля 2004 г. в официальном заявлении МИД КНР говорилось, что страна обладает «самым маленьким ядерным арсеналом»[713] (без разграничения ядерных держав «легальных» и

---

[708] Резолюция ГА ООН A/RES/48/ 75. Часть L. Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств. 16.12.1993. Page 12. Доступ: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/010/81/PDF/N9401081.pdf?OpenElement (дата обращения: 04.06.2018)

[709] Hui Zhang. FMCT and PAROS: a Chinese Perspective. //INESAP. Available at: http://www.inesap.org/sites/default/files/inesap_old/bulletin20/bul20art06.htm (accessed: 04.06.2018).

[710] USA: White Paper on a Fissile Material Cutoff Treaty. –Conference on Disarmament. US Mission to the UN, Geneva. 18.05.2006. Available at: https://2001-2009.state.gov/t/isn/rls/other/66901.htm (accessed: 04.06.2018)

[711] Участие Китая в многосторонних механизмах режима нераспространения ядерного оружия // ПИР-Центр. 24.09.2009 г. Доступ: http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13509733870.pdf (дата обращения: 04.06.2018.

[712] US Floats New Fissile Talks Formula. March 2016. Available at: https://www.armscontrol.org/ACT/2016_03/News/US-Floats-New-Fissile-Talks-Formula (accessed: 04.06.2018)

[713] Fas.org. Fact Sheet: China: Nuclear Disarmament and Reduction of [Nuclear Weapons]. 27.04.2004. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/doctrine/fs042704.pdf (accessed: 20.04.2015).

«нелегальных», т.е. менее 190 развернутых боезарядов (БЗ)[714]), что меньше, чем умеренные оценки SIPRI (282 стратегических и 120 нестратегических БЗ [715]). Попытки обсуждения вопроса о включении Пекина в процесс сокращения неоднократно пресекались, в том числе, путем разъяснений в рамках полуофициальной дипломатии, о чем речь пойдет далее, и, в целом, по состоянию на 2018 год, практически прекращены. Поэтому на текущий момент можно констатировать как минимум свободное хранение КНР наработанных ранее материалов и, следовательно, использование их для создания новых ядерных зарядов при наличии лишь самоограничения в вопросах наращивания их количества.

Хотя КНР не ратифицировала ДВЗЯИ, Пекин выполняет объявленный мораторий на ядерные испытания. Руководство КНР также формально остается приверженным идее глобального нуля (Global Zero, концепция, выдвинутая Б. Обамой в Пражской речи 5 апреля 2009 г.[716])[717]. Тем не менее, учитывая разработку новых модификаций средств доставки ЯО, исследователи склонны рассматривать риторику лишь как способ подчеркнуть неготовность РФ и США к действительному ядерному разоружению или по меньшей мере сокращению своих ядерных арсеналов до уровня, сопоставимого с ядерными странами «второго эшелона». В частности, такая точка зрения изложена Л. Саалман в коллективной монографии под редакцией Э. Колби[718].

Включению КНР в переговорный процесс о новых договоренностях в сфере сокращения наступательных вооружений не способствуют и объективные причины фактической стагнации российско-американских

---

[714]= SIPRI Yearbook 2004: Armaments, Disarmament and International Security. Available at: http://www.sipri.org/yearbook/2004/files/SIPRIYB0415A.pdf (accessed: 20.04.2015).
[715] Ibid.
[716]=Obama Prague Speech on Nuclear Weapons: Full Text. Huffington Post. 05.06.2009. Available at: http://www.huffingtonpost.com/2009/04/05/obama-prague-speech-on-nu_n_183219.html (accessed: 04.05.2018).
[717]= China's Xi Calls for a World Without Nuclear Weapons. //SCMP. 19.01.2017. Available at: http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2063383/chinas-xi-calls-world-without-nuclear-weapons (accessed: 12.11.2017).
[718] Saalman L. Placing a Renminbi Sign on Strategic Stability and Nuclear Reductions // in Colby E., Gerson M., eds. Strategic Stability: Contending Interpretations. Carlisle: Army War College Press, 2013. pp.343-382.

переговоров. Как отмечает А.Г. Савельев, переговоры были основаны на принципе стратегической стабильности, который оформился в период биполярной конфронтации, и подключение к этой системе иных ядерных государств создавало бы для них некомфортные и «не отработанные» условия[719].

Таким образом, ключевым фактором, обуславливающим отказ Пекина предлагаемые США условия на переговорах по ДЗПРМ и новым договоренностям в сфере сокращения/ограничения наступательных вооружений, является стремление США закрепить неравномерный статус-кво и обеспечить возможность для сохранения полной собственной неуязвимости.

3.2.2. Подходы сторон к предотвращению милитаризации космического пространства

Расхождения позиций США и КНР (чье видение решения проблемы сегодня близко к российскому) отражаются и на перспективах достижения консенсуса по вопросам предотвращения милитаризации (т.е. размещения вооружений) космоса.

По состоянию на 2020 г. не существует договорной базы о полном запрете размещения в космосе военных объектов, кроме оружия массового уничтожения. Отсутствие механизмов, сдерживающих как производство и накопление противоспутникового оружия (ПСО) на Земле, так и размещение аппаратов, способных воздействовать на спутники непосредственно в космическом пространстве, является фактором, подрывающим стратегическую стабильность. Поскольку нынешнее положение обусловливает перспективы наращивания ПСО, появляется возможность внезапной эскалации, вызванной стремлением одной из сторон действовать на

[719] Савельев А.Г. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения // Российский совет по международным делам. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. Рабочая тетрадь № IX. М.: Спецкнига, 2013. С. 4–15.

опережение. Поскольку системы противоракетной обороны и США, и КНР обладают космическим эшелоном системы предупреждения о ракетном нападении, повреждение их элементов может расцениваться как «обезглавливающий удар» - попытка лишить страну способов управления своим ядерным арсеналом.

Несмотря на создание в 1959 г. в соответствии с резолюцией ГА ООН № 1472 (XIV)[720] Комитета по вопросам мирного использования космического пространства (Committee on the Peaceful Uses of the Outer Space, COUPOS), и подписание в течение 1960–1970-х гг. договоренностей, ограничивающих милитаризацию космического пространства, положение о полном запрете размещения вооружений в космосе не закреплено. В числе указанных международных соглашений Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой[721], Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [722] (запретивший не просто испытания, но и размещение ядерного оружия в числе других видов ОМУ в космосе, но не запретивший размещение в космическом пространстве, за исключением небесных тел, обычных вооружений); Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [723] , подписанная Москвой, Лондоном и Вашингтоном в 1972 г. и уточнившая принципы международного договора 1967 г.; Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое

[720] UN General Assembly Resolution №1472 (XIV) International Cooperation in the Peaceful Uses of Outer Space. Available at: http://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_14_1472E.pdf (accessed: 16.05.2018)

[721] Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.). Доступ: http://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/609152 (дата обращения: 16.05.2018)

[722]=Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 16.05.2018)

[723] Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (принята резолюцией 2777 (XXVI) ГА ООН от 29.11.1971 г.). Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 16.05.2018)

пространство[724] и пр. Как и в случае с Московским договором о запрете ядерных испытаний в трех средах 1963 г. (который так и не был подписан КНР), и ДНЯО, КНР относилась к ограничениям в космосе с большой осторожностью. С 1955 г. Пекин занимался собственной космической программой, которая развивалась на базе ракетно-ядерной, и вывел на орбиту свой первый спутник «Дунфан Хун-1» в апреле 1970 г.

После одобрения текста Договора о космосе в ГА ООН в декабре 1966 г. печатный орган КПК 28 января 1967 г. опубликовал статью с резкой критикой соглашения под характерным заголовком «Очередное мошенничество советско-американского заговора»[725]. Эта политика велась в ситуации масштабной «изоляции» КНР: при отсутствии дипломатических отношений с США и разгар китайско-советского раскола, тем не менее на том этапе Пекином двигало недовольство содержанием соглашения, а не соперничество с Москвой. Китай рассматривал действия СССР как «ревизиониста», идущего на уступки империализму. Показательно, что за десять лет до этого в том же печатном издании появилась критика предложений американских юристов о введении процедуры одобрения международным органом высадки на Луну, главным пунктом которой было «намерение США не дать СССР отправить ракеты на Луну первыми»[726].

После получения права представлять Китай в ООН Пекин принял на себя обязательства исполнять достигнутые договоренности. Как и с ядерными вооружениями, данный процесс протекал постепенно. Например, КНР присоединилась к Договору о космосе (1967) в конце 1983 г.

В 1985 г. в рамках Конференции по разоружению ООН с целью продолжения проработки универсального международного режима был создан специальный комитет для обсуждения предотвращения гонки

---

[724] Convention on Registration of Objects Launched into Outer Space. Adopted by the General Assembly of UN in 1975 by GA Resolution 3235 (XXIX). Available at: http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/introregistration-convention.html (accessed: 16.05.2018)

[725] Цит. по: Chiu Hungdah. Communist China and the Law of Outer Space. //The International and Comparative Law Quarterly. Vol.16, No.4 (Oct., 1967), pp.1135-1138.

[726] Цит. по: Chiu Hungdah. Communist China and the Law of Outer Space. //The International and Comparative Law Quarterly. Vol.16, No.4 (Oct., 1967), pp.1135-1138.

вооружений в открытом космосе (Prevention of an Arms Race in Space, PAROS). В 1987 г. ГА ООН приняла резолюцию под тем же названием, в которой признавалось, что существующих правовых ограничений недостаточно для предотвращения гонки вооружений в открытом космосе[727]. Отношение США к созданному комитету было изначально скептическим, представители Вашингтона настаивали на обсуждениях в двустороннем формате; фактическая блокировка работы закончилась роспуском комитета в 1994 г.[728]

Как продолжение работы Конференции по разоружению в 2008 г. Россия и КНР выдвинули проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве[729], в котором, в частности, содержалось положение о создании протокола о предварительных инспекциях для объектов, запускаемых на орбиту Земли (ст. VI).

США настаивают на включении в соглашение ограничения на разработку противоспутникового оружия на Земле. В соответствии с позицией США, изложенной, в частности, в комментарии представителя Вашингтона на Конференции по разоружению Р. Вуда к очередной редакции российско-китайского предложения, из-за отсутствия такого ограничения возникает опасность создания и накопления «быстро развертываемых космических вооружений» в случае выхода из договора одной из сторон. Что касается инспекций запускаемых в космос объектов (вероятно, критическому вопросу в связи с разработкой США космических аппаратов двойного назначения[730]), США поддерживают введение мер доверия, не имеющих обязательной силы[731]

---

[727]=General Assembly A/RES/42/33 Prevention of an Arms Race in Outer Space. 30.11.1987. Available at: http://www.un.org/documents/ga/res/42/a42r033.htm (accessed: 16.05.2018)

[728]= Prevention of an Arms Race in Outer Space. Federation of American Scientists. Available at: https://fas.org/programs/ssp/nukes/ArmsControl_NEW/nonproliferation/NFZ/NP-NFZ-PAROS.html (accessed: 16.05.2018)

[729] Проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов. 29.02.2008. http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/cd/2008/documents/Draft%20PPWT.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

[730] Веселов В.А. Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы. //Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. Т.2. СС.65-104.

[731]= U.S. Dismisses Space Weapons Treaty Proposal As “Fundamentally Flawed”. Available at: http://spacenews.com/41842us-dismisses-space-weapons-treaty-proposal-as-fundamentally-flawed/ (accessed: 16.05.2018)

и не согласны с включением в повестку Конференции по разоружению принципа, запрещающего размещение оружия в космосе первым [732].

Таким образом, отсутствие договорной базы о запрете размещения в космосе военных объектов (кроме оружия массового уничтожения) является дополнительным фактором, дестабилизирующим отношения между США и КНР в ядерной сфере.

Подводя итог к третьей главе, можно резюмировать определенный стабилизирующий эффект, полученный в ходе неформальных контактов экспертно-политических сообществ двух стран. Эти переговоры можно рассматривать как главную меру доверия, однако, учитывая их неформальный статус, этот механизм не сможет исполнить существенной функции в случае кризисной ситуации. Также фактически отсутствует стабилизирующее влияние от участия США и КНР в механизмах нераспространения. Главным источником противоречий на переговорах в сфере нераспространения и ограничений в смежных областях является стремление Вашингтона закрепить неравномерный статус-кво, предполагающий сохранение преимущества ракетно-ядерного арсенала США над китайским.

[732] Draft Resolution II. No First Placement of Weapons in Outer Space. Report of the First Committee. Prevention of an Arms Race in Outer Space. Available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/69/438 (accessed: 16.05.2018)

ГЛАВА IV. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛИЯНИЯ ЯДЕРНОГО ФАКТОРА В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С УЧЕТОМ НОВЫХ ПАРАМЕТРОВ

В данной главе рассматривается комплекс технологических факторов, развитие которых способно оказать дестабилизирующий эффект на отношения между США и КНР в ядерной сфере. Второе десятилетие XXI в. ставит перед исследователями задачу осмысления качественного сдвига[733] в формирующемся новом витке «гонки вооружений» - менее линейной, чем состязательная логика времен холодной войны, многомерной «дилеммы безопасности». Развитие современных оборонных технологий обусловливает стирание грани между применением обычных и ядерных. Тем самым создаются условия для изменения технологических, морально-психологических и правовых основ ядерного сдерживания.

Учитывая ограничения в возможности проверки реального военно-стратегического и тактического влияния как ЯО, так и новых оборонных технологий в условиях реального военного конфликта, следует отметить важность психологической составляющей (о чем упоминается в публикациях ВВС США[734]) и признание их влияния на уровне военно-политических документов – Обзоре по противоракетной обороне США[735], Обзоре ядерной политики США[736], «Белых книгах» по обороне КНР[737].

4.1. Развитие американских вооружений в рамках концепции новой триады и реакция КНР

[733] Perry W.J. Putin's Phony Arms Race. //Politico. 09.03.2018. Available at: https://www.politico.com/magazine/story/2018/03/09/putins-phony-arms-race-217339 (accessed: 04.06.2018).
[734] Cone P. (Ed). Assessing the Influence of Hypersonic Weapons on Deterrence. USAF Center for strategic Deterrence Studies. The Counterproliferation Papers. Future Warfare Series №59. June 2019. Available at: https://media.defense.gov/2019/Sep/25/2002187108/-1/-1/0/59HYPERSONICWEAPONS.PDF (accessed: 13.07.2020).
[735] U.S. Department of Defense. Missile Defense Review. 2019.
[736] Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. 2018. P. 6. Available at: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (accessed: 04.06.2020)

[737] 《新时代的中国国防》 [Оборона КНР в новую эру] Канцелярия Госсовета КНР. Июль 2019. Доступ: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2019-07/24/content_4846424.htm (Дата обращения: 05.07.2020).

4.1.1. «Новая триада» в ядерной доктрине США

После завершения эпохи биполярности США начали постепенное снижение рои ЯО в обеспечении национальной безопасности. Сменились приоритеты передового базирования, началась разработка концепции быстрого глобального неядерного удара, нашедшая воплощение вначале в теоретической[738], а затем и практической плоскости[739]. Развитие вооружений нового класса, изначально задуманных для неядерного оснащения, но имеющих возможность влиять на ядерный потенциал противника из-за угрозы его непосредственного уничтожения либо повреждения, стимулировало процесс сращивания ядерной и конвенциональной проблематики. На протяжении всего времени разработки США гиперзвуковых аппаратов, формально связанных и не связанных с концепцией быстрого глобального удара (БГУ/Prompt Global Strike, PGS), участвующие в обсуждении проблем ядерных вооружений представители военно-политического руководства КНР указывали на глубокое влияние концепции БГУ на количественное и качественное наращивание китайских ЯС[740]. В свою очередь, развитие технологий маневрирующих гиперзвуковых устройств условных противников – России и КНР – придавало (и, вероятно, продолжит придавать) импульс развитию ПРО США.

Концепция БГУ стала частью подходов к ядерному планированию США после выхода из обязательств по ограничению систем ПРО. Главным изменением в планировании стала идея о снижении роли ЯО в системе национальной безопасности и перераспределение приоритетов в пользу оборонительных вооружений и развития нового класса неядерных носителей. В составленном после выхода из Договора по ПРО Обзоре ядерной политики

---

[738] Bille M., Lorenz R. Requirements for a Conventional Prompt Global Strike Capability. – ANSER ARLINGTON VA, 2001.

[739] Acton J. M. Silver Bullet?: Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike. Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2013. p. 18.
Available at: http://carnegieendowment.org/files/brief-acton.pdf (accessed: 08.05.2018)

[740]= Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.05.2018).

США (2001)[741] отмечалось развитие «новой триады» (New Triad), в которую вошли ядерные и конвенциональные наступательные системы, оборонные системы (активные и пассивные), модернизированная оборонная инфраструктура. Связующим звеном в этой концепции ядерно-конвенциональной триады была обозначена система управления и контроля (С2) и разведывательные системы, во многом - на базе информационно-космических телекоммуникаций (ИКТ)[742].

Непосредственная связь БГУ как концепции применения высокоточных вооружений с приоритетами «новой триады» отмечается отечественными и американскими исследователями. Так, В.Н. Конышев и А.А. Сергунин интерпретируют концепцию новой стратегической триады, включая в ее состав глобальную систему ПРО, высокоточное оружие и ЯО[743], отмечая также, что конечной целью проведения Вашингтоном политики снижения значимости ЯО было стимулирование сокращения арсенала РФ и параллельное развитие превосходства в сфере высокоточных вооружений. Оружие оппонента (в первую очередь России, но в современных условиях тезис все более справедлив в отношении Китая) в рамках логики «новой триады» рассматривалось экспертами как способ компенсации отставания по другим направлениям. На концепцию Быстрого глобального удара в качестве элемента «новой триады» указывают и материалы Исследовательской службы конгресса США[744].

После Обзора ядерной политики 2001 г. в американских доктринальных документах продолжилось закрепление идеи пониженного порога применения ЯО в комбинации с общим количественным сокращением развернутых боезарядов. Например, как указывает А.В. Фененко, в доктрине совместных операций с применением ядерного оружия (2005) постулировалась

---

[741] Excerpts of Classified Nuclear Posture Review // Information Centre on Militarization. 08.01.2002. Available at: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf (accessed: 24.11.2016).
[742] Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013. С.35.
[743] Сергунин В.Н., Конышев А.А. Перспективы развития национальной противоракетной обороны США //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №33 (318). 2015. СС.45-56.
[744] Woolf A. F. Conventional Prompt Global Strike and Long Range Ballistic Missiles: Background and Issues. – Congressional Research Service Washington United States, 2017.

возможность применения ЯО в локальных конфликтах [745] . Это нашло дальнейшее отражение в документах администрации Б. Обамы: в Обзоре ядерной политики за 2010 г. отмечена важность развития элементов «новой триады» и стимулирование ядерного разоружения, но с сохранением возвратного потенциала[746]. Закрепление в числе приоритетов технологий БГУ позволяло, в соответствии выступлением в 2005 г. Дж. Картрайта (на тот момент - руководителя Стратегического командования) в Комитете по вооружениям Сената США, «переориентировать некоторые категории целей с ядерных на конвенциональные боеголовки, тем самым сократив общую роль ЯО[747]». Тем не менее реализация нового планирования, включая развитие элементов систем ПРО (и соответственно противоспутникового оружия) и гиперзвуковых технологий, позволяла сохранить за США статус страны с мощнейшим арсеналом ядерных боезарядов, несмотря на договорные сокращения российского и американского арсеналов. Это привело к фактическому усилению мощи арсенала США и способствовало продолжению трансформации баланса ядерных сил в виде ответных мер Китая. Этому способствовали новые средства доставки, пригодные для доставки конвенциональных и ядерных боезарядов в разоружающем/обезглавливающем ударе, а также расширенная система ПРО, снижающая эффективность ответного удара у стороны с более ограниченными ЯС, и развитие противоспутниковых вооружений, увеличивающих возможность обезглавливающего удара. Развитие американских вооружений в рамках «новой триады», а также политика в области модернизации ядерных сил КНР и Российской Федерации привели к феномену состязания в наращивании вооружений нового качества – менее линейного и симметричного и предсказуемого процесса.

---

[745] Цит.по: Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013. С.35.
[746] Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013. С.36..
[747] Grossman, Elaine M. U.S. General: Precise Long-Range Missiles May Enable Big Nuclear Cuts. Inside the Pentagon. April 28. 2005.

Помимо трансформации соотношения систем, имеющих непосредственную связь с ЯО, меняется и качественное наполнение силовых средств неядерного конфликта. Как отмечает А.Г. Арбатов, главным отличием нарождающегося нового витка «гонки вооружений» от периода биполярности можно назвать отсутствие, за рядом исключений (крылатые ракеты большой дальности с обычными боезарядами, неядерная система ПРО, гиперзвуковые планирующие блоки) гонки по аналогичным системам, т.е. состязание становится более «многоканальным»[748]. Иными словами, усложняется «среда», в которой может начаться обычный конфликт с риском перерастания в ядерный.

4.1.2. Развитие американских систем противоракетной обороны после выхода из Договора по ПРО: реакция КНР

В соответствии с созданным в 1970-е гг. комплексом договоренностей в сфере ограничения систем противоракетной обороны между Вашингтоном и Москвой (Договор по противоракетной обороне 1972 г.[749] , и подписанный 3 июня 1974 г. Протокол к указанному договору[750]), системы ПРО обеих стран ограничивались не более, чем одним районом, где количество перехватчиков и пусковых установок не превышало 100 ед., а количество РЛС – шести. 13 июня 2002 г. после выхода из Договора США, его действие прекратилось. После этого Вашингтон активизировал развитие системы противоракетной обороны глобального охвата, которая включает национальную и региональную системы.

---

[748] Липский А. Привет, оружие! Почему новый виток гонки вооружений может оказаться опаснее предыдущих. Интервью с А7Г. Арбатовым. //Новая газета. 06.06.2018. Доступ: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/06/06/76725-privet-oruzhie (дата обращения: 13.06.2018).

[749] Договор между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик об ограничении систем противоракетной обороны. Москва, 26 мая 1972 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/abm.pdf (дата обращения: 14.05.2018)

[750] Протокол к Договору между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик об ограничении систем противоракетной обороны. Москва, 3 июня 1974 г. Доступ: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/protocol.htm (дата обращения: 14.05.2018)

По состоянию на 2020 г., Национальная ПРО (НПРО) США состоит из системы РЛС и перехватчиков на среднем участке траектории шахтного базирования (Ground-Based Midcourse Defense, GBMD, введенная в строй в 2005 г.), батарей ЗРК для обороны ТВД Patriot и THAAD [751], а также противоракет SM-3 в составе боевой системы оружия Aegis. Считается, что система GBMD может служить единственной защитой от потенциальной атаки на США китайскими МБР [752], хотя возможность полного перехвата массированного удара вызывает сомнения. Продолжается планирование по наращиванию систем. В ноябре 2017 г. завершилось развертывание 44-го запланированного перехватчика GBI на Аляске. В будущем можно ожидать изменений не только в количественном, но и в качественном отношении, что связано со стремлением создать перехватчики, эффективные против гиперзвуковых летательных аппаратов, летящих по небаллистической траектории. Этому соответствует настроение в военно-политических кругах США, представители которых остро реагируют на российские и китайские гиперзвуковые технические средства[753], и тональность дискуссий в Конгрессе. Например, о необходимости поиска ответов на гиперзвуковую ракетную угрозу в ходе слушаний в Комитете по вооружениям палаты представителей упоминали директор Агентства по ПРО США С. Гривз[754], генерал-лейтенант Д. Дикинсон (Управление армейской и космической противоракетной обороны) [755] и др. Педставители ОПК США уже разрабатывают средства

[751]=Swarts P. Lockheed's THAAD Contract Grows by $345 Million. Spacenews, 02.02.2017. Available at: http://spacenews.com/lockheeds-thaad-contract-grows-by-345-million/ (accessed: 14.05.2018)

[752] Pickrell R. Can America's Missile Defense Beat ICBMs Fired from Russia, China and North Korea? // The National Interest. June 2, 2017. Available at: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/can-americas-missile-defenses-really-beat-icbms-fired-russia-20973 (accessed: 31.10.2017).

[753] Starr B. US General Warns of Hypersonic Weapons Threat from Russia and China. CNN. 28.03.2018. Available at: https://edition.cnn.com/2018/03/27/politics/general-hyten-hypersonic-weapon-threat/index.html (accessed: 15.05.2018).

[754] Lieutenant General Samuel A. Greaves, USAF Director, Missile Defense Agency Before the House Armed Services Committee Strategic Forces Subcommittee April 17, 2018. Available at: https://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20180417/108171/HHRG-115-AS29-Wstate-GreavesS-20180417.PDF (accessed: 15.05.2018)

[755] STATEMENT BY LIEUTENANT GENERAL JAMES H. DICKINSON, USA COMMANDING GENERAL, U.S. ARMY SPACE AND MISSILE DEFENSE COMMAND/ ARMY FORCES STRATEGIC COMMAND AND JOINT FUNCTIONAL COMPONENT COMMAND FOR INTEGRATED MISSILE DEFENSE BEFORE THE SUBCOMMITTEE ON STRATEGIC FORCES COMMITTEE ON ARMED SERVICES UNITED STATES

обнаружения, слежения и перехвата гиперзвуковых аппаратов. Известно о соответствующей программе Lockheed Martin – THAAD-ER (extended range), предполагающей создание двухступенчатых разгонных блоков, которые позволят перехватчику развивать большую скорость[756].

Помимо электронного оборудования и ракет-перехватчиков системы ПРО, способных обнаруживать гиперзвуковые летательные аппараты, следить за ними и поражать их, на современном этапе актуально создание беспилотных лазеров воздушного базирования для нейтрализации ракеты на разгонном участке – в момент оставления наиболее заметного следа. Также в США обсуждается создание многоцелевого перехватчика (Multi-Object Kill Vehicle), для поражения различных целей[757].

В американских военно-политических кругах продолжаются споры по поводу целесообразности возвращения к концепции лазерных систем ПРО, способных нейтрализовать ракету на разгонном участке (boost phase).

Одно из направлений обсуждений посвящено оснащению лазерной установкой беспилотников. Агентство по ПРО занимается финансированием исследований программы Low Power Laser Demonstrator (LPLD), в которой участвуют крупнейшие компании ВПК США General Dynamics, Boeing и Lockheed Martin. Кроме того, известно, что с 2015 г. Lockheed Martin, Raytheon и Boeing работают над созданием перехватчика, способного поражать множественные цели в космосе (Multi-Object Kill Vehicle, MOKV).

HOUSE OF REPRESENTATIVES. SECOND SESSION, 115TH CONGRESS. FISCAL YEAR 2019 PRIORITIES FOR MISSILE DEFENSE. APRIL 17, 2018. Available at: https://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20180417/108171/HHRG-115-AS29-Wstate-DickinsonJ-20180417.pdf (accessed: 14.05.2018).

[756]=Swarts P. Lockheed's THAAD Contract Grows by $345 Million. Spacenews, 02.02.2017. Available at: http://spacenews.com/lockheeds-thaad-contract-grows-by-345-million/ (accessed: 14.05.2018)

[757] Lieutenant General Samuel A. Greaves, USAF Director, Missile Defense Agency Before the House Armed Services Committee Strategic Forces Subcommittee April 17, 2018. Available at: https://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20180417/108171/HHRG-115-AS29-Wstate-GreavesS-20180417.PDF (accessed: 15.05.2018)

В большинстве исследований отечественных специалистов, в частности, А.Г. Арбатова[758], Ю.Я. Белоброва[759], В.И. Есина[760] и других, по теме развития американских систем ПРО констатируется негативное влияние, оказываемое поступательным развитием национальной и региональных систем ПРО США на мировую стратегическую стабильность. В отечественных публикациях отмечается различие между российским (кроме того, в этом отношении схожим образом можно рассматривать и КНР) и американским/европейским подходами к трактовке региональных ракетных угроз[761]. Дестабилизирующий эффект развития американской ПРО указывается и в иностранных публикациях, однако авторы значительной части американских исследований все же исходят из тезиса о ракетной угрозе таких государств, как Иран и КНДР [762], ссылаясь на их кооперацию в ракетно-ядерной сфере [763]. В американских академических публикациях также присутствует точка зрения о положительном эффекте развития американских региональных систем ПРО в краткосрочной перспективе и о дестабилизирующем – в течение более длительного времени, с учетом реакции Китая[764].

Китайские авторы традиционно относят развитие ПРО как на территории самих США, так и в качестве поставок комплексов другим государствам, к дестабилизирующим факторам. Основным последствием наращивания количества перехватчиков США может стать снижение способности КНР наносить эффективный ответный удар. Региональные системы ПРО,

---

[758] Арбатов А.Г. Не вышло и не выйдет? О причинах неудачи противоракетного сотрудничества США и России // Полис. Политические исследования. №2. 2016. СС. 49-61.

[759]=Белобров Ю.Я. Американская система ПРО как «всемирная паутина» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. №2(12). 2017. СС. 33-44.

[760]=Есин В.И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 7, №3. 2015. СС. 85-114.

[761] Арбатов А.Г. Не вышло и не выйдет? О причинах неудачи противоракетного сотрудничества США и России // Полис. Политические исследования. №2. 2016. СС. 49-61.

[762] Roberts B. On the strategic value of ballistic missile defense //Institut Français des Relations Internationales, Proliferation Papers. – 2014. – №. 50. Available at: http://www.nuclearfiles.org/menu/key-issues/missile-defense/issues/pro-con/pro-bmd.pdf (accessed: 31.10.2017).

[763] Cooper D. A. Hedging the Iran Nuclear Bet: Reinvigorate Supply-Side Nonproliferation //The Washington Quarterly. – 2016. – Т. 39. – №. 3. – pp. 41-59. Также см.: Robbins J. S. East European Missile Defense Is Needed Now More Than Ever //DEFENSE DOSSIER. – 2015. – pp. 11-15.

[764] Kang K., Kugler J. Assessment of deterrence and missile defense in East Asia: A power transition perspective //International Area Studies Review. – 2015. – Т. 18. – №. 3. – С. 280-296.

развиваемые США в партнерстве с другими государствами и размещаемые на их территории, включают батареи ЗРК THAAD и Patriot и комплексы Aegis. Их развертывание вызывает негативную реакцию КНР преимущественно из-за возможностей их радарных систем[765], способных отслеживать запуски китайских ракет. Беспокойство КНР развертыванием американских систем ПРО в Азии связано с возможностью перехватывать сигналы о запуске ракет[766].

В 2010 г. в Обзоре по противоракетной обороне министерства обороны США была представлена концепция поэтапного адаптивного подхода для регионов, кроме Европейского, Ближнего Востока и Восточной Азии[767]. Вскоре после появления концепции Б. Обама объявил курс «Тихоокеанского разворота», частью которого стала активизация контактов с «основными союзниками США вне НАТО» в сфере развития ПРО. В 2013 г. Агентство по ПРО США выступило с докладом конгрессу о дальнейших планах развертывания региональных частей глобальной ПРО и расширение GBMD[768], часть положений которого уже были реализованы.

Российские и зарубежные эксперты отмечают сложность реализации Азиатско-Тихоокеанского адаптивного подхода по образцу Европейского фазированного адаптивного подхода[769], обусловленную отсутствием институциональной связи, схожей с отношениями в рамках НАТО[770]. Развертывание систем в странах АТР затрудняется внутриполитической

---

[765] Представитель МИД КНР выступила с критикой по поводу размещения США радара системы ПРО в Японии. Синьхуа. 23.10.2014. Доступ: http://russian.people.com.cn/n/2014/1023/c31521-8799111.html (дата обращения : 31.10.2017).

[766] Panda A. China and the United States Worry about Each Other Missile Intentions. So Why Not Talk? The Diplomat. March 04, 2018. Available at: https://thediplomat.com/2018/03/china-and-the-united-states-worry-about-each-other-missile-defense-intentions-so-why-not-talk/ (accessed: 11.05.2018)

[767] Ballistic Missile Defense Review Report. U.S. Ministry of Defense. 2010. P.34. Available at: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (accessed: 16.05.2017).

[768] U.S. Department of Defense. Homeland Defense Hedging Policy and Strategy. June 2013. Op.cit. by: Karako T. et al. Missile Defense 2020. Next Steps for Defending the Homeland. CSIS. April 2017. Available at: https://missilethreat.csis.org/wp-content/uploads/2017/04/170406_Karako_MissileDefense2020_Web.pdf (accessed : 31.10.2017).

[769] Паршкова Ю.Ю. Развертывание противоракетной обороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник МГИМО-Университета. №6 (45).2015. СС. 188-195.

[770] Ayers K. Expanding Zeus's Shield: A New Approach for Theater Ballistic Missile Defense in the Asia-Pacific Region // Joint Force Quarterly. No 84 (1st quarter). 2017. Available at: http://ndupress.ndu.edu/Media/News/Article/1038790/expanding-zeuss-shield-a-new-approach-for-theater-ballistic-missile-defense-in/ (accessed : 30.10.2017).

оппозицией, в том числе за счет экономического влияния КНР, как это происходило с неофициальным давлением в отношении южнокорейских компаний[771] после подписания соглашения о размещении в Республике Корея комплексов THAAD[772] и начала его имплементации. Китайское руководство неоднократно критиковало развертывание элементов региональной ПРО в соседних государствах – двух радаров X-Band (AN/TPY-2) в Японии[773] и такого же радара и батареи перехватчиков THAAD в Республике Корея. Тем не менее по состоянию на 2018 г., у США имеются планы по дальнейшему расширению систем ПРО в АТР[774], в то время как усугубление северокорейской ядерной проблемы способствует преодолению внутренней оппозиции.

Установка на территории Южной Кореи системы ПРО THAAD, развертывание которой ускорилась в связи с нарастанием напряжения на Корейском полуострове, становится проблемой особой важности для безопасности КНР. Экспертные публикации, в частности, указывают, что РЛС AN/TPY2, входящий в комплекс THAAD, влияет на эффективность сил ядерного сдерживания КНР, поскольку способен отслеживать любые ракетные запуски, производимые в радиусе его покрытия (в том числе, непосредственно на территории Китая[775] [776]). РЛС способна фиксировать запуски баллистической ракеты, включая сбор критических данных о тестировании баллистических ракет внутри КНР. Экспертные исследования,

---

[771] South Korea complains to WTO over China response to missile system. Reuters. 20.03.2017. Available at: https://www.reuters.com/article/us-southkorea-china-thaad/south-korea-complains-to-wto-over-china-response-to-missile-system-idUSKBN16R03D (accessed : 31.10.2017).

[772] US and South Korea agree THAAD missile defence deployment. BBC News. 8.07.2016. Available at: http://www.bbc.com/news/world-asia-36742751 (accessed : 31.10.2017).

773 Shanker T. U.S. Accord With Japan Over Missile Defense Draws Criticism in China. The New York Times. Sept.17, 2012. Available at: http://www.nytimes.com/2012/09/18/world/asia/u-s-and-japan-agree-on-missile-defense-system.html (accessed : 31.10.2017).

774 Karako T. et al. Missile Defense 2020. Next Steps for Defending the Homeland. CSIS. April 2017. Available at: https://missilethreat.csis.org/wp-content/uploads/2017/04/170406_Karako_MissileDefense2020_Web.pdf (accessed : 31.10.2017).

[775] Panda A. That Is THAAD, What Does It Do, and Why China Is So Mad About It? February 25, 2016. The Diplomat. Available at: http://thediplomat.com/2016/02/what-is-thaad-what-does-it-do-and-why-is-china-mad-about-it/ (accessed : 20.09.2017).

[776] Starr T. Why China's So Nervous Over South Korea's Missile Defense System. 17.05.2017. Available at: https://foxtrotalpha.jalopnik.com/why-chinas-nervous-over-south-koreas-new-missile-defens-1795297620 (accessed : 20.09.2017).

включая авторов из США[777] и Китая [778], а также статьи в государственных СМИ КНР[779]указывают на негативное влияние РЛС на возможность нанесения ответного удара КНР. Угроза отмечалась и в российских экспертных публикациях[780]. Решение вопроса на базе принципа «трех нет» (обязательство Сеула не развертывать дополнительные батареи, не включать свои комплексы в структуры под управлением США и не вступать в трехсторонний союз с Японией и США), достигнутое осенью 2017 г., проиллюстрировало трудности реализации Адаптивного Тихоокеанского подхода.

Реакцией на развертывание американских систем ПРО стало развитие КНР средств преодоления ПРО - установка на МБР гиперзвуковых головных частей для ракет и РГЧ ИН. О внедрении минимизированных боезарядов в ЯС КНР стало известно в 2014 г.: тогда КНР провела испытания соответствующей модификации МБР DF-31B, ввела на дежурство МБР «DF-5B» с четырьмя-шестью БГ. В начале 2017 г. на фоне антикитайской риторики Д. Трампа через интернет-публикации КНР сообщила о развертывании трех бригад твердотопливной МБР с РГЧ ИН DF-41, несущей предположительно 10 боевых блоков (на тот момент в испытаниях участвовали ракеты с двумя боезарядами, при этом испытания еще не были завершены), и провела испытания жидкотопливной МБР DF-5C, также способной нести 10 боевых блоков. В ноябре 2017 г. китайские СМИ сообщили об успешном восьмом

---

[777] Panda A. THAAD and China's Second-Nuclear Strike Capability. The Diplomat. March 08, 2017. Available at: http://thediplomat.com/2017/03/thaad-and-chinas-nuclear-second-strike-capability/ (accessed : 20.09.2017).

[778] 金强一. 萨德入韩与中国的半岛策略——韩国部署 "萨德" 必将陷入新的困境 //延边大学学报: 社会科学版. (Цзин Цянъи. Размещение THAAD в Южной Корее и стратегия КНР в отношении Корейского полуострова – неминуемые проблемы из-за развертывания в Южной Корее системы THAAD. // Вестник Яньбяньского университета. Изд-во Общественные науки.) – 2016. – Т. 49. – №. 5. – С. 5-6. Также см.: 吴训涛, 张强. 美国萨德系统 AN/TPY-2 雷达威力探析 //飞航导弹 (У Сюньтао, Чжан Цян. Анализ американского радара AN/TPY-2 // Журнал «крылатые ракеты»). – 2017. – №. 5. – С. 8-10. Также см.: 张春磊. 美军防空反导转型 "萨德" 系统路在何方? //军事文摘. (Чжан Чуньлэй. Куда направлена американская система ПРО THAAD? // Военный дайджест) – 2016. – №. 21. – С. 29-33.

[779]=萨德系统对中国的引向 （Влияние системы THAAD на Китай）. Агентство China.com. 16.03.2017. Доступ: http://news.china.com/news100/11038989/20170316/30333673.html (дата обращения: 20.09.217). Также см.: 解读韩国部署萨德反导弹系统对中国有些威胁 （Какие угрозы несет Китаю развертывание Южной Кореей систем ПРО THAAD）.08.07.2016. Военный раздел сайта агентства Sina.com. Доступ: http://mil.news.sina.com.cn/china/2016-07-08/doc-ifxtwihp9807495.shtml (дата обращения: 20.09.217).

[780]= Баранникова А. Противоракетный дисбаланс. Сайт РСМД. 10 декабря 2016. Доступ: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/3021/ (дата обращения: 20.09.2017).

испытании DF-41, в ходе которого была достигнута точность поражения до 100 м, и о развертывании трех бригад.

4.1.3. Развитие потенциала ПРО КНР

КНР занимается построением эшелонированной системы противовоздушной и противоракетной обороны. С 2015 г. начато развёртывание космического эшелона системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и вывод на орбиту спутников с инфракрасной системой обнаружения пусков [781]. Важную часть китайских систем ПВО и ПРО составляют российские/советские комплексы, однако Китай развивает модельный ряд ЗРК собственного производства линейки Hongqi (HQ). В частности, на дежурстве в составе ВВС НОАК есть системы большой дальности С-300-ПМУ1/2, С-300ФМ корабельного базирования. В 2018 г. начались поставки комплексов С-400 «Триумф»[782]. КНР реализует программы развертывания ПРО нескольких эшелонов, способных к перехвату целей:

- на среднем участке/заатмосферному перехвату: DN-1, DN-2 (схожа с американской системой Ground Missile Defense/GMD); DN-3 (функции которой сравниваются с американскими противоракетами SM-3 [783], хотя способность DN-3 к перехвату на среднем участке МБР и БРСД не доказана);
- в крайних слоях атмосферы, на конечном участке траектории - при вхождении в атмосферу: HQ-26 (как и DN-3, сравнивается с наземным вариантом SM-

[781]我国已拥有反导关键设备： 红外导弹预警卫星 (Китай уже обладает ключевыми противоракетными технологиями: инфракрасный спутник СПРН). Eastday.com, 23.03.2016. Доступ: http://wap.eastday.com/node2/node3/n403/u1ai577428_t72.html (дата обращения: 14.05.2018).

[782] Russia Starts Delivery of S-400 Missile Defense systems to China. The Diplomat. January 22, 2018. Available at: https://thediplomat.com/2018/01/russia-starts-delivery-of-s-400-missile-defense-systems-to-china/ (accessed: 08.05.2018).

[783] Henri K. La Chine revele ses premiers essais antimissiles. Available at: http://www.eastpendulum.com/la-chine-revele-ses-essais-antimissiles (accessed: 11.05.2018). Также см.: Китай разрабатывает аналоги американских комплексов PAC-3, SM-3, THAAD. Военный паритет. 15.04.2015. Доступ: https://vpk.name/news/130190_kitai_razrabatyivaet_analogi_amerikanskih_kompleksov_pac3_sm3_i_thaad.html (дата обращения: 08.05.2018).

3[784]), HQ-19 (HQ-9B), а также перехватчик SC-19, который в сравнивается с системой THAAD[785];

- на конечном участке: HQ-9 (ЗРК дальнего действия, максимальный радиус до 200 км, высота перехвата до 30 км, для перехвата тактических баллистических ракет), а также ее модификации: HQ-29 (считается аналогом американской системы Patriot PAC-3, поскольку имеет ракету, подобную MIM-104F[786]).

В китайской прессе упоминается[787] о проработке концепций ПРО с использованием лазеров для обнаружения и кинетического поражения, хотя данные об испытаниях ПРО с использованием лазера, физически поражающего объект, отсутствуют. В 2006 г. КНР удалось временно «ослепить» американский спутник с использованием лазера наземного базирования[788].

Достоверные данные об эффективности китайских систем ПРО в отношении американских баллистических и крылатых ракет также отсутствуют. Тем не менее даже при развертывании комплекса противоракетных вооружений полного спектра, состоящего из аналогов американским систем, говорить о полноценной гарантии неуязвимости КНР перед ядерным/конвенциональным ракетным ударом нельзя.

Следующим шагом в построении системы может стать создание РЛС X-диапазона морского базирования, о чем упоминали государственные СМИ КНР после испытания индийской МБР Агни-5, в начале 2018 г. (развертывание

---

[784]=Revealed: the details of China's latest hit-to-kill Interceptor. The Diplomat. February 21, 2018. Available at: https://thediplomat.com/2018/02/revealed-the-details-of-chinas-latest-hit-to-kill-interceptor-test/ (accessed: 11.05.2018). Также см.: Китай разрабатывает аналоги американских комплексов PAC-3, SM-3, THAAD. Военный паритет. 15.04.2015.

[785] Henri K. La Chine revele ses premiers essais antimissiles. Available at: http://www.eastpendulum.com/la-chine-revele-ses-essais-antimissiles (accessed: 11.05.2018).

[786]= Китай разрабатывает аналоги американских комплексов PAC-3, SM-3, THAAD. Военный паритет. 15.04.2015. Доступ: https://vpk.name/news/130190_kitai_razrabatyivaet_analogi_amerikanskih_kompleksov_pac3_sm3_i_thaad.html (дата обращения: 08.05.2018).

[787] 我国已拥有反导关键设备： 红外导弹预警卫星 (Китай уже обладает ключевыми противоракетными технологиями: инфракрасный спутник СПРН). Eastday.com, 23.03.2016. Доступ: http://wap.eastday.com/node2/node3/n403/u1ai577428_t72.html (дата обращения: 14.05.2018).

[788]Harris F. Beijing secretly fires lasers to disable US satellites. The Telegraph, 26.09.2006. Available at: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1529864/Beijing-secretly-fires-lasers-to-disable-US-satellites.html (accessed: 14.05.2018)

РЛС X-диапазона с активной фазированной антенной решеткой с дальностью обнаружения 4 тыс. км. на Северо-Западе Китая (перехватчики системы HQ-19). Ключевой функцией показанной базы РЛС было названо определение направления возможной внезапной ракетной атаки со стороны Индии. Еще в 2016 г. КНР опубликовала данные о размещении в северо-восточной части страны большого радара диапазона P (схожего по производительности с американской радарной системой PAWE PAWS с дальностью обнаружения 5,5 тыс. км.). Однако из-за недостатков РЛС такого волнового диапазона (высокий расход энергии, большие габариты и вес) наблюдение возможно только в одном направлении. Установка радара X-диапазона позволила избежать таких проблем.

Военно-политические круги США смогут использовать расширение китайской инфраструктуры ПРО для продвижения разработки ракет с большей проникающей способностью.

4.1.4. Противоспутниковые технологии США и КНР: действительный элемент контрсдерживания?

Развитие технологий перехватчиков ПРО для заатмосферного перехвата и перехвата в крайних слоях атмосферы имеет непосредственную связь с развитием противоспутниковых вооружений кинетического поражения[789]. Соответственно смежным потенциалом обладают некоторые американские и китайские противоракетные программы.

На современном этапе в качестве противоспутниковых ракет США, предназначенных для кинетического перехвата, выделяются перехватчики LEAP (Lightweight Exo-Atmospheric Projectile), запускаемые трехступенчатыми противоракетами SM-3 БИУС Aegis, перехватчик EKV (Exo-Atmospheric Kill Vehicle) системы GBMD, запускаемый трехступенчатой

[789]=Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории //Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. №4. СС.51-84.

твердотопливной противоракетой GBI. Среди ныне закрытых проектов противоспутниковая ракета ASAT воздушного базирования, а также входивший в программу Стратегической оборонной инициативы перехватчик космического базирования Brilliant Pebbles[790].

Из китайских перехватчиков для поражения как баллистических ракет, так и спутников могут использоваться перехватчики типов DN-2 и DN-3. КНР также разработала модификацию перехватчика HQ-19 (SC-19), запускаемую ракетой КТ-1 разработки аэрокосмического холдинга CASC, которая сочетает возможность поражать ракеты и спутники на низких орбитах[791].

Китай начал проводить противоспутниковые испытания с кинетическим перехватом в 2007 г., когда с помощью ракеты SC-19 был произведен перехват вышедшего из строя метеорологического спутника «FY-1C». Ранее, в 2006 г:, как упоминается выше, Китаем была осуществлена, как минимум, отчасти успешная попытка лазерного «ослепления» спутника США [792] . Противоспутниковые испытания КНР также проводились в 2013 г.[793], после этого формальные испытания ПРО расценивались западными экспертами в том числе как отработка противоспутниковых технологий[794].

Наличие у обеих сторон указанных типов перехватчиков дает теоретическую возможность осуществить кинетический перехват космического аппарата, обладающего как высокой ценностью, так и уязвимостью. К таким аппаратам относятся в первую очередь спутники космического эшелона системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), а также часть спутников связи, ретрансляторов, обеспечивающих

---

[790] Макаренко С.И. Использование космического пространства в военных целях: современное состояние и перспективы развития систем информационно-космического обеспечения и средств вооружения. // Системы управления, связи и безопасности. №4. 2016. СС.161-213.

[791] SC-19 Anti-Ballistic Missile Interceptor. Global Security. Available at: https://www.globalsecurity.org/space/world/china/sc-19-abm.htm (accessed: 08.05.2018).

[792] Harris F. Beijing secretly fires lasers to disable US satellites. The Telegraph, 26.09.2006. Available at: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1529864/Beijing-secretly-fires-lasers-to-disable-US-satellites.html (accessed: 14.05.2018)

[793] Keck Z. China Secretly Tested an Anti-Satellite Missile. The Diplomat. March 19, 2014. Available at: https://thediplomat.com/2014/03/china-secretly-tested-an-anti-satellite-missile/ (accessed: 15.05.2018)

[794] Gertz B. China ASAT test part of growing space war threat. The Free Beacon. 23.02.2018. Available at: http://freebeacon.com/national-security/asat-test-highlights-chinas-growing-space-warfare-capabilities/ (accessed: 14.05.2018)

деятельность разведывательных аппаратов[795], в особенности в момент пролета объектов над территорией противоположной стороны. Вместе с тем, как замечает В.А. Веселов, сегодня было бы весьма однобоким оценивать физическое наличие перехватчиков в таком же ключе, как это делалось в эпоху биполярности, поскольку важно учитывать спектр политических последствий, возникающих в новых условиях.

Испытание противоспутниковых перехватчиков США и КНР стало частью негласной мини-эскалации между обеими странами, связанной с правовыми аспектами милитаризации космоса в отсутствие военно-политического конфликта. Отечественные и иностранные исследователи расценили испытание 2007 г. как намеренную демонстрацию[796], в результате которой на 10% увеличилось количество космического мусора (обломков метеозонда). По мнению В.А. Веселова, испытание продемонстрировало возможность КНР осуществлять сдерживание в космическом пространстве против военно-технических средств США (например, при их использовании во время кризиса) [797] . Испытание последовало за подписанием Дж. Бушем-мл. Директивы о национальной космической политике[798], закрепившей принцип «свободы рук» в космосе и готовность применить силовые меры против того, кто попытается помешать действиям США [799] . В 2008 г. США провели испытание с перехватом падающего военного спутника, осуществив запуск с платформы морского базирования. Эффект от взаимной демонстрации возможностей не вышел за рамки взаимных упреков, но проиллюстрировал накопившиеся противоречия и потенциал к дальнейшей милитаризации космоса в отсутствие единства по тексту Договора (PAROS).

---

[795] Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории //Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. №4. СС.51-84. С.54.

[796] China Criticized for Anti-Satellite Missile Test. Washington Post. 17.01.2007. Available at: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/01/18/AR2007011801029.html (accessed: 08.05.2018).

[797] Веселов В.А. Ук.соч. 2016. С.66.

[798] NSPD 49. US National Space Policy. 2006. Available at: https://fas.org/irp/offdocs/nspd/space.html (accessed: 08.05.2018).

[799] Веселов В.А. Ук.соч. С.66.

Следуя за суждением В.А. Веселова, в силу уязвимости указанных объектов (и рассматривая систему СПРН как фактор, обеспечивающий возможность осуществлять ядерное сдерживание) важно отметить дестабилизирующий эффект [800] получения одной из сторон противоспутникового оружия: в этом случае возрастает потенциал контрсдерживания. Учитывая опыт китайского перехвата 2007 г., современные исследователи все более склонны рассматривать кинетические перехватчики как вид противоспутнивого оружия, уходящий в прошлое, поскольку кинетический перехват чреват образованием большого количества обломков, создающих опасность для деятельности человечества в космосе. США развивают и принципиально иной вид противоспутникового оружия – спутники-перехватчики двойного назначения[801].

4.1.5. Концепция быстрого глобального удара США и ее влияние на эффективность китайского ядерного сдерживания

По мере развития государствами гиперзвуковых технологий, включая проведение НИОКР и тестирование ракет, летательных аппаратов и устройств типа глайдеров (в качестве головных частей для баллистических ракет), программы гиперзвуковых вооружений превращаются в новый фактор влияния на баланс в области ядерных потенциалов.

Под гиперзвуковыми устройствами в целом понимаются те, которые способны развивать скорость более 5 чисел Маха (в зависимости от высоты полета, 5–6 тыс. км/ч). К классу гиперзвуковых относится большинство современных баллистических ракет средней дальности и межконтинентальных баллистических ракет, являющихся носителями ядерного оружия. Тем не менее к меняющим «правила игры» технологиям относится создание гиперзвуковых маневрирующих блоков, выводимых в

[800] Там же. С.55.
[801] Веселов В.А. Ук.соч.

атмосферу с помощью ступеней баллистических ракет, а также оснащение гиперзвуковыми прямоточными воздушно-реактивными двигателями (scramjets) самолетов и ракет, летящих по небаллистической траектории.

Баллистические ракеты, в которых используются жидкотопливные и твердотопливные реактивные двигатели, способны развивать гиперзвуковую скорость, но уступают современным разработкам крылатых ракет в маневренности по рысканью (в горизонтальной плоскости) и тангажу (в вертикальной). Повышение эффективности преодоления ПРО баллистическими ракетами достигается за счет установки гиперзвуковых моноблочных головных частей на МБР. Также рядом стран ведутся разработки гиперзвуковых ядерных бомбардировщиков и беспилотных аппаратов.

По состоянию на 2020 г. развитие гиперзвуковых технологий не имеет прямых международно-правовых ограничений.

Вопросы экспорта гиперзвуковых ракетных технологий регулируются преимущественно положениями международного Режима контроля за ракетной технологией [802], в соответствии с которым передавать другим государствам запрещается готовые ракеты дальностью более 300 км и с полезной нагрузкой более 500 кг[803]. В этой связи в современной американской исследовательской литературе ставится вопрос о подписании странами–лидерами в области гиперзвуковых ракетных технологий (Россией, США и КНР) соглашения о полном запрете экспорта готовых гиперзвуковых ракет[804].

Разработка гиперзвуковых устройств США ведется в рамках различных программ, в том числе единой концепции быстрого глобального удара (БГУ – Prompt Global Strike, PGS). Как идея она появилась в научно-аналитический публикациях США в конце 1990-х годов, в первую очередь в публикациях,

---

[802] Мизин В.И. Россия и РКРТ: эволюция подхода и будущее режима контроля /Институт международных исследований – М.: МГИМО – Университет, 2009. – 88 С. (Книги и брошюры ИМИ).

[803] Режим контроля за ракетной технологией (справка). Сайт МИД РФ. Доступ: http://www.mid.ru/eksportnyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSvqyDFGv/content/id/80466 (дата обращения: 12.12.2017).

[804] Speier, Richard H., George Nacouzi, Carrie Lee and Richard M. Moore. Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2137.html (accessed : 12.12.2017).

связанных с ВВС [805] . В 2000-х годах концепция разрабатывалась конкретизированно в неядерном ключе (быстрый глобальный неядерный удар, Conventional Prompt Global Strike, CPGS). В соответствии с определением, принятым в исследовательской литературе, она представляет собой комплекс мер по достижению США возможности поражения любой цели на планете в течение одного часа, что, в свою очередь, должно укрепить шансы США на поражение высокоценностных либо перемещающихся объектов в начале или в течение конфликта[806]. Концепция опирается на ракеты наземного и морского базирования, крылатые ракеты, ракеты с гиперзвуковым воздушно-прямоточным реактивным двигателем, а также устройства, запускаемые с бомбардировщиков.

После введения в политический обиход «новой триады» на важность внедрения БГУ указывалось в основных концептуальных документах в сфере военной стратегии США. В 2003 г. адмирал Дж. Эллис (на тот момент - глава Стратегического командования) отмечал, что БГУ расширяет возможности президента США при реагировании на срочные глобальные угрозы[807] . Другой руководитель Стратегического командования Дж. Картрайт в 2005 г. отмечал переориентацию некоторых категорий целей с ядерных на конвенциональные боеголовки, что сократило значимость ядерных вооружений[808].

В США разрабатываются проекты БГУ морского и наземного базирования в различных вариантах. До 2008 г. существовали две отдельные программы ВМФ и ВВС, получавшие раздельное финансирование. После 2008 г. Конгресс объединил программы в комплекс общего БГУ (Defense-Wide

---

[805] Richie G., Haaren J. Striking from space-the future of space force applications //American Institute of Aeronautics and Astronautics, Inc. – 1998. Также см.: Richie G. The Common Aero Vehicle-Space delivery system of the future //Space Technology Conference and Exposition. – 1999. Также см.: Bille M., Blalock L., Bailey S. Future ballistic missile requirements: A First Look //Space Technology Conference and Exposition. – 1999. Также см.: Sills L. G. Prompt Global Strikes Through Space: What Military Value. – AIR UNIV MAXWELL AFB AL, 2000.

[806] Woolf A. F. Conventional Prompt Global Strike and Long Range Ballistic Missiles: Background and Issues. – Congressional Research Service Washington United States, 2017.

[807] Statement of Admiral James O. Ellis, Commander, U.S. Strategic Command, House Armed Services Committee, March 13, 2003.

[808] Grossman, Elaine M., “U.S. General: Precise Long-Range Missiles may Enable Big Nuclear Cuts,” Inside the Pentagon, April 28, 2005.

Conventional Prompt Global Strike), настояв на разработке технологий для возможности усредненного межвидового применения, слив финансирование проектов ВВС и ВМФ воедино. Во второй половине 1990-х – 2000-х годах в США прошли дискуссии о переоборудовании части БРПЛ (Trident D4/D5) для неядерного удара. Программа получила название «Повышенная эффективность» (enhanced effectiveness, E2). Конгресс отказался финансировать ее, и некоторые исследования проводились Lockheed Martin самостоятельно (в 2000-е годы ряд успешных тестов по поражению защищенных целей ракетами Trident). Проект не получил финансирования конгресса, но для его продолжения под названием LEBT-2 (life extention test bed), по данным отдельных исследователей, средства выделялись вне общей программы БГУ после 2008 г. К 2012 г., когда интерес к БГУ морского базирования был возрожден, проект LEBT не остался заброшенным. Кроме того, в ВМФ изучали возможность введения на дежурство БРСД, запускаемой с подводной лодки (submarine-launched intermediate-range ballistic missile, SLIRBM). К 2008 г. проект назывался «Ракета средней дальности для нанесения глобальных ударов» (medium-range “Submarine-launched Global Strike Missile”) и финансировался с 2007 г., но после объединения всех проектов в сфере БГУ в 2008 г. ему не выделяли средств до 2012 г.

ВВС США начинали свои разработки БГУ с использованием разгонных летательных аппаратов и баллистических ракет. Проект БГУ наземного базирования разрабатывался в форме совместной инициативы под эгидой американского агентства DARPA и ВВС США (проект Force Application and Launch from Continental United States, FALCON). О нём было объявлено в 2003 г.[809] [810]). В проект FALCON вошли разработка гиперзвукового аппарата (common aero vehicle, CAV) и пусковой разгонной системы, схожей с

[809] Evaluation of the National Aerospace Initiative. National Research Council, Devision of Engineering and Physical Sciences, Air Force Science and Technology Board, Committee on the National Aerospace Initiative. Washington D.C.: National Academic Press. 2004.146 p.

[810] Pincus, Walter, “Pentagon has Far-Reaching Defense Spacecraft in the works. Bush Administration Looking to Space to Fight Threats,” Washington Post, March 16, 2005, p. 3.

баллистической ракетой. В соответствии с планами для идентификации запуска ядерной/конвенциональной ракеты предполагалось создать для конвенциональных носителей БГУ два особых района базирования (и, по-видимому, ознакомить с этими данными ВС других государств). Кроме того, в 2004–2008 гг. ВВС рассматривали проекты использования основных ступеней МБР Minuteman и Peacekeeper с установкой в качестве головной части либо гиперзвукового глайдера, либо просто кинетического заряда. Указанные МБР упоминались в данном проекте под названием Minotaur. В частности, в ракете Minotaur-IV предполагалось использование трех ступеней Peacekeeper, а также головную часть разработки Orbital Sciences Corporation.

После 2008 г. в число программ БГУ вошли разработка неядерной ударной ракеты (conventional strike missile, CSM), HTV-2 (hypersonic test-vehicle-2) разработки ВВС и DARPA, army advanced hypersonic weapon (AHW). Проект CSM предполагал разработку ракеты с межконтинентальной дальностью, но отличающейся от МБР небаллистической траекторией (depressed trajectory) с маневрирующей головной частью (payload delivery vehicle). В качестве одного из вариантов реализации CSM предполагалось использование ракеты Minotaur-IV и HTV-2. На данный проект изначально возлагались надежды, поскольку из выделенного в 2008 г. бюджета на все программы БГУ 100 млн долл. большая часть (56 млн) предназначалась именно для разработок гиперзвуковых глайдеров (также небольшое финансирование выделялось на проект ВМФ).

Разработкой устройства HTV-2, как и БГ усиленной мощности Е2, занималась Lockheed Martin, во многом на основе технологий Е2. Тестирование началось в 2010 г., однако уже к 2013 г. конгресс резко сократил финансирование проекта из-за недостаточного прогресса в испытаниях и из-за финансовых ограничений. В 2010 г. на проект потратили более 136 млн долл., в 2013 г. – только 23 млн долл. В 2018 г. выделены средства в пределах 1 млн долл. и будут направлены на выработку альтернативных предложений.

Фактическое прекращение HTV-2 после скромных результатов первого и второго тестов совпало с более успешным тестированием другого проекта – AHW, также с использованием глайдера, который выводится в небо с помощью носителя на базе ступеней БРПЛ Polaris (проект STARS разработки Национальной лаборатории Сандия[811]). Проект был начат еще в 2006 г., но после успешного испытания в 2011 г. финансирование было резко увеличено в 2013 г. В 2010-2011 гг. он составлял 46,9–69 млн долл., в 2012 г.- 91 млн долл., в 2013 – 147 млн долл. До 2017 гг. он держался на уровне 50–90 млн.

В 2010–2011 гг. также финансировался собственный проект DARPA под названием ArcLight, основанный на носителе Standard SM-3. Он сможет применяться с пусковой установкой Mk-41 и использованием гиперзвукового глайдера. Переоценка важности разработки БГУ подводного базирования была связана с политикой «тихоокеанского разворота» Б. Обамы. В 2012 г. в бюджетном отчете Министерства обороны США отмечалась потребность инвестирования в программу что в рамках «обеспечения свободы действий и доступа в АТР и на Ближнем Востоке в условиях новых технологий»[812] Тогда предполагалось дооснащение подводных лодок класса Virginia дополнительными крылатыми ракетами и гиперзвуковыми глайдерами[813].

В целом США не отказываются от проекта оснащения конвенциональной боеголовкой БРПЛ Trident, но такая трансформация не возможна в отношении бывших ракет средней дальности. В 2012 г. начались разработки проекта перспективной гиперзвуковой ракеты HIFiRE NASA, BBC, а также австралийской Организацией по оборонной науке и технологиям (Defence Science and Technology Organization).

В 2018 г. США ведутся разработки проектов гиперзвуковой крылатой ракеты воздушного базирования X-51A Waverider (компанией Boeing), а также

---

[811] Directory of U.S. Military Rockets and Missiles. Appendix 4: Undesignated Vehicles. Sandia STARS. Available at: http://www.designation-systems.net/dusrm/app4/stars.html (accessed: 18.09.2018).
[812] U.S. Department of Defense, Defense Budget Priorities and Choices, Washington, DC, January 2012, p. 5, http://www.defense.gov/news/Defense_Budget_Priorities.pdf
[813] Christopher P. Caves, “Subs May Serve Attack, Guided Missile Functions,” Navy Times, October 15, 2011, http://www.navytimes.com/news/2011/10/navy-dual-use-submarines-attack-guided-missile-101511w/

гиперзвукового летательного аппарата X-43A (Orbital Sciences Corporation). На базе технологий X-51 ВВС США курируют разработку высокоскоростного оружия с воздухозаборником (High-Speed Air-breathing Weapon Concept, HAWC).

НИОКР в сфере гиперзвуковых аппаратов ведутся также в рамках «Инициативы по передаче технологий» (Technology Transition Program). В частности, с 2018 года реализуется проект Оружия быстрого реагирования воздушного базирования ВВС США (Air-Launched Rapid Response Weapon, ARRW, известен также как AGM-183A), контракт на его техническое осуществление летом 2018 года получила Lockheed Martin (стоимость первого этапа - 5 млн долл., общий запланированный объем стоимости проекта – 480 млн долл., срок реализации до ноября 2021 г.). Объем запрошенных ВВС средств на реализацию проекта AGM-183A на 2019 год превышает 183 млн долл. Технологии для его разработки будут частично заимствованы из другого проекта под кураторством ВВС/DARPA – тактического глайдера (Tactical Boost Glide, TBG). Еще один проект гиперзвукового оружия ВВС США «Инициативы по передаче технологий», который также реализуется с участием Lockheed Martin – «Гиперзвуковой неядерный ударный снаряд» (Hypersonic Conventional Strike Weapon, Hacksaw). Объем запрошенного на 2019 год финансирования – более 83 млн долл.

В рамках «Инициативы по передаче технологий» NASA и DARPA также проводят НИОКР по созданию гибридного гиперзвукового двигателя с использованием обычного турбореактивного мотора и двухрежимного ПВРД (проект AFRE). Наземные испытания запланированы на 2019-2020 г.[814]

В создании гиперзвуковых вооружений также участвуют сухопутные силы США. В частности, при участии армии и DARPA разрабатывается

[814] U.S. Air Force Announces Hypersonic Weapon Contract as Pentagon Continues Broader Development Efforts. Defense-Aerospace. Aug.13, 2018. Available at: http://www.defense-aerospace.com/articles-view/release/3/195333/lockheed-wins-%24480m-to-develop-second-hypersonic-missile.html (accessed: 28.11.2018).

наземная пусковая установка (проект Operational Fires, в котором также используются наработки проекта тестового глайдера ВВС и DARPA).

ВМФ США реализует проект создания миниатюрного гиперзвукового снаряда в рамках Программы разработки стратегических систем (Strategic System Program, SSP. В рамках программы в октябре 2017 г. прошло успешное испытание [815] гиперзвуковой ракеты средней дальности под условным названием CPS FE-1 (Conventional Prompt Strike Flight-Experiment-1). Проект рассматривается представителями флота как вариант оснащения для ПЛАРБ класса Ohio.

Таким образом, по состоянию на октябрь 2018 г., ни одна из разрабатываемых гиперзвуковых систем (ракеты и глайдеры) не принята в состав вооружений США. Тем не менее, американские испытания рассматриваются КНР как индикатор реальной перспективы развертывания в недалеком будущем (как указано выше, план достижения начальной готовности систем неядерного БГУ – осень 2022 г.).

4.1.6. Технологии маневрирующих гиперзвуковых летательных аппаратов и ракетно-ядерный потенциал КНР

Китайские разработки в области гиперзвуковых технологий сконцентрированы на проектах гиперзвуковых глайдеров, выводимых в атмосферу с помощью ракет-носителей, создании гиперзвуковых самолетов и космолетов, а также крылатых ракет с гиперзвуковым прямоточным воздушно-реактивным двигателем (ГПВРД). Объем китайских проектов и ставших известными испытаний значительно скромнее, чем американских. Тем не менее, динамика в развитии гиперзвуковых вооружений КНР также заметна.

---

[815] Eckstein M. Navy Conducts Flight Test to Support Conventional Prompt Strike from Ohio-Class SSGNs. USNI News. November 3, 2017. Available at: https://news.usni.org/2017/11/03/navy-conducts-flight-test-support-conventional-prompt-strike-ohio-class-boomers (accessed : 07.12.2017).

По состоянию на 2019 г. аппараты официально не введены в состав НОАК. С 2014 г. проводились испытания маневрирующего блока, выводимого в атмосферу с помощью ракеты-носителя DF-21 (Wu-14, также известный как DF-ZF), с 2017 г., глайдера для применения на театре военных действий, запускаемого ракетой-носителем DF-17. По сообщениям в китайской прессе, в декабре 2015 г. прошли первые испытания гиперзвуковой ракеты с ГПВРД, разработанной Оборонным научно-техническим университетом НОАК (г. Чанша, пров. Хунань), корпус и воздухозаборник которой имели сходство с американской ракетой HiFly Boeing[816].

Об особенностях китайских программ можно судить по публикациям в прессе и ряду косвенных параметров. О важности для КНР реализовать гиперзвуковые проекты, способные составить конкуренцию американским и российским, говорят признаки участия в них ключевых для ВПК научно-исследовательских институтов и (что определяется публикациями в государственных СМИ) государственных военно-промышленных холдингов. В частности, американский исследователь Л. Саалман, основываясь на данных научных публикаций, выделила участие в разработке оптимизации траектории и технологий входа в атмосферу таких институтов, как Харбинский технологический институт, Северо-Западный политехнический университет, Национальный университет оборонных технологий, Университет инженерии ВВС и Китайский университет аэронавтики и космонавтики и др[817]. Кроме того, в публикациях на тему применения результатов симулирования и расчетов в сфере гиперзвука в последние годы участвовали корпорации CASIC, Китайский аэрокосмический центр инженерного консультирования, Академия ракетных технологий воздушного базирования КНР, объект номер 92493 (в соответствии с китайскими СМИ, испытательно-тренировочная база ВМФ

---

[816] 中国高超音速武器又衍生出新家族 该技术美俄都没有 [Показано новое китайское гиперзвуковое оружие, которое дает старт новому семейству ракет. Технологии, которых нет у США и РФ] //Sina.cn. 23.05.2018. Доступ: https://mil.sina.cn/sd/2018-05-23/detail-ihaysvix2412596.d.html?vt=4&cid=65898 (дата обращения: 14.06.2018).

[817] Saalman L. Factoring Russia into the US-Chinese Equation on Hypersonic Vehicles / SIPRI Insights on Peace and Security No.2017/1. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/Factoring-Russia-into-US-Chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles.pdf (accessed : 12.12.2017)

НОАК[818]). Кроме того, летом 2017 г. об успешном испытании гиперзвукового прямоточного воздушно-реактивного двигателя объявил аэрокосмический КНР CASC. В специализированной научной литературе также встречаются публикации подразделений корпорации[819].

О начале национальной программы по разработке гиперзвуковых летательных аппаратов нет сведений. Публикации на тему гиперзвуковых технологий прослеживаются в китайских научных журналах с 1980-х годов.[820]

В китайских СМИ упоминается, что начало разработке твердотопливных гиперзвуковых двигателей было положено в 2000 г.[821] С этапа разработки до первых успешных испытаний 4-й академией CASC прошло более 15 лет. Это предприятие опубликовало научную статью о гиперзвуковых двигателях в 2000 г.[822] Предположительно, CASC уже сумела овладеть технологией ПВРД. Так, 31 мая 2017 г. CASC объявила о первых успешных тестах твердотопливных сверхзвуковых двигателей для ракет класса «воздух–воздух» и противокорабельных «воздух–поверхность»[823] для установки на новые истребители 4–5-го поколения J-20 и предположительно многоцелевые истребители 5-го поколения J-31 (всего было проведено восемь испытаний). Летом 2017 г. китайские военные эксперты в государственных СМИ писали о задаче миниатюризации успешно испытанных двигателей для установки на ракеты типа PL-12 «воздух–воздух», увеличив их дальность до 300 км.

---

[818] 三个亮相的海军军级单位领导 （Командующие тремя военным объектами ВМФ）. Sohu.com. 28.07.2017. Доступ: https://m.sohu.com/a/160539065_495232 (дата обращения: 12.12.2017)

[819] 程养民. 高超音速飞行器气动特性工程计算 //固体火箭技术 (Чэн Янминь. Аэродинамические и инженерные расчеты гиперзвуковых летательных аппаратов //Вестник твердотопливных ракетных технологий). – 2000. – Т. 2. – С. 000. Доступ: http://part.newmaker.com/nmsc/u/art_pdf/20057/05090301.pdf (дата обращения: 12.12.2017)

[820] 吴振 et al. 组合旋成体高超音速稀薄气体绕流的统计模拟 //数值计算与计算机应用 (Wu Zhenyu, Li Fenglin, Lin Baozhen. Statistical Simulation of rarefied gas hypersonic flow passing combinatorial rotatory bodies // Computational Calculations and their application). – No.2. 06.1981.

[821] China's New Ramjet Engine to Enhance Firing Range of Missiles, Combat Ability of J-20. Global Times. 05.06.2017. Available at: http://www.globaltimes.cn/content/1050098.shtml (accessed : 12.12.2017)

[822] 程养民. 高超音速飞行器气动特性工程计算 //固体火箭技术 (Чэн Янминь. Аэродинамические и инженерные расчеты гиперзвуковых летательных аппаратов //Вестник твердотопливных ракетных технологий). – 2000. – Т. 2. – С. 000. Доступ: http://part.newmaker.com/nmsc/u/art_pdf/20057/05090301.pdf (дата обращения: 12.12.2017)

[823] China's New Ramjet Engine to Enhance Firing Range of Missiles, Combat Ability of J-20. Global Times. 05.06.2017. Available at: http://www.globaltimes.cn/content/1050098.shtml (accessed : 12.12.2017)

Осенью 2018 года в ходе Чжухайского авиасалона корпорации CASC и CASIC представили тактические гиперзвуковые ракеты: соответственно, M-20B (предположительно, проекта на базе ракеты DF-12) и CM-401. Дальность обеих не превышает 290 км, что, вероятно, сделано для сохранения экспортного потенциала в рамках РКРТ (КНР не является его членом, но заявляет о приверженности принципам).

Из этого следует, что к концу 2018 г. проекты гиперзвуковых крылатых ракет в КНР имели солидную историю и постепенно достигали успехов.

В 2014 г. в СМИ появились также фотографии проекта атмосферного и космического гиперзвукового летательного аппарата, способного развивать скорость в 5 чисел Маха. Назначение данного аппарата – разведка и нанесение быстрых ударов, включая противоспутниковую борьбу.

КНР реализует проект гиперзвукового маневрирующего боевого блока для установки на носитель – баллистическую ракету. Наиболее вероятно, что проект китайского глайдера WU-14 был запущен в ответ на американские испытания HTV-2 и AHW, т.е. в начале 2010-х годов. В 2014-2017 годах КНР провела 7 испытаний гиперзвукового глайдера WU-14. Исходя из публикаций СМИ, носителем ракеты выступает БРСД DF-21[824], западные эксперты также предполагают использование более совершенной версии БРСД DF-26[825]. С 2012 г. в КНР функционирует туннель для гиперзвуковых испытаний (JF12). После американского гиперзвукового испытания в 2017 г. было объявлено о строительстве еще одного гиперзвукового туннеля, который заработает на полную мощность в 2020 г.[826]

С 2014 г. КНР реагирует на американские и российские гиперзвуковые испытания публикациями в государственных СМИ. Например, спустя

---

[824]深度：浅析中国 3 次试验高超音速武器 增强二次核反击(Первичный анализ третьего гиперзвукового испытания КНР: укрепление возможности нанесения ответного ядерного удара. Агентство Sina.com. 05.12.2014. Доступ: http://mil.news.sina.com.cn/2014-12-05/1607814292.html (дата обращения: 12.12.2017)

[825] Saalman L. Factoring Russia into the US-Chinese Equation on Hypersonic Vehicles / SIPRI Insights on Peace and Security No.2017/1. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/Factoring-Russia-into-US-Chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles.pdf (accessed : 12.12.2017)

[826] China Builds World's Fastest Wind Tunnel to Test Weapons That Could Strike US Within 14 Minutes. South China Morning Post. November 15, 2017. Available at: http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2120072/china-builds-worlds-fastest-wind-tunnel-test-weapons (accessed : 12.12.2017)

несколько дней после объявления США об успешном тестировании CPS FE-1 на китайском телевидении был показан репортаж, посвященный запуску новой аэродинамической трубы для испытаний объектов на гиперзвуковых скоростях (в репортаже также демонстрировался макет глайдера).[827] Вскоре в китайских СМИ появились данные об успешных испытаниях в ноябре 2017 г. Ракетными войсками НОАК баллистической ракеты нового поколения DF-17 (дальность полета 1800–2500 км), несущей гиперзвуковой глайдер: один из запусков прошел 1 ноября с космодрома Цзюцюань, дальность полета составила 1400 км. После входа в плотные слои атмосферы на высоте 60 км был запущен гиперзвуковой глайдер, который пролетел 11 минут и успешно поразил цель на полигоне Чэрчэнь в Синцзяне (точность в пределах нескольких метров). Считается, что испытанное в ноябре устройство разработано специально для ракеты DF-17 (вероятно, на базе управляемого снаряда для ракеты DF-16B).

Важным назначением гиперзвукового аппарата является эффективное преодоление систем ПРО. Эта функция может использоваться как для нанесения тактических ударов в ходе региональных военных действий и реализации концепции воспрещения доступа, так и для быстрого удара по ядерным силам противника. В случае принятия КНР на вооружение гиперзвуковых глайдеров на межконтинентальных носителях Пекин получит средство эффективного преодоления американских систем ПРО. Тем не менее этот факт будет значимым для американо-китайского ядерного сдерживания с точки зрения возможности ограниченного удара в силу множественности и разобщенности базирования американских ЯС.

Принятые на вооружение гиперзвуковые крылатые ракеты малого радиуса станут важным тактическим средством. Намного более существенной для КНР может быть возможность оснащения гиперзвукового

---

[827] 《还看今朝——喜迎十九大特别节目》 20171008 [Утренний спецвыпуск к 19-му Съезду КПК].//CCTV.com. 08.10.2017. Доступ: http://tv.cctv.com/2017/10/08/VIDEDkJ1lFrZA7FUDZbVMwEB171008.shtml (дата обращения: 12.07.2018).

маневрирующего летательного аппарата ядерным зарядом либо же оснащение МБР гиперзвуковыми маневрирующими головными частями с РГЧ ИН. Это послужит дальнейшим стимулом для разработки США более совершенных систем раннего оповещения и поражения гиперзвуковых объектов оружием на новых физических принципах.

Принятие гиперзвуковых систем большой дальности США будет иметь более важное значение для ядерного баланса между странами до тех пор, пока КНР не осуществит полную модернизацию морского компонента стратегической триады. По состоянию на декабрь 2018 г., этот процесс (создание малозаметной ПЛАРБ и баллистической ракеты) продолжался. Ситуация схожа в отношении гиперзвуковых крылатых ракет морского базирования, поскольку незаметность подводных лодок США позволяет им патрулировать воды вблизи берегов КНР. В китайских публикациях испытания в рамках БГУ США рассматриваются как подстегивание нового витка гонки вооружений [828] и милитаризация космического пространства, которые стимулируют китайские разработки [829] , подрыв системы стратегической стабильности, который обусловлен неэффективностью систем ПРО против объектов, движущихся на гиперзвуковой скорости[830]. В качестве основных целей американского БГУ рассматриваются военно-ядерные объекты и системы управления и контроля. Интересно, что ряд политологических исследований на данную тему опубликован

[828]方勇. 美国推进快速全球打击计划 //新时代国防 (Фан Юн. США реализуют программу БГУ // Оборона государства в новую эпоху). – 2010. – Т. 8. – С. 5-9. Доступ: http://www.poly.com.cn/eWeb/uploadfile/20110126114759554.pdf (дата обращения : 12.12.2017). Также см.: 刘桐林. 美国高超声速技术的发展与展望 //航天控制 (Лю Тунлин. Развитие и перспективы американских гиперзвуковых технологий //Space Control). – 2004. – Т. 22. – №. 4. – С. 36-41. Также см.: 黄志澄. 太空武器化与太空威慑 //国际技术经济研究. (Хуан Чжичэн. Милитаризация космоса и космическое сдерживание) – 2006. – Т. 1. Доступ: http://www.defence.org.cn/aspnet/vip-usa/uploadfiles/2006-6/20066313237890.pdf (дата обращения: 12.12.2017).

[829]黄伟, 夏智勋. 美国高超声速飞行器技术研究进展及其启示 //国防科技 (Хуан Вэй, Ся Чжисюнь. Развитие и значение американских гиперзвуковых исследований // Оборонная наука и технологии). – 2011. – Т. 32. – №. 3. – С. 17-20.

[830]赵通. 中国与国际核秩序的演化 //国际政治科学 (Тун Чжао. Китай и изменение международного ядерного баланса //Международно-политические исследования). – 2016. – Т. 1. – №. 1. – С. 118-148.

представителями китайских НИИ, которые, по сути, вовлечены в создание гиперзвуковых систем КНР (в частности, 3-я академия CASIC).

Американские исследователи допускают перспективу «нуклеаризации» (создания гиперзвуковых ядерных боевых блоков) китайских летательных аппаратов. Вместе с тем в более близкой перспективе в США рассматривается усиление неядерного сдерживания, которое выглядит более правдоподобным. Такой точки зрения придерживается, в частности, Комиссия конгресса США по оценке американо-китайских отношений в сфере экономики и безопасности. Китайские неядерные ракетные силы упоминаются[831] как инструмент более гибкий и «убедительный» (*credible*) и близкий к понятию принуждения (*compellence*), нежели ЯО. Его главная цель - не разубедить противника нападать на КНР, а заставить его принять требования Пекина под страхом нанесения удара[832]. Как указано выше, еще в 2014 г. в докладе Комиссии констатировалось, что Китаю удалось сформировать «зрелый» потенциал для нанесения ракетного удара на региональном уровне[833] и изменить баланс сил в локальном конфликте. С принятием на вооружение гиперзвуковых ракет этот потенциал значительно усилится. Развитие ракет малого и среднего радиуса обеспечивает потенциал для участия в интенсивных локальных военных операциях и создания угрозы инфраструктурным объектам, логистическим узлам и корабельным группам вероятного противника, что видится китайским обществом как ключевой элемент военной политики в отношении Тайваня и «девятипунктирной линии» в прибрежной акватории.

4.2. Влияние кибербезопасности на ядерное сдерживание между США и КНР

[831] 2015 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 339. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2015%20Annual%20Report%20to%20Congress.PDF (accessed: 28.11.2016).
[832] Ibid. P. 348.
[833] Ibid. P. 30.

В основе риска негативного кибератак на инфраструктуру управления ЯО лежит неизбежное наличие уязвимостей информационных сетей и возможность внедрения вредоносного ПО на этапах производства, поставки либо технического обслуживания.

Так, в докладе Аналитической группы по изучению киберугроз безопасности ядерных вооружений NTI (Инициатива сокращению ядерной угрозы) 2018 года прежде всего отмечалась возможность проведения кибератак на СПРН (а также иные формы воздействия на информационные системы) с целью предоставления ложной информации о ракетном запуске и провоцирования на «ответный» удар[834]. Другие авторы также указывают на возможность кибератаки на элементы системы СПРН (спутники и наземные РЛС), информационные сети общей системы управления и контроля и отдельных развернутых боевых подразделений и систем ПРО, информационные системы разведывательных служб [835], упоминают возможность атак на аппаратное обеспечение, узлы связи, проводку и кабели, оборудование, обеспечивающее распространение и хранение информации[836], что возможно как путем внедрения вредоносного ПО через сеть «Интернет», так и внедрение в офлайн-режиме через физические носители.

Потенциальное влияние на стратегическую и кризисную стабильность связывается современными исследователями с возможностью нарушения управления ядерными боезарядами и ускорением принятия об «ответном» ядерном ударе в условиях высокой неопределенности[837]. Отдельную проблему

---

[834]= Nuclear Weapons in the New Cyber Age. Nuclear Threat Initiative. 2018. Available at: https://www.nti.org/analysis/reports/nuclear-weapons-cyber-age/ (Accessed: 01.06.2020).

[835]Lindsay J. Cyber Operations and Nuclear weapons. NAPSNet Special Reports. June 20, 2019. Available at: https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/cyber-operations-and-nuclear-weapons/ (Accessed: 01.06.2020).

[836] Футтер Э. Ядерное оружие в век информационных технологий: новые вызовы с точки зрения безопасности, стратегии и стабильности. Валдайские записки. 03.11.2016 Доступ: https://globalaffairs.ru/articles/yadernoe-oruzhie-v-vek-informaczionnyh-tehnologij-novye-vyzovy-s-tochki-zreniya-bezopasnosti-strategii-i-stabilnosti/ (Дата обращения: 02.06.2020).

[837] Футтер Э. Ук.соч. Также см.: Stephen Cimbala, Nuclear Weapons in the Information Age, London, Continuum International Publishing. 2012. С. 56–57.

может составлять взаимосвязь между системами управления обычными и ядерными вооружениями[838].

Вопросы кибербезопасности в контексте конвенциональных и ядерных вооружений актуализировались в США при администрации Б.Обамы (на фоне формирования Кибернетического командования ВС США в 2009 г.) и остаются на повестке дня до нынешнего времени. В Обзоре ядерной политики 2018 г. упоминается расширение «все более агрессивной деятельности России, Китая и КНДР в космосе и киберпространстве» и угроза американской системе управления и контроля (Nuclear Command and Control, NC3)[839]. Проблема кибербезопасности в ядерной сфере также упоминается в публикациях вооруженных сил США[840].

С китайской стороны интерес к кибербезопасности как таковой фиксируется в военных доктринальных документах[841], в контексте ядерного оружия – на уровне экспертных оценок американских публикаций. При этом на современном этапе тематика кибератак в ядерной сфере, подобно вопросам разработки гиперзвуковых вооружений и систем противоракетной обороны США, подчинена обоснованию потребности отхода от концепции «минимального сдерживания».

В частности, в 2018 г. издании Global Times было рассмотрено содержание «Обзора ядерной политики» и приведена упомянутая в американском издании «The Fifth Domain» возможность применения

---

[838] Acton J.M. Escalation through Entanglement: How the Vulnerability of Command-and-Control Systems Raises the Risks of an Inadvertent Nuclear War. // International Security 43 № 1 (August 1, 2018). PP. 56–99. Op. cit.: Lindsay J. Cyber Operations and Nuclear weapons. NAPSNet Special Reports. June 20, 2019. Available at: https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/cyber-operations-and-nuclear-weapons/ (Accessed: 01.06.2020).

[839] Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. 2018. Available at: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (accessed: 02.06.2020).

[840] United States Air Force. Center for Strategic Deterrence Studies. News and Analisys. Issue 1408. 13 March 2020. Available at: https://media.defense.gov/2020/Mar/12/2002263808/-1/-1/0/CSDS-OUTREACH1408.PDF (Accessed: 03.06.2020).

[841] 《新时代的中国国防》 [Оборона КНР в новую эру] Канцелярия Госсовета КНР. Июль 2019. Доступ: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2019-07/24/content_4846424.htm (Дата обращения: 05.07.2020).

Вашингтоном маломощных ядерных боезарядов в ответ на кибератаку[842]. Также указано мнение «анонимного китайского военного эксперта» о фактическом понижении ядерного порога США в «Обзоре ядерной политики» за 2018 г. На основании этого сделан вывод о необходимости количественного расширения китайского ядерного арсенала (для обеспечения ответного ядерного удара), совершенствования средств доставки и разработки, аналогичным образом, маломощных ядерных боезарядов для реалистичной ответной угрозы.

В целом же интерес обеих сторон к заявленной теме высок и будет нарастать по мере совершенствования способов проведения кибератак. По-видимому, это будет использоваться как дополнительный аргумент в совершенствовании ядерных сил. Конкретно со стороны КНР это будет означать дополнительную аргументацию о расширении потенциала для ответного удара.

4.3. Национальные программы оборонных НИОКР США и КНР и потенциал ядерного сдерживания

4.3.1. Третья стратегия компенсации США и реакция КНР

Третья «стратегия компенсации» (The Third Offset Strategy) была представлена министром обороны США Ч. Хейглом в ноябре 2014 г. (меморандум об Оборонной инновационной инициативе (Defense Innovation Initiative)[843]). Суть инициативы заключается в усовершенствовании систем планирования и управления оборонных НИОКР и разработке новых концепций проведения операций с целью оптимизации использования ресурсов в условиях бюджетных ограничений[844]. Причиной данной

[842] 刘杨。美国要用核武回应网络攻击？中国应该如何应对 [Лю Ян. США собираются применить ядерное оружие в ответ на кибердар? Как реагировать КНР]. Global Times. 05.02.2018. Доступ: https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnK6B1I (Дата обращения: 06.07.2020).

[843]=U.S. Department of Defense. Memorandum on Defense Innovation Initiative. November 15, 2014. http://archive.defense.gov/pubs/OSD013411-14.pdf

[844] Кашин В.Б, Магдалинская Ю. Третья стратегия компенсации министерства обороны США // Перископ.2. 31.07.2017. Доступ: http://periscope2.ru/2017/07/31/8699/ (дата обращения: 13.10.2017).

инициативы согласно меморандуму стало постепенное утрачивание военно-технологического превосходства США по основным направлениям ведения боя в условиях модернизации технологического уровня потенциальных противников (potential adversaries), развития их разрушающих технологий (disruptive capabilities – важный составной элемент стратегии противодействия доступа в регионы, Anti Access/Area Denial, A2/AD, которой во многом придерживается КНР [845]), а также секвестирования оборонного бюджета США [846]. Это изначально связывалось основателями Стратегии (членами администрации Б. Обамы) с наступлением военной многополярности – распространением технологий «второго офсета» (second offset, второй компенсации), в первую очередь высокоточного оружия[847]. Инициатива стала ответом на ослабление возможности доступа США к развертыванию вооруженных сил в любых конфликтных зонах мира и очередным этапом реализации принципа технологического упреждения [848]. Её главные направления включили разработку новых приемов ведения войны, широкое применение искусственного интеллекта и других новых технологий, развитие систем противодействия A2/AD, что в конечном счете позволило бы обесценить новые возможности основных объектов сдерживания[849].

Главными объектами сдерживания Третьей стратегии компенсации считаются РФ и, по мнению большинства исследователей, даже в большей мере КНР[850] [851], на что было прямое указание в словах заместителя министра обороны США Р. Уорка [852]. В ходе сенатских слушаний в апреле 2016 г.

---

[845] Панкова Л.В. Военная экономика, инновации, безопасность. М.: ИМЭМО РАН. 2016. 149 С. С. 39.

[846]=U.S. Department of Defense. Memorandum on Defense Innovation Initiative. November 15, 2014. http://archive.defense.gov/pubs/OSD013411-14.pdf

[847] Бартенев В.И. США в поисках новых основ военно-технологического превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации». Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3 (48). СС. 30-42. С.31.

[848] Панкова Л.В. Военная экономика, инновации, безопасность. М.: ИМЭМО РАН. 2016. 149 С. С. 40.

[849] Бартенев В.И. США в поисках новых основ военно-технологического превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации». Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3 (48). СС. 30-42. С.30; С. 32.

[850] Панкова Л.В. Военная экономика, инновации, безопасность. М.: ИМЭМО РАН. 2016. 149 С. С. 40.

[851] Martinage R. Toward a New Offset Strategy: Exploiting US Long-Term Advantages to Restore US Global Power Projection Capability. – Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2014. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/Offset-Strategy-Web.pdf (accessed: 13.10.2017).

[852] Remarks by Defense Deputy Secretary Robert Work at the CNAS Inaugural National Security Forum. 14 December 2016. Режим доступа: http://www.cnas.org/transcripts/work-remarks-national-security-forum#.Vy3pvoR96M8 (дата обращения: 15.05.2016).

заместитель министра обороны США по вопросам исследования и проектирования С. Уэлби отмечал, что на современном этапе РФ и КНР разрабатывают и развертывают системы вооружений, прежде считавшиеся основой военного превосходства США[853]. В рамках подготовки условий для реализации данной инициативы было открыто подразделение Министерства обороны США в Кремниевой долине (зоне сосредоточения ведущих технологических компаний мира, таких как Google, Apple и пр., передовыми разработчиками технологий искусственного интеллекта и Big Data) [854] – Экспериментальный отдел по оборонным инновациям (Defense Innovation Unit Experimental, DIUx). Отношение к инициативе Ч. Хейгла и активно продвигаемой Э. Картером и Р. Уорком, было неоднозначным еще в период президентства Б. Обамы. В.И. Бартенев выделил ряд внутриполитических проблем, затруднявших реализацию Третьей стратегии компенсации в конце президентского срока Б. Обамы. В частности, среди них были противоречия во взглядах и приоритетах в администрации, разногласия между руководством Пентагона и представителями родов войск, недостаточность финансирования в условиях бюджетного секвестра, а также отсутствие уверенности экспертного сообщества в верности стратегии, основанной на информационных технологиях, автоматизированных системах управления, робототехники. В.И. Бартенев приводит высказывание вице-президента Лексингтонского университета Д. Гурэ о том, что в 2016 г. не было уверенности в достаточности технологического превосходства США по указанным направлениям, и это ставило под вопрос эффективность выбора приоритетов[855].

---

[853] Statement by Mr. Stephen Welby. Assistant Secretary of Defense for Research and Engineering Before the Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities, Armed Services Committee, United States Senate. Third Offset Strategy. April 12, 2016. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Welby_04-12-16.pdf (accessed : 26.10.2017).

[854] The White House. Expanding the Pentagon's Silicon Valley Office. May 22, 2016. https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/05/19/expanding-pentagons-silicon-valley-office

[855] Бартенев В.И. США в поисках новых основ военно-технологического превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации». Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3 (48). СС. 30-42. С.35.

Как и предыдущая, вторая, третья стратегия компенсации состоит в достижении подавляющего превосходства над любым потенциальным противником США в условиях бюджетных ограничений [856]. Отношение администрации Д. Трампа к инновационной инициативе и стратегии третьей компенсации формально более сдержанное, однако финансирование её программ увеличивается. Министр обороны Дж. Мэттис, в отличие от своего предшественника Э. Картера, высказывался в консервативном ключе, отмечая такие приоритеты, как повышение боеготовности вооруженных сил, усиление альянсов и пр., основываясь на опыте предыдущего десятилетия.

Тем не менее часть бюджетного запроса Д. Трампа на финансирование Министерства обороны на 2018 г., посвященная разработке передовых технологий вооружений (advanced technology development), увеличилась с более чем 5,5 млрд долл. (2017) до 6 млрд долл. (2018)[857]. В бюджетном запросе на 2018 год затраты на военные НИОКР, тестирование и оценивание (RDT&E) возросли на 18%[858], в том числе на финансирование ключевых институтов, участвующих в реализации третьей стратегии компенсации - Управления стратегических возможностей (Strategic Capabilities Office), Экспериментального отдела по оборонным инновациям (DIUx), Программы быстрого прототипирования (Rapid Prototyping Program) [859]. Можно предположить, что уровень финансирования НИОКР при администрации Д. Трампа продолжит повышаться, но вызовет сопротивление родов войск, а также сторонников развития иных технологий, например, лазерных и рельсотронов, для борьбы с гиперзвуковыми летательными аппаратами.

---

[856] Кашин В.Б. О потенциальном влиянии американской Третьей стратегии компенсации на развитие стратегических ядерных сил КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2017. №3. С.109-118.

[857] Thomas W. Trump Budget Cuts Defense S&T by 5,8% While Funding Third Offset Priorities. American Institute of Physics. June 1, 2017. https://www.aip.org/fyi/2017/trump-budget-cuts-defense-st-58-while-funding-third-offset-priorities

[858] U.S. Department of Defense. Defense Budget Overview. Office of the Undersecretary of Defense (Comptroller) Chief financial Officer. May 2017.
http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2018/fy2018_Budget_Request_Overview_Book.pdf

[859] Thomas W. Trump Budget Cuts Defense S&T by 5,8% While Funding Third Offset Priorities. American Institute of Physics. June 1, 2017. https://www.aip.org/fyi/2017/trump-budget-cuts-defense-st-58-while-funding-third-offset-priorities

Показательно, что накануне объявления американской инициативы в китайских публикациях признавалось, что подавляющее превосходство США в сфере обычных вооружений и многократное количественное превосходство в сфере ЯО («в более чем десять раз») не препятствовало созданию стратегического баланса[860] по причине высокой уязвимости американских ВС[861].

По мнению ведущих отечественных экспертов, объявление Инновационной инициативы и Стратегии третьей компенсации не повлекло за собой политической реакции или дискуссии в военно-академических кругах, выходящей за рамки традиционной для КНР риторики.

В.Б. Кашин замечает, что стратегии был посвящен ряд статей и комментариев представителей китайской военной науки, в частности научных сотрудников Академии военных наук КНР и ведущих военных вузов, где выражалась обеспокоенность и отмечалась важность внимания к передовым американским разработкам. Однако в большинстве китайских публикаций содержалась уверенность в отечественных ВС, способных поддерживать американо-китайское равновесие в АТР. Помимо уровня развития вооружений (отчасти за счет самостоятельных успехов китайского военно-промышленного комплекса, а также закупками передовых российских вооружений – образцов истребительной авиации и систем ПВО[862]), важным фактором в случае конфликта стала бы географическая удаленность США и невозможность опереться на военно-стратегический альянс вроде НАТО[863]. Кроме того, в китайских публикациях уделено внимание отсутствию единства позиций в руководстве и между ведомствами США[864]. Тем не менее можно выделить как

---

[860] 王志军, 王博. 中美军事安全互信问题研究 //国际论坛. (Ван Чжицзюнь, Ван Бао. Исследование вопросов стратегического доверия между США и КНР // Международный форум) – 2014. – Т. 4. – С. 8.

[861] Там же.

[862] Габуев А.Т., Кашин В.Б. Вооруженная дружба: как Россия и Китай торгуют оружием. Московский центр Карнеги. 2 ноября 2017. Доступ: http://carnegie.ru/2017/11/02/ru-pub-74601 (дата обращения: 13.11.2017).

[863] Кашин В.Б. КНР и «третья стратегия компенсации» Министерства обороны США. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Том 8. №3. СС.52-71

[864] Ли Бо, Чжу Цичао. Цзянь пин мэйго ди сань цы дисяо чжаньлюэ наньи индуй чжунго юши [Рассуждая вкратце о Третьей стратегии компенсации: едва ли она позволит достигнуть превосходства над Китаем] // Кэцзи Жибао. 30.12.2015. Доступ: http://news.ifeng.com/a/20151230/46886576_0.shtm (дата обращения: 13.12.2017). Цит. по: Кашин В.Б. КНР и «третья стратегия компенсации» Министерства обороны США.

минимум две основных сферы, в которых наблюдаются признаки ответных мер в связи с американской инициативой: область ядерного сдерживания и развития инноваций двойного назначения.

С 2015–2016 гг. В КНР принят ряд политических решений, направленных на достижение симметричных возможностей в военной сфере. Во многом они коснулись активизации инновационного развития на основе военно-гражданской интеграции как принципа экономической эффективности высокотехнологичных предприятий. В частности, с 2015 г. было значительно увеличено число принимаемых нормативно-правовых актов, юридически закрепляющих объявленные еще при Ху Цзиньтао (в 2010 г.) приоритеты военно-гражданской интеграции. Документом, задавшим направление для реформирования ВПК и инновационного сектора экономики, стали «Соображения по созданию и совершенствования системы военно-гражданской интеграции по разработке и производству технологий, применимых в военной и гражданской сфере», документ, выработанный совместно Госсоветом и Центральным военным советом КНР. В рамках реформы, а также, по предположению отечественных ученых, как реакция на Стратегию третьей компенсации 22 января 2017 г. был создан специальный орган, главной функцией которого должно стать реформирование высокотехнологичного сектора экономики двойного назначения (Центральный совет по интегрированному военно-гражданскому развитию) под непосредственным руководством председателя КНР, главы ЦВС и генерального секретаря КПК Си Цзиньпина, а в середине 2017 г. началось формирование ряда подотчетных ему органов в провинциях и городах центрального подчинения. В соответствии с материалами пленарного заседания Совета в июле 2017 г., в число приоритетных направлений технологического развития входят военно-морские вооружения, космическая техника, технологии ведения боевых действий и обеспечения безопасности в

киберпространстве, новые источники энергии и биотехнологии [865]. Как отмечает В.Б. Кашин, на параллели с технологической инициативой Пентагона указывает акцент на развитие технологий двойного назначения и реализацию принципиально «прорывных» проектов[866].

В сфере ядерных вооружений влияние Третьей стратегии компенсации США проявляется косвенным образом. Исследованные отечественными и западными учеными долгосрочные циклы развития проектов китайских ядерных вооружений, в частности, начало разработки большинства ядерных межконтинентальных ракет, способных поражать материковую часть США, в период потепления американо-китайских отношений позволяют говорить об отсутствии прямой корреляции между иностранными военно-техническими или стратегическими инициативами потенциальных соперников КНР [867] и коренными изменениями её ядерной стратегии. Вместе с тем, как отмечает В.Б. Кашин, ряд известных приоритетов Третьей стратегии компенсации в случае реализации может напрямую повлиять на устойчивость стратегических ядерных сил КНР, в первую очередь гиперзвуковых технологий и оружия направленной энергии. В первом случае под вопрос будет поставлена защищенность китайских МБР против высокоточного «разоружающего» удара. Другим приоритетом Третьей стратегии компенсации является развитие искусственного интеллекта, что в перспективе способно усилить разведывательные возможности США и следить за передвижениями подвижных бригад китайских ЯС. В случае прогресса в сфере оружия направленной энергии и применения этих технологий в развитии американских систем ПРО будет снижена эффективность поражения китайскими МБР территории США. Еще один приоритет американской

---

[865] 习近平：加快形成全要素多领域高效益的军民融合深度发展格局（Си Цзиньпин: об ускорении формирования структуры для глубинного развития всеобъемлющей высокоэффективной системы военно-гражданской интеграции）. The Paper. 20.06.2017. Доступ: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1713644 (дата обращения: 14.11.2017).

[866] Кашин В.Б. КНР и «третья стратегия компенсации» Министерства обороны США. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Том 8. №3. СС.52-71

[867] Кашин В.Б. КНР и «третья стратегия компенсации» Министерства обороны США. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Том 8. №3. СС.52-71

стратегии – разработка беспилотных подводных аппаратов, которые могут негативно сказаться на развитии морского компонента стратегической триады КНР.

4.3.2. Приоритеты китайских инновационных оборонных программ и развитие ракетно-ядерных технологий

Повышение технологического уровня китайских ядерных и обычных вооружений обеспечивается государственным финансированием в области развития военных технологий как части общегосударственных проектов, стимулирующих предприятия развивать высокие технологии, в первую очередь двойного применения. Национальные планы изначально подразделяются на гражданские и военные. Гражданские (民口/民用), по сути, стимулируют развитие технологий двойного назначения. Освещение их динамики более очевидно, в то время как военные планы по большей части остаются в тени. Такие программы затрагивают финансирование совершенствования технологий платформ для базирования и доставки ЯО, а также высокотехнологичных неядерных вооружений.

В число основных национальных программ по стимулированию высоких военных и двойных технологий входят планы «863», «973» и «995», Средне- и долгосрочный план научно-технологического развития в области развития на 2006–2020 гг. (国防科技工业中长期科学和技术发展规划). Приоритеты для военных разработок задаются в каждой китайской «пятилетке» (например, чисто военные - «План развития вооружений и оборудования на 11-ю пятилетку» (武器装备建设“十一五”规划)[868], «Программа военного строительства на 13-ю пятилетку» (军队建设发展“十三五”规划纲要), а также в сфере гражданско-военной интеграции – «План военно-гражданской

[868] “2006 年中国的国防” [Государственная оборона КНР – 2006 (Белая Книга)] . //Веб-сайт Госсовета КНР. 29.12.2006. Доступ: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2006/Document/307878/307878_3.htm (дата обращения: 10.07.2018).

интеграции в сфере научно-технических проектов на 13-ю пятилетку» **(十三五科技军民融合发展专项规划)** [869] . В американских исследованиях также упоминается [870] о существовании «Стратегии по развитию вооружений и оборудования» (武器装备发展战略, в англоязычных исследованиях - Weapons and Equipment Development Strategy/WEDS), «Плана строительства в сфере вооружений и оборудования» (武器装备建设规划/计划, Weapons and Equipment Construction Plans/WECP) – как «секторальных» приоритетов для реализации положений «Белой книги по национальной обороне» (подраздела «Военно-стратегические приоритеты»/军事战略方针). Национальные планы «863», «973» и «995» по стимулированию НИОКР появились одновременно с политикой интеграции военной и гражданской промышленности, начатой в 1980-е годы. Изучение планов, посвященных НИОКР в сфере технологий для оборонных нужд и в сфере двойного назначения может быть интересно в контексте их влияния на динамику развития ракетно-ядерной промышленности. Первый крупный проект – План развития высоких технологий («863») был начат в 1986 г. с целью стимулирования финансирования высокотехнологичных НИОКР в сфере двойного назначения. В 1997 г. при Цзян Цзэмине был инициирован еще один план – План развития фундаментальных технологий («973»). Планы имеют гражданскую (民口) и военную часть (军口), которая обозначается как 国防 или GF – например, GF973, либо «总装 973» - то есть часть плана 973, относящаяся к Главному

---

[869] 《“十三五”科技军民融合发展专项规划》印发 [Опубликован план военно-гражданской интеграции в сфере научно-технических проектов на 13-ю пятилетку]. StDaily. 24.08.2017. Доступ: http://www.stdaily.com/kjzc/plan/2017-08/24/content_571515.shtml (дата обращения: 10.07.2018).

[870] Cheung T.M. et al. Planning for Innovation: Understanding China’s Plans for Technological, Energy, Industrial, and Defense Development. // US-China Economic-Security Commission. 2015. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Planning%20for%20Innovation-Understanding%20China%27s%20Plans%20for%20Tech%20Energy%20Industrial%20and%20Defense%20Development072816.pdf (accessed: 03.07.2018).

управлению вооружений (после реформы 2016 г. – Департамента вооружений ЦВС НОАК). Известно, что «оборонная» часть программы «973» была инициирована в 2004 г.

План развития высоких технологий «995» (“高新工程”), призванный стимулировать развитие технологий китайского ВПК в области оружия ассиметричного ответа (assassin’s mace/ 杀手锏) в условиях отставания от США был принят в мае 1999 г. (предположительно, 8 мая[871]), на фоне авиаудара по посольству КНР в ходе операций американской авиации в бывшей Югославии[872]. В американских исследованиях план называется «китайским оппонентом Третьей стратегии компенсации США»[873]. С целью контроля над реализацией плана создана «руководящая малая группа Центрального военного совета - 995» («中央军委新高科技工程领导小组-995»)[874] под непосредственным руководством главы ЦВС.

Приоритеты программы недоступны в форме официального документа или публикации на веб-сайте правительственных/военных структур, поэтому судить о его реальной сопоставимости со Стратегией третьей компенсации сложно (и еще более сложно, учитывая разницу во времени принятия планов – 1999 и 2014 г.). Тем не менее некоторые приоритеты программы были названы в публикации китайского информационного агентства Sina.cn в 2015 г. Это, в частности, создание к 2050 г. не уступающего по характеристикам истребителю F-22 боевого самолета 4-го (sic!) поколения, крупного истребителя-бомбардировщика 5-го поколения, способного преодолевать дальние расстояния и летать на больших высотах и скоростях, тяжелого

---

[871] 奇耻大辱！**18** 年前的今天，美国干的这件事激怒了整个中国 [Великий позор! Действия США 18 лет назад отозвались гневом всего Китая]. // Toutiaoabc. 09.05.2017. Доступ: https://www.toutiaoabc.com/index.php?act=view&nid=306261 (дата обращения: 12.07.2018)

[872] Erickson A. China’s Air- and Space-Based ISR. //China Maritime Studies. Available at: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2014/02/China-Air-Space-Based-ISR_Chinas-Near-Seas-Combat-Capabilities_CMS11_201402.pdf (accessed: 05.06.2018).

[873] Cheung T.M. et al. Planning for Innovation: Understanding China’s Plans for Technological, Energy, Industrial, and Defense Development. // US-China Economic-Security Commission. 2015. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Planning%20for%20Innovation-Understanding%20China%27s%20Plans%20for%20Tech%20Energy%20Industrial%20and%20Defense%20Development072816.pdf (accessed: 03.07.2018).

[874] Ibidem.

высокоманевренного боевого самолета 5-го поколения для полетов на больших высотах и поддержания превосходства в воздухе, суборбитального высокоскоростного истребителя, боевых самолетов для полетов на низких и высоких орбитах, боевого космолета, а также развитие технологий малозаметного сверхскоростного дальнемагистрального бомбардировщика, суборбитального гиперзвукового межконтинентального бомбардировщика, развитие военно-транспортной авиации: четырехдвигательных крупных военно-транспортных самолетов типа C17, крупных шестимоторных дальнемагистральных военно-транспортных самолетов типа C5[875].

Круг проектов, упоминаемых в китайскоязычных источниках в связи с планом «995», шире, он включает основные «прорывы» китайского ВПК после 1999 г., в том числе в сфере носителей ядерного оружия. К приоритетам плана «995» приписываются проекты, формально начатые до мая 1999 г., но, вероятно, также вошедшие в него постфактум. Например, из стратегических твердотопливных МБР проект DF-41 начинался в 1984 году под отдельным названием «Проект 204» (204 工程), а МБР DF-31 – во второй половине 1970-х годов на базе «Проекта 202» (202 工程), существовавшего еще в 1978–1985-м г. проекта жидкотопливной мобильной МБР DF-22. Многие из наработанных для DF-22 технологий использовались для DF-31 после закрытия DF-22 [876].

В числе упоминаемых проектов в рамках плана «995» - создание системы РЭБ с использованием БПЛА[877] и большинство ключевых проектов военной авиации КНР: военно-транспортный самолет Y-20, истребитель J-20,

---

[875] 解放军神秘“995 工程” 使武器装备呈井喷式发展 [Секретный план «995» способствует бурному развитию вооружений]. //Sina.cn. 13.03.2015. Доступ: http://news.sina.com.cn/c/2015-03-13/102031602956.shtml (дата обращения: 12.07.2018).

[876] 东风-31 洲际导弹 [Межконтинентальная баллистическая ракета DF-31].//China.com.28.07.2012. Доступ: http://military.china.com.cn/2012-07/28/content_26046269.htm (дата обращения: 12.07.2018)

[877] 中国神秘专用无人机首次曝光：晃瞎美国预警机和爱国者导弹！ [Впервые показан секретный беспилотный летательный аппарат КНР: он способен «ослепить» авиацию ДРЛО и системы ПВО «Patriot» США!]// Weibo. 03.02.2018. Доступ: https://www.weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404203386047174747 (дата обращения: 10.07.2018).

модификация бомбардировщика в составе ядерной триады Hong-6K [878], основные модификации БРСД и МБР – DF-21D, DF-26, DF-31, DF-41, а также проект собственного китайского авианосца типа 001A и создание ракетных эсминцев (проекта 052D и крупнейших эсминцев класса 10 тыс. т. проекта 055)[879].

Развитие искусственного интеллекта входит в отдельное планирование, важная роль в котором отводится Министерству промышленности и информатизации КНР («План развития искусственного интеллекта в новую эпоху»), в соответствии с которым КНР планирует достичь к 2020 г. уровня развития в области искусственного интеллекта, сопоставимого с мировым, к 2025 г. – значимого «прорыва» по теоретическим разработкам в указанной сфере, к 2030 г. занять ведущее положение по интеграции теоретических и технологических наработок, став главным мировым центром разработки искусственного интеллекта[880].

Программы «973» и «863» и «995» тесно связаны с проектами китайских предприятий ВПК, занимающихся, в числе прочего, разработкой и производством ядерных боезарядов и средств их доставки. Подробные данные о конкретном перечне проектов не публикуются, тем не менее участие таких институтов, как Китайская академия инженерной физики (КАИФ), аэрокосмические корпорации CASC, CASIC в оборонных частях планов «973» и «863» и «995» косвенно подтверждается многочисленными свидетельствами в виде записей о реализованных проектах в резюме китайских ученых. В

---

[878] 轰 6 紧急飞赴台海！遭美电子战机干扰 导弹都发射不出去 [Бомбардировщик «Hong-6K» пролетел над Тайваньским проливом, создав радио-электронные помехи для США: ракеты не были применены].// Mil.sina.cn. 10.07.2018. Доступ: https://jmqmil.sina.cn/dgby/doc-ihezpzwu3712438.d.html?vt=4 (дата обращения: 10.07.2018).

[879]被美国飞机炸出来的“995 工程" [План «995», спровоцированный американской бомбардировкой]. //Ifeng. 10.05.2017. Доступ: https://m.ifeng.com/news/shareNews?forward=1&aid=122310393- (дата обращения: 12.07.2018). Также см.: 奇耻大辱！**18** 年前的今天，美国干的这件事激怒了整个中国 [Великий позор! Действия США 18 лет назад отозвались гневом всего Китая]. // Toutiaoabc. 09.05.2017. Доступ: https://www.toutiaoabc.com/index.php?act=view&nid=306261 (дата обращения: 12.07.2018)

[880] 我国人工智能“三步走”2030 年将打造世界创新中心 [К 2030 году наша страна в три этапа достигнет уровня мирового центра инноваций в области искусственного интеллекта]. Жэньминь Жибао. 28.08.2017. Доступ: http://scitech.people.com.cn/n1/2017/0828/c1057-29499686.html (дата обращения: 12.07.2018).

частности, запись об участии в оборонной части проекта «973» присутствует в онлайн-резюме бывшего главы НИИ № 907 (предположительно, подразделения в составе КАИФ, в ведении которого находится сборочное предприятие ядерных боезарядов) Хуан Хуэя[881]. О том же упоминается в представлении исследователя из НИИ № 901 КАИФ Цзя Хунляня [882], в проектах 5-й академии холдинга CASC[883] и т.д. Косвенное свидетельство о работе над ядерными боезарядами после объявления Китаем моратория на ядерные испытания (1996) в рамках планов «863» и «973» содержится в публикациях китайских государственных СМИ[884].

Таким образом, можно предположить, что развитие основных программ по выведению ВПК КНР на уровень, способный составить конкуренцию США, осуществляется в рамках всех перечисленных программ, за ходом выполнения которых следит лично глава Центрального военного совета КНР. Тем не менее, нельзя исключать существование и более нового общего плана, объединяющего все известные наработки в единый «пул» приоритетов.

4.4. Проблематика применения ядерного оружия в ходе потенциальных конфликтов между США и КНР

[881]黄辉 （研究院）//四川省新材料研究中心 [Резюме исследователя Хуан Хуэя // Сычуаньский центр исследования новых материалов]. Доступ: http://www.newmrdc.com/weiyuan/201412/17.html (дата обращения: 05.06.2018)

[882] 《冲击波物理与力学》高级讲习班通知- 公告通知- 东北大学物理系 [«О физике и механике ударных волн» – Доклад на семинаре – Физический факультет Дунбэйского университета] 14.04.2016. Доступ: http://physics.neu.edu.cn/newsshow.php?cid=25&id=114 (дата обращения: 05.06.2018)

[883] 东北大学-中国航天科技集团有限公司第五研究院第五一○研究所联合培养研究生项目 [Совместный образовательный проект Дунбэйского университета и НИИ 510 5-й академии CASC] http://www.me.neu.edu.cn/a/yanjiushengjiaoyu/lianhepeiyangxiangmu/2018/0314/1698.html (дата обращения: 05.06.2018)

[884] 中国核试验基地科学家干惊天动地事 做隐姓埋名人 [Китайский специалист в области ядерных испытаний потряс общественность, оставшись анонимным] //агентство Жэньминь Жибао. 30.01.2016.

Доступ: http://military.people.com.cn/n1/2016/0130/c1011-28097575.html (дата обращения: 05.06.2018)

Вслед за определением, предложенным А.А. Кокошиным[885], а также использованным в работах таких исследователей, как В.А. Веселов, А.В. Лисс, А.В. Фененко и др., под ядерным конфликтом мы понимаем ситуацию, в которую вовлечены обладатели ЯО и при которой эскалация доходит до уровня, когда начинает рассматриваться практическая возможность применения ЯО[886]. Доведение эскалации до уровня рассмотрения реального применения ядерного оружия может означать исчерпание сторонами иных способов политико-военного и психологического давления друг на друга. Такая ситуация может сложиться, во-первых, при приближении поражения обычных сил, во-вторых – в психологически некомфортных условиях: когда стороны не могут точно определить характер запущенных противником ракет; кинетическом/некинетическом поражении элементов СПРН космического базирования; атаке в киберпространстве.

Целесообразно отделить потенциальный ядерный конфликт между США и КНР, начатый одной из сторон с непосредственного ядерного удара, а также конфликт в неядерной плоскости с риском перерастания в ядерный. В рамках логики обеих ситуаций возможна и такая вариация, как попытка нанесения «обезглавливающего» удара – поражение систем связи и управления, а также системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) базирования на Земле, в воздушном пространстве и в космосе. Грань между конвенциональным и ядерным ударом в восприятии стороны, которая станет жертвой нападения, как показано ранее, может размываться с изменением технологических условий.

Первый вариант (ядерный удар как объявление войны), которому может предшествовать (либо не предшествовать, но проявляться на скрытом уровне) эскалация в политической плоскости, может предполагать удар по территории соперника либо удар по его военной инфраструктуре за рубежом и в акватории.

---

[885] Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). – М.: Медиа-Пресс. 2003.

[886] Веселов В.А., Лисс А.В. Ядерное сдерживание. Учебное пособие. М.: МАКС Пресс. 2005. 246 С. См. также: Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М., 2013.

Внезапный удар по территории наименее рационален и наименее реалистичен: представить рациональные условия, в которых выигрыш от нанесения первого, не обоснованного ничем (либо плохо и недостаточно обоснованного) удара перевесил бы потери от ответного, которые могли бы подтолкнуть одного из лидеров к его выбору при наличии менее радикальных военных и экономико-дипломатических опций, сложно. В то же время внезапный ядерный удар по группировкам вооруженных сил, находящихся за пределами основной (континентальной) части стран, включая авианосные группы, может быть, хотя бы с формальной точки зрения, обусловлен стремлением получить тактическое преимущество для продолжения наступательной операции. Тем не менее такое решение также чревато неконтролируемой ядерной эскалацией, создающей опасность для городов и объектов на континентальной части, и поэтому вряд ли может быть принято политиками, не исчерпавшими иных военно-политических методов.

Маловероятно и внезапное намеренное кинетическое поражение спутников из группировки системы СПРН космического базирования как из-за большого количества обломков, создающих опасность для собственных орбитальных аппаратов, так и из-за высокой вероятности быстрой неуправляемой эскалации, подогреваемой агрессивностью и давлением на политиков внутри страны/блока стран. Более реалистичными и опасными выглядят варианты ядерной эскалации в рамках конфликта с обычными вооружениями.

4.4.1. Трансформация моделей потенциального конфликта с наращиванием китайских сил воспрещения доступа

В публикациях как американских, так и китайских авторов констатируется, что КНР достигла возможности гибкого сдерживания действий США на тактическом и региональном уровнях. При этом в своих гипотетических рассуждениях авторы склонны рассматривать либо

возможность отхода КНР от принципа неприменения ЯО первым, либо нанесение первого ядерного удара, при котором Пекин формально останется в рамках своих обязательств (например, удар по территории или вооруженным силам Тайваня). Подобные выводы основаны на публикуемых в китайских государственных СМИ данных о развитии мобильных твердотопливных ракет средней дальности – DF-21 и DF-26. Отмечается, что ракетный потенциал КНР позволяет угрожать широкому спектру объектов США и их партнеров (в первую очередь, Токио и Тайбэя) в Азии. Китайскими исследователями выделяется остров Гуам (как место базирования американских бомбардировщиков) [887].

В то же время вопрос с определением критериев перехода к «ограниченному» сдерживанию в конце 1990-х – начале 2000-х годов выглядит сложнее. Главным отличием китайских теоретических наработок в сфере «ограниченного» сдерживания от «минимального» стала необходимость создания сил для сдерживания на тактическом уровне, в рамках ТВД и на стратегическом уровне, обладающих противоценностным и контрсиловым потенциалом, способных контролировать (сдерживать) эскалацию ядерного или обычного конфликта[888] . Новаторством концепции «ограниченного сдерживания» для КНР стала идея ведения войны с возможностью нанесения ударов различной дальности, мощности и общего назначения[889].

В совокупности китайских текстов по военной стратегии и высказываний военных отражается точка зрения, что применение ЯО в ограниченном конфликте (локальном столкновении с управляемой эскалацией) не рассматривается Пекином как первичное средство достижения тактического превосходства. Ему может предшествовать серия шагов

[887] 王志军, 王博. 中美军事安全互信问题研究 //国际论坛. (Ван Чжицзюнь, Ван Бао. Исследование вопросов стратегического доверия между США и КНР // Международный форум) – 2014. – Т. 4. – С. 008.
[888] Johnston A. China's New "Old Thinking": The Concept of Limited Deterrence. // International Security. Vol. 20, No. 3 (Winter, 1995-1996). PP. 5-42.
[889] Goldwin P. Potential Chinese Responses to US Ballistic Missile Defense. Presented to the Stimson/CNA NMD-China Project on January 17, 2002. Available at: https://www.stimson.org/sites/default/files/file-attachments/Godwin_1.pdf (accessed: 17.07.2018).

демонстративного характера (в том числе объявление о приведении ЯС в боеготовность) таким образом, чтобы ядерный удар мог стать плодом осознанного движения в его направлении обеих сторон конфликта[890]. На современном потенциальная конфликтная ситуация становится менее устойчивой из-за разработки сторонами гиперзвуковых ракет, которые могут быть использованы для быстрого точечного разоружающего удара и, гипотетически, как средства доставки ЯО[891].

Исследователями рассматриваются различные варианты развития событий в случае начала военного конфликта между США и КНР.

Одним из наиболее реалистичных сценариев ядерного конфликта (т.е. конфликта, в ходе которого могут быть применены как ядерные угрозы, так и реальные ядерные удары) между США и КНР является утрата контроля над эскалацией в конвенциональном конфликте. Поскольку на современном этапе между США и КНР отсутствуют надежные механизмы мер доверия, способные эффективно предотвратить неверную интерпретацию действий и намерений противника, приоритетной целью для Российской Федерации становится недопущение обычного и ядерного конфликта между США и КНР, поскольку это может затронуть ее национальную безопасность.

Интенсивность и длительность потенциального конфликта с применением неядерных сил могут варьироваться и быть соответственно высокой и низкой, а также скоротечной и затяжной[892]. Непредсказуемость темпов и форм, которые может принять эскалация конфликта, обусловили появление работ, моделирующих конкретные сценарии (test cases) исходя из наличия всех логически возможных вариантов, а также исследований,

---

[890]= Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017); 张玉良 （主编）。战役学。国防大学出版社。 北京 2006 年。637 页。Чжан Юйлян / ред. Наука о военных кампаниях. Издательство Университета национальной обороны. Пекин, 2006. 637 с.; 军事科学院军事战略研究部 （编著）。战略学。军事科技学出版社。 北京 2013 年。276 页。Отдел исследований военной стратегии Академии военных наук КНР. Наука о военной стратегии. Издательство Академии военных наук. Пекин, 2013. 276 с.

[891] Speier R. et al. Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons. Santa-Monica, Calif.: RAND. 2017. 133 p.

[892] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1100/RR1140/RAND_RR1140.pdf

выявляющих наиболее «тонкие» места в системе американо-китайских отношений.

В последние десять лет в американском видении конфликта с КНР произошли существенные изменения, связанные с оценкой развития китайских средств воспрещения доступа, включая разведывательные и ударные. Способность КНР дать жесткий отпор американским силам создает потенциал для эскалации конфликта до ядерной стадии. Применение ЯО рассматривается американскими исследователями как отрезвляющее средство, после которого стороны начнут переговоры. В сравнении с исходом конфликта, в котором США смогли «истощить» китайские военно-морские силы и вынудить КНР к переговорам, наличие ядерной опции поставит Пекин в более выгодное положение на переговорах. В этих условиях делается вывод, что для США целесообразно наращивание более «дальнобойных» сил, способных сохранить ними возможность наносить удары по ТВД, проводя запуск с безопасного для платформ (подводные лодки, авиация) расстояния. Вероятно, в связи с этим будет снижаться роль авианосных групп.

Новые технологические факторы – искусственный интеллект, рой беспилотных аппаратов, гиперзвуковые технологии рассматриваются американскими исследователями в основном с точки зрения их дестабилизирующего влияния.

Заметна обеспокоенность американских представителей возможной межпространственной эскалацией (cross-domain escalation) в отношении перерастания конфликта в киберпространстве или в космосе в ядерный. Представители КНР, по-видимому, пока отказываются от детального обсуждения возможных ограничений для себя, «копя силы» для создания более выгодной позиции в будущем.

Ряд американских исследователей, в частности, Д. Гомперт, указывают на отраженное в литературе по военной стратегии намерение Китая победить в короткой войне, применив принцип контроля над военными действиями (war control), который упоминается в китайских работах по военной теории. Кроме

Д. Гомперта, принцип war control рассматривается в работах А. Кофмана и Д. Хартнетта (CNA China Studies, 2016 г.)[893], коллективной работе RAND Э. Медейроса, Р. Клиффа и др. (2008 г.)[894] и прочих исследованиях. Он подразумевает удержание направления эскалации строго в рамках, выгодных для завершения конфликта на китайских условиях. Однако, переходя от рассмотрения теоретических основ к моделированию практических ситуаций, некоторые американские исследователи, в частности, Д. Гомперт, отмечают, что КНР трудно поддерживать «контроль над военными действиями» в конфликте с более сильным соперником, таким как США. Гомперт спорит с выводами, изложенными в китайских исследованиях, в соответствии с которыми китайское отставание можно было бы превратить в преимущество, ведь полного контроля над ситуацией не достичь даже сильной стороне, с чем США столкнулись в Афганистане и Ираке[895].

Внимание исследователей из RAND привлекает китайская концепция противоборства систем, которая рассматривается шире, чем просто столкновение двух армий. Следовательно, как отмечается в работе RAND (2018)[896], все усилия КНР направлены именно на построение неуязвимой «системы систем» управления армейскими подразделениями, а также средств нарушения систем управления ВС соперника. Отмечается, что это более приоритетная задача, чем физическое поражение вражеских авианосных групп, прибывших в зону конфликта. Стремление поражать информационные системы управления рассматривается как важный приоритет китайских изысканий по военной стратегии на протяжении двух десятилетий. Понятие «система ведения военных действий» (作战体系/ operational systems) видится

---

[893] Kaufman A., Heartnett D. Managing Conflict: Examining Recent PLA Writings on Escalation Control. CAN. 2016. URL: https://www.cna.org/cna_files/pdf/DRM-2015-U-009963-Final3.pdf

[894] Dangerous Thresholds: Managing Escalation in the 21st century. Santa Monica: RAND Corporation. 2008. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG614.pdf

[895] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1100/RR1140/RAND_RR1140.pdf

[896] Работа представляет собой детальный анализ китайских подсистем управления и китайской литературы по данному вопросу. Engstorm J. Systems Confrontation and System Destruction Warfare. Santa Monica: RAND Corporation 2018. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1700/RR1708/RAND_RR1708.pdf (Accessed: 12.03.20)

главной единицей измерения в противоборстве, заменяющей понятие противоборства между армиями, соответственно способом достижения победы – system destruction warfare, действия по разрушению «системы ведения боя» противника. Ожидаются попытки Китая нарушить целостность американских систем управления с помощью как кинетических, так и некинетических средств. В пользу этой концепции говорят усилия КНР по созданию системы квантовой передачи данных на ТВД. Другие вопросы, занимающие важное место в исследованиях, связаны со степенью интенсивности военного конфликта, на которую готов пойти Пекин, и со способностью и готовностью КНР применить средства «воспрещения доступа».

Интенсивность военной эскалации связана с очередностью нанесения ударов, которые переведут конфликт из политического в военный. Многие американские исследователи вспоминают случаи с американским разведывательным самолетом EP-3E («Хайнаньский инцидент», 2001) и кораблем Impeccable («выдавливание» пятью китайскими судами американского корабля из района ЮКМ вблизи Хайнаня в 2009 г.), отмечая, что балансирование на грани военного кризиса – реальная ситуация, которая может повториться и даже закончиться плачевно. Американский эксперт в области нераспространения Дж. Льюис (Институт международных исследований Миддлберри, Монтерей) в работе 2013 г. отмечал, что резкая эскалация кризиса способна произойти по ошибке, не в последней степени из-за непонимания взаимных намерений (однако это относится в большей степени к незапланированной ядерной эскалации – из-за возможности использования китайских ядерных и обычных боеголовок на одном типе баллистических ракет – модификациях DF-21)[897]. Дж.Льюисом отмечено, что, в соответствии с публикациями в китайских СМИ в случае начала кризиса КНР может начать повышать уровень готовности ракетных сил: «Основываясь

[897]=Lewis J. China’s Nuclear Idiosyncrasies and Their Challenges. Proliferation Papers 47. 2013. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp47lewis.pdf

на отчетах СМИ о проведении военных учений, в кризисной ситуации Китай может начать рассредоточение своих мобильных ракетных комплексов и заправку ракет шахтного базирования» [898] . В качестве примеров двусмысленной ситуации, которая потребует от сторон реагирования в сжатые сроки, Дж. Льюис привел следующие: «Сможет ли руководство КНР в условиях кризиса отличить простую потерю связи с ПЛ от попытки противника вывести из строя этот компонент китайского потенциала сдерживания на самых ранних стадиях конфликта? Какова была бы реакция США на приведение в боевую готовность мобильных баллистических ракет, которые могли бы использоваться как противоспутниковое оружие? Либо же противокорабельных ракет DF-21D, которые схожи внешне с DF-21 и DF-21A? Предсказать это невозможно, но последний период в американо-китайских отношениях в области кризисной стабильности не внушает оптимизма»[899]).

Укрепление китайского потенциала воспрещения доступа, т.е. средств предупреждения вторжения иностранных сил в воздушное и морское пространство и сковывания их передвижений в рамках ТВД, является вопросом, которому уделяется наибольшее внимание исследователей, анализирующих пути развития американо-китайского конфликта.

К 2013–2014 г. начался заметный сдвиг американских оценок силового потенциала КНР от скептицизма к постулированию успехов китайской военной модернизации. Помимо США, большое внимание данному вопросу уделяется исследовательскими центрами в Австралии [900] . Для ряда исследователей представляется трудным констатировать политическую готовность Пекина ударить первыми по американским силам, например, в рамках операций по поддержанию свободы мореплавания (freedom of navigation operations, FONOPs). Но «заглянуть» в будущее, где США решаются

---

[898] Ibidem.

[899]=Lewis J. China’s Nuclear Idiosyncrasies and Their Challenges. Proliferation Papers 47. 2013. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp47lewis.pdf

[900] China’s Anti-Access Area-Denial and US Pacific Power. //Australian Naval Institute. 26.03.2017. Available at: https://navalinstitute.com.au/chinas-anti-access-area-denial-and-us-pacific-power/ (accessed: 14.06.2018); Davis M. Towards China’s A2AD 2.0. //The Strategist. 24.11.2017. URL: https://www.aspistrategist.org.au/towards-chinas-a2ad-2-0/

на шаг, способный заставить поверить Пекин в военную угрозу, гораздо сложнее. В итоге исследователи соглашаются с физической возможностью и психологической размытостью перспектив китайского удара, что не мешает строить теоретические модели (test-cases).

Преодоление стратегии воспрещения доступа A2/AD (Anti-Access/Area Denial, A2/AD, в китайской литературе – 反介入/区域拒止) является основной направленностью концепции ВС США «Единая концепция доступа и манёвра в глобальных пространствах» (Joint Concept for Access and Maneuver in the Global Commons JAM-GC, утверждена в октябре 2016 г.), которая стала логическим развитием таких концепций, как Capstone Concept (2005)[901], «Воздушно-морское сражение» /AirSea Battle[902] (2010), концепция Совместного оперативного доступа /Joint Operational Access Concept. В свою очередь, развитие указанной американской концепции считается главным стимулом для совершенствования китайских сил A2/AD[903]. Развитие китайского потенциала вооружений для воспрещения доступа охватывает средства наблюдения и разведки, целеуказания, а также высокоточные ракеты и торпеды и средства их доставки, средства ПВО, оружие направленной передачи энергии. Ракетные вооружения могут включать сверхзвуковые и гиперзвуковые ЛА (маневрирующие боевые блоки, а также ракеты с гиперзвуковым прямоточным воздушно-реактивным двигателем, ГПВРД).

Идею воспрещения доступа следует рассматривать в рамках китайской концепции победы в локальных информатизированных войнах （打赢信息化条件下的局部战争, закрепленную в «Белой книге по военной стратегии КНР»

[901] US Department of Defense Washington D.C. Capstone Concept for Joint Preparations. Version 2.0. August 2015. URL: https://www.comw.org/qdr/fulltext/05capstone.pdf

[902] Van Tol J. et al. AirSea Battle. A Point-of-Departure Operational Concept. Center for Strategic Budgetary Assessments. 2010. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/2010.05.18-AirSea-Battle.pdf (accessed : 16.12.2017).

[903] 孙菲. 解读美军 “空海一体战” 概念 //兵器知识 (Сунь Фэй. Анализируя американскую концепцию стратегии AirSea Battle //Исследования вооружений). – 2011. – №. 4. – С. 46-49.

в 2015 г.)[904]. Принцип победы в локальных войнах в условиях информатизации появился в Белой книге по национальной обороне в 2004 г.[905], но слово «информатизация» использовалось и в 2002 г. В свою очередь, понятие «информатизация» было инкорпорировано в сочетание «победа в локальной войне», заместив собой использованные ранее «современные условия» (1985)[906] и «высокотехнологичные условия» (1993).

В течение последнего десятилетия КНР продемонстрировала ряд технологических прорывов в развитии потенциала воспрещения доступа. В частности, в области сверхзвуковых крылатых ракет, гиперзвуковых технологий, систем обнаружения подводных объектов неприятеля (с 2017 г. в Южно-Китайском море идет развертывание подводной гидрофонной сети), снижения заметности собственных субмарин, развития систем ПВО, средств беспилотной стратегической разведки (двухкорпусный БПЛА ShenLong, БПЛА XiangLong[907], подводные беспилотные аппараты), а также в сфере развития технологий «роя» беспилотников – в воздухе и надводных катеров. По состоянию на 2018 г., определенности в вопросе действительного овладения КНР технологией ГПВРД (scramjet) нет, хотя данные об испытаниях в КНР ракеты с ГПВРД появились в китайских СМИ, которые относят первое тестирование к декабрю 2015 г. Тем не менее в других публикациях, посвященных вопросу установки ГПВРД на другой аппарат – беспилотный самолет, указано, что технология ГПВРД не лишена проблем[908]. КНР демонстрирует успехи в авиастроении, включая создание истребителя J-

---

[904] 中国的军事战略（２０１５年５月）[Военная стратегия Китая (май 2015 г.] 05.2015. Доступ: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2015-05/26/content_4617812.htm (дата обращения: 14.06.2018).

[905] http://www.mod.gov.cn/affair/2011-01/06/content_4249947_2.htm

[906] Nathan A., Scobell A. China's Search for Security. New York: Columbia University Press. 2012.

[907] 中国空军又服役一款隐身飞机 有 **3** 大优势比歼 **20** 还神秘 [На вооружение ВВС НОАК поступил еще один малозаметный летательный аппарат, обладающий тремя секретными преимуществами в сравнении с истребителем J-20]// Mil.sina.cn. 13.06.2018. Доступ: https://mil.sina.cn/sd/2018-06-13/detail-ihcwpcmq0069239.d.html?&cid=65898 (дата обращения: 14.06.2018).

[908] 中国超高速无人机框架制造完成 速度4马赫高度3万米 [Завершились разработки планера китайского гиперзвукового БПЛА, развивающего скорость в 4 Маха на высоте 30 тыс. метров] //81uav.cn. 04.06.2018. Доступ: http://www.81uav.cn/uav-news/201806/04/37473.html (дата обращения: 14.06.2018).

20 (заявлено, как 5-го поколения), авиационное двигателестроение и технологии радаров (конформных антенн) для ДРЛО[909].

Приведенные примеры технологических успехов ВПК КНР, которые повышают возможности сил для воспрещения доступа, способны сделать вооруженное противостояние более длительным. По оценкам RAND[910], скорость нарастания разрыва между США и КНР в сфере потенциала оставшихся вооруженных сил по мере развития конфликта (в рамках чего преимущество США должно расти по мере затягивания конфликта, а китайские силы – сокращаться с большей скоростью), будет снижаться. В 2012 г. Н. Фрейер (CSIS) отмечал, что в случае попытки США перебросить крупные контингенты ВС на территорию или акваторию вблизи КНР, Китай мог бы использовать ударные средства дальнего радиуса, сделавшие бы эту затею для США чрезмерно затратной[911]. Тем не менее в том же исследовании Н. Фрейер отмечал, что приоритетом для Китая, развивающего спектр средств воспрещения доступа, остается уклонение от военного столкновения и создание экономических/политических инструментов для влияния США[912].

А. Джонстон (Гарвардский университет), опубликовавший с 1990-х годов ряд работ по изучению стратегической культуры Китая, в 2013 г. обращал внимание на нелинейность роста китайских амбиций как таковых и отсутствие консолидированной позиции в кругах китайской военной элиты по вопросу необходимости политики в стиле экспансии для обеспечения китайской военной гегемонии. Он доказывал, что рост популярности точки зрения о кардинальной смене китайского военно-политического позиционирования, обозначившийся после 2010 г., в существенной мере связан с инерцией в исследовательских кругах, готовых подхватить и

---

[909] 中国攻克一项世界顶尖技术 预警机隐身化或将实现 [Китай овладел передовой технологией, которая может повысить незаметность авиации ДРЛО]// Mil.sina.cn. 08.06.2018. Доступ: https://mil.sina.cn/sd/2018-06-08/detail-ihcscwxa4375145.d.html?&cid=65898 (дата обращения: 14.06.2018).

[910] Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, CA. 2015. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR392/RAND_RR392.pdf

[911] Freier N. The Emerging Anti-Access/Area-Denial Challenge. 2012. URL: https://www.csis.org/analysis/emerging-anti-accessarea-denial-challenge

[912] Ibidem.

интерпретировать любую деталь как рост китайских амбиций, рискуя утратить объективность. Джонстон привел противоположные точки зрения по вопросу возможности и необходимости достижения Китаем гегемонии и оттеснения США: если старший полковник Лю Минфу был сторонником этой идеи, другие военные, например, адмирал Инь Чжуо и генерал-майор Ло Юань, отрицали возможность ее реализации[913]. Тем не менее об объективном росте амбиций КНР говорит развитие авианосного и подводного флотов, авиации, систем подводного слежения за объектами в Южно-Китайском море. Суть споров между экспертами содержится скорее не в отношении амбиций КНР, а в ожидании резкости методов их реализации. Некоторый скептицизм в отношении технологического уровня китайских сил A2/AD сохраняется и в текущее время. Например, Э. Кордесман и Дж. Кендалл опубликовали в 2016 г. статью [914], в которой отмечали спорность реальной готовности к применению китайских средств воспрещения доступа. Подчеркивая важность вклада космических средств разведки и целеуказания, авторы отмечали вероятную незрелость китайской спутниковой группировки: в 2016 г. в распоряжении КНР был 181 спутник, в то время как у США 576. Однако они сделали вывод о том, что превосходство США в средствах космической разведки неизбежно исчезнет, указав на стремительность развития китайской спутниковой группировки и рывок в сравнении с 2000 г. (когда у КНР было лишь 10 спутников[915]).

Интересно также, что Кордесман и Кендалл отметили «повторение» КНР американской ошибки – чрезмерной опоры в планировании на средства спутниковой навигации, что делает американские силы уязвимыми перед противоспутниковыми средствами Китая. Тем не менее здесь следует

---

[913] Johnston A. How New and Assertive is China's New Assertiveness? //International Security. Vol. 37, No. 4 (Spring 2013). PP. 7–48.

[914] Cordesman E., Kendall J. How China Plans to Utilize Space for A2/AD in the Pacific. National Interest. 2016. URL: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/how-china-plans-utilize-space-a2-ad-the-pacific-17383

[915] Также отмечено, что важным стимулом для развития системы спутниковой навигации для наведения ракет стал Тайваньский кризис 1995-96 гг., когда в ходе ракетных «тестов» НОАК не могла отследить точные места соприкосновения ракет с поверхностью воды

вернуться к вопросу изучения китайской концепции противоборства систем, суть которой заключена именно в приоритетности построения неуязвимой «системы систем» управления ВС.

Однако, в целом, американские исследователи в последние годы делают вывод о росте возможностей «воспрещения доступа». Это дало исследователям повод ожидать более активных и инициативных шагов КНР. Например, уже в начале 2010-х годов исследователи из RAND Дж. Доббинс, Э. Скобелл, Д. Гомперт и Д. Шлапак делали вывод [916] о действительной способности КНР достичь первичного превосходства в военном конфликте вблизи своих границ, нанеся неядерный удар первыми, например, в наиболее популярном на тот момент сценарии падения северокорейского режима либо же в Тайваньском проливе – даже вопреки общему мнению о технологической отсталости китайских ВС. Они также ставили вопрос о возможных путях американского ответа – вариантов эскалационных действий, включая случаи перехода конфликта в другие плоскости, например, экономическую и киберсферу [917] . В 2015 г. уверенность в способности КНР достичь доминирования в конфликте в случае нанесения неядерного удара первыми была упомянута в другом исследовании RAND авторства Э. Хэгинботэма и др. как фактор, который может стимулировать Пекин поступить именно таким образом, если Китай заметит американские приготовления к нападению[918]. В 2017 г., пересматривая собственные выводы, сделанные за шесть лет до этого, Дж. Доббинс, Э. Скобелл и др. (и в том числе вошедший в авторский коллектив Э. Хэгинботэм) отметили [919] усиление обозначенных ранее тенденций, а именно наращивания военного потенциала КНР для локального доминирования. Они констатировали увеличение затратности участия США в конфликте с КНР (и затратность будет только повышаться по мере роста

[916] Dobbins et al. 2011.
[917] Там же.
[918] Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, CA. 2015. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR392/RAND_RR392.pdf
[919]= Dobbins et al. Conflict with China Revisited. Santa Monica: RAND. 2017. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE200/PE248/RAND_PE248.pdf

технических возможностей КНР) и соответственно рост рисков передового базирования американских вооружений вблизи КНР.

В 2015 г. RAND был опубликован анализ эволюции соотношения китайских и американских «силовых возможностей» (military scorecard) в 1996–2017 гг.[920] В соответствии с его выводами КНР удалось превратить НОАК в армию современного типа: в рассматриваемый период КНР увеличила возможность угрожать американским силам передового базирования с помощью своих ракетных сил, включая корабельные группы США, и находится на пути к лишению авиации США безопасных баз. В работе упоминалась разработка в КНР неядерной баллистической ракеты, которая поставит под угрозу объекты ВС США на о. Гуам. Также был сделан вывод о существенном укреплении китайских средств ПВО и отмечено, что Китай приблизился к способности нивелировать американские технологическое превосходство за счет наращивания количества и качества авиации, включая совершенные системы РЭБ, средств поражения, запускаемых за пределами зоны действия ПВО (stand-off).

Для решения указанных проблем американские исследователи предлагают снизить роль авианосных групп в планировании конфликта с КНР[921] [922]. Вероятно, здесь присутствует и давнее столкновение интересов различных сегментов американского ВПК. Вместо опоры главным образом на мощь авианосных групп предлагается развитие платформ, запускающих высокоточные беспилотные системы (precision drones) большого радиуса вне пределов театра военных действий и применение подводного флота. Кордесман и Кендалл также предложили (в 2016 г.) отдать приоритет малозаметным и менее дорогим вооружениям для поражения китайской инфраструктуры A2/AD, в том числе за счет средств дальнего действия – парка

[920] Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, CA. 2015. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR392/RAND_RR392.pdf
[921] Cordesman E., Kendall J. How China Plans to Utilize Space for A2/AD in the Pacific. National Interest. 2016. URL: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/how-china-plans-utilize-space-a2-ad-the-pacific-17383
[922] Dobbins et al. 2017.

дальних бомбардировщиков («более дальних самолетов, чем истребители F-35»), для ударов по местам базирования китайских ракет и пунктов управления и РЛС[923].

Удешевить способы обесценивания китайских сил по воспрещению доступа может концепция роя беспилотных систем - подводных, воздушных, и, вероятно, надводных. «Рой» беспилотных аппаратов (БПА) представляется гораздо более эффективным, чем простые БПА. Исследователи RAND признают уязвимость крупных беспилотников при их использовании в американо-китайском военном конфликте. Например, в исследовании Л. Дэвиса и др. (RAND, 2015 г.) отмечается, что «в конфронтации между США и КНР имеющиеся сегодня беспилотные системы были бы немедленно сбиты» («In a U.S.-China confrontation, current armed UAV systems would be shot down in moments»[924]). Тем не менее исследователи признают, что на современном этапе и концепции «роя» во многом несовершенны. Пока не решены вопросы о балансе автономности БПА от базы и необходимой степени человеческого вмешательства в их управление, этические и юридические вопросы (ответственность за ущерб с точки зрения международного права). Кроме того, как отмечено в комментарии Дж. Снида и Дж.-М. Сэйблера для The Heritage Foundation, существует острая проблема правового урегулирования борьбы с беспилотными устройствами[925]. Пока роевые беспилотные системы не поставлены на вооружение ни США, ни КНР, дискуссии продолжаются в чисто гипотетическом ключе, однако перспектива их развертывания очевидна.

Развитие концепций «роя», а также просто использование беспилотников является приоритетом для КНР в неменьшей степени, чем для США. Американские исследователи, как, например, Э. Кания (Center for a New

[923] Cordesman E., Kendall J. 2016.
[924] Davis L. et al. Armed Drone Myth 1: They will Transform How the War is Waged Globally. Santa Monica: RAND. 2015. URL: https://www.rand.org/blog/2015/02/armed-drone-myth-1-they-will-transform-how-war-is-waged.htmlhttps://www.rand.org/blog/2015/02/armed-drone-myth-1-they-will-transform-how-war-is-waged.html
[925] Snead J., Seibler J.-M. America Is Not Ready for the Drone Threat. The Heritage Foundation. 2018. URL: https://www.heritage.org/defense/commentary/america-not-ready-the-drone-threat

American Security), отмечают[926] новый курс КНР на военные действия с использованием беспилотных систем с искусственным интеллектом (ИИ). Ожидается, что беспилотные системы с ИИ станут основным средством ведения войны в будущем как в воздухе, так и на суше, и в море как для операций разведки и наблюдения, так и ударных[927]. Китайские беспилотные системы также рассматриваются Э. Канией как «китайский вариант стратегии компенсации» - асимметричные средства для уничтожения дорогостоящих авианосцев США[928]. В 2015 г. в исследовании RAND авторства М. Чейза и других отмечалось[929], что развитие китайских беспилотных разведывательных аппаратов способно увеличить эффективность нацеливания сил КНР на отдаленные объекты; беспилотные системы наблюдения повышают эффективность мониторинга пространства в спорных акваториях. Тогда же авторы задавались вопросом о потенциальной роли поражения беспилотных систем Китая или Соединенных Штатов в эскалации конфликта. Ссылаясь на случай с развертыванием на островах Сенкаку китайских БПЛА BZK-500 в 2013 г. (когда на их развертывание последовала жесткая риторика со стороны Японии и не менее жесткая - со стороны Пекина: спикер Министерства обороны КНР пообещал расценить поражение своего БПЛА Японией как акт начала войны, на который последует ответ), исследователи RAND ставили вопрос, будет ли Пекин расценивать аналогичным образом свой перехват американского беспилотника актом начала войны с соответствующими последствиями[930].

4.4.2. Опасность перехода конфликта в ядерную стадию из-за проблемы недостаточного понимания действий оппонента

[926] Kania E. Swarms at War. China Defense Brief. July 6, 2017. Available at: https://jamestown.org/program/swarms-war-chinese-advances-swarm-intelligence/ (accessed: 12.11.2018).
[927] Ibidem.
[928] Ibidem.
[929] Chase M. et al. Emerging Trends in China's Development of Unmanned Systems, Santa Monica: RAND 2015. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR990.html (accessed: 12.11.2018).
[930] Ibidem.

Ряд современных исследователей в России и за рубежом отмечают, что вероятность военного конфликта между США и Китаем сама по себе мала. Тем не менее массив работ, моделирующих варианты начала военного конфликта, растет, в особенности среди публикаций в США. В них отмечается, что начавшийся конфликт может принять многообразные и не имеющие прецедентов в истории формы [931]. Важность анализа и прогнозирования развития эскалации обуславливается потенциальным уроном для международной безопасности[932].

Вслед за развитием ракетных технологий и миниатюризацией ядерных боезарядов, а также появлением признаков значительного увеличения количественного состава ЯС КНР, становится актуальным уточнить ряд юридических и практических вопросов его возможного применения. В их число входит степень эскалации, на которую способен пойти Пекин в случае объявления независимости Тайванем и вмешательством ВС США. Момент решения о применении ЯО может варьироваться от применения ЯО в крайнем случае – при полном поражении и физической угрозы для руководства терпящей военное поражение армии до варианта «эскалации ради деэскалации», который упоминается в американских доктринальных документах в отношении РФ (хотя в таком виде не является частью официальной ядерной доктрины РФ). «Эскалация ради деэскалации» может подразумевать ожидание стороны, идущей на эскалацию, рациональной сдержанности от противоположной стороны.

КНР официально придерживается принципа неприменения ядерного оружия первыми ни при каких обстоятельствах, а также воздержания от угрозы применить ядерное оружие против неядерных государств и безъядерных зон [933]. Пекин никогда не отступался от этих принципов на практике. Тем не менее, в течение всего «ядерного века» Китая исследования

---

[931] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016.
[932] Tamadge C. Would China Go Nuclear? // International Security, Vol. 41, No. 4 (Spring 2017), pp.50-92.
[933]=中国的军事战略（全文）（Военная стратегия Китая (полный текст) ）. 26.05.2015. Вебсайт Министерства обороны КНР. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2015-05/26/content_4588132_2.htm (дaьа обращения: 13.12.2017).

зафиксировали как минимум один случай действительного приготовления к применению ядерного оружия (в ходе эскалации конфликта с СССР) [934]. В соответствии с преамбулой Конституции КНР (1982), Тайвань является частью КНР [935] и, следовательно, подпадает под действие Закона о противодействии расколу государства, принятому в 2005 г., по которому Пекин оставляет за собой право применения «немирных методов» (非和平方式) в случае попытки отделения острова (ст. 8)[936].

Другой вопрос – идентификация Пекином степени угрозы в случае обнаружения запущенных в сторону Китая ракет. Вне зависимости от того, являются они ядерными или конвенциональными, их запуск может быть идентифицирован как попытка «разоружающего» удара (удары по местам базирования ракет, складирования боезарядов, пусковых установок, а также местам базирования ядерных бомбардировщиков и подводных лодок[937]), а также «обезглавливающего», нацеленного на повреждение сетей управления и контроля, оповещения о ракетном нападении, нейтрализацию китайских систем противоракетной обороны и других объектов военной ядерной инфраструктуры. Причем, учитывая, что на современном этапе говорить об уверенности в способности США уничтожить одним ударом все ЯС КНР, исходя из чисто количественного превосходства, нельзя (подробно этот вопрос рассмотрен в гл. 1), речь идет скорее не о классическом разоружающем ударе, а только качественном ослаблении китайского ядерного арсенала. В этой связи как в американской, так и китайской литературе важное место уделяется понятию ошибки и просчета (miscalculation).

---

[934]= Tong Zhao. Nuclear Signaling and China's Perceptions about Nuclear Threat. Availablle at: http://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Nuclear%20Signaling%20and%20China's%20Perception%20about%20Nuclear%20Threat%20-%20How%20China%20Handled%20Nuclear%20Threats%20in%20the%20Cold%20War.pdf (accessed : 17.09.2017).

[935]=中华人民共和国宪法 (Конституция Китайской Народной Республики). 12 апреля 1982 г. Сайт Правительства КНР. Доступ: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (дата обращения: 13.12.2017).

[936] 中华人民共和国反分裂国家法 (Закон о противодействии расколу государства КНР). 14 марта 2005 г. Сайт Министерства обороны КНР. Доступ: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2016-02/19/content_4618044.htm (дата обращения: 14.12.2017).

[937] Tamadge C. Would China Go Nuclear? // International Security, Vol. 41, No. 4 (Spring 2017), pp.50-92.

Третий фактор неопределенности связан с возможным поражением НОАК в конфликте с применением обычных вооружений. Рассмотрение западными исследователями возможности применения Китаем ЯО в конвенциональном конфликте обусловлено не только указанными теоретическими построениями, но и содержанием текстов и выступлений представителей военных кругов КНР.

Авторы ряда американских исследований ставят вопрос о готовности сторон перейти на ядерную стадию конфликта, прибегнув к угрозам применения ЯО либо к практическим действиям. Выводы основной массы работ сводятся к невозможности применения Пекином ядерного оружия в случае поражения обычных сил, поскольку основной спектр конфликтогенных вопросов располагается вне континентальной части Китая и проигрыш в них либо не будет означать физической опасности для руководства КНР и общей целостности страны, либо эта опасность по крайней мере не перевесит риск возможности получения ответного ядерного удара США. Такие выводы содержатся в исследованиях и конца 2000-х годов, и 2010-х. Вариант применения ЯО первыми самими США отвергается экспертами из-за уверенности в наличии у КНР живучего потенциала для ответного удара[938]. Тем не менее ряд экспертов в США указывают на связь между группой концепций AirSea Battle-JOAC-JAM-GC и возможным решением КНР применить ЯО в безвыходной ситуации. Некоторые из них, например Т. Кристенсен, отмечают [939] актуальность аргументации времен холодной войны, в соответствии с которой, развитие конвенциональных вооружений НАТО стимулировало разработку вариантов применения ЯО СССР.

Нарастает интерес к исследованию потенциальной связи развития ИИ и возможности начала ядерной войны. В исследовании, опубликованном в

[938] Dobbins et al. Conflict with China: Prospects, Consequences, and Strategies for Deterrence. Santa Monica: RAND. 2011. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP344.pdf

[939] Christensen T. The Meaning of the Nuclear Evolution: China's Strategic Modernization and U.S.-China Security Relations. // Journal of Strategic Studies, Vol. 35, No. 4 (August 2012).

RAND в первой половине 2018 г.[940], рассматриваются перспективы, при которых развитие ИИ сможет превратить ядерную войну в выигрываемую, однако нанесет удар по системе стратегической стабильности.

Применение ЯО в конфликте, начавшемся как конвенциональный, рассматривается как одна из наиболее тревожных опций, хотя и отвергается из-за нерациональности. Нарастание интереса к вопросу реалистичности китайского принципа неприменения ЯО первыми связано с диверсификацией китайских носителей ЯО и информационными «поводами», комментариями китайских военных, которые можно интерпретировать двояко и, что особенно важно, предположения о наличии у Пекина тайной стратегии, отличной от принципа неприменения ЯО ни при каких условиях первыми. Пример последнего - содержание переведенных в 2014 г. американским исследователем из Союза обеспокоенных ученых (Union of Concerned Scientists) Г. Кулацки выжимок из китайского военного труда «Теория операций Второй артиллерии»[941]. О наличии в китайских военных кругах дискуссии о целесообразности сохранения принципа неприменения первыми в неофициальных контактах с американцами упоминала авторитетный военный теоретик, генерал-майор НОАК в отставке Яо Юньчжу[942]. Существенный резонанс вызвали высказывания о ядерной опции в отношении тайваньской проблемы заместителя главы Генштаба НОАК генерала Сюн Гуанкая в 1996 г.[943]., а также генерала НОАК, профессор Национального оборонного университета КНР Чжу Чэнху[944] в 2005 г., который впоследствии не только не был отстранён от работы, но и принимал участие в

[940] Geist E. John A. How Might Artificial Intelligence Affect the Risk of Nuclear War? Santa Monica: RAND. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE296.html

[941] Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Beijing: People's Liberation Army Press, 2014. P. 294–296. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf (accessed: 25.11.2016).

[942] Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (accessed: 04.07.2017).

[943] Congressional Record – House. Vol. 151. Pt.12. July 14 to July 22, 2005. P. 16670–16671. Harnley A., Sevastopulo D. Top Chinese General Warns US Over Attack.Financial Times. July 15, 2005. Available at: https://www.ft.com/content/28cfe55a-f4a7-11d9-9dd1-00000e2511c8 (accessed : 15.12.2017).

[944]. Harnley A., Sevastopulo D. Top Chinese General Warns US Over Attack.Financial Times. July 15, 2005. Available at: https://www.ft.com/content/28cfe55a-f4a7-11d9-9dd1-00000e2511c8 (accessed : 15.12.2017).

неофициальном диалоге с США в ядерной сфере. В важном для НОАК теоретическом труде «Кампании Второй артиллерии» (перевод фрагмента Г. Кулацки)[945], отражена возможность «предупреждающих мер» с донесением до широких общественных слоёв данных о приведении ЯС КНР в боеготовность, что может побудить противника к деэскалации.

Американские исследователи из RAND Corp. (Д. Гомперт, А. Севаллос и др.) в опубликованном в 2016 г. исследовании «Война с Китаем: размышляя о немыслимом» («War with China: Thinking Through the Unthinkable»[946]) рассматривают в качестве наиболее вероятной формы конфликта между США и КНР войну в морском (подводном и надводном) и воздушном, космическом и киберпространстве, практически исключая возможность масштабных сухопутных действий (кроме ограниченных боевых действий на Корейском полуострове) и применения ЯО, поскольку вероятность, что руководство одной из сторон может расценить свои потери достаточными для принятия риска ответного ядерного удара, мала. Киберсфера признаётся единственной площадкой вероятных атак со стороны КНР на территории США.

Однако даже эти авторы не могут полностью исключить вероятность ядерной эскалации в крайнем случае, например:

- риск полного уничтожения китайских ВС («Chinese forces are at risk of being totally destroyed»). Вероятно, имеются в виду все виды войск, способные противостоять США ради защиты КНР);
- в случае если территория КНР не может быть защищена армией и подвергается реальной опасности иностранного захвата (по-видимому, имеется в виду возможность для беспрепятственного наступления противника вглубь материкового Китая); военные операции противника выходят за рамки

[945] Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Pp.294-296. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf

[946] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016. P. 11.

поражения военных целей и угрожают, например, политическому руководству;

- экономический и политический урон от войны ставит под вопрос целостность государственного строя;
- США совершают реальные неядерные удары по критически важным объектам КНР – местам базирования МБР, ПЛАРБ, системам управления стратегическими силами (либо если таково восприятие американских действий руководством КНР), что может сделать КНР уязвимой перед последующим ядерным принуждением[947].

Опасность перехода от конвенционального конфликта к применению ядерного оружия осознается большинством членов военно-политического сообщества США, однако ее уровень видится по-разному. Значительная часть современных американских исследований, включая публикации корпорации RAND, указывают на минимальность угрозы отхода КНР от принципа неприменения первыми из-за подавляющей мощности американского ядерного сдерживания[948]. Анализ с такой же позиции проводился и в отношении вероятности обычного конфликта[949], однако, в нашем представлении, предпочтительнее учитывать не только соотношение потенциалов, но и фактор возможного психологического давления и даже «тестирования» китайцами американских пределов.

Одно из направлений западных исследований посвящено проблеме неверной интерпретации. Например, как отмечает К. Тэлмэйдж (Университет Дж. Вашингтона), усложняющим проблему интерпретации фактором является смешивание ядерных и конвенциональных возможностей в рамках одного типа ракет (DF-21) и недостаточности данных о характере оснащения других[950]. В этой связи в случае обнаружения запущенных в сторону КНР

---

[947] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016. P.29. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1100/RR1140/RAND_RR1140.pdf
[948] Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016.
[949] Van Tol J. et al. AirSea Battle. A Point-of-Departure Operational Concept. Center for Strategic Budgetary Assessments. 2010. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/2010.05.18-AirSea-Battle.pdf (accessed : 16.12.2017).
[950] Talmadge C. Would China Go Nuclear? // International Security, Vol. 41, No. 4 (Spring 2017), pp.50-92.

ракет Пекин может оказаться перед выбором: применить ЯО или потерять его[951].

Тем не менее вопрос об ошибочном ударе США по ядерным ракетам вместо конвенциональных нельзя считать основным, поскольку главные силы стратегического сдерживания, способные поражать территорию США, сосредоточены в «чисто» ядерных МБР.

Другие варианты ошибки и просчета возможны в отношении нацеливания потенциального американского удара на системы управления и контроля. К. Тэлмэйдж также отмечает, что на сегодняшний день в исследовательских кругах не сложилось единой точки зрения о степени раздельности систем передачи команд для бригад ядерных и неядерных ракет, а также для подводных лодок, несущих и не несущих ядерные баллистические ракеты. В этом отношении актуальны два измерения: уровень подготовленности США, дающий возможность нанести удар исключительно по системам, отвечающим за управление конвенциональными системами в случае их реального разделения, а также невозможность отделения ядерной инфраструктуры от неядерной в случае их фактического смешения. Последний вопрос также актуален в отношении систем ПВО, однако здесь ясности больше. Исходя из открытых источников в китайских СМИ[952] и аналитических публикаций исследователей из США и Австралии[953954], прикрытие средствами ПВО мест базирования ядерных бригад Ракетных войск НОАК неотделимо от защиты конвенциональных ракет, следовательно, поражение систем ПВО означало бы повышение уязвимости всех систем[955].

4.4.3. Проблематика «сдерживания в нескольких сферах»

---

[951] Ibidem.

[952] 中国为何突然曝光 550 万吨核武器？彻底改变世界核力量格局 (Зачем Китай вдруг показал 5,5 Мегатонное ядерное оружие? Мировой ядерный баланс полностью меняется). Tiexue.net. 22.01.2017. Доступ: http://bbs.tiexue.net/post_12427440_1.html （дата обращения: 12.12.2017）.

[953] Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, CA. 2015. 389 P. p. 295.

[954] Kristensen H., Norris R. Worldwide Deployments of Nuclear Weapons, 2017 //Bulletin of Atomic Scientists. No. 5(73). Pp.289-297.

[955] Talmadge C. Would China Go Nuclear? // International Security, Vol. 41, No. 4 (Spring 2017), pp.50-92.

В 2010-х годах обеспокоенность американских представителей вызвала возможная «межпространственная эскалация» (cross-domain escalation), - опасность перерастания конфликта в неядерной сфере, в особенности в киберпространстве и космосе, в ядерную стадию.

В 2011 г. в Институте национальных стратегических исследований (Institute for National Strategic Studies) Национального оборонного университета США Д. Гомперт (первый заместитель директора центральной разведки США в 2009–2011 г.) и Ф. Сондерс (директор Центра исследований военных вопросов КНР при указанном институте) опубликовали крупную работу «Парадокс силы: стратегическая сдержанность между Китаем и США в эпоху уязвимости» («The Paradox of Power: Sino-American Strategic Restraint in an Age of Vulnerability»)[956]. В книге был сделан вывод о способности США и КНР нанести друг другу ущерб не только и не столько ядерными ударами, но и в космическом и киберпространстве. На основе этого авторами была предложена концепция взаимной сдержанности (mutual restraint) в указанных трех сферах. Интересно, что подписание документа вроде кодекса поведения в рамках «межпространственного сдерживания» (cross-domain deterrence) в трех сферах на основе указанной работы предлагалось американскими представителями в ходе полуофициальных переговоров в 2013 г. Однако дальше обсуждений предложение не продвинулось, отдельные элементы, как принцип ненанесения первыми ударов в космосе, развития не получили. Китайская сторона заняла в целом пассивную позицию[957].

4.4.4. Основные зоны и сферы потенциальной ядерной эскалации

[956] Gompert D., Saunders P. The Paradox of Power: Sino-American Strategic Restraint in an Age of Vulnerability. National Defense University. 2011. URL: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/Books/paradox-of-power.pdf

[957] Cossa R., Glosserman B, Santoro D. The Seventh China-US Strategic Dialogue on Strategic Nuclear Dynamics & The Inaugural China-US Dialogue on Space Security. Conference Report. 2013. URL: https://www.hsdl.org/?view&did=737077

На фоне модернизации ВПК КНР и реформирования систем управления НОАК в США растет количество публикаций, указывающих на расширение геополитических амбиций Китая, ради обеспечения которых у него крепнет готовность применить силу. Такие выводы содержатся в материалах слушаний в конгрессе[958]. Основными зонами, вокруг которых может начаться неядерный конфликт с участием КНР и США, являются Тайвань и Тайваньский пролив, Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря – либо на двухсторонней основе, либо если США вмешаются в конфликт КНР с третьей стороной. Отдельный вопрос – столкновение США и КНР на Корейском полуострове в случае падения режима в КНДР (сценарий, конца правления Ким Чен Ира – начала периода Ким Чен Ына) – рассматривался как столкновение наземных сил и авиации[959]. Следует отметить трансформацию возможностей США по «проецированию силы» в основных конфликтогенных точках. Так, в 2011 г. исследование RAND оценивало потенциал силового проникновения США на Тайвань средним-низким, на Корейский полуостров средним, в Южно-Китайское море высоким[960]. Изменение баланса сил особенно заметно в Южно-Китайском море и связано с расширением КНР островов Спратли и Парасельских. Однако, как показано далее, сценарии потенциальных конфликтов «за Тайвань» либо ради защиты интересов союзников США в акватории Южно-Китайского моря характеризуются снижением ожидаемого потенциала силового проникновения США.

В более отдаленной перспективе зоной американо-китайского столкновения может стать акватория Индийского океана, которая все больше укрепляется как зона стратегических интересов и Пекина, и Вашингтона. В последние годы выходит много работ о частоте патрулирования китайским надводным и подводным флотом акватории Индийского океана. Появляются

---

[958] China's Global Naval Strategy and Expanding Force Structure: Pathway to Hegemony Testimony by Captain James Fanell (USN, Ret.) URL: https://intelligence.house.gov/uploadedfiles/james_e._fanell_hpsci_testimony_-_final_-_17may18.pdf

[959] Dobbins et al. Conflict with China: Prospects, Consequences, and Strategies for Deterrence. Santa Monica: RAND Corporation. 2011. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP344.pdf

[960] Dobbins et al. Conflict with China: Prospects, Consequences, and Strategies for Deterrence. Santa Monica: RAND Corporation. 2011. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP344.pdf

публикации о строительстве Китаем базы ВМФ на территории Пакистана[961], данные о получении в долгосрочную аренду (хотя и на данном этапе без права открытия военных объектов) порта Хамбантото на Шри-Ланке, укрепление стратегических связей с руководством Мальдивских островов. Интерес США к Индийском океану отмечается в попытках создать альтернативный китайскому влиянию стратегический формат четверки «Япония–Индия–Австралия–США» [962] , а также решение переименовать Стратегическое командование на Тихом океане в Индо-Тихоокеанское (Indo-Pacific Command[963]).

В конце 2000-х – начале 2010-х годов в американской политологической среде произошло некоторое снижение интереса к конфликту вокруг Тайваня. Это было связано с политическими связями острова и материка, улучшавшимися в период пребывания у власти президента Ма Инцзю (2008–2016), принадлежащего к партии Гоминьдан. Однако после 2016 г. ситуация имеет шанс измениться под влиянием сочетания политики Д. Трампа, прихода к власти в Тайбэе кабинета Цай Инвэнь и нарастания экономического давления материка на остров, в том числе на фоне поставок американских вооружений. Главным вопросом, создающим «диспозицию» для эскалации конфликта, является изменение статуса острова (окончательное отделение/присоединение острова к материку).

Из наиболее видных работ, посвященных эскалации из-за Тайваня, вышедших в конце 2000-х – начале 2010-х годов, выделяются исследования RAND под авторством Дж. Доббинса[964], Д. Шлапака и Р. Клиффа[965]. Исходя

---

[961]=Rajagopalan R. A New China Military Base in Pakistan? //The Diplomat. 09.02.2018. Available at: https://thediplomat.com/2018/02/a-new-china-military-base-in-pakistan/ (accessed: 14.06.2018).

[962] Yen Nee Lee. A Four-Nation Alliance May Be Rising to Counter China's Belt and Road. //CNBC. 18.02.2018. Available at: https://www.cnbc.com/2018/02/18/us-japan-india-australia-mull-alternative-to-chinas-belt-and-road.html (accessed: 14.06.2018).

[963]=U.S. Indo-Pacific Command Holds Change of Command Ceremony. //PACOM. 30.05.2018. Available at: http://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/1535776/us-indo-pacific-command-holds-change-of-command-ceremony/ (accessed: 14.06.2018).

[964] Dobbins et al. Conflict with China: Prospects, Consequences, and Strategies for Deterrence. Santa Monica: RAND Corporation. 2011. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP344.pdf

[965] Cliff R., Shlapak D. U.S. – China Relations After Resolution of Taiwan Status. Santa Monica: RAND. 2007. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG567.pdf

из предложенного Д. Шлапаком и Р. Клиффом логического максимума основных сценариев, изменение ситуации вокруг острова рассматриваются как:

а) мирное:

- мирное объявление независимости Тайваня (Китайской Республики);
- мирное воссоединение Тайваня с КНР;
- мирное промежуточное решение;

б) с применением силы – без вмешательства США:

- независимость (Китайской Республики) через применение силы;
- безрезультатный военный конфликт;
- присоединение острова к КНР силой;

в) с применением силы – с участием США (в случае если Пекин предпринял бы попытку захвата острова):

- независимость Тайваня (Китайской Республики) через применение силы, с участием США на стороне тайваньских властей;
- военный конфликт без достижения результата, с участием США на стороне тайваньских властей;
- присоединение острова к континентальному Китаю силой, где ВС США принимают участие на стороне тайваньских властей.

В 2007 г. авторы RAND сделали вывод о практической невозможности эскалации конфликта в рамках группы вариантов в) до применения ЯО, в особенности, при неблагоприятном для Пекина исходе. В исследовании RAND 2017 г. (см. далее) новый условный «Тайваньский кризис» с участием США и КНР уже не исключает ядерной эскалации.

В 2015 г. специалистами RAND рассматривались такие сценарии в отношении Тайваня, как борьба за господство в воздухе над пространством в зоне Тайваньского пролива, и кампания «на истощение» (attrition) китайских ВВС. Указывалось, что успешной стратегией могло бы стать уничтожение китайских авиабаз. Однако реализация такой опции была признана сложной. Также признавался риск потери авианосца в зоне Тайваньского пролива

авианосца. В 2015 г. также делались выводы о достижении беспрецедентной ситуации, при которой США способны удерживать превосходство в воздушном пространстве, помогая тайваньским наземным силам **лишь в ограниченные временные отрезки**[966]. Авторами отмечено сужение числа авиабаз, на которые могут опереться американские ВВС из-за расширенного нацеливания китайских ракет, и потребность в самолетах-танкерах для дозаправки, которые сами по себе могут стать мишенями для китайских ударов. Также указано на отсутствие гарантии безопасности при базировании на авиабазе Андерсен на о. Гуам[967].

В 2017 г. в RAND представили очередные сценарии конфликтов вокруг Тайваня с участием США (работа под ред. Д. Луна, Т.Келли и Д. Гомперта), спронозировав разницу технологической базы по состоянию 2015 и 2025 г.[968]. В отношении условного конфликта 2015 г., начало которому могло быть положено попыткой Тайваня объявить независимость, предполагалась следующая последовательность:

1. Блокада Пекином акватории и воздушного пространства вокруг Тайваня с целью вынудить Тайбэй отменить решение. Уже на первом этапе блокада будет включать удары по любым силам, которые могли бы помочь Тайваню сопротивляться (т.е., подразделениям самого острова, а также силам США в случае вмешательства).
2. Мощный и немедленный военный ответ США: удар крылатыми ракетами, в том числе с помощью малозаметной авиации, по средствам управления, контроля и разведки, а также по ударным силам КНР, аэродромам, военным портам и системам ПВО, также удары с американских подводных лодок по китайским военным кораблям, обеспечивающим блокаду острова.

---

966 Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, CA. 2015. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR392/RAND_RR392.pdf

967 Ibidem.

968 Long D., Kelly T., Gompert D. Smarter Power, Stronger Partners, Volume II: Trends in Force Projection Against Potential Adversaries. Santa Monica, RAND. 2017. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1359z1.html (accessed: 13.11.2018).

3. Последующие удары КНР по силам США крылатыми ракетами воздушного пуска по американским силам на территории Японии и кораблям США.
4. Достижение победы сил США на фоне существенных потерь (вплоть до повреждения авианосцев (mission kills). Победа достигается за счет убеждения КНР прекратить блокаду ударами, наносимыми американскими подводными лодками по кораблям ВМФ КНР.

Условный конфликт образца 2025 г. характеризуется усилением китайского потенциала высокоточных баллистических ракет малого и среднего радиуса, противоспутниковых средств, а также систем наблюдения и разведки, что окажет влияние на передовое базирование США, включая авиабазу на о. Гуам, и на возможность вхождения американских авианосцев в зону конфликта. В этих условиях действия США схожи с моделью 2015 г., однако здесь при ударе США делается больший акцент на повреждение китайских объектов управления и разведки. В данной ситуации затрудняется способность вхождения/приближения американской авиации к зоне конфликта. Особенностью модели 2025 г. может стать дальнейшая эскалация, если Китай использует оружие против американской спутниковой группировки и предпримет угрозу применения ЯО (балансирование на грани ядерного удара может стать ответной реакцией на угрозу поразить места базирования китайского ЯО силами США). На определенной стадии допускается нанесение Китаем удара по местам базирования инфраструктуры ПРО США на Аляске. Ожидается, что какое-то из данных действий сможет возыметь отрезвляющий эффект, который усадит стороны за стол переговоров[969].

В связи с углублением напряженности в Южно-Китайском море, в особенности после заметного расширения присутствия китайских вооруженных сил на искусственно расширенных островах, активизировались исследования «тест-кейсов» в отношении этой акватории.

---

[969] Long D., Kelly T., Gompert D. Smarter Power, Stronger Partners, Volume II: Trends in Force Projection Against Potential Adversaries. Santa Monica, RAND. 2017. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1359z1.html

По состоянию на 2015 г. эксперты RAND оценивали о-ва Спратли как наиболее уязвимое место для КНР в Южно-Китайском море[970]. Удары по китайским силам на них (наиболее удаленном месте от континентальной части Китая) рассматривались как самые простые и эффективные. Тем не менее, учитывались две во многом противоречащие друг другу группы факторов: как физическая ограниченность количества китайской авиации, способной вести бой над Спратли, возможностями дозаправки, так и затратность нанесения ударов по инфраструктуре Спратли для ВС США, высокая вероятность потерь, ограниченность дальности полетов авиации США без дозаправки. Более сложной задачей для США считается уничтожение китайской инфраструктуры на Парасельских островах. В 2017 г., как и с Тайванем, исследователи RAND рассмотрели две модели эскалации вокруг рифа Второй отмели Томаса (Second Thomas Shoal), которая может начаться как китайско-филиппинская с вмешательством США. Условная модель 2015 г. предполагала следующие этапы:

- начало конфликта - блокирование китайскими силами пространства вокруг рифа и поражения самолета ВВС Филиппин;
- продолжение конфликта без распространения на континентальную часть КНР, поскольку США смогли бы уверенно удержать превосходство в воздухе над Южно-Китайским морем и не рассматривать опцию эскалации.
- спустя определённое время – нанесение КНР ударов по военным кораблям США в зоне конфликта (в том числе противокорабельной ракетой по авианосцу);
- ответное действие США - поражение китайских загоризонтных РЛС и наземной инфраструктуры противоспутниковых вооружений;
- завершение конфликта, как и в случае со сценарием с Тайванем в 2015 г., благодаря способности США «измотать» (attrite) ВМФ КНР ракетно-

[970] Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, CA. 2015. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR392/RAND_RR392.pdf

торпедными ударами, в результате чего КНР «убедили» прекратить блокаду[971].

В 2025 г., снова благодаря системам разведки и наблюдения и ракетным вооружениям дальнего радиуса, ситуация имеет высокую вероятность сложиться по-другому. Предположительно КНР сможет решиться не на блокировку, а непосредственный захват рифа. Возможности США по вхождению в зону конфликта будут сужены, в связи с чем они понесут потери. («В результате китайских ударов противокорабельными баллистическими ракетами либо крылатыми ракетами воздушного либо подводного пуска, потери США исчисляются несколькими крупными кораблями и двумя авианосцами – либо поврежденными и выведенными из боевого строя, либо потопленными»[972]). Неудача на локальном уровне заставит США нанести удары по континентальному Китаю – по объектам управления, связи, наблюдения и разведки. После этого стороны могут попасть в ситуацию, когда обе способны взаимно «отрицать» (deny) возможность вхождения друг друга в зону рифа. Завершение конфликта может быть связано с повышением уровня готовности китайских ЯС, например после того, как КНР потеряет связь с одной из своих ПЛАРБ. Такая ситуация заставит стороны начать переговоры [973].

Подводя итог в четвертой главе, можно констатировать разнообразие спектра потенциально дестабилизирующих факторов, способных оказать влияние на отношения между США и КНР в ядерной сфере. Их масштаб значительно превосходит потенциально стабилизирующие факторы, приведенные в третьей главе данной работы. При этом для КНР остается критически важным вопрос об уязвимости США, связанной с развитием

---

[971] Long D., Kelly T., Gompert D. Smarter Power, Stronger Partners, Volume II: Trends in Force Projection Against Potential Adversaries. Santa Monica, RAND. 2017. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1359z1.html

[972] В июне 2018 года КНР продемонстрировала вариант своей противокорабельной крылатой ракеты YJ-18 в варианте подводного пуска с герметичным контейнером.

[973] Long D., Kelly T., Gompert D. Smarter Power, Stronger Partners, Volume II: Trends in Force Projection Against Potential Adversaries. Santa Monica, RAND. 2017. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1359z1.html

американских систем ПРО, перед ответным ударом со стороны КНР в случае первого ядерного удара США, который может быть нанесен с помощью высокоточных неядерных вооружений. При этом обе стороны используют развитие технологического потенциала оппонента для объяснения собственных разработок. Этот процесс может быть остановлен путем начала переговоров о сокращении развития дестабилизирующих факторов: возобновление переговоров об ограничении ПРО с участием КНР, либо инициирование консультаций по ограничению разработки гиперзвуковых летательных аппаратов. При этом важно, что участие в таких переговорах не должно затрагивать интересов безопасности РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования были рассмотрены векторы военно-политической стратегии США и КНР в XXI в. как двух центров влияния наряду с Россией в многополярном мире. Сопоставлены подходы стран к трактовке ядерного фактора при формировании общей стратегии и проведен анализ эволюции соотношения ядерных потенциалов США и КНР в контексте формирования стратегической стабильности. Изучен комплекс факторов, оказывающих стабилизирующее влияние на отношения между США и КНР в ядерной сфере, включая механизмы взаимодействия между странами и диалог в сфере нераспространения и смежных вопросов. Также проведен анализ дестабилизирующего влияния новых технологических факторов на ядерное сдерживание между США и КНР, включая проблему сращивания ядерной и конвенциональной проблематики.

Проведенное исследование позволило сделать теоретические и практические выводы.

Влияние ЯО на политику государств во взглядах представителей разных школ ТМО рассматривается по-разному. Для представителей либерального институционализма первостепенно ощущение государствами ответственности за управление столь разрушительной силой. Они отмечают сдерживающий характер международных договорных обязательств в сфере нераспространения и ограничения вооружений, а также сдерживающий эффект экономических факторов. Для ученых, работающих в рамках концепций политического реализма, в частности, структурного реализма, характерно отдавать приоритет фактору ЯО как элементу силового баланса в отношении между государствами. В соответствии с их взглядами, в зависимости от обстоятельств, факт наличия ЯО и его разрушительный характер способен либо удержать стороны от нападения, либо обусловить их готовность к вступлению в военный конфликт. Во взглядах конструктивистов

ядерное оружие рассматривается, прежде всего, с позиции взаимного восприятия.

Для анализа отношений между США и КНР в ядерной сфере сохраняет актуальность теория баланса сил, описанная в работах структурных реалистов. Причины взаимного давления и противоречий между Вашингтоном и Пекином определяются отсутствием принципиального согласия о будущем формате ядерного баланса и равноправии в его рамках. Ядерный фактор также значим с точки зрения закрепления за КНР статуса центра силы в многополярном мире в рамках парадигмы конструктивизма.

Приоритеты политико-военных стратегий США и КНР связаны с увеличением значимости обеих сторон в АТР. Это определяет столкновение их интересов. США нацелены на сохранение глобальной доминирующей роли в военной сфере, чему способствует подход передового базирования вооружённых сил США и возможность опоры на региональных военно-политических партнеров, которые также заинтересованы сдерживать влияние Китая. Со своей стороны, КНР предпринимает шаги по укреплению позиций в АТР и в Индийском океане. С учетом сохранения лидирующих позиций вооруженных сил США и расширением военного потенциала Китая, а также наличия источников политических трений в регионе, это повышает возможность вступления США и КНР в военный конфликт.

Значение ядерного оружия в обеспечении безопасности обоих государств увеличивается. Этому способствует наличие потенциала для взаимного неприемлемого ущерба и возможность осуществления гибкого сдерживания в ограниченном конфликте. При этом положения военной стратегии США, которая допускает возможность применения ЯО первыми, оказывают стимулирующее влияние на развитие ядерных сил КНР. Официальная стратегия КНР опирается на принцип неприменения ЯО первыми, но реалистичность сохранения этого принципа при любых обстоятельствах подвергается сомнению.

Несмотря на ограничения реализации ядерной программы КНР из-за социально-экономических проблем и нормализацию отношений с США в 1970-е годы, руководство КНР не отходило от изначальной цели достичь качественного паритета с ведущими ядерными державами. Соотношение ядерных арсеналов США и КНР трансформировалось из многократного количественного и технологического превосходства Вашингтона, который мог использоваться для сдерживания наступления неядерных сил КНР (при отсутствии у КНР ядерного оружия), к текущему состоянию, когда количество развернутых боезарядов США превосходит арсенал КНР менее, чем в десять раз. В соответствии с представлениями США, даже такое превосходство предполагает высокую вероятность преодоления ПРО и готовность КНР нанести США неприемлемый ущерб, что обеспечивает формирование стратегической стабильности в отношениях двух стран. США ожидают, что арсенал ядерных сил КНР будет увеличиваться и достигнет уровня в примерно одну треть от американского до 2030 года, что соответствует наблюдаемой политике Пекина в сфере развертывания баллистических ракет. Видимых ограничений и для дальнейшего расширения китайского арсенала нет.

Сегодня стороны воспринимают ядерный арсенал друг друга как угрозу. Уровень тревожности, отраженный в официальных документах США в отношении ядерного арсенала КНР, увеличивается на фоне новостей о постановке на дежурство в Ракетных войсках НОАК новых баллистических ракет. Со своей стороны, КНР обуславливает развитие своих ЯС ростом враждебности США и негативным влиянием Вашингтона на существующую систему ограничений в стратегической сфере. Прослеживаемая разница в трактовке понятий теории ядерного сдерживания служит фундаментом для взаимной критики между США и КНР и позволяет Пекину дополнительно оттянуть вступление в диалог в ядерной сфере.

Объем и качество контактов между сторонами в сфере ядерных вооружений, которые могли бы рассматриваться как меры доверия, недостаточны. Они характеризуются нерегулярным взаимодействием на

экспертном и полуофициальном уровне, а также контактами в рамках международных площадок по вопросам милитаризации космоса и расщепляющихся материалов, в ходе которых позиции сторон не совпадают.

С точки зрения Вашингтона, признание КНР равноправной стороной в ядерном сдерживании на современном этапе неприемлемо, поскольку повлекло бы закрепление возросшей роли Китая как нового полюса в многополярном мире (и, фактически, в новой трехполюсной архитектуре крупнейших ядерных держав). Со своей стороны, КНР также не готова ограничить развитие своих ядерных сил через закрепление в международных договоренностях, что может свидетельствовать о намерении их дальнейшего наращивания.

Хотя ограниченный арсенал КНР показывает эффективность с точки зрения воздействия на США (сдерживание), его влияние может трансформироваться под воздействием новых технологических факторов. Их появление оказывает все более дестабилизирующий эффект на отношения США и КНР и повышает вероятность ядерного конфликта. При этом, логика развития китайских конвенциональных и ядерных вооружений указывает на первостепенную подготовку к военному конфликту с США.

Функциональным наполнением ЯО в американо-китайских отношениях является сдерживание военного конфликта с обычными вооружениями. Наиболее вероятной зоной, конфликт в которой способен спровоцировать ядерное давление, либо применение ядерного оружия, является Тайвань. Также высок конфликтогенный потенциал акватории Южно-Китайского моря. Высокий уровень неопределенности в ядерной сфере удерживает стороны от начала конфликта с применением неядерных вооружений, но также стимулирует процесс довооружения и модернизации, включая ядерные технологии, гиперзвуковые системы, системы контрсдерживания, средства противоборства в киберпространстве. С учетом сращивания ядерной и конвенциональной проблематики это создает основу для нового этапа

наращивания вооружений и потенциального ядерного конфликта. В соответствии с этим, теоретическая гипотеза исследования доказана.

Учитывая доверительный характер отношений между Россией и КНР, который подтверждается участием России в развитии китайской системы предупреждения о ракетном нападении, а также опыт эпохи холодной войны, когда США учитывали китайские силы при ядерном планировании в отношении СССР даже на фоне советско-китайского раскола, дальнейшее количественное расширение арсенала китайских боезарядов может снизить готовность США к новым двухсторонним ограничениям и сокращениям стратегических вооружений с РФ после окончания действия договора СНВ-3. Отсутствие ограничений способно спровоцировать новые этапы наращивания ядерного оружия в мировом масштабе.

На современном этапе важнейшей задачей для Российской Федерации является принятие дальнейших шагов по увеличению ядерной прозрачности. Это может быть достигнуто за счет расширения диалога США и КНР на экспертном уровне с возможным включением российских экспертов, обменом данных о доктринах и общих принципах политики в ядерной сфере. В перспективе статус такого диалога может быть повышен до уровня участия международных ведомств. При этом, первичной целью для Российской Федерации может быть не приглашение КНР к равноправным переговорам об установлении многосторонних ограничений развития ядерного потенциала, а снижение вероятности непреднамеренной эскалации вследствие неверной интерпретации действий другой стороны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Двусторонние и многосторонние документы и договоры

1. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. United Nations (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/abm.pdf).

2. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. United Nations (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdi7 start2 .pdf).

3. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. United Nations (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf).

4. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными- Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. United Nations (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/russia_usa.shtml).

5. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. United-Nations (http://www.un.org/russian/documen/convents/a50-1027.pdf).

6. Договор о нераспространении ядерного оружия. United Nations (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml)

7. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Президент России (http://news.kremlin.ru/ref_notes/512).

8. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов. United

Nations (http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G03/612/12/PDF/G0361212 .pdf?OpenElement).

9. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Прага, 8 апреля 2010 г. Доступ: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 06.06.2020).

10. Treaty Between the United States of America and the Russian Federation On Strategic Offensive Reductions (The Moscow Treaty). Available at: https://www.state.gov/t/isn/10527.htm (accessed: 06.06.2020).

Документы и заявления официальных лиц и государственных органов

11. Сообщение Постоянного представительства Китайской Народной Республики при Международном агентстве по атомной энергии от 26 января 2004 года, касающееся ядерной политики и практики Китая. Информационный циркуляр. МАГАТЭ. 7.05.2004. Доступ: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2004/Russian/infcirc627_rus.pdf

12. Резолюция 1540 (2004) Совета безопасности Организации объединенных наций (СБ ООН). Доступ: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1540(2004)

13. Резолюция 1887 (2009) Совета безопасности Организации объединенных наций (СБ ООН). Доступ: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1887(2009).

14. 2004 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Commission // U.S.-China Economic and Security Commission. Available at: https://cisac.fsi.stanford.edu/sites/default/files/cox.pdf (accessed: 29.11.2016).

15. 2005 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Commission. P. 153–160. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2005-Report-to-Congress.pdf (accessed 24.11.2016).

16. 2007 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Commission. US-China Economic and Security commission. Available at: http://www.uscc.gov/Annual_Reports/2007-annual-report-congress (accessed 26.11.2016).

17. 2014 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 328. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%20Report.PDF (accessed: 27.11.2016).

18. 2015 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 339. Available at: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2015%20Annual%20Report%20to%20Congress.PDF (accessed: 28.11.2020).

19. A National Security Strategy for a New Century, 1998 // National Security Strategy Archive. Available at: http://nssarchive.us/NSSR/1998.pdf (accessed: 24.11.2016).

20. Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2003. P. 31. Available at: http://archive.defense.gov/pubs/2003chinaex.pdf (accessed: 22.11.2016).

21. Annual Report to Congress. The Military Power of the People's Republic of China. US Department of Defense. 2005. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2005/d20050719china.pdf (accessed: 20.11.2016).

22. Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2006. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf (accessed: 20.11.2016).

23. Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2007. Available at: https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2007.pdf (accessed: 29.11.2016).

24. Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2008. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/dod-2008.pdf (accessed: 24.11.2016).

25. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. US Department of Defense. 2016. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016%20China%20Military%20Power%20Report.pdf (accessed: 25.11.2020).

26. Annual Report to Congress. The Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2005. Available at: http://archive.defense.gov/news/Jul2005/d20050719china.pdf (accessed 20.11.2016).

27. Asia-Pacific Maritime Security Strategy // US Department of Defense. 2015. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_SecuritY_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (accessed: 21.11.2020).

28. Ballistic Missile Defense Review Report. U.S. Department of Defense. 2010. Available at: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (accessed: 16.05.2017).

29. China Science and Technology News Letter, no. 0.642. Available at: http://www.most.gov.cn/eng/newsletters/2012/201201/t20120111_91874.htm (accessed 21.05.2015).

30. China and weapons of mass destruction. Implications for the United States. Conference Report // Office of the Director of National Intelligence. 1999. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/China_WMD_2000.pdf (accessed: 24.11.2016)

31. China Science and Technology News Letter, no. 0.649. Available at: http://www.most.gov.cn/eng/newsletters/1998/200411/t20041125_17503.htm (accessed 21.05.2015).

32. Congressional Record. Vol. 146. Pt. 6. May 10, 2000 to May 23, 2000.

33. Congressional Record – House. Vol. 151. Pt.12. July 14 to July 22, 2005.

34. Communication of 1 August 1996 Received from the Permanent Mission of the People's Republic of China to the International Atomic Energy Agency. Available at: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/1996/inf522.shtml#note_1 (accessed: 10.04.2015).

35. Department of Defense (DoD) Releases Fiscal Year 2017 President's Budget Proposal // US Department of Defense. 09.02.2016. Available at: https://www.defense.gov/News/News-Releases/News-Release-View/Article/652687/department-of-defense-dod-releases-fiscal-year-2017-presidents-budget-proposal (accessed: 30.11.2016).

36. Foreign missile developments and the ballistic missile threat through 2015 // National Intelligence Council. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/missilethreat_2001.pdf (accessed: 24.11.2016).

37. Key findings: The intelligence community damage assessment on the implications of China's acquisition of US nuclear weapons information on the development of future Chinese weapons. US Central Intelligence Agency, Press Release. 21.04.1999

38. Maples M.D. Current and Projected National Security Threats to the United States. Statement for the Record before the Senate Armed Services Committee // Federation of American Scientists. 28.02.2006. Available at: https://fas.org/irp/congress/2006_hr/022806maples.pdf (accessed: 29.11.2016).

39. Memorandum for the Chief of Staff, U.S. Air Force. NSC/Joint Chiefs of Staff. January 27, 1969. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-1.pdf

40. National Defense Authorization Act // Council on Foreign Relations (CFR). 2000. Available at: http://www.cfr.org/defense-budget/national-defense-authorization-act-2000/p31999 (accessed: 24.11.2016).

41. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2013. Sec. 1045 // Congress of the United States of America. Available at: https://www.govtrack.us/congress/bills/112/hr4310/text (accessed: 25.11.2016).

42. National Defense Strategy // US Department of Defense. 2008. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2008NationalDefenseStrategy.pdf (accessed: 24.11.2016).

43. National Military Strategy. US Department of Defense. 2004. Available at: http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/nms2004.pdf (accessed: 24.11.2016)

44. National Military Strategy. US Department of Defense. 2011. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2011-National-Military-Strategy.pdf (accessed: 24.11.2016).

45. National Security and Nuclear Weapons in the 21st Century // US Department of Defense. 2008. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/nuclearweaponspolicy.pdf (accessed: 24.11.2016).

46. National Security Decision Memorandum (NSDM)-242. January 17, 1974. URL: https://www.nixonlibrary.gov/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm_242.pdf

47. National Security Presidential Directives (NSPD). George W. Bush Administration. FAS. Available at: http://fas.org/irp/offdocs/nspd/ (accessed: 24.11.2016).

48. National Security Strategy // The White House. 2010. Available at: http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf (accessed: 20.11.2016).

49. National Security Strategy // The White House. 2015. Available at: http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf (accessed: 20.11.2016).

50. Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. 2010. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (accessed: 10.05.2018).

51. Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. 2018. Available at: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (accessed: 04.06.2018).

52. Nuclear Targeting Policy Review. Office of the Assistant Secretary of Defense. Washington D.C. Memorandum. URL: https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2011-002-doc1.pdf

53. Permanent Mission of the PRC to the UN Office in Geneva and other International Organisations in Switzerland. Jiang Zemin's Speech at the Conference on Disarmament. 26.03.1999. Available at: http://www.china-un.ch/eng/cjjk/cjjblc/jhhwx/t85307.htm (accessed: 15.04.2017).

54. Posture Statement of General Joseph Dunford Jr., USMC 19th Chairman of the Joint Chiefs of Staff Before the 114th Congress Senate Armed Services Committee Budget Hearing // Senate Armed Services Committee. 17.03.2016. Available at: http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Dunford_03-17-16%20.pdf (accessed: 28.11.2016).

55. Presidential Directive/ NSC-59. July 25, 1980. URL: https://fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf

56. Presidential Policy Directive / PPD-14 // The White House. 2012. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/20120228133651414.pdf (accessed: 28.11.2016).

57. Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2015 to 2014. Congressional Budget Office. January 2015. URL: https://www.cbo.gov/sites/default/files/114th-congress-2015-2016/reports/49870-nuclearforces.pdf

58. PPD/ NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy Guidance. November 1997. URL: https://fas.org/irp/offdocs/pdd60.htm

59. Quadrennial Defense Review Report. US Department of Defense. 2006. P. 29–30. Available at: http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf (accessed: 29.11.2016).

60. Quadrennial Defense Review Report. US Department of Defense. 2014. Available at:

http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed: 16.04.2020).

61. Report of the Committee on the Budget. House of Representatives. H. Con. Res. 125. Concurrent Resolution on the Budget – Fiscal Year 2017 // US House of Representatives. Available at: http://budget.house.gov/uploadedfiles/fy2017_budget_resolution.pdf (accessed: 28.11.2016).

62. Report of the Secretary of Defense Task Force on DOD Nuclear Weapons Management. Phase II: Review of the DoD Nuclear Mission 2008. // US Department of Defense. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/PhaseIIReportFinal.pdf (accessed: 24.11.2016).

63. Report of the Select Committee on US National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1999. Available at: http://www.house.gov/coxreport/dtcont.html (accessed: 24.09.2017).

64. S.Res.526 – A Resolution Calling for All Parties to Respect the Arbitral Tribunal Ruling with Regard to the South China Sea and to Express United States Policy on Freedom of Navigation and Overflight in the East and South China Seas // Congress.gov. 07.12.2016. Available at: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-resolution/526 (accessed: 30.11.2016).

65. Selected Military Capabilities of the People's Republic of China. Report to Congress pursuant to Section 1305 of the FY97 National Defense Authorization Act // US Department of Defense. 1997. Available at: https://fas.org/irp/dia/product/970409-prc.htm

66. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense // US Department of Defense. Available at: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed: 20.11.2016).

67. The Cox committee report: An assessment / Ed. by M. May. Center for International Security and Cooperation. Stanford University. 1999. Available at: https://cisac.fsi.stanford.edu/sites/default/files/cox.pdf (accessed: 29.11.2016).

68. The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff. 2015. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (accessed: 23.11.2016).

69. The National Security Strategy of the United States of America. The White House. March 2006. Available at: http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/sectionVIII.html (accessed: 25.11.2016).

70. The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff. 2011. Available at: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2011-National-Military-Strategy.pdf (accessed: 20.11.2016).

71. The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff. 2015. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (accessed: 23.11.2016).

72. U.S. Department of State. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. Fact Sheet. January 1, 2017.

73. 武器装备科研生产许可管理条例，13.08.2013 [Руководящие принципы по выдаче разрешений на НИОКР и производство вооружений]. Доступ: http://www.gov.cn/zwgk/2008-03/13/content_919299.htm (дата обращения: 21.05.2020).

74. «2006 年中国的国防» 白皮书 [Белая книга «Национальная обороны КНР в 2006 г.»]. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2011-01/06/content_4249948.htm (дата обращения: 04.06.2020).

75. 国防白皮书:中国武装力量的多样化运用[Белая книга по национальной обороне: диверсификация применения китайских вооруженных сил]. 16.04.2013. Доступ: http://www.mod.gov.cn/affair/2013-04/16/content_4442839.htm (дата обращения: 04.06.2020).

Материалы слушаний в Конгрессе США

76. Hearing before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // US House of Representatives. 14.10.2011. Available at: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-112hhrg71449/html/CHRG-112hhrg71449.htm (accessed: 28.11.2016).

77. Hearing to Receive Testimony on Nuclear Forces and Policies in Review of the Defense Authorization Request for Fiscal Year 2014 and the Future Years Defense Program. April 17, 2013. Available at: http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/13-22%20-%204-17-13.pdf (accessed: 19.01.2017).

78. Statement of Admiral Samuel J. Locklear, U.S. Navy Commander, U.S. Pacific Command before the Senate Committee on Armed Services on U.S. Pacific Command Posture. 25 March, 2014. Available at : http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Locklear_03-25-14.pdf (accessed: 19.01.2020).

Мемуары

79. 回忆我的父亲赵敬璞（二）(Воспоминания о моем отце Чжао Цзинпу (часть 2)). Доступ: http://jiangsutongshan.blog.sohu.com/309326058.html (дата обращения: 05.08.2017)

Монографии, главы в коллективных монографиях и диссертации

80. Баранов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. Москва, РИСИ, 2013. 272 с.

81. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2 (монография). ИМЭМО РАН, Москва, 2000.

82. Есин В.И. Ядерная мощь КНР // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений. Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. С.27-35.

83. Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: ИМО, 1989.

84. Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы/ Предисл. В. П. Володина., С.К. Ознобищева, В. Я. Потапова. – М.: КРАСАНД, 2009. – 208 с.

85. Россия – Китай: формирование обновленного мира; монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 328 с.

86. Современная международная безопасность: Ядерный фактор / А.В. Фененко; отв.ред. В.А. Веселов. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. – 573 с.

87. Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. Учебник для вузов/ Под ред. А.Д. Воскресенского. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство "Аспект Пресс", 2015. - 624 с.

88. Современная политическая наука. Методология / [Т.А.Алексеева и др.]; отв. ред. О.В.Гаман-Голутвина, А.И.Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019. — 776 с.

89. Фененко А.В. Понятие ядерной стабильности в современной политической теории. М.: КомКнига. URSS, 2006. 112 с.

90. Фененко А.В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. - М.: ЛКИ, 2007. 248 с.

91. Ball D., Richelson, J., eds. Strategic Nuclear Targeting. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 370 p.

92. Brodie B. (ed.). The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New York: Harcourt, Brace and Company. 1946. 214 p.

93. Colby E., Gerson M., eds. Strategic Stability: Contending Interpretations. Carlisle: Army War College Press, 2013. 441 p.

94. Dittmer L., Yu M, eds. Routledge Handbook of Chinese Security. London, Routledge, 2015. 392 p.

95. Gavin F.J. the Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s. The International History Review, xxiii, 4: December 2001. P. 850.

96. Gompert D., Saunders P. The paradox of power. Sino-American strategic restraint in age of mutual vulnerability. Washington: NDU Press, 2011.

97. Holslag J. China: A deterrence paradox // Handbook on nuclear proliferation / Ed. by V.P. Harsh. London: Routledge, 2012.

98. Johnston A. Cultural Realism and Strategy in Maoist China, in Peter Katzenstein (ed.), The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics (New York: Columbia University Press, 1996).

99. Kaufman S. J., Little R., Wohlforth W. C. (ed.). The Balance of Power in World History. New York. 2007. 279 P.

100. Kissinger H. On China. Penguin Press, 2011.

101. Lewis J. The minimum means of reprisal: China's search for security in nuclear age. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland. 2004.

102. Luttwak E. Strategy: the Logic of War and Peace. Harvard University Press, 2001.

103. Luttwak E. The Rise of China vs. the Logic of Strategy. Belknap Press, 2012.

104. Mahan E. Harold Brown Offsetting the Soviet Military Challenge 1977-1981/ Keefer E. Office of the Secretary of Defense. Historical Office. Washington, DC. 2017. 815 p.

105. MccGuire M. Military Objectives in Soviet Foreign Policy. Brookings Institution Press. 2010. 530 p.

106. Merrill D., Paterson T. Major Problems in American Foreign Relations. Vol. II. Since 1914. Belmont: Wadsworth, 2009. 624 p.

107. Power shift: China and Asia’s new dynamics / Ed. by D. Shambaugh. Berkeley: University of California Press, 2006.

108. Schelling T. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1966.

109. Stocker J. The United Kingdom and Nuclear Deterrence. IISS. Routledge, Oxon. 2007. 99 p.

110. Williamson Jr S. R. The Origins of US Nuclear Strategy, 1945-1953. Springer, 2016. 224 p.

111. Zhu Yuhe, Cai Yuesu (zhu bian). Mao Ze Dong yu 20 shiji Zhongguo [Mao Цзэдун и Китай в XX веке]. Beijing: Qinghua Daxue Chubanshe, 2000. 264 c.

112. Ван Вэньжун (ред.). Чжаньлюэ сюэ. [Наука военной стратегии] //Бэйцзин гофан дасюэ чубаньшэ. 1999.

113. 张玉良 （主编）。 战役学。 国防大学出版社。 北京 2006 年。637 页。 Чжан Юйлян / ред. Наука о военных кампаниях. Издательство Университета национальной обороны. Пекин, 2006. 637 с.

114. 军事科学院军事战略研究部 （编著）。战略学。 军事科技学出版社。 北京 2013 年。276 页。Отдел исследований военной стратегии Академии военных наук КНР. Наука о военной стратегии. Издательство Академии военных наук. Пекин, 2013. 276 с.

115. Яо Ючжи, Пэн Гуанцянь (ред.). Чжаньлюэ сюэ. [Наука военной стратегии] // Цзюньши кэсюэ чубаньшэ. 2001.

116. 刘奕. 奥巴马时期中美核军控领域的分歧研究：(дис). -国际关系学院 (Лю И. Исследование американо-китайских противоречий в подходах к контролю над ядерными вооружениями в период президентства Б. Обамы (диссертация) – Институт международных отношений), 2017.

Статьи в научных изданиях

117. Денисов И.Е. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между КНР и США в среднесрочной перспективе (военно-политический и экономический

аспекты) // Ежегодник института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. 2013. №3. С.189–201.

118. Евтодьева М.Г. Особенности финансирования оборонных расходов в Китае // Финансирование военных приготовлений основных стран мира. М.: ИМЭМО РАН. 2012. С.55-76.

119. Каменнов П.Б. Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь. 2010. № 4. Апрель 2010. С. 40-56.

120. Карпович О. Глобальные проблемы международных отношений в контексте формирующегося многополярного мира //Международная жизнь. – 2014. – №. 5. – С. 88-102.

121. Кашин В.Б. Эволюция китайской военной политики // Экспорт вооружений. 2012. № 6. С. 6–14.

122. Конышев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. №3 (12). С. 98–113.

123. Кокошин А.А. К прогнозированию отношений КНР и США //Проблемы прогнозирования. 2014. №6. С.71-78.

124. Кокошин А.А. Стратегическая стабильность: научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 11. С. 963–970.

125. Колотов В.Н. Основные проблемы региональной безопасности на южном фланге восточноазиатской дуги нестабильности в 2015 г. // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2015. №27. С.23-32.

126. Колотов В. Н., Маслов А. А. Евразийская дуга нестабильности и новые вызовы для России //Международная жизнь. 2021. №. 2. С. 136-141.

127. Ломанов А. В. Китайские дискуссии об отношениях с США и торговой войне //Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – №. 10. – С. 17-29.

128. Лузянин С. Г. Россия-США-Китай: борьба за «Большую Евразию» //Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2020. №. 11. С. 51-63.

129. Лузянин С. Г., Кашин В. Б. Россия-Китай-США: ракетно-ядерное измерение безопасности в Восточной Азии //Научно-аналитический журнал обозреватель-Observer. 2019. №. 10. С. 42-52.

130. Максимова Е.В., Морозов В.В. Уход от доллара - как проявление трансформации мировой финансовой системы // Инновации и инвестиции. 2019. №3. С. 163-166.

131. Поддубная М.В. Американская научная и политическая элита о Китае конца XX века // Власть. 2007. № 2. С. 71–74.

132. Савельев А.Г. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности России в XXI веке // Ядерный контроль. 2005. №3. С.45-56.

133. Савельев А.Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. Том 7. №3. с.57-84.

134. Baliga S., Sjöström T. Strategic ambiguity and arms proliferation // Journal of Political Economy. 2008. Vol. 116. No. 6. P. 1023–1056.

135. Erickson A. Chase M. China’s SSBN Forces: Transitioning to the Next Generation // China Brief, Vol. 9, Issue 12, June 12, 2009.

136. Fravel M., Cunningham F. Assuring Assured Retaliation // International Security. Vol. 40, No. 2 (Fall 2015). pp. 7–50. p.31.

137. Fravel M., Medeiros S. China's search for assured retaliation: The evolution of Chinese nuclear strategy and force structure // International Security. 2011. Vol. 35. No. 2. P. 48–-87.

138. Gavin F.J. The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s // The International History Review, Vol. 23, No. 4 (Dec., 2001). pp. 847-875.

139. Futter A., Zala B. Coordinating the arm swing with the pivot: nuclear deterrence, stability and US strategy in the Asia- Pacific // The Pacific Review. 04.03.2015. Vol. 28, No. 3. pp. 367-390.

140. Johnston A. China’s Militarized Interstate Dispute Behavior 1949-1992: A First Cut at the Data // The China Quarterly, 1998. P. 46-83.

141. Johnston A. China’s new ‘old thinking’: The concept of limited deterrence // International Security. 1995/96. Vol. 20. No. 3. P. 5–42.

142. Johnston A. Prospects for Chinese nuclear force modernization: Limited deterrence versus multilateral arms control // China Quarterly. 1996. No. 146. P. 548–576.

143. Lewis J. Chinese nuclear posture and force modernization // The Nonproliferation Review. 2009. Vol. 16. Iss. 2. P. 197–209.

144. Lewis J. The ambiguous arsenal // Bulletin of Atomic Scientists. 2005. Vol.61. No. 3. P. 52–59.

145. Manning R., et al. China: The forgotten nuclear power // Foreign Affairs. 2000. Vol. 79. No. 4. P. 53–63.

146. Norris R., Kristensen H. Global Nuclear Weapons Inventories, 1945-2010 // Bulletin of Atomic Scientists. July-August 2010. pp.77-83.

147. Norris R. et al. Where They Were // Bulletin of the Atomic Scientists, November/December 1999, Vol. 55, No. 6. pp.25-36.

148. Ross R. The Problem with the Pivot: Obama's New Asian Policy is Unnecessary and Counterproductive // Foreign Affairs. 2012. №91(6). P. 70-82.

149. Rudd K. Beyond the Pivot: A New Road Map for U.S.-Chinese Relations // Foreign Affairs. 2013. №92(2). P.9-15.

150. Spinardi G. Why the U.S. Navy went for Hard-Target Counterforce in Trident II: (And Why It Didn't Get There Sooner) // International Security. Vol. 15, No. 2 (Fall, 1990). pp. 147-190.

151. 赵学功. 核武器与美国对第一次台湾海峡危机的政策 //美国研究. (Чжао Сюэгун. Ядерное оружие и политика США в ходе первого кризиса в Тайваньском проливе // Американские исследования) – 2004. – Т. 2. – С. 005.

152. 张春磊. 美军防空反导转型 “萨德” 系统路在何方? //军事文摘. (Чжан Чуньлэй. Куда направлена американская система ПРО THAAD? // Военный дайджест) – 2016. – №. 21. – С. 29-33.

153. 叶建军。 美国‘国防创新行动’ 评析 //现代国际关系。 2015 年。 №1. 35-40 页。 Е Цзянцзюнь. Обзор Оборонной инновационной инициативы ВС США // Современные международные отношения. 2015, №1. С.35-40.

154. 胡欣。希望还是幻象——美国的第三次“对消”战略 //现代军事。 2014. №2. 22-25 页。 Ху Синь. Надежда или иллюзия – третья стратегия компенсации США. Современное военное дело. 2014. №2. С. 22-25.

155. 游翰霖：如何应对第三次抵消战略中的大国博弈 Йоу Ханьлинь: как реагировать на действия в рамках «Третьей стратегии компенсации». 15 мая 2017.

156. 刘一鸣、石海明。技术制胜: 美军第三次 “抵消战略” 评析 //指 挥 与 控 制 学 报 。第 2 卷 第 2 期。 2016 年 6 月。(Лю Имин, Ши Хаймин. Победа с помощью технологий: анализ «Третьей стратегии компенсации» США // Journal of Command and Control. Т.2, №2. Июнь 2016 г.)

157. 阙渭焰。新抵消战略与导弹功防 //航天电子对抗。2016 年 6 期。 Цюэ Вэйянь. Третья стратегия компенсации и противоракетная оборона // Космические средства радиоэлектронной борьбы. 6 вып., 2016 г.

158. 游光荣。加快建设军民融合的国家创新体系 //科学学与科学技术管理。 2005 年 11 月。 Ю Гуанжун. Ускорение строительства государственной системы интеграции военной и гражданской промышленности //Science of Science and Management of S. & T. November 2005.

159. 金灿荣, 李燕燕. 中美安全战略博弈中的历史与战略稳定性 //国际安全研究 (Цзинь Цаньжун, Ли Яньянь. История и стратегическая стабильность в рискованных действиях США и КНР в области безопасности). – 2017. – Т. 35. – №. 2. – С. 3-26.

160. 李彬. 国际军备控制的现状与前景 //当代中国历史研究 (Ли Бинь. Контекст и современное состояние международного контроля над вооружениями // Исследования современной истории Китая). – 1997. – №. 4. – С. 28 – 32.

161. 李彬. 中国核战略辨析 //世界经济与政治 (Ли Бинь. Анализ китайской ядерной стратегии// Мировая экономика и политика). – 2006. – Т. 9.

162. 赵通. 中国与国际核秩序的演化 //国际政治科学 (Тун Чжао. Китай и эволюция международного ядерного порядка // Международно-политические исследования). – 2016. – Т. 1. – №. 1. – С. 118-148.

163. 赵通. 中国与国际核秩序的演化 //国际政治科学 (Тун Чжао. Китай и эволюция международного ядерного порядка // Международно-политические исследования). – 2016. – Т. 1. – №. 1. – С. 118-148.

164. 詹欣. 试论美国对中国核武器研制的评估与对策 (1961-1964) //当代中国史研究 (Чжань Синь. Исследуя американские оценки развития ядерного арсенала КНР и контрмеры (1961-1964) //Исследования современной истории Китая). – 2001. – Т. 3.

165. 刘子奎, 王作成. 美国政府对中国发展核武器的反应与对策 (1961-1964) //中共党史研究 (Лю Цзыкуй, Ван Цзочэн. Реакция и контрмеры правительства США в отношении развития китайского ЯО (1961-1964) // Исследования истории КПК). – 2007. – Т. 3.

166. 魏晨曦, 马婷婷, 汪琦. 美国天军武器系统发展展望 //外军信息战 (Вэй Ченси, Ма Тинтин, Ван Ци. Перспективы развития ВС США //Вестник иностранных военных информационных технологий.). – 2005. – №. 6. – С. 1-7

167. 米兰, 维戈, 萧林. 信息时代的作战指挥与控制 //外国军事学术 (Ми Лань, Вэй Гэ, Сяо Линь. Контроль и оперативное командование в эпоху информатизации //Иностранные военные науки). – 2005. – №. 5. – С. 51-54

168. 罗巧云, 高勇强. 美军第四代战斗机 F-35 “联合攻击战斗机” 最卓越的航空电子系统 //电子科学技术评论 (Ло Цяоюнь, Гао Юньцян. Наиболее совершенные авиационные электронные системы американского «штурмового истребителя» четвертого поколения F-35»// Обозрение электронных технологий). – 2005. – №. 4. – С. 5-8.

169. 韩枫. 第四代战斗机的航空电子系统 //现代军事 (Хань Фэн. Авиационно-электронные системы американских истребителей четвертого поколения // Современная армия). – 2006. – №. 6. – С. 36-39.

170. 范晋祥. 美国弹道导弹防御系统的红外系统与技术的发展 //红外与激光工程 (Фань Цзинсян. Инфракрасные системы и развитие технологий ПРО США// Инфракрасные технологии и лазерная инженерия). – 2006. – Т. 5.

171. 时殷弘. 美国国家导弹防御计划与中国的对策 //太平洋学报 (Ши Иньхун. Планы США по развитию национальной системы ПРО и ответная стратегия Китая // Тихоокеанский вестник). – 2000. – №. 4. – С. 39-44.; см. Также: 陈文光. 美国国家导弹防御系统与俄罗斯的应对措施 //导弹与航天运载技术 (Чэнь Вэнгуан. Национальная ПРО США и ответные меры России// Вестник управляемых снарядов и космических ракет-носителей). – 2001. – №. 4. – С. 54-60.

172. 吴征宇. “沉着应对”≠“自废武功”——美国国家导弹防御计划与中国应有的对策 //现代国际关系 （У Чжэнъюй. «Хладнокровно реагировать не означает военного бездействия»: Национальная ПРО США и необходимые для Китая меры //Современные международные отношения）. – 2003. – №. 2. – С. 57-61.

173. 夏立平. 论印度核政策与核战略 //南亚研究 (Ся Липин. Анализ ядерной политики и ядерной стратегии Индии // South Asian Studies Quarterly). 2007.

174. 章节根. 印度核战略产生的国内政治过程分析 //国际政治研究 (Чжан Цзегэнь. Анализ индийских внутриполитических процессов, связанных с развитием ядерного оружия // Исследования международной политики). – 2007. – Т. 4. – С. 025.; 匡成刚. 印度核试验后的中印关系前景展望 //南亚研究季刊. (Куан Чэнган. Контекст и перспективы китайско-индийских отношений после индийского ядерного испытания // // South Asian Studies Quarterly) – 1998. – №. S1. – С. 73-74.

175. 王志军, 王博. 中美军事安全互信问题研究 //国际论坛. (Ван Чжицзюнь, Ван Бао. Исследование вопросов стратегического доверия между США и КНР // Международный форум) – 2014. – Т. 4. – С. 008.

176. 金强一. 萨德入韩与中国的半岛策略——韩国部署 “萨德” 必将陷入新的困境 //延边大学学报: 社会科学版. (Цзин Цянъи. Размещение THAAD в Южной Корее и стратегия КНР в отношении Корейского полуострова – неминуемые проблемы из-за развертывания в Южной Корее системы THAAD. // Вестник Яньбяньского университета. Изд-во Общественные науки.) – 2016. – Т. 49. – №. 5. – С. 5-6.

177. 吴训涛, 张强. 美国萨德系统 AN/TPY-2 雷达威力探析 //飞航导弹 (У Сюньтао, Чжан Цян. Анализ американского радара AN/TPY-2 // Журнал «крылатые ракеты»). – 2017. – №. 5. – С. 8-10.

178. 张春磊. 美军防空反导转型 “萨德” 系统路在何方? //军事文摘. (Чжан Чуньлэй. Куда направлена американская система ПРО THAAD? // Военный дайджест) – 2016. – №. 21. – С. 29-33

179. 程养民. 高超音速飞行器气动特性工程计算 //固体火箭技术 (Чэн Янминь. Аэродинамические и инженерные расчеты гиперзвуковых летательных аппаратов //Вестник твердотопливных ракетных технологий). – 2000. – Т. 2. – С. 000. Доступ: http://part.newmaker.com/nmsc/u/art_pdf/20057/05090301.pdf (дата обращения: 12.12.2017)

180. 吴振 et al. 组合旋成体高超音速稀薄气体绕流的统计模拟 //数值计算与计算机应用 (Wu Zhenyu, Li Fenglin, Lin Baozhen. Statistical Simulation of rarefied gas hypersonic flow passing combinatorial rotatory bodies // Computational Calculations and their application). – No.2. 06.1981.

181. 方勇. 美国推进快速全球打击计划 //新时代国防 (Фан Юн. США реализуют программу БГУ // Оборона государства в новую эпоху). – 2010. – Т. 8. – С. 5-9.

182. 刘桐林. 美国高超声速技术的发展与展望 //航天控制 (Лю Тунлин. Развитие и перспективы американских гиперзвуковых технологий //Space Control). – 2004. – Т. 22. – №. 4. – С. 36-41.

183. 黄志澄. 太空武器化与太空威慑 //国际技术经济研究. (Хуан Чжичэн. Милитаризация космоса и космическое сдерживание) – 2006. – Т. 1.

184. 黄伟, 夏智勋. 美国高超声速飞行器技术研究进展及其启示 //国防科技 (Хуан Вэй, Ся Чжисюнь. Развитие и значение американских гиперзвуковых исследований // Оборонная наука и технологии). – 2011. – Т. 32. – №. 3. – С. 17-20.

185. 赵通. 中国与国际核秩序的演化 //国际政治科学 (Тун Чжао. Китай и изменение международного ядерного баланса //Международно-политические исследования). – 2016. – Т. 1. – №. 1. – С. 118-148.

Аналитические и статистические материалы

186. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник // Рабочие материалы Карнеги. 2013. Доступ: http://carnegieendowment.org/files/WP_Triangle_Russ_web2013.pdf (дата обращения: 20.04.2015).

187. Вода К.Р. Развитие китайско-американского ядерного диалога на неофициальном уровне. 03.04.2015. ИМЭМО РАН. Доступ: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1599&p=10 (дата обращения 30.06.2017).

188. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения // Рабочая тетрадь № IX. / [А.Г.Савельев и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]. М.: Спецкнига. 2013. С. 4-15.

189. 2016 R&D Funding Forecast. A Supplement to R&D Magazine, Winter 2016. Available at: http://www.iriweb.org/sites/default/files/2016GlobalRDFundingForecast.pdf (accessed 07.06.2016).

190. Achievements of the US-China summit // The White House Fact Sheet. 27.06.1998. Available at: https://clinton3.nara.gov/WH/New/China/19980627-7898.html (accessed: 24.11.2020).

191. Arkin W., Kristensen H. The Post Cold War SIOP and Nuclear Warfare Planning. A Glossary, Abbreviations and Acronyms. URL: http://www.nukestrat.com/pubs/SIOP%20Glossary%201999.pdf

192. Burr W. To Have the Only Option that of Killing 80 Million People is the Height of Immorality. The Nixon Administration, the SIOP and the Search of Limited Nuclear Options, 1969-1974. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 173. Posted November 23, 2005. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/

193. China's Defense Budget. Global Security. Available at: http://www.globalsecurity.org/military/world/china/budget.htm (accessed 07.06.2020).

194. Excerpts of classified Nuclear Posture review // Information Centre on Militarization. 08.01.2002. Available at: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf (accessed: 24.11.2016).

195. Fact Sheet: China: Nuclear Disarmament and Reduction of [Nuclear Weapons]. FAS. 27.04.2004. Available at: http://fas.org/nuke/guide/china/doctrine/fs042704.pdf (accessed: 20.04.2020).

196. Gross Domestic Spending on R&D, OECD. Available at: https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm (accessed 07.06.2016).

197. History of the Joint Strategic Target Planning Staff. SIOP-4 J/K, July 1971-June 1972 (Unclassified Title). p.53. URL: http://www.dod.mil/pubs/foi/Reading_Room/NCB/982-1.pdf

198. International Panel on Fissile Materials. 2013. Countries: China. Available at: http://fissilematerials.org/countries/china.html (accessed: 21.04.2020).

199. Kulacki G. An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue [The science of Second Artillery operations]. Beijing: People's Liberation Army Press,

2014. P. 294–296. Available at: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf (accessed: 25.11.2016).

200. The Military Balance. Vol.81.London: Arms and Armour Press, 1980. 119 p.

201. The Military Balance. Vol. 82. London/Melbourne: Arms and Armour Press, 1982. 141 p.

202. Transfers of Equipment That Meet the SIPRI Definition of Major Weapons from States Belonging to the North Atlantic Treaty Organization (NATO) to China, 1970–2013. Table 43A. Available at: http://www.sipri.org/research/security/china/uploads/table-43A (accessed 20.11.2015).

203. SIPRI. The 15 counties with the highest military expenditure in 2011 (table). Available at: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/resultoutput/milex_15/the-15-countries-with-the-highest-military-expenditure-in-2011-table/view (accessed: 18.03.2017).

204. SIPRI Yearbook 2004: Armaments, Disarmanent and International Security. Available at: http://www.sipri.org/yearbook/2004/files/SIPRIYB0415A.pdf (accessed: 20.04.2017).

205. U.S. Pacific Command CINCPAC Command History 1962, Volume I. April 30, 1963. URL: http://nautilus.org/wp-content/uploads/2012/01/c_sixtytwo.pdf

206.

207. Ballistic and cruise missile threat. National Air and Space Intelligence Center. 2013.

208. Cliff R., et al. Dangerous thresholds. Managing escalation in the 21st Century. Santa Monica: RAND Corporation, 2008.

209. Colby E. Nuclear weapons in the Third Offset Strategy. Washington: Center for a New American Security, 2015.

Craine K., Cliff R., Medeiros E.S., Mulvenon J.C. A New Direction for China’s

Defense Industry. RAND Air Force Project, 2005.

210. Cordesman E. The PLA rocket force: Evolving beyond the Second Artillery Corps (SAC) and nuclear dimension. CSIS. 13.10.2016.

211. Crane K., et al. Modernizing China's military: Opportunities and constraints. Santa Monica: RAND Corporation, 2005.

212. Does China pose a military threat? Council on Foreign Relations. 2007.

213. Easton I., Stokes M. Half Lives. A Preliminary Assessment of China's Nuclear Warhead Life Extension and Safety Program // Project 2049 Institute. 29.07.2013.

214. Fitzpatrick M. Why China Will Wait on Nuclear Test Ban Ratification // International Institute for Strategic Studies. 28.10.2013.

215. Going beyond the stir: The strategic realities of China's no-first-use policy // The Nuclear Threat Initiative (NTI). 01.01.2005.

216. Gompert D., et al. War with China. Thinking through the unthinkable. Santa Monica: RAND Corporation, 2016.

217. Harold S.W., Nader A. China and Iran: Economic, Political and Military Relations. 2012.

218. Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. Santa Monica: RAND, 2015. 389 p.

219. Hui Zhang. China's Nuclear Weapons Modernization: Intentions, Drivers, and Trends. Harvard University. 2011. Available at: http://belfercenter.hks.harvard.edu/files/ChinaNuclearModernization-hzhang.pdf (accessed: 22.04.2015).

220. Kamphausen R, Lai D., eds. The Chinese People's Liberation Army in 2025, 2015.

221. Kan S. China: Possible missile technology transfers from U.S. satellite export policy – actions and chronology. Congressional Research Service. 2001

222. Kan S. U.S.-China military contacts. Issues for Congress. Congressional Research Service. 27.10.2014.

223. Kan S., Bolkcom C., et al. U.S. conventional forces and nuclear deterrence. A China case study. Congressional Research Service. 2006.

224. Kangas J. et al. U.S. Nuclear Weapons Policy Toward China 1985-1995. 10 February 1981.

225. Karber P. Strategic implications of China's underground Great Wall. Georgetown University. Asian Arms Control Project. 26.09.2011.

226. Krepinevich A. US nuclear forces: Meeting the challenge of a proliferated world. Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.10.2009.

227. Kristensen H., et al. Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning. Federation of American Scientists. 2006.

228. Kristensen H., Norris R. Global nuclear weapons inventories, 1945–2013 // Bulletin of American Scientists. 2013. Vol. 69. No. 5. P. 75–81.

229. Kristensen H. Nukes in Taiwan Crisis. May 13, 2008.

230. Kulacki G. The Chinese military updates China's nuclear strategy. Federation of American Scientists. 2015.

231. Kulacki G. The risk of nuclear war with China: A troubling lack of urgency. Union of Concerned Scientists. 2016.

232. Li Bin, Tong Zhao (eds.). Understanding Chinese Nuclear Thinking. Carnegie Endowment for International Peace. 2016. Massachussets. 273 p.

233. Montgomery E.B. Managing China's missile threat: Future options to preserve forward defense // Center for Strategic and Budgetary Assessments. 01.04.2015.

234. Nuclear conflict in the 21st century: Reviewing the Chinese nuclear threat // NTI. 18.10.2006.

235. Reed T., Wheeler M. The role of nuclear weapons in the new world order. Strategic Advisory Group, U.S. Strategic Air Command, January 13, 1992.

236. Roggeveen S. China's Really Big Military R&D Effort. The Interpreter, 08.10.2013.

237. Shlapak D., Orletsky D., et al. A question of balance: political context and military aspects of the China-Taiwan dispute. Santa Monica: RAND Corporation,

2009.

238. Stokes M.A. China's Nuclear Warhead and Storage System // Project 2049 Institute. 12.03.2010.

239. Sun City Extended Study. Nuclear Strategy. The Nautilus Institute Nuclear Strategy Project. December 31, 2001.

240. Woolf A. Conventional prompt global strike and long-range ballistic missiles: Background and issues // Congressional Research Service. 24.02.2016.

Материалы электронных средств массовой информации

241. Арбатов А. Многостороннее ядерное разоружение // Независимое военное обозрение. 25.05.2012. Доступ: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-05-25/1_nuclear.html (дата обращения: 10.04.2017).

242. Китай испытал новейшую МБР. Военно-промышленный курьер. 5.09.2012. Доступ: http://vpk-news.ru/articles/9243http://vpk-news.ru/articles/9243 (дата обращения: 15.04.2017).

243. Певцов Д. Современное состояние судостроительной промышленности Китая (2011). Зарубежное военное обозрение, 2011, №6, сс.70-77

244. Тимербаев Р.М. О ядерном потенциале и ядерной политике Китая. Перспективы. Электронный журнал. 1.01.2007. Доступ: http://www.perspectivy.info/oykumena/azia/o_jadernom_potenciale_i_jadernoj_politike_kitaja_2007-01-01.htm#19 (дата обращения: 13.04.2015).

245. China omission of no-first-use nuclear doctrine in defense white paper signals policy // The Washington Free Beacon. 26.04.2013. Available at: http://freebeacon.com/national-security/first-strike/ (accessed: 26.11.2016).

246. China's AVIC Investing Big in Engine Research. Xinhua.14.11.2012. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/business/2012-11/14/c_131974798.htm (accessed 16.09.2015).

247. China's First Self-Built Carrier Likely Nuclear-Powered. Focus Taiwan, 30.07.2015. Available at: http://focustaiwan.tw/news/acs/201507300023.aspx (accessed 27.10.2017).

248. China tests anti-satellite missile // The Washington Free Beacon. 09.11.2017. Available at: http://freebeacon.com/national-security/china-tests-anti-satellite-missile/ (accessed: 25.11.2016).

249. Clinton Directive Changes Strategy on Nuclear Arms. Washington Post. 07.12.1997. Available at: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1997/12/07/clinton-directive-changes-strategy-on-nuclear-arms/96b6788f-d7a1-47ec-a654-7ab368d15edf/?utm_term=.c4e047b35991 (accessed: 20.12.2016).

250. Donald Trump: US must 'greatly strengthen' nuclear capability // The Oregonian. 22.12.2016. Available at: http://www.oregonlive.com/today/index.ssf/2016/12/donald_trump_us_must_greatly_s.html (accessed: 24.12.2020).

251. Eckstein M. PACOM: U.S. Should Renegotiate INF Missile Treaty to Better Compete with China // U.S. Naval Intelligence News. April 27, 2017. Available at: https://news.usni.org/2017/04/27/pacom-u-s-should-renegotiate-inf-treaty-that-limits-conventional-mid-range-missiles (accessed: 24.12.2020).

252. Fisher-Jr. R. China Showcases New Weapon Systems at 3 September Parade. 03.09.2015. Available at: http://www.janes.com/article/54029/china-showcases-new-weapon-systems-at-3-september-parade (accessed 27.10.2020).

253. Rumsfield issues a sharp rebuke to China on arms // The New York Times. 04.06.2005. Available at: http://www.nytimes.com/2005/06/04/world/asia/rumsfeld-issues-a-sharp-rebuke-to-china-on-arms.html?_r=0 (accessed: 24.11.2020).

254. Snyder C. US Plan for Defending Taiwan Disclosed. Taipei Times. June 5, 2006. URL: http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2006/06/05/2003311784

255. Space command chief weighs in on Chinese anti-satellite threat // Spacenews. 24.02.2017. Available at: http://spacenews.com/space-command-chief-weighs-in-on-chinese-anti-satellite-threat/ (accessed: 27.11.2020).

256. Stealth Fighter Moves Out of the Shadows. China Daily, 11.11.2014. Available at: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2014-11/11/content_18898306.htm (accessed 15.11.2020).

257. 1955 nian 1 yue 15 ri Zhonggong Zhongyang Shujichu Kuoda Huiyi Zaitan [Возвращаясь к вопросам расширенного заседания секретариата ЦК КПК от 15 января 1955 г.] 11.12.2015. Доступ: http://www.hprc.org.cn/gsyj/gfs/gfzcs/201512/t20151211_363848.html (дата обращения: 12.10.2020).

258. Dongfeng Sihao Zhouji Dandao Fazhanshi: Laodang Yizhuang de Zhanlue Wuqi (4) [История разработки межконтинентальной баллистической ракеты «DF-4»: оружие, не стареющее душой (часть 4)]. China.com. 11.01.2010. Доступ: http://military.china.com/zh_cn/history4/62/20100111/15771069_3.html (дата обращения: 12.10.2020).

259. Жэньминь Жибао. Мифы о ядерном оружии Китая. 29.04.2011. Доступ: http://russian.people.com.cn/95181/7365413.html (дата обращения: 20.04.2020).

260. Ху Цзиньтао: будуань цзенцян цюаньмянь люсин синь шицзи синь цзедуань воцзюнь лиши шимин нэнли [Ху Цзиньтао: непрерывно проводить в жизнь политику усиления исторической миссионерской силы наших вооруженных сил в новую эпоху]. Синьхуа. 12.10.2011. Доступ: http://news.xinhuanet.com/politics/2011-03/12/c_121179796.htm (дата обращения: 27.04.2020).

261. 习近平：加快形成全要素多领域高效益的军民融合深度发展格局 （Си Цзиньпин: об ускорении формирования структуры для глубинного развития всеобъемлющей высокоэффективной системы военно-гражданской интеграции ） . The Paper. 20.06.2017. Доступ: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1713644 (дата обращения: 14.11.2020).

262. 知远。美国三位一体核力量的发展前景 （Перспективы развития ядерной триады США ） . Sohu.com. 31.12.2013. Доступ: http://mil.sohu.com/20131231/n392730877.shtml (дата обращения: 26.10.2020).

263. 胡锦涛：推荐军事理论创新，提高军事科研新水平 . 新 华 网 ， 08.12.2006 [Hu Jintao: Promote Military Theory Innovations, Shift Military R&Ds to a New Level. Xinhua, 08.12.2006. (In Chin.)] Available at: http://news.xinhuanet.com/politics/2006-12/08/content_5456261.htm (accessed 12.06.2020).

264. 我国“两弹一星”历史研究现状与前瞻 （Современное состояние и перспективы исторических исследований отечественной программы “Две бомбы и спутник” ） . Доступ: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-06/15/c_129063456.htm (дата обращения: 04.08.2020)

265. 中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议公报. 12.11.2013. [CPC Central Committee 3rd Plenary Session Report, 12.11.2013. (In Chin.)]. Available at: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/12/c_118113455.htm (accessed 01.11.2020).

266. 新华军网评出 2014 国内十大军事新闻， 新华网， 31.12.2014. [Xinhua Assesses 10 Biggest Military News. Xinhua, 31.12.2014 (In Chin.)]. Available at: http://news.xinhuanet.com/mil/2014-12/31/c_127347477.htm (accessed 01.11.2020).

267. 全球首座高超音速风洞首度公开，观察者， 30.07.2013 [World’s First Hypersonic Wind Tunnel Opens to Public. Guanchazhe, 30.07.2013 (In Chin.)] http://www.guancha.cn/Science/2013_07_30_162005.shtml (accessed 01.11.2020).

268. 中国十大核科技进展发布“神龙二号”直线感应加速器首度公开， 观察者， 23.09.2015 [China’s Ten Major SciTech Development Program for the 1st Time Announces “Shenlong-2” Linear Induction Accelerator. Guanchazhe, 23.09.2015 (In Chin.)] Available at: http://m.guancha.cn/Industry/2015_09_23_335353.shtml (accessed 11.02.2020).

269. Бэйцзин жибао. Сяо Фэн. Цэнмэян лицзе Дэн Сяопин тунчжиди «таогуан янхуэй» сысян / Как понимать сформулированную товарищем Дэн Сяопином идеологию «скрывать свои возможности, выигрывая время». 6.04.2010 г. Доступ: http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjdt/zdgz/201004/t20100406_45802_1.html. (дата обращения: 4.02.2020).

270. Olivier Zajec. Combien de têtes nucléaires en Chine? // Le Monde Diplomatique. 2013. Availabe at: http://www.monde-diplomatique.fr/2013/05/ZAJEC/49051 (accessed: 27.04.2020).